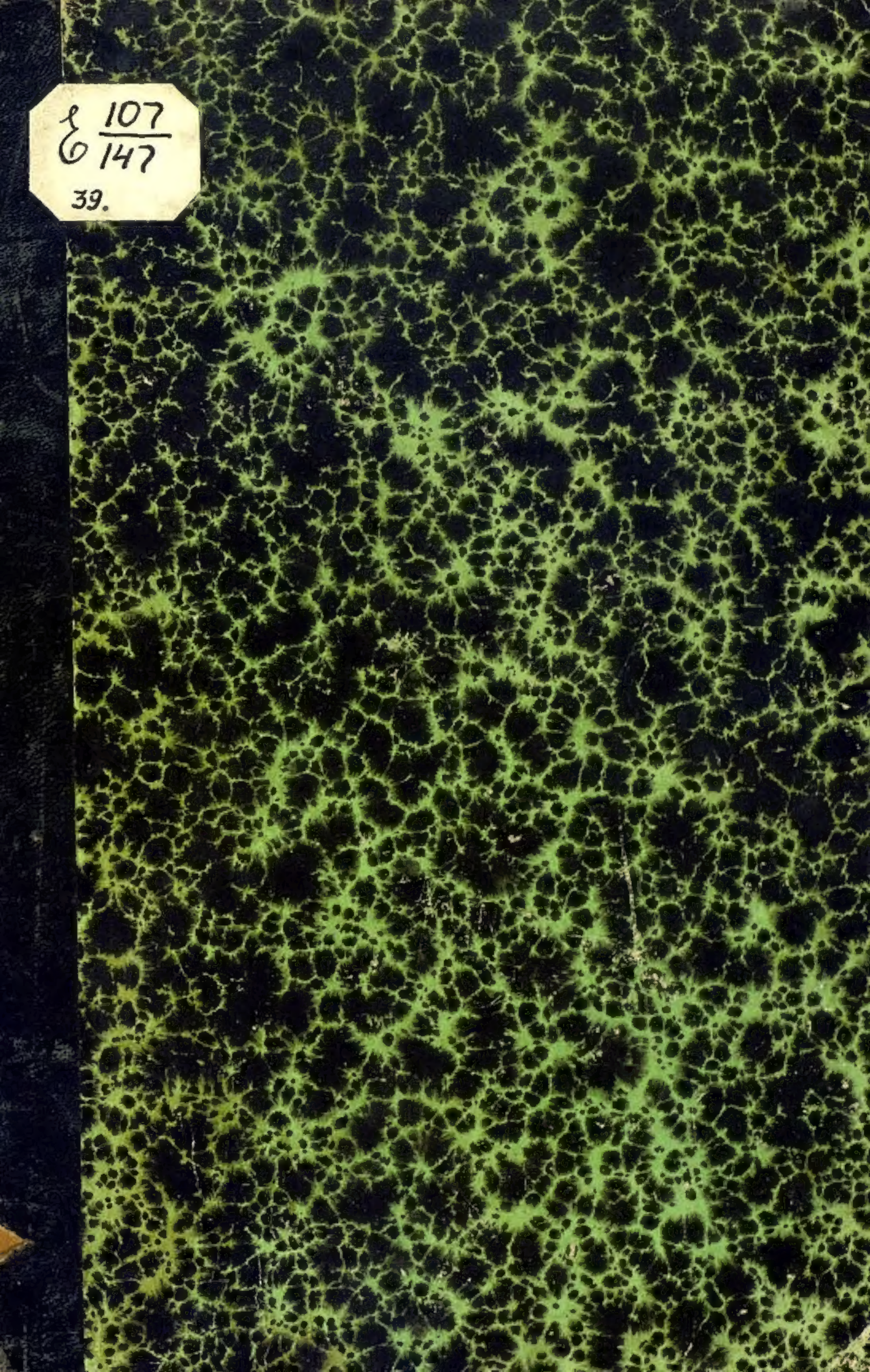

107
147
39.

АРХИВЪ

КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

КНИГА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Письма къ князю М. С. Воронцову А. И. Левшина, А. П. Бутенева, И. В. Сабанѣева.

МОСКВА.

—

1893.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

I. Личныя бумаги императрицы Елисаветы.—Письма кн. Кантемира къ гр. М. Л. Воронцову. — Письма принцессы Іоанны-Елисаветы къ гр. М. Л. Воронцову.—Дѣло о Шетарди (Перлюстрація депешъ).

II. Переписка графа А. П. Бестужева-Рюмина съ гр. М. Л. Воронцовымъ. — Перлюстрація писемъ о заговорѣ маркиза Ботты.—Письма Миниха.—Письма гр. М. Л. Воронцова къ императрицѣ Елисаветѣ.

III. Служебный журналъ гр. М. Л. Воронцова. — Письма Ѳ. Д. Бехтѣева къ гр. М. Л. Воронцову. — Коржавины. — Объ арестѣ Лестока. — Переписка гр. М. Л. Воронцова съ гр. А. Г. Головкинымъ.—Бумаги о покушеніи на жизнь императрицы Елисаветы.

IV. Дневникъ докладовъ Коллегіи Иностран. Дѣлъ съ отзывами импер. Елисаветы. — Письма гр. М. Л. Воронцова и его супруги къ ихъ дочери. — Письма Ломоносова къ гр. М. Л. и Р. Л. Воронцовымъ.

V. Автобіографическая записка графа А. Р. Воронцова. — Письма гр. М. Л. Воронцова къ гр. А. Р. Воронцову. — Письма княгини Дашковой, Радищева и Вольтера къ гр. А. Р. Воронцову.

VI. Доклады Коллегіи Иностр. Дѣлъ.— Переписка гр. М. Л. Воронцова съ Ѳ. Д. Бехтѣевымъ, И. И. Шуваловымъ и пр.— О взятіи Берлина Русскими войсками, *съ планомъ*.

VII. Доклады Конференціи. — Бумаги объ измѣнѣ гр. Тотлебена. — Переписка гр. М. Л. Воронцова съ Екатериною II-ю.—Замѣчанія княг. Дашковой на книгу Рюльера. *Съ портретомъ графа М. Л. Воронцова.*

VIII. Автобіографія графа С. Р. Воронцова и письма къ нему, къ его брату и къ его сыну гр. Ѳ. В. Ростопчина.

IX. Письма гр. С. Р. Воронцова къ брату его и къ разнымъ лицамъ. 1783—1796. *Съ портретомъ графа С. Р. Воронцова.*

X. Письма гр. С. Р. Воронцова къ брату его и къ разнымъ лицамъ, при Павлѣ и Александрѣ I-мъ. *Со снимкомъ.*

XI. Переписка гр. С. Р. Воронцова съ графомъ Н. П. Панинымъ и съ Н. Н. Новосильцовымъ. *Со снимкомъ.*

XII. Письма графа П. В. Завадовскаго къ братьямъ графамъ Воронцовымъ. *Со снимкомъ.*

XIII. Письма князя А. А. Безбородки.

XIV. Письма князя Кочубея, гр. Моркова, князя А. И. Вяземскаго, П. А. Левашова и И. В. Страхова.

XV. Письма А. Я. Протасова и князя Чарторыжскаго.

XVI. Письма графа С. Р. Воронцова къ его отцу и къ другимъ лицамъ.

XVII. Письма графа С. Р. Воронцова къ его сыну.

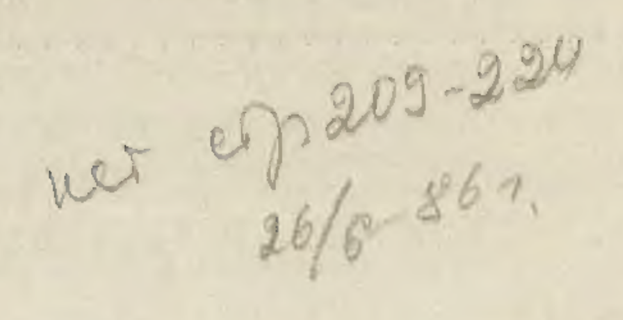
АРХИВЪ

КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

XXXIX.

АРХИВЪ
КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

КНИГА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

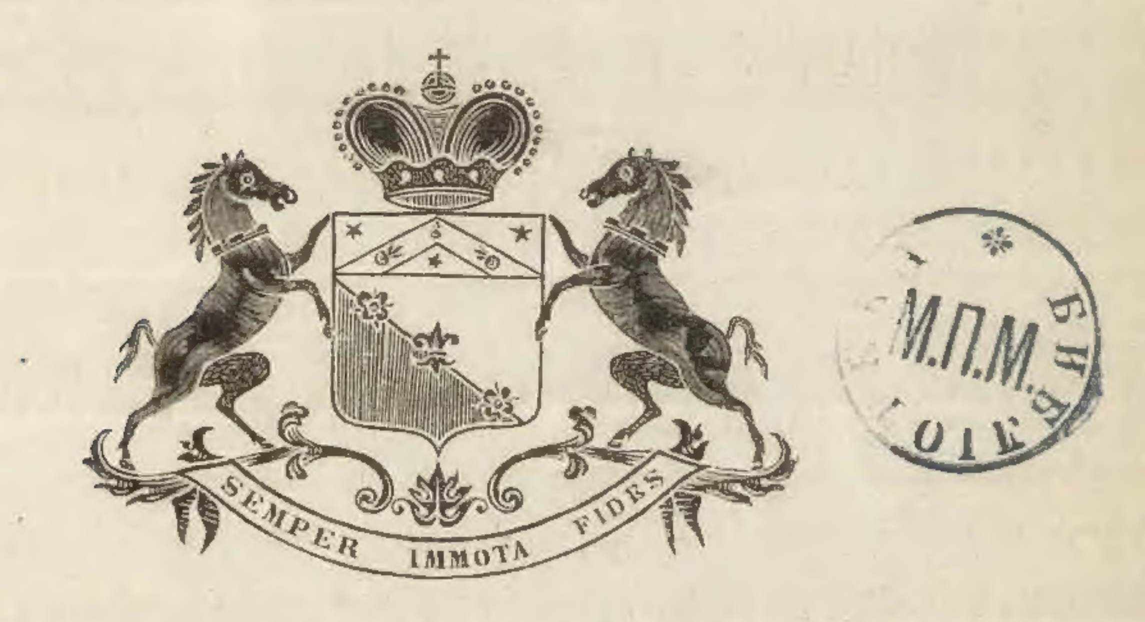
МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1893.

БУМАГИ

ФЕЛЬДМАРШАЛА

КНЯЗЯ МИХАИЛА СЕМЕНОВИЧА

ВОРОНЦОВА.

Письма къ князю М. С. Воронцову А. И. Левшина, А. П. Бутенева, И. В. Сабанѣева.

2007089544

СОДЕРЖАНІЕ
ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОЙ КНИГИ
АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

А. Письма А. И. Левшина къ князю М. С. Воронцову.

Стран.

Б. Письма А. П. Бутенева къ князю М. С. Воронцову.

Стран.

В. Письма И. В. Сабанѣева къ князю М. С. Воронцову.

Стран.

ПИСЬМА

АЛЕКСѢЯ ИРАКЛІЕВИЧА ЛЕВШИНА

КЪ

КНЯЗЮ М. С. ВОРОНЦОВУ.

(1828—1846).

1.

22 (10) Марта 1828. Женева.

Ваше сіятельство

по заглавію письма моего конечно подумаете, что я пріѣхалъ въ Швейцарію наслаждаться прелестями природы: но я поспѣшу доложить вамъ, что ни настоящее время года, ни обязанности мои не позволяютъ мнѣ нынѣ наслаждаться симъ удовольствіемъ. Съ нѣкотораго времени, особенно съ возвращенія моего изъ Лондона въ Парижъ, получилъ я необыкновенную охоту осматривать тюрьмы, больницы и вообще богоугодныя заведенія. Все, что̀ я читалъ и слышалъ въ семъ отношеніи о Женевѣ и Лозанѣ, побудило меня своротить съ пути моего на Югъ и пріѣхать сюда. Откровенно скажу, что я почитаю мысль сію счастливою и весьма радъ, что исполнилъ ее. Здѣшнія исправительныя заведенія заслуживаютъ особеннаго вниманія. Обозрѣніе оныхъ, равно какъ дома Penitentiary въ Лондонѣ и чтеніе уставовъ, для нихъ сочиненныхъ, заставили меня углубиться и прямо смотрѣть на такой предметъ, который долженъ составлять заботу всякаго человѣка, готовящагося быть полезнымъ своему отечеству. Уставъ Лондонскаго заведенія я отправилъ къ вашему сіятельству изъ Лондона. Я тогда же про-

силъ, а теперь еще болѣе прошу сдѣлать милость приказать его перевести на Русскій языкъ. При книгѣ сей нѣтъ плана, но я начертилъ на мѣстѣ всѣ главныя раздѣленія онаго. Если мой чертежъ будетъ недостаточенъ, что̀ весьма вѣроятно, то можно выписать изъ Лондона настоящій планъ чрезъ Я. И. Смирнова. Одно слово вашего сіятельства для сего достаточно. Впрочемъ Лондонское заведеніе слишкомъ велико для подражанія: здѣшнія гораздо легче въ исполненіи. Въ Лозанѣ, чрезъ посредство одного изъ членовъ тамошняго Верховнаго Совѣта и г-на Лагарпа (извѣстнаго воспитателя покойнаго Императора), получилъ я описаніе и планъ Лозанской тюрьмы, а сегодня вечеромъ надѣюсь имѣть всѣ уставы и подробные планы Женевскаго исправительнаго заведенія. Я ихъ заказалъ, и два художника уже работаютъ надъ ними. Всѣ сіи матеріалы буду я имѣть честь представить вамъ по возвращеніи моемъ въ Одессу. У меня въ головѣ бродитъ утѣшительная мысль, что они могутъ быть *отчасти* приведены въ исполненіе у насъ, особенно въ Бессарабіи.

Не подумайте, чтобы я принадлежалъ къ числу тѣхъ, кои всѣмъ чужимъ восхищаются и хотятъ переносить къ себѣ. Нѣтъ. Многія вещи, здѣсь прекрасныя, намъ негодны; но общія и главныя нача́ла, на опытахъ многихъ вѣковъ основанныя, могутъ быть примѣняемы вездѣ. Вотъ почему выше сказалъ я и подчеркнулъ слово *отчасти*. Счастливымъ себя почту, если утѣшительныя мечты, наполняющія въ сію минуту голову мою, принесутъ хотя какую-нибудь пользу; между тѣмъ надѣюсь, что таковыя занятія мои удостоятся вашего одобренія.

Я прожилъ въ Парижѣ до 14-го Марта, потому что не получалъ ни кредитивовъ на деньги, ни рекомендацій къ консуламъ. Послѣднія двѣ недѣли пребыванія моего въ столицѣ Франціи были совершенно невольныя. Сюда пріѣхалъ я три дни назадъ, а завтра отправляюсь въ Ліонъ и Марсель; въ семъ послѣднемъ поживу, дабы собрать всѣ возможныя свѣдѣнія о торговлѣ, карантинахъ и коммерческихъ судахъ. По первымъ двумъ предметамъ надѣюсь получить свѣдѣнія для насъ очень полезныя; что̀ касается до коммерческаго судопроизводства, то, не смотря на всю охоту мою онымъ заняться, боюсь, что труды мои будутъ мало полезны, по связи сей части съ общимъ законодательствомъ государства, которое не легко измѣняется. Впрочемъ это разсужденіе совершенно постороннее. Оно не только не помѣшаетъ, но поощритъ меня болѣе заняться разысканіями по сей части.

Проживъ въ Парижѣ болѣе, нежели думалъ, я при отъѣздѣ нашелъ себя вынужденнымъ воспользоваться кредитнымъ письмомъ вашего сіятельства и взять у Лафита 2000 франковъ на вашъ счетъ; но я тогда же написалъ въ Одессу къ Беру, чтобы онъ изъ имѣющихся у него моихъ денегъ внесъ означенную сумму въ казну вашего сіятельства. О томъ же писалъ я и Сафонову. Письмо ваше о сихъ деньгахъ мнѣ очень было полезно, ибо казенные кредитивы высланы были на Геную и Тріестъ. Вы предупредили милостивымъ вниманіемъ вашимъ затрудненіе, которому я могъ подвергнуться, и я приношу вамъ за то мою чувствительнѣйшую благодарность.

На мнѣ лежитъ другая обязанность благодарить ваше сіятельство за доставленіе мнѣ новаго знака монаршихъ милостей. Награда сія есть новая милость ваша и новое доказательство снисхожденія ко мнѣ: ибо, говоря по чистой совѣсти, я еще не заслужилъ оной и слѣдовательно не ожидалъ оной, будучи внѣ отечества. Постараюсь исполненіемъ даннаго мнѣ вами вновь порученія, равно какъ цѣлію всего моего путешествія, доказать, что сѣмена ваши падаютъ на землю благодарную, хотя не тучную.

Я оставилъ въ Парижѣ для отправленія къ вамъ съ первымъ курьеромъ рисунокъ трубъ для стока нечистоты изъ улицъ и чертежи трубъ для водопроводовъ. Послѣ многихъ исканій и опытовъ ученые возвращаются къ мысли, что самыя лучшія трубы глиняныя.

Здѣсь видѣлъ я вчера прекрасную и препростую машину для поднятія воды изъ Роны въ два резервуара, изъ коихъ она расходится по всему городу. Въ ней нѣтъ ни паровъ, ни котловъ; вся машина приводится въ движеніе тою же водою, которую она поднимаетъ. Здѣсь есть также славная труба пожарная, коей одна кишка сосетъ въ себя воду изъ рѣки или бассейна, а другая бросаетъ ее на огонь. Трубы сіи уже извѣстны во многихъ мѣстахъ Германіи, и я надѣюсь гдѣ нибудь достать рисунокъ. Здѣсь не могъ получить онаго.

Заботясь сколько возможно объ „Одесскомъ Вѣстникѣ", я для него подписался именемъ вашего сія-

тельства у Дебора на полученіе Revue Encyclopédique. Издержки на сіе будутъ на счетъ суммъ журнала. Вмѣстѣ съ г. Васалемъ подписались мы еще на три коммерческихъ и индустріальныхъ журнала; но сіи будутъ доставляться на имя Васаля его корреспондентами.

Ваше сіятельство конечно слышали о способѣ доставать воду посредствомъ такъ называемыхъ puits artésiens. Колодцы сіи начали дѣлать въ провинціи d'Artois; потомъ много ихъ сдѣлано въ Англіи, около Парижа, въ Баденскихъ владѣніяхъ и многихъ другихъ мѣстахъ. Не всякій грунтъ способенъ на сіе: но гдѣ возможно примѣненіе сего способа, тамъ оный дѣлается драгоцѣннымъ. Не берусь объяснять теоріи онаго; но доложу вамъ, что результатъ его заключается въ томъ, что изъ малаго отверстія, прорытаго буравомъ, вода поднимается на поверхность земли изъ глубины до 300 и болѣе футовъ Открывъ себѣ такой путь, она образуетъ неизсякаемый фонтанъ. Въ Парижѣ вышла при мнѣ книга о семъ предметѣ съ чертежами, и я купилъ ее именно для Одессы. Если она нескоро дойдетъ до своего назначенія, то вы найдете другой экземпляръ сего же самаго сочиненія у г. Васаля, который въ будущемъ мѣсяцѣ вѣроятно отправится обратно въ Одессу. Г. Ейнаръ, извѣстный Филэллинъ, сказывалъ мнѣ, что здѣсь подъ Женевою сіи колодцы не удались. Можетъ быть, что и у насъ они не вездѣ удадутся; но если два или три случая вознаградятъ труды, то и это уже очень чувствительно въ нашемъ безводномъ краѣ. Баденскіе жители особенно, говорятъ, искусны по сей части; двое изъ нихъ сюда были выписаны.

Вчера былъ я представленъ въ общество самыхъ гордыхъ, но самыхъ образованныхъ Женевскихъ аристократовъ и по просьбѣ одного изъ нихъ принесъ съ собою бывшіе у меня два листка „Одесскаго Вѣстника“. Вы не можете себѣ представить, съ какимъ удивленіемъ всѣ дамы и мущины бросились на сіи листки, во первыхъ потому. что они не видали Русской печати; во вторыхъ потому, что не ожидали, чтобы на берегахъ Чернаго моря писали тѣмъ же языкомъ, какимъ они говорятъ. Выдержавъ сотни двѣ вопросовъ, я обѣщался имъ присылать въ подарокъ одинъ экземпляръ нашего журнала чрезъ г. Дебора, о чемъ я сообщу Брунову.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга

А. Левшинъ *).

Если вашему сіятельству угодно будетъ удостоить меня какими приказаніями, то не угодно ли адресовать ихъ г. *Василію Пачерли въ Радзивиловъ*? Онъ мой и г. Ризнича коммиссіонеръ.

---

*) Въ дальнѣйшихъ письмахъ, для краткости, окончанія, какъ и начала, опускаются. П. Б.

2.

Письмомъ моимъ изъ Марселя отъ 26-го Апрѣля *) я нѣкоторымъ образомъ приготовилъ ваше сіятельство къ скукѣ читать длинныя донесенія мои. Я бы не безпокоилъ васъ оными, еслибы не былъ увѣренъ, что предметы, относящіеся до блага управляемаго вами края, не могутъ быть вамъ непріятны. Я столько увѣренъ въ этомъ, что самъ нахожу предисловіе мое излишнимъ и, не теряя времени, приступаю къ дѣлу.

Изъ Марселя переѣхалъ я въ Тулонъ, гдѣ прожилъ двое сутокъ для обозрѣнія карантина, адмиралтейства и собранія свѣдѣній относительно торговли сего порта лѣсомъ. Карантинъ тутъ ничтожный; торговля вся заключается въ продовольствіи флота разными вещами, и въ семъ-то отношеніи я обратилъ вниманіе мое на корабельный лѣсъ и пеньку. Торговый домъ, коему я былъ адресованъ, доставилъ мнѣ на сей предметъ свѣдѣнія весьма для насъ нужныя; въ пополненіе оныхъ я получилъ вчера изъ Тулона еще новые матеріалы и ожидаю третьяго прибавленія.

Въ Ницѣ остановился я также не болѣе двухъ дней. Портъ сей въ отношеніи къ Россіи весьма маловаженъ. Что́ нужно было мнѣ о немъ узнать, то

*) Этого письма́ не сохранилось. П. Б.

узналъ я чрезъ посредство нашего консула, который доставилъ мнѣ по моей просьбѣ записку довольно удовлетворительную.

Генуя находится совсѣмъ въ другомъ положеніи. Важность ея торговли вообще и частыя ея сношенія съ Одессою обращаютъ на нее особенное вниманіе; а поелику ни на какомъ языкѣ и ни въ какомъ видѣ нѣтъ описанія настоящаго положенія торговли сего порта, то удовлетвореніе моего любопытства или, лучше сказать, исполненіе моей обязанности потребовало отъ меня здѣсь особенныхъ трудовъ. Уже три недѣли работаю я здѣсь самъ лично въ конторѣ моего банкира, который открылъ мнѣ всѣ имѣющіеся у него матеріалы, и чрезъ посредство тѣхъ торговыхъ домовъ къ коимъ я здѣсь адресованъ. Главная цѣль всѣхъ моихъ трудовъ заключается въ томъ, чтобы найдти возможность увеличить число нашихъ отвозныхъ продуктовъ и открыть новыя отрасли торговли. Не съ тѣмъ занимаюсь симъ, чтобы усилить въ нашу пользу *торговый балансъ*. Нѣтъ. Школьная идея сія слишкомъ обвѣтшала въ глазахъ моихъ, и опыты доказали мнѣ неосновательность оной. Цѣль моихъ желаній и моихъ мечтаній — умножить, распространить торговые обороты, вовлечь въ торговлю бóльшее число людей посредственно или непосредственно, придумать средства, кои бы дали болѣе живости нашей промышленности. Не подумайте, чтобы я брался все это исполнить. Я только говорю о моихъ мечтаніяхъ, о моихъ желаніяхъ, изъ коихъ многіе, можетъ быть, совсѣмъ невозможны. Впрочемъ, каковы бы они ни были, я почитаю долгомъ моимъ заниматься ими и

собирать всѣ свѣдѣнія, къ онымъ относящіяся. Я уже довольно наполнилъ портфель мой, но продолжаю и буду продолжать наполнять оный. Карантинъ здѣшній весьма мало доставилъ мнѣ хлопотъ. Собравъ его уставы, я нашелъ главныя основанія тѣже, что́ въ Марселѣ. Впрочемъ главное карантинное заведеніе здѣшнее въ Специи, куда я отправлюсь дни черезъ четыре или пять. Оттуда проѣду прямо въ Ливорно, гдѣ равномѣрно долженъ буду прожить недѣли три или мѣсяцъ. Скорѣе отдѣлаться невозможно, ибо я не смѣю и не могу возвратиться съ свѣдѣніями поверхностными о семъ портѣ.

Я теперь такъ пристрастился къ разсужденіямъ и изслѣдованіямъ по части торговли, что конечно пустился бы дѣлать опыты, еслибы было изъ чего: но, будучи съ сей стороны обезпеченъ, я весьма охотно тружусь для другихъ.

Дѣла политическія на Востокѣ пришли въ ясность. Не мое дѣло предугадывать будущее; но такъ какъ всякая война кончается миромъ, то я напередъ думаю, какъ необходимо будетъ намъ при вновь представляющемся случаѣ устроить дѣла Черноморской торговли. Ваше сіятельство конечно найдете нужнымъ заранѣе собрать свѣдѣнія отъ купечества о нуждахъ его на Востокѣ и о средствахъ удовлетворить оныя. Обыкновенно дипломатика отвлекаетъ отъ торговли; но сія послѣдняя не менѣе того составляетъ главный источникъ народнаго богатства. Многіе дипломаты почитаютъ даже низкимъ заниматься ею; другіе все рѣшатъ, предполагая, что они все знаютъ; а въ самомъ дѣлѣ нужды торговыя

извѣстны только торговцамъ. Если найду случай, я пришлю вашему сіятельству или привезу послѣдній трактатъ Сардиніи съ Портою и, можетъ быть, онъ послужитъ въ пользу при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Какъ бы полезно было завести у насъ, чтó называется во Франціи и здѣсь въ Сардиніи, Chambre de commerce. Это ни чтó иное, какъ Совѣтъ, составленный изъ негоціантовъ, но весьма полезный для управленія торговлею. Если вы удостоите мысль мою одобреніемъ, я представлю вамъ ее на бумагѣ съ нужными подробностями. Еще одинъ предметъ весьма нужный — открыть непосредственныя сношенія начальству Одесскому съ консулами нашими въ Средиземномъ морѣ. Это будетъ стоить рублей тысячу въ годъ, за то принесетъ много пользы. Я бы долженъ былъ сказать нѣсколько словъ объ отягощеніи нашего флага въ Сардиніи высокими пошлинами; но предметъ сей слишкомъ важенъ, и я отложу его до возвращенія моего, дабы, стараясь быть краткимъ, не написать чего - нибудь двусмысленнаго и неяснаго. Графъ Иванъ Ларіоновичъ*), у котораго я весьма часто здѣсь бываю, сообщилъ мнѣ на дняхъ, что ваше сіятельство и все ваше семейство, по послѣднему письму, здоровы и благополучны, чему я весьма обрадовался. Не скрою отъ васъ также удовольствія, произведеннаго во мнѣ новостію, что Стемпковскій назначенъ въ Керчь. Назначеніемъ симъ вы конечно сдѣлали большое добро. О прочихъ дѣлахъ Новой Россіи я въ совершенной безъизвѣстности, ибо ни отъ кого не получаю давно писемъ.

---

*) Воронцовъ-Дашковъ, отецъ нынѣшняго министра Императорскаго двора. П. Б.

Одесса страдаетъ отъ закрытія Босфора: но и Генуя отъ того же терпитъ: плаваніе въ Черное море есть необходимое условіе благосостоянія ея мореходства, которое неимовѣрно увеличилось.

Маія 30 (18) дня 1828 г.

Англійское правительство посылало нѣкотораго г. *Жакоба* (Jacob) собирать свѣдѣнія о хлѣбной торговлѣ во всѣхъ частяхъ свѣта. Онъ окончилъ свое порученіе и представилъ Парламенту два рапорта весьма любопытные. Послѣдній изъ нихъ сокращенно былъ помѣщенъ въ Англійскихъ газетахъ минувшаго Апрѣля мѣсяца. Намъ бы весьма нужно имѣть сіи рапорты. Не угодно ли вамъ написать къ Я. И. Смирнову, чтобъ онъ ихъ прислалъ вамъ изъ Лондона въ Одессу?

Въ Генуѣ нельзя не процвѣтать торговлѣ: здѣсь не знаютъ ни раздѣленія купечества на классы, ни патентовъ на торговлю, ни билетовъ, ни ремесленныхъ сословій. Всякій занимается чѣмъ хочетъ и ничего за то не платитъ. Такое маленькое государство, какъ Сардинія, имѣетъ записанныхъ 31.000 матросовъ и до 3.000 купеческихъ кораблей. Положеніе, здѣсь существующее относительно мореходства, весьма любопытно; я купилъ оное и привезу съ собою для справокъ и руководства.

3.

Римъ, 22 (10) Іюля 1828 года.

Получено 1 Августа 1828.

Еще до выѣзда моего изъ Парижа предвидѣлъ я непріятность путешествія по Италіи лѣтомъ, но не предвидѣлъ страданій за ними слѣдующихъ: теперь испытываю то и другое. Изъ Ливорно, откуда я имѣлъ честь писать вашему сіятельству *), отправился я въ Римъ, Civitta-Vecchia и Неаполь. Прибывъ сюда, могъ ли я не осмотрѣть величественныхъ остатковъ древности? Я принялся за нихъ съ необыкновенною дѣятельностію, дабы скорѣе отдѣлаться. Въ 14 дней кончилъ я все, что́ желалъ и отправился въ Civitta-Vecchia съ тѣмъ, чтобы, по обозрѣніи тамошняго порта и по собраніи нужныхъ свѣдѣній о торговлѣ, возвратиться въ Римъ и тотчасъ ѣхать въ Неаполь. Мѣсто въ дилижансѣ уже было мною взято и заплочено. Пріѣхавъ изъ Civitta-Vecchia къ вечеру, я уже ни о чемъ не мечталъ, кромѣ выѣзда завтра поутру въ Неаполь. Но я не зналъ, до какой степени жаръ, безсонница и усталость истощили меня. Въ началѣ ночи я почувствовалъ начало болѣзни; къ утру я уже долженъ былъ призвать доктора; а на слѣдующее утро—составить

*) Этого письма тоже не имѣемъ. П. Б.

консультацію. Болѣзнь, меня постигшая, почитается у насъ ничтожною, и благопристойность не позволяетъ назвать ее; но здѣсь она бываетъ смертельна, и потому осмѣлюсь назвать ее: *кровавый пон*.... Четыре или пять дней медики только удерживали ее въ первыхъ границахъ, потомъ начала она понемногу убавляться; однако и донынѣ не прекращается еще совсѣмъ, не смотря на то, что я уже 11 дней почти недвижимъ. Я чрезвычайно ослабѣлъ; но руки сохранили довольно твердости, и я пользуюсь симъ, дабы имѣть честь писать къ вашему сіятельству по маленьку, съ роздыхомъ.

Впрочемъ мнѣ теперь гораздо лучше, и я, можетъ быть, скоро выздоровѣлъ бы, еслибы воздухъ Римскій самъ по себѣ не былъ вреденъ. Днемъ атмосфера раскаляется, ночью не позволяютъ медики путешественникамъ даже здоровымъ открывать оконъ, ибо ночной воздухъ даетъ лихорадки И такъ надо страдать цѣлые 24 часа. И послѣ сего обвиняютъ климатъ Крыма, въ коемъ мы всегда сыпàли подъ открытымъ небомъ на крышахъ Татарскихъ избъ!

Я такъ теперь напуганъ, что ни о чемъ болѣе не мечтаю, какъ бы скорѣе окончить мое путешествіе. Если оно по причинѣ встрѣтившагося со мною обстоятельства замедлится двумя или тремя недѣлями, надѣюсь, что вы изволите это принять во вниманіе. Безъ сего я бы въ концѣ Сентября непремѣнно былъ въ Одессѣ.

Для сокращенія пути я думаю, что вычеркну изъ моего маршрута Анкону, хотя впрочемъ мнѣ и нужно бы осмотрѣть ея карантинъ. Civitta-Vecchia —

портъ весьма неважный, но я почерпнулъ въ ней преполезныя свѣдѣнія для укрѣпленія или защищенія портовъ вообще отъ вѣтровъ. Неаполь не можетъ много задержать. Слѣдовательно главные пункты, на кои я долженъ обратить все вниманіе, суть: Тріестъ и Венеція; а оттуда прямѣйшею дорогою чрезъ Вѣну въ Россію.

Съ отъѣзда вашего сіятельства изъ Петербурга я не былъ ни разу столько счастливъ, чтобы получить какое нибудь отъ васъ извѣстіе. Не смѣю и ожидать оныхъ съ увѣренностію, особенно въ настоящее время, когда вамъ должны предстоять милліоны хлопотъ. Желаю только, чтобъ молчаніе сіе не было слѣдствіемъ гнѣва вашего, котораго впрочемъ я не могъ ничѣмъ заслужить во время путешествія моего. Мнѣ пріятно думать, что я остаюсь въ безъизвѣстности по причинѣ неисправности почтъ.

Прошу засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе графинѣ Елисаветѣ Ксаверіевнѣ и сообщить ея сіятельству, что мы съ княземъ Горчаковымъ *) видѣли дѣлаемый по ея заказу бюстъ гр. Каподистріи. Онъ уже почти готовъ и будетъ очень хорошъ.

---

*) Съ княземъ Александромъ Михаиловичемъ, впослѣдствіи государственнымъ канцлеромъ. Не тотъ ли это прекрасный бюстъ графа Каподистріи, который нынѣ украшаетъ собою читальную залу Государственнаго Архива въ Петербургѣ? П. Б.

4.

10-го Сентября 1831 года, Одесса *).

Имѣвъ честь извѣстить васъ о выѣздѣ моемъ изъ Петербурга коротенькимъ письмомъ изъ Москвы, я не спѣшилъ писать вашему сіятельству о пріѣздѣ моемъ въ Одессу, потому что желалъ предоставить вамъ подробный отчетъ о состояніи, въ которомъ я нашелъ здѣшнее градоначальство.

De mortuis aut bene, aut nihil, говоритъ пословица. Я почитаю, что ей должно слѣдовать въ службѣ, говоря о своихъ предмѣстникахъ. И такъ, не скажу ни слова ни о какомъ лицѣ; но буду говорить о дѣлахъ, буду описывать вамъ положеніе всѣхъ частей здѣшняго управленія, не изыскивая причинъ, отъ коихъ оно произошло. Не могу удержаться, чтобы не сказать вамъ, что вездѣ и во всемъ найденъ мною величайшій безпорядокъ.

Можно бы подумать, что какой нибудь злой духъ трудился надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать мое положеніе тягостнѣе.

---

*) Отсюда начинается рядъ писемъ, важныхъ для исторіи Одессы, градоначальникомъ которой назначенъ А. И. Левшинъ. Они писаны въ Англію, куда князь Воронцовъ ѣздилъ тогда къ престарѣлому отцу своему и къ сестрѣ своей леди Пемброкъ. П. Б.

1) Начнемъ съ самаго важнаго. Вы знаете, что городъ въ минувшемъ году получилъ 1.400,000 доходу. Представьте же себѣ теперь, что я не нашелъ въ Думѣ ни гроша, что мнѣ нечѣмъ платить жалованья, что постройки всѣ остановились; ибо нечѣмъ продолжать ихъ, и подрядчикамъ не выдаютъ слѣдующихъ имъ по контрактамъ денегъ. Крики и жалобы оглушаютъ меня. Между тѣмъ недостроенныя зданія валятся, зима приходитъ и грозитъ имъ новымъ опустошеніемъ. Я уже вошелъ съ представленіемъ о позволеніи городу сдѣлать заемъ въ 150,000 рублей. Графъ Паленъ *) подкрѣпилъ меня: но не знаю, что́ скажутъ въ Петербургѣ, гдѣ извѣстны богатые источники наши и гдѣ не перестаютъ обвинять насъ въ архитектурномъ мотовствѣ.

2) Полиціи никто не слушаетъ, никакія распоряженія относительно чистоты города не исполняются. Между тѣмъ она задавлена письменною частію. Въ скоромъ времени намѣренъ я войдти съ представленіемъ о назначеніи сюда втораго полицмейстера, который бы исключительно занимался письменною частію или, говоря яснѣе, былъ бы предсѣдателемъ Управы Благочинія. Пожарной команды нѣтъ, труба одна, служители пожарные всѣ разобраны чиновниками для прислугъ. Я теперь ихъ обираю у всѣхъ: а дабы враги ваши не могли васъ поставлять въ примѣръ, то я просилъ Лекса, чтобы онъ прежде всѣхъ выслалъ въ полицію солдата, живущаго въ вашемъ домѣ. Надѣюсь, что вы мнѣ за это скажете *спасибо*. Я знаю ваши правила и потому не боюсь васъ симъ прогнѣвать.

---

*) Графъ Ѳедоръ Петровичъ, Одесскій губернаторъ. П. Б.

3) Коммерческій Судъ доведенъ былъ Сиверсомъ до крайней степени униженія. Къ счастію, г. Сиверсъ еще до пріѣзда моего былъ отставленъ по высочайшему повелѣнію, объявленному Бенкендорфомъ. Новаго предсѣдателя еще нѣтъ.

4) Магистратъ гроша не стоитъ; впрочемъ это и не удивительно. Счастливымъ себя почту, если по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ успѣю устроить сіе судилище.

5) Въ Карантинѣ воровство дошло до той степени, на которой было лѣтъ 10 назадъ. Надѣюсь, что съ пріѣздомъ Энгельгарда часть сія скоро устроится.

6) Строительный Комитетъ вамъ давно извѣстенъ. Онъ мнѣ теперь даетъ наиболѣе хлопотъ; но за то я надѣюсь скоро его привести въ должное устройство. Непослушаніе и лѣность архитекторовъ и небреженіе въ производствѣ работъ давно мнѣ были прискорбны. Получивъ въ руки власть, я такъ круто сталъ поворачивать, что и лѣнивые стали прилежны, и Боффо, *который никогда* никакихъ отчетовъ не давалъ, входитъ ко мнѣ съ рапортами о 80-ти копѣйкахъ.

7) Пароходъ въ Константинополь пересталъ ходить, ибо первыя отправленія были сдѣланы въ видѣ опытовъ и по неимѣнію суммъ не могли быть продолжаемы, тѣмъ болѣе, что пароходъ принадлежитъ не городу, а Министерству Финансовъ, которое впрочемъ готово сдѣлать на сей предметъ всевозможное пособіе. Надобно только, чтобы мы были благоразумны и не требовали отъ Канкрина слиш-

комъ много въ нынѣшнее критическое для финансовъ время. Что касается до города, то онъ уже рѣшительно банкрутъ. Но я надѣюсь скоро составить компанію по 1000 акцій и сдѣлать сіе предпріятіе частнымъ, примѣняясь къ тѣмъ условіямъ, кои домъ Штиглица прежде предлагалъ. Безъ привиллегіи обойтись нельзя; но должно ограничить ее 10-ю годами, а не 20-ю, какъ прежде они просили. Канкринъ при отъѣздѣ моемъ весьма любезно обѣщалъ мнѣ покровительствовать и содѣйствовать намъ во всемъ полезномъ.

Торговля идетъ у насъ весьма плохо, и жители скучны. Набережная, благодаря Фанъ-деръ-Флиту, близка къ окончанію. Это единственная вещь порядочно сдѣланная въ Одессѣ. На моллы никто не является для торговъ, и я въ крайнемъ затрудненіи, однако еще не отчаяваюсь.

Не угодно ли вамъ будетъ взять нѣсколько акцій въ компаніи для пароходства между Одессою и Константинополемъ?

Прошу засвидѣтельствовать мое совершенное почтеніе графинѣ Елисаветѣ Ксаверьевнѣ и его сіятельству графу Семену Романовичу. Малюткамъ вашимъ мой усерднѣйшій поклонъ. Щербинину я мысленно жму руку.

Завтра отправляемъ пароходъ Неву въ Константинополь съ подарками отъ двора нашего Турецкому султану. Я пользуюсь симъ случаемъ и посылаю туда Фацарди собирать свѣдѣнія о будущемъ его плаваніи.

5.

Одесса, 18 (30) Октября 1831.

Приношу вамъ мою чувствительнѣйшую благодарность за почтеннѣйшее письмо ваше отъ 6 (18) Сентября. Оно получено было въ ту самую минуту, когда я былъ вполнѣ занятъ предметомъ, о которомъ вы мнѣ пишете, а именно Артезіанскими колодцами. Вы конечно уже знаете, что домъ Флата̀ (въ Парижѣ) заключилъ условіе съ министромъ финансовъ дѣлать сіи колодцы въ Новороссійскомъ краѣ. Вслѣдствіе того еще въ Іюнѣ мѣсяцѣ прибылъ сюда одинъ инженеръ по имени также Флата̀; но онъ долженъ былъ прежде отправиться въ Лугань и заказать тамъ всѣ машины съ тѣмъ, чтобы начать работы въ сѣверной части Новороссійскаго края. Холера испугала его; онъ оставилъ Лугань и поѣхалъ для объясненій въ Петербургъ, гдѣ представилъ графу Канкрину, что удобнѣйшій по его мнѣнію пунктъ для его работъ есть Одесса. Съ недѣлю назадъ возвратился онъ сюда съ горными офицерами, рабочими и проч. и уже приготовляется къ началу копанія. Онъ долженъ здѣсь пробыть по своему контракту еще 4 мѣсяца, а потомъ возвращается во Францію. Время сіе достаточно для открытія колодца, если только природа не воспротивится. Французъ сей вѣтренъ и капризенъ, какъ всѣ

Французы; но онъ, говорятъ, хорошо знаетъ свое дѣло, и я стараюсь угождать ему, въ надеждѣ видѣть посреди города нашего біющій фонтанъ. По симъ причинамъ теперь нѣтъ нужды выписывать изъ Перми нашихъ Русскихъ бородатыхъ инженеровъ: но если Флата не успѣетъ, то мы непремѣнно къ нимъ обратимся.

Г. Кильхенъ, отправляющійся въ Бразилію, еще не былъ здѣсь съ письмами вашими.

Пароходъ нашъ *Нева* въ Константинополѣ съ подарками, къ Султану отправленными.

Пароходъ *Одесса* стоитъ въ портѣ нашемъ безъ всякаго употребленія. Посылать его въ Крымъ весьма было бы полезно для Крыма, но не для города Одессы; ибо онъ стоилъ бы въ годъ 40.000 рублей, а мы теперь въ такой нищетѣ, что занимаемъ деньги на жалованье чиновникамъ. Третій пароходъ, еще не имѣющій имени, также готовъ, но назначенія ему никакого не предвидится. Компанія, желающая взять *Неву*, рѣшительно отказывается отъ *Одессы*, полагая, что она ничего не стоитъ.

Въ началѣ сего мѣсяца произошла у насъ въ управленіи небольшая перемѣна: Василевскій уволенъ по Высочайшему повелѣнію за то, что зналъ о нѣкоторыхъ здѣсь бывшихъ Польскихъ собраніяхъ, самъ бывалъ на оныхъ весною и не доносилъ. Жаль его, какъ человѣка неподражаемой дѣятельности. Впрочемъ надобно сказать правду: вся полиція здѣшняя была сосредоточена въ одно его лицо; всѣ его подчиненные были рѣшительные мошенники, которыхъ помаленьку намѣренъ я всѣхъ выгнать.

Строительный комитетъ — море пространное и грязное—начинаетъ приходить въ нѣкоторый порядокъ. Старыя дѣла отдѣлены, и я представилъ о назначеніи особой коммиссіи для разбора ихъ. Новыя идутъ довольно поспѣшно, и архитекторы пріучаются къ повиновенію, съ которымъ они не были знакомы. Съ пріѣзда моего началъ я четыре вещи по строительной части. Первая и самая главная есть мостовая отъ карантинныхъ воротъ до Ланжероновскаго спуска. Мостовая сія дѣлается на манеръ Миланской, изъ мелкихъ Константинопольскихъ камней съ четырьмя полосами orniéres изъ Ливорнскихъ плитъ. Тутъ двѣ выгоды: лошадямъ не скользко, а колесамъ не тряско; лошади идутъ по мелкимъ камнямъ, а колеса катятся по гладкимъ плитамъ. Половина сей дороги уже готова, и я любуюсь ею, какъ игрушкою. Негоціанты находятъ ее необходимою для блага торговли: они увѣряютъ, что она заставитъ фурщиковъ сбавить по 10 или 15 коп. съ четверти за перевозъ пшеницы изъ магазиновъ городскихъ въ портъ. Второй предметъ, обратившій мое вниманіе, есть Пересыпь, страшилище путешественниковъ, гдѣ въ лучшее время года кареты и телѣги ломались безпрерывно. Уже два мѣсяца работаютъ на ней 60 человѣкъ арестантовъ: ямъ уже нѣтъ, спускъ перемощенъ заграничнымъ камнемъ, а на площади у самой горы сдѣлано или дѣлается шоссе изъ глины и песку на манеръ Николаевскій. Третье построеніе есть мостъ чрезъ Молдаванскую большую балку. Онъ былъ строенъ графомъ Серристори, но сгнилъ. Мы передѣлали его заново: съ обѣихъ сторонъ предъ нимъ сдѣлали шоссе и каналы; самому мосту данъ скатъ à dos d'âne, и я надѣюсь,

что грязи не будетъ. Лютеранскій мостъ сдѣлался никуда негоднымъ, а нужда въ немъ ежедневно увеличивается: а потому вмѣсто его строится теперь новый *деревянный*, но съ большимъ раченіемъ отдѣлываемый. Биржа и Институтъ подвигаются плохо по запутанности отчетовъ, спорамъ подрядчиковъ и неимѣнію денегъ. Набережная, дѣлаемая Потаповымъ, скоро будетъ окончена. На продолженіе молла карантиннаго и практическаго отыскиваемъ охотника, и я надѣюсь, что отдадимъ ихъ скоро на подрядъ. Это былъ бы вѣрный шагъ къ благостоянію порта, которому вѣтры и бури ежедневно болѣе и болѣе угрожаютъ.

Въ военной балкѣ, лежащей близъ вашего дома, оканчивается большой каналъ для стока водъ. Когда сводъ будетъ конченъ, мы засыпемъ его на значительную высоту, чѣмъ укрѣпятся всѣ строенія ваши и сосѣдей вашихъ; а балка сдѣлается гораздо красивѣе, тѣмъ болѣе, что я намѣренъ обсадить ее деревьями. Ровъ останется только подъ мостомъ и близъ него, а внизу все разровняется, и составится красивый для глазъ и плоскій скатъ между двухъ горъ, правильно обрѣзанныхъ. При семъ распоряженіи, я думаю, не будетъ нужды дѣлать вамъ какихъ-либо издержекъ для поддержанія вашей земли, которой часть обрушилась, но безъ вины архитектора.

Плантацію Германа, какъ ненужную, мы продаемъ за исключеніемъ одной четверти, оставляемой для институтскаго сада. Но хуторъ дюка Ришилье я непремѣнно намѣренъ поддержать какъ въ строеніи,

такъ и въ деревьяхъ. Если мнѣ удастся сдѣлать то, что́ я предполагаю, то вы въ семъ хуторѣ найдете прекраснѣйшее гулянье. Для успѣшнѣйшаго надзора я будущимъ лѣтомъ намѣренъ самъ поселиться въ развалинахъ дома, строеннаго основателемъ Одессы. Недостатокъ денегъ и тутъ мнѣ мѣшаетъ; но я дѣлаю разныя экономическія операціи.

Купальню, бывшую подъ бульваромъ, намѣренъ я передѣлать въ красивое зданіе, коего планъ при семъ посылаю. Увѣренъ, что вы его одобрите. Но поелику и на это у меня денегъ нѣтъ, то я отыскалъ подрядчика, который берется произвести всю постройку на свой счетъ съ тѣмъ, чтобы было ему позволено владѣть сею купальнею четыре года или пять лѣтъ. Мы торгуемся теперь, и я иначе не отдамъ, какъ съ тѣмъ, чтобы онъ подчинилъ себя таксѣ мною установленной. Прежде ничего почти не платили содержатели, а брали весьма дорого.

Симъ же *дешевымъ средствомъ* намѣренъ я весною передѣлать павильонъ въ городскомъ саду и построить новый павильонъ для кондитера въ Десметовомъ саду.

Изъ всего вышеописаннаго ваше сіятельство легко увидите, что я распоряжаюсь здѣсь, какъ настоящій хозяинъ. Это и не можетъ быть иначе. Если бы графъ Паленъ хотѣлъ самъ входить въ хозяйственныя распоряженія, тогда бы я сдѣлался здѣсь только старшимъ полицмейстеромъ и, лишившись всѣхъ пріятностей моего мѣста, сохранилъ бы одни хлопоты или черную работу, что́ не можетъ быть совмѣстно съ характеромъ благородно-мыслящаго че-

ловѣка. Ваше сіятельство также поступали по пріѣздѣ вашемъ сюда съ графомъ Гурьевымъ и начали входить потомъ въ дѣла, составляющія обязанность градоначальника потому только, что преемники Гурьева не умѣли васъ понимать и тревожили васъ иногда вопросами о такихъ вещахъ, разрѣшеніе которыхъ могли они предоставлять полицмейстерамъ. Это зависѣло отъ ихъ характера: вы этого не желали, и я очень помню, какъ вы въ 1823 году не разъ повторяли жителямъ здѣшнимъ, что вы не градоначальникъ Одесскій, а Новороссійскій генералъ-губернаторъ. Зная мысли ваши, я ласкаю себя надеждою, что вы, по возвращеніи вашемъ къ намъ, будете со мною также поступать, какъ съ Гурьевымъ, чѣмъ увеличите мое усердіе къ службѣ и всегдашнюю готовность исполнять благія намѣренія ваши на пользу города здѣшняго и всего края.

Посылаю къ вамъ письмо Казначеева. Оно, можетъ быть, удивитъ васъ.

Магарачъ мой разцвѣтаетъ: я уже имѣю 15 тыс. кустовъ на мѣстахъ, и домикъ оканчивается. На будущій годъ какъ-нибудь урвусь взглянуть на него.

Торговля здѣсь идетъ весьма худо: но хлѣбъ дорогъ, потому что его мало родилось. Многіе говорятъ, что теперешнія цѣны такъ велики, что не могутъ вынести издержекъ отправленія въ чужіе края.

Фридрихъ Кортаци на дняхъ ѣдетъ въ Лондонъ; я съ нимъ пришлю вамъ 1 экземпляръ видовъ Крыма, коихъ 7 оставилъ я для васъ въ Петербургѣ у вашего управляющаго.

Хлопотъ у меня премножество, и поелику я еще не увѣренъ въ людяхъ, меня окружающихъ, то долженъ за всѣмъ самъ смотрѣть.

Помните ли вы бывшій Жуковскаго хуторъ? Въ балкѣ сей и по обѣимъ сторонамъ оной я развожу лѣсъ. Землю приготовляетъ Рубо двумя своими плугами; а деревья (до 20.000 на первый разъ) получу я изъ Слободзеи. Такую же плантацію начинаю я и въ Пересыпи, у самой таможни, но въ меньшемъ видѣ.

6.

21 Декабря 1831 года, Одесса.

Одесса долго была лишена извѣстій отъ васъ; наконецъ послѣднее письмо вашего сіятельства къ Лексу вывело насъ изъ недоумѣнія, объяснивъ грустныя причины вашего молчанія.

Мы здѣсь благополучны и съ нѣкотораго времени очень завеселились: по два и иногда по три бала имѣемъ въ недѣлю. Захаржевская, Акацатова и Маюровъ даютъ балы у себя; сверхъ того на прошедшей недѣлѣ начались балы публичные по подпискѣ. Съ Ноября открыли мы здѣсь Англійскій клубъ, на такихъ же правилахъ, какъ въ Петербургѣ, и избрали васъ членомъ нашимъ. Надѣюсь, что вы на сіе изъявите ваше согласіе и сдѣлаете намъ честь, о которой мы васъ просимъ. Дабы какъ можно болѣе дать сему собранію вѣса, мы ограничили число членовъ 60-ю и не выбираемъ иначе, какъ по баллотировкѣ самой строгой, что̀ уже внушило великое почтеніе къ клубу. Нѣкоторые уже были забаллотированы. Въ сіе число попалъ одинъ человѣкъ, который былъ извѣстенъ всѣмъ намъ за хорошаго, но уронилъ себя въ общемъ мнѣніи. Это капитанъ порта Потемкинъ, на котораго купечество жалуется за взятки, и я весьма имъ недоволенъ. Я уже однажды откровенно говорилъ съ нимъ за что̀ на него жалуются.

Карантинъ еще далекъ отъ того положенія, въ которое должно его привести. Кромѣ Энгельгарда я тамъ ни въ комъ не увѣренъ: по поелику вдругъ всѣхъ перемѣнить нельзя, то я выжидаю случая. Прежде всѣхъ спустимъ директора Павловскаго, расторопнаго, дѣятельнаго, но плута. Распредѣленіе построекъ Карантина должно быть также нѣсколько измѣнено, для полной безопасности. Новый чумный кварталъ, по извѣстному вамъ плану моему, уже подвинулся до половины и къ будущей осени долженъ быть окончень. Въ 1833 году непремѣнно должно приступить къ построенію общей наружной стѣны. Дѣло о старомъ чумномъ кварталѣ рѣшено Государственнымъ Совѣтомъ: велѣно его сломать и деньги взыскать съ Потье и Гаюи и если у нихъ нѣтъ, то съ членовъ комитета, кои впрочемъ не виноваты. Говорятъ, Потье берется все заплатить. Дѣло о шоссе и тротуарахъ еще не кончено.

Полковникъ Готманъ, вамъ извѣстный, есть преполезный и преусердный намъ помощникъ. Морозовъ совсѣмъ оправданъ. Арестантская рота приноситъ великую пользу городу и служитъ къ большимъ сбереженіямъ суммъ. Бѣдность въ деньгахъ не позволяетъ намъ въ будущемъ году предпринимать ничего новаго; но я предпринимаю три или четыре постройки безъ денегъ, на счетъ частныхъ людей, кои по прошествіи нѣкотораго времени обязываются уступить городу свои постройки. Я уже писалъ вамъ о купальнѣ; вчера заключилъ я такой же контрактъ съ кондитеромъ Келемъ на построеніе одного павильона въ городскомъ саду, другаго въ Десметовомъ по прекраснымъ планамъ. Такимъ же деше-

вымъ способомъ надѣюсь я приступить скоро къ построенію шопы на Александровскомъ базарѣ, то-есть около фундамента начатой Греческой церкви. Учрежденіе сего базара въ центрѣ города принесло жителямъ большое удовольствіе.

Если доходитъ до васъ Одесская газета, то вы уже знаете объ окончаніи мостовой изъ Тріестскихъ плитъ по дорогѣ отъ Карантина къ таможнѣ. Опытъ сей весьма удаченъ. Шоссе по улицамъ, гдѣ оно было, такъ изъѣздилось, что я теперь готовлю 500 кубич. саженъ дикарю для возобновленія онаго. Г. Флата продолжаетъ приготовленія къ началу Артезіанскаго колодца. Слава Богу, что онъ работаетъ на счетъ казны; его колодезь будетъ стоить до 50,000 р. Если онъ удастся, то сумма сія вознаградится сто разъ; если нѣтъ, мы ничего не потеряемъ. Дай Богъ ему здоровья и удачи. Мы ждемъ сего колодца съ великимъ нетерпѣніемъ. Буреніе начнется чрезъ мѣсяцъ; между тѣмъ все строятъ балаганы, манежи, кузницы и пр.

Другая недѣля у насъ холода, и портъ замерзъ. Торговля плоха: но Молдавское вино поддерживаетъ городъ, доставляя значительный доходъ. Недоимокъ у насъ премножество. Правительство простило все, что могло: оставшееся необходимо взыскать. Мнѣ непріятно приступать къ сему тогда, какъ многіе годы не взыскивали ничего; но нечего дѣлать: я обязанъ повиноваться высшему начальству.

Позвольте безпокоить ваше сіятельство небольшою просьбою. Намъ для больницы нужны хирургическіе инструменты; я посылаю при семъ списокъ онымъ

и прошу кому-нибудь поручить искупить ихъ для города съ тѣмъ однакоже, чтобы коммиссіонеръ зналъ, что это не для васъ, ибо иначе возьмутъ съ насъ слишкомъ дорого: я знаю, что въ Англіи съ знатнаго человѣка за ту же вещь берутъ дороже, нежели съ бѣднаго. Еще было бы лучше, если бы ваше сіятельство заранѣе извѣстить меня приказали, во что обойдется сія покупка: я бы выслалъ отсюда деньги впередъ.

Мнѣ очень хочется завести здѣсь для исправленія нравственности слугъ адресъ-контору по образцу Петербургской, и я уже представилъ о семъ.

Министръ финансовъ добирается до нашего порто-франко и недавно сдѣлалъ намъ нѣкоторые вопросы, кои очень испугали нѣкоторыхъ жителей. Прошлаго года многіе просили уничтоженія порто-франко; нынѣ почти всѣ единогласно просятъ о сохраненіи онаго. Коммерческій Совѣтъ приготовляетъ теперь о семъ сильное и подробное представленіе въ защиту порто-франко.

7.

Къ сохраненію.

22 Февраля 1832, Одесса.

Если вы видѣли въ Лондонѣ Фридриха Кортаци, то вѣроятно слышали отъ него, что министръ финансовъ вторично объявилъ себя противъ порто-франко и началъ переписку объ уничтоженіи онаго. Графъ Паленъ вслѣдствіи того предложилъ нашему отдѣленію Коммерческаго Совѣта пять или шесть вопросовъ о выгодахъ и невыгодахъ порто-франко. Приступая къ разрѣшенію оныхъ, я раздѣлялъ мнѣніе графа Палена, что невыгоды значительнѣе выгодъ. Мнѣніе сіе было основано на многихъ жалобахъ, прежде слышавшихся со всѣхъ сторонъ и никогда никѣмъ безпристрастно не разсмотрѣнныхъ. Одни защищали порто-франко, другіе охуждали оное; но ни тѣ ни другіе не представляли достаточныхъ доказательствъ. Вотъ почему еще въ 1830 году предлагалъ я вашему сіятельству поручить Совѣту Коммерческому войдти въ подробнѣйшее разсмотрѣніе всего, что̀ по сему предмету можно сказать pro и contra. Вамъ не угодно было уважить сего предложенія, потому что большинство голосовъ казалось на сторонѣ противниковъ. И я думалъ также; а потому скорѣе склоненъ былъ пристать къ нимъ, нежели къ защитникамъ. Съ сими же мыслями при-

былъ я сюда обратно изъ Петербурга, но уже нашелъ, что большинство перешло на другую сторону. Это остановило меня въ произнесеніи моего собственнаго мнѣнія; но поелику я почитаю, что первый долгъ администратора никому не вѣрить на слово, не увлекаться воображеніемъ и даже иногда не всегда внимать толпѣ, а все изслѣдовать сколь возможно безпристрастнѣе, то я предложилъ нашему Совѣту заняться разсмотрѣніемъ предложенныхъ намъ вопросовъ безъ всякаго предубѣжденія въ какую либо сторону. Только такимъ образомъ открылъ я и убѣдился, что порто-франко не только намъ полезно, но и необходимо для благосостоянія города. Однажды убѣжденный явными доказательствами, я принялся вмѣстѣ съ Совѣтомъ за работу con amore, и мы приготовили не заданные вопросы отвѣты, при семъ прилагаемые. Обязанностію почитаю послать вашему сіятельству копію съ оныхъ. Надѣюсь, что вы насъ похвалите и присоединитесь къ намъ. Графъ Паленъ не согласился съ нами; но по благородству характера своего нисколько не сердится на меня за то, что мы дѣйствовали не въ одномъ смыслѣ съ нимъ. Въ бумагѣ, при которой посылаетъ онъ въ Петербургъ нашъ отзывъ, проситъ онъ только, чтобы, если рѣшатъ уничтожить порто-франко, то не спѣшили бы приведеніемъ сей мѣры въ исполненіе. Мы, съ своей сторны, сдѣлали все, что̀ могли. Не угодно ли вамъ будетъ теперь поддержать насъ сношеніями вашими съ Петербургомъ? Впрочемъ вся будущность наша весьма темна, тѣмъ болѣе, что съ нѣкотораго времени опять носится слухъ, будто бы вы къ намъ болѣе не возвратитесь. Адъютанты графа Витта, пріѣзжая сюда

изъ Варшавы, уже грозятъ намъ своимъ владычествомъ. Да идетъ чаша сія мимо насъ!

Не войду въ прочія подробности дѣлъ, къ Одессѣ относящихся, ибо боюсь обезпокоить васъ оными: скажу только, что хаосъ, доставшійся мнѣ въ наслѣдство отъ моихъ предмѣстниковъ, весьма упорно очищается отъ тьмы. Ввести здѣсь порядокъ гораздо труднѣе, нежели вообще думаютъ. Дай Богъ достигнуть сего съ временемъ и терпѣніемъ. Я уже перемѣнилъ двухъ полицмейстеровъ по неволѣ: ищу третьяго и не знаю, скоро ли найду такого, какого желаю. На пробу выписываемъ мы изъ Ѳеодосіи Центиловича, вашему сіятельству извѣстнаго; но каковъ онъ будетъ, Богъ знаетъ. Я ежедневно болѣе и болѣе становлюсь недовѣрчивъ къ рекомендаціямъ.

Я получилъ на дняхъ отъ васъ брошюрку о торговлѣ Франціи съ Англіею. Она весьма интересна, и я усердно благодарю васъ за нее, полагая по подписи, что она отъ васъ.

Отвѣты Одесскаго отдѣленія Коммерческаго Совѣта на вопросы, предложенные г. исправляющимъ должность Новороссійскаго генералъ-губернатора, о выгодахъ и невыгодахъ Порто-франко.

Вопросъ первый.—*Какое вліяніе имѣетъ нынѣшнее Одесское Порто-франко на внѣшнюю торговлю, въ отношеніи привоза изъ за границы товаровъ?*

Одесское Порто-франко имѣетъ самое благотворное дѣйствіе на внѣшнюю торговлю, содѣлывая Одессу складочнымъ мѣстомъ всѣхъ иностранныхъ произведеній.

Изъ сего проистекаютъ слѣдующія выгоды:

1. Слабые и недостаточные еще капиталы здѣшняго города, употребляемые на внѣшнюю торговлю, увеличиваются сохраненіемъ $^{4}/_{5}$ пошлины, которыя, хотя бы потомъ товаръ и былъ вывезенъ изъ Одессы внутрь Имперіи, уплачиваются иногородними, а не здѣшними капиталами.

Сіи послѣдніе, напротивъ того, всѣ вполнѣ остаются въ Одессѣ и служатъ къ новымъ оборотамъ для увеличенія какъ привоза иностранныхъ товаровъ, такъ отпуска Россійскихъ произведеній за границу.

2. Значительный ввозъ въ Одессу иностранныхъ товаровъ основанъ не на однихъ разсчетахъ мѣстнаго потребленія, но и на возможности дѣлать здѣсь запасы, которые до продажи служатъ обезпеченіемъ разныхъ оборотовъ, приносящихъ пользу внутренней торговлѣ.

3. Съ другой стороны, привозъ сюда иностранныхъ товаровъ доставляетъ возможность заблаговременно составлять за границею

запасы Россійскихъ произведеній (въ особенности пшеницы), не ожидая большихъ требованій и промѣнивать оныя на иностранные товары исподоволь, по мѣрѣ встрѣчающихся выгодъ.

4. Обоюдными оборотами сими распространяются торговыя сношенія Одессы и увеличивается кредитъ ея за границею.

5. Порто-франко умножаетъ число приходящихъ сюда съ грузомъ и баластомъ кораблей и избавляетъ торговлю отъ необходимости нанимать суда за границею, что̀ влекло бы за собою большую потерю времени и лишнія издержки.

Преимущество, доставляемое Одессѣ симъ обстоятельствомъ, весьма важно. Надежда на полученіе здѣсь обратнаго груза Россійскихъ произведеній и возможность сбывать здѣсь привозные товары побуждаютъ шкиперовъ идти сюда съ иностранными грузами за низкую цѣну. Въ тоже самое время, тотъ же самый выигрышъ на фрахтѣ дастъ возможность здѣшнему купечеству скорѣе и выгоднѣе снабжать корабли обратными грузами Россійскихъ произведеній. Такимъ образомъ, товары, ввезенные за малую плату, а иногда и совсѣмъ безъ платы, рождаютъ вывозъ товаровъ. А поелику иностранные негоціанты не стали бы предпринимать такихъ оборотовъ, если бы не надѣялись воспользоваться выгодами Порто-франко, то очевидно, что безъ даруемыхъ имъ привилегій, вывозъ Россійскихъ произведеній былъ бы здѣсь гораздо менѣе. Въ семъ положеніи находится большое число Англійскихъ кораблей, которые чаще всего приходятъ въ Одессу на вышеозначенныхъ условіяхъ. Тоже будетъ и съ Американскими судами, если уничтоженіе Порто-франко не пресѣчетъ едва рождающейся торговли Одессы съ Америкою.

6. Порто-франко привлекаетъ сюда иностранные капиталы, отъ чего здѣсь умножились банковыя и коммиссіонерскія конторы; а послѣдствіемъ соединенія городскихъ капиталовъ съ иностранными было то, что мы въ короткое время получили здѣсь постоянную возможность покупать во всякое время всѣ привозимыя сюда изъ внутренней Россіи произведенія хлѣбопашества и разныхъ отраслей промышленности, чѣмъ весьма много поощряется земледѣліе Херсонской и сосѣдственныхъ съ нею губерній.

7. Порто-франко рождаетъ транзитный торгъ чрезъ Одессу, съ одной стороны, въ Грузію, а съ другой, въ Польшу и Австрійскія владѣнія. Если обстоятельства политическія не воспрепятствуютъ распространенію торговли и если откроется регулярное паровое судоходство между Одессою и Константинополемъ, то транзитъ сей долженъ получить развитіе несравненно больше противъ нынѣшняго: на Сѣверъ можетъ онъ распространиться до внутренности Германіи, а на Востокѣ пустить вѣтви свои изъ Грузіи въ Персію и обратно. Въ таковыхъ сношеніяхъ Одесса можетъ принять сильное участіе, но неиначе какъ при существованіи въ ней Порто-франко.

Вопросъ второй. *Какое вліяніе имѣетъ Порто-франко на вывозъ товаровъ за границу?*

Порто-франко, увеличивъ ввозъ товаровъ иностранныхъ, много содѣйствовало къ оживленію вывоза Россійскихъ произведеній и тѣмъ возвысило здѣсь цѣну сихъ послѣднихъ, такъ что оные всегда продаются въ Одессѣ гораздо дороже, нежели во всякомъ другомъ портѣ Чернаго и Азовскаго морей. Объяснить это не трудно: иностранный купецъ, имѣющій здѣсь въ городѣ свои товары, гораздо скорѣе рѣшается выписывать отсюда Россійскія произведенія; съ другой стороны, тѣже иностранные товары, отданные на сохраненіе Одесскому купцу, внушаютъ сему послѣднему болѣе довѣрія къ заграничному корреспонденту, служатъ обезпеченіемъ сдѣлокъ съ нимъ и побуждаютъ скорѣе высылать ему въ долгъ Россійскіе товары. Таковые заказы и обоюдныя сдѣлки суть слѣдствія Порто-франко.

Скажемъ болѣе: Одесскій Порто-франко и свободный ввозъ въ оное иностранныхъ товаровъ способствуетъ къ оживленію отвозной торговли всѣхъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей. Иностранные купцы, имѣющіе въ Одессѣ склады товаровъ, часто высылаютъ деньгами стоимость оныхъ въ Таганрогъ, Маріуполь, Ѳеодосію и Бессарабію, для составленія грузовъ съ Россійскими произведеніями. Деньги на таковые обороты даются здѣсь хозяевамъ товаровъ не почему иному, какъ потому, что товары ихъ, оставаясь здѣсь до продажи, служатъ обезпеченіемъ займа.

Въ подкрѣпленіе разсужденій нашихъ, мы можемъ привести примѣръ, ясно доказывающій, сколь много можетъ поддерживать отвозную торговлю Россійскихъ произведеній свободный привозъ въ Одессу иностранныхъ товаровъ. Быстрый упадокъ цѣнъ на пшеницу въ 1819-мъ году во всей южной Европѣ ввергнулъ Одесскую торговлю въ великую опасность, которая была отвращена только тѣмъ, что упавшая въ цѣнѣ пшеница была промѣнена въ портахъ Средиземнаго моря на иностранныя произведенія; но промѣнъ сей не могъ бы имѣть мѣста безъ существованія здѣсь Порто-франко. Никто бы не рѣшился взять за свою пшеницу такіе товары, которыхъ не имѣлъ бы возможности ввести сюда безпошлинно.

Неумѣстно излагать здѣсь теоретическія доказательства того, что отвозная торговля соразмѣряется всегда съ привозною и обратно, и что, слѣдовательно, умноженіе привоза, при существованіи Порто-франко, увеличиваетъ вывозъ; но не излишне будетъ въ подкрѣпленіе сей истины выставить здѣсь цыфры, извлеченныя изъ таможенныхъ вѣдомостей. Балансъ торговый всегда склоняется здѣсь на сторону отпуска, и Порто-франко, увеличивъ какъ привозную, такъ и отвозную торговлю, отнюдь не разрушило пропорціи прежде существовавшей между ими. Намъ могутъ возразить, что 1817 и 1818 годы составляютъ исключеніе изъ сего правила; но мы будемъ отвѣчать, что годы сіи составляютъ несчастную эпоху неурожая, постигшаго почти всю южную Европу, и что на чрезвычайныхъ требованіяхъ пшеницы, произведенныхъ симъ обстоятельствомъ, нельзя основывать обыкновенныхъ коммерческихъ расчетовъ.

Прочіе годы представляютъ слѣдующіе результаты:

Годы.	Привозъ.	Отвозъ.
въ 1812 году.	2.165.228 руб.	5.855.045 руб.
„ 1814 „	3.541.112 „	7.220.356 „
„ 1819 „	5.152.379 „	15.225.883 „
„ 1822 „	6.822.298 „	13.108.388 „
„ 1824 „	6.946.714 „	13.039.573 „
„ 1825 „	5.801.012 „	20.029.370 „
„ 1826 „	6.879.504 „	14.711.834 „
„ 1827 „	10.185.367 „	18.479.652 „
„ 1830 „	10.505.219 „	30.214.802 „

Здѣсь не включаемъ ни привозъ, ни отвозъ монеты: ибо если суммы оной сложить съ цѣнностію товаровъ, то окажется, что самый величайшій привозъ былъ въ тѣ годы, когда почти ничего не привезено кромѣ денегъ, а вывезено на десятки милліоновъ пшеницы, купленной за сіи деньги. Таковы 1816 и 1817, 1818 годы и часть 1819. Мы сравниваемъ только привозы и вывозы товаровъ.

Остановимся на 1827 и 1830 годахъ. Оные отнюдь не могутъ почитаться замѣчательными по крайнему неурожаю хлѣба въ Европѣ; однакожъ въ каждомъ изъ оныхъ отпущено отсюда за границу гораздо болѣе пшеницы, нежели въ 1816 и 1817 годахъ, извѣстныхъ и достопамятныхъ по всеобщему почти голоду въ Западной Европѣ. Подкрѣпимъ это ссылкою на таможенныя вѣдомости, въ коихъ находимъ, что

въ 1816 г.	вывезено	изъ	Одессы	1.068.788	четвертей	пшеницы.
„ 1817 „	„	„	„	1.161.190	„	„
„ 1827 „	„	„	„	1.200.826	„	„
„ 1830 „	„	„	„	1.200.444	„	„

Замѣтимъ, сверхъ того, что въ 1817 и 1818 годахъ въ нѣкоторыхъ государствахъ Европейскихъ, и особенно во Франціи, выдавалась премія за привозъ хлѣба, между тѣмъ какъ въ 1827 и 1830 г. ввозъ хлѣба во многихъ частяхъ Европы былъ запрещенъ. Франція дала первый тому примѣръ, Испанія и Неаполитанское королевство послѣдовали оному. Сардинія, не имѣвъ возможности вполнѣ подражать имъ, затруднила ввозъ хлѣба большимъ возвышеніемъ пошлины на оный, при полученіи подъ иностраннымъ флагомъ.

Сравнительные выводы сіи весьма важны. Мы видимъ изъ нихъ, что отпускъ пшеницы нашей возвысился безъ всякихъ насильственныхъ причинъ, и благопріятное обстоятельство сіе не можетъ быть приписано ничему иному, какъ вліянію Порто-франко, распространившаго сношенія наши съ портами Средиземнаго моря. Говоря вообще, нельзя отвергать правила, что никакой народъ не покупаетъ хлѣба болѣе, нежели ему нужно на продовольствіе; но съ другой стороны, нельзя не согласиться въ томъ, что не одна

Россія производитъ пшеницу, и что товаръ сей можно получать изъ другихъ земель, если вывозъ онаго отъ насъ сдѣлается затруднительнымъ.

Указываемое здѣсь вліяніе Одесскаго Порто-франко на хлѣбную торговлю будетъ еще сильнѣе, ежели Франція приметъ предложенный ей законъ касательно ввоза пшеницы. Того же должно ожидать и при измѣненіи нынѣшняго законодательства Англіи по части хлѣбнаго торга, измѣненіи, которое необходимо должно случиться рано или поздно.

Къ отвѣтамъ нашимъ на первые два вопроса должны мы присовокупить, что донынѣ нельзя было въ полной мѣрѣ оцѣнить всѣхъ выгодъ Порто-франко, ни воспользоваться оными вполнѣ, по причинѣ непрерывной почти нити препятствій, стѣснявшихъ свободу торговли, препятствій такихъ, коихъ отвратить не могло ни купечество, ни само правительство.

Въ Августѣ 1819 года открыто здѣшнее Порто-франко, съ допущеніемъ въ оное всѣхъ вообще товаровъ безъ всякой пошлины; а въ 1821 году возгорѣлась война Грековъ противъ Порты. Вредное вліяніе сего происшествія и возникшія отъ того притѣсненія Турецкаго правительства судамъ, шедшимъ въ Черное море или выходившимъ изъ онаго, продолжались нѣсколько лѣтъ. Между тѣмъ, въ 1822 году произошло преобразованіе Одесскаго Порто-франко, съ наложеніемъ на привозные товары $^1/_5$ части пошлинъ. Измѣненіе сіе также на время остановило торговые обороты, пока основательно не узнали правилъ, на коихъ оно сдѣлано. Въ 1825 году край Новороссійскій страдалъ отъ недостатка урожая, и жестокая зима истребила въ немъ множество скота. Въ 1827 г. торговля была потрясена Наваринскою битвою и ожиданіемъ послѣдствій отъ оной. Въ 1828 и 1829 г. порты Черноморскіе были закрыты по причинѣ войны съ Турками. Война сія едва начала приближаться къ концу, какъ въ Одессѣ появилась чума, продолжавшаяся до начала 1830 года. Въ Ноябрѣ того же 1830 года посѣтила насъ холера, возвратившаяся потомъ въ 1831 году. Страхъ, ею наведенный, еще не прошелъ, когда вспыхнуло пламя мятежа въ Польшѣ и присоединенныхъ отъ оной губерніяхъ Подольской, Волынской и Кіевской, которыя составляютъ житницы

Одесской торговли, ибо пшеница ихъ не имѣетъ другаго истока за границу кромѣ нашего порта.

Слѣдовательно Одесса безпрепятственно пользовалась выгодами своего Порто-франко только въ концѣ 1819 и 1820 годахъ. На сіи годы торговаго спокойствія считаемъ одиннадцать лѣтъ неблагопріятныхъ и, не смотря на всѣ бѣдствія, на всѣ потери, отъ нихъ послѣдовавшія, благосостояніе города нашего ежедневно возрастаетъ, народонаселеніе быстро умножается, торговые обороты увеличиваются, въ отвозной торговлѣ ежедневно появляются новыя отечественныя произведенія, которыхъ прежде отсюда не вывозили и донынѣ не вывозятъ изъ другихъ Черноморскихъ портовъ.

Намъ могутъ возразить, что тѣже выгоды извлекли бы мы изъ складки товаровъ (entrepôt) въ магазинахъ таможенныхъ, безъ заплаты пошлины. Мы будемъ отвѣчать, что складъ не замѣняетъ Порто-франко. Сложенные подъ присмотромъ товары составляютъ мертвый капиталъ, безполезный для частныхъ торговыхъ оборотовъ. Товары въ магазинахъ таможни служатъ лишь обезпеченіемъ пошлины, между тѣмъ какъ хозяинъ ихъ лишается возможности обезпечивать ими новыя торговыя предпріятія, какъ онъ сіе дѣлаетъ въ Порто-франко, имѣя товаръ въ своихъ рукахъ.

Итакъ, чѣмъ долѣе будетъ находиться товаръ въ складочномъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе потерпитъ торговля. Продажа таковаго товара стѣсняется многими затрудненіями: магазины всегда заперты и запечатаны, хозяинъ не можетъ ни принесть товара къ покупателю, ни показать ему онаго на мѣстѣ во всякое время и, сверхъ того, онъ не можетъ имѣть надъ нимъ безпрерывнаго надзора, необходимаго для сохраненія многихъ вещей, подверженныхъ порчѣ. Неудобства сіи, которыя мы здѣсь лишь слабо очертили, доказываютъ, что складочное мѣсто не удовлетворяетъ потребностей нашей торговли.

Вопросъ третій. *Въ чемъ состоитъ вліяніе Порто-франко на внутреннюю промышленность Одессы?*

Учрежденію Порто-франко обязана Одесса распространеніемъ своимъ, большею частію зданій, ее украшающихъ, и другими выгодами. Безъ Порто-франко благосостояніе ея было бы совсѣмъ

не то, въ которомъ она находится. Значительная часть торговыхъ барышей употребляется здѣсь на построеніе разнаго рода зданій. Нѣтъ сомнѣнія, что и безъ Порто-франко жители здѣшніе строили бы домы и магазины; но пусть сравнятъ ежегодное количество построекъ во время предшествовавшее учрежденію Порто-франко съ послѣдовавшими годами. Пусть особенно примутъ въ соображеніе величину и внутреннюю отдѣлку прежнихъ и нынѣшнихъ домовъ. Сіи послѣдніе несравненно обширнѣе и отдѣланы съ несравненно большею роскошью; слѣдовательно стоили болѣе денегъ, кои разошлись между ремесленниками всякаго рода и показываютъ избытокъ, котораго прежде не было. Строеній здѣсь весьма много, новыя зданія всякаго рода безпрерывно воздвигаются; но квартиры дороги, и значительные доходы, приносимые какъ домами, такъ и магазинами, не уменьшаются. Это происходитъ отъ безпрерывнаго движенія народонаселенія и дѣятельности, рождаемой въ городѣ Порто-франкомъ.

Той же причинѣ должны быть приписаны весьма значительныя выручки рабочихъ людей, употребляемыхъ къ сохраненію и перевозу товаровъ, барыши мелочной торговли и доходы всѣхъ классовъ народа посредственно или непосредственно употребляемыхъ торговлею. Безъ Порто-франко они бы не имѣли средствъ къ безбѣдному существованію и не могли бы сносить чрезвычайную дороговизну двухъ самыхъ необходимыхъ для жизни вещей: *топлива и воды*. Нынѣ же получаютъ они такъ много, что если сравнить ежедневную выручку поденьщика въ Одессѣ съ цѣною вещей необходимыхъ для его существованія, даже съ нѣкоторымъ избыткомъ, то оказывается, что плата за трудъ здѣсь дороже, нежели въ Англіи или какомъ-либо иномъ Европейскомъ государствѣ.

Вотъ почему Одесса безпрестанно увеличивается, улицы украшаются новыми зданіями, въ окрестностяхъ города возникаютъ новыя слободы, и народонаселеніе здѣшнее увеличивается въ пропорціи, далеко превышающей всѣ исчисленія натуральнаго умноженія. Въ 1820 году городъ нашъ, съ пригородными селеніями, имѣлъ постоянныхъ жителей не болѣе 35.000; нынѣ количество сіе возросло до 55.000, не считая временно-пребывающихъ здѣсь Русскихъ и иностранцевъ.

Вопросъ четвертый. *Каково вліяніе Порто-франко вообще на промышленность южной Россіи?*

Существованіе Одесскаго Порто-франко имѣетъ весьма благотворное вліяніе на промышленность не только Новороссійскаго края, но и нѣкоторыхъ отдаленныхъ губерній.

Мы уже сказали, что оно увеличиваетъ вывозъ многихъ Россійскихъ товаровъ, какъ отсюда, такъ и изъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей, куда высылаются для сего изъ Одессы деньги, обезпеченныя привезеннымъ сюда иностраннымъ товаромъ. Такое умноженіе вывоза поощряетъ и увеличиваетъ производимость, а слѣдовательно рождаетъ между производителями новые источники народнаго богатства. Доказательствомъ тому служатъ появленіе въ Одессѣ съ 1819 или 1820 годовъ между отвозными товарами такихъ статей, кои прежде отсюда мало или вовсе не вывозились и на кои теперь требованія или постоянно продолжаются, или даже умножаются ежегодно. Приведемъ въ примѣръ сало. По таможеннымъ вѣдомостямъ, до открытія Порто-франко, оно почти не замѣтно;, потомъ вывозъ онаго сталъ ежегодно и быстро умножаться, равно какъ отпускъ кожъ и воска:

Годы.	Сало.	Кожи и издѣлія кожаныя.	Воскъ.
1814	84.554	—	1.000
1815	79.175	—	45.705
1816	103.397	—	63.727
1817	90.318	25.364	78.802
1818	185.110	24.185	33,838
1819	368.782	74.274	74.060
1820	1.137.461	58.124	151.343
1821	1.591.340	275.836	97.462
1822	991.723	579.293	43.956
1823	2.184.762	797.775	149.465
1824	1.764.566	560.245	321.182
1825	2.687.334	601.247	478.857
1866	2.654.822	427.931	441.661

Мы могли бы тоже сказать о шерсти, о размноженіи мериносовъ въ окрестностяхъ Одессы и о нѣкоторыхъ другихъ возрастающихъ статьяхъ торговли и народной промышленности.

Нельзя не согласиться и въ томъ, что умноженіе слабыхъ капиталовъ здѣшнихъ, давъ купечеству Одесскому болѣе возможности скупать всѣ привозимыя сюда Россійскія произведенія, доставило болѣе положительности доходамъ помѣщиковъ окрестныхъ областей, и это тѣмъ замѣтнѣе, что въ то самое время, когда цѣны недвижимымъ имѣніямъ внутри Россіи упадали почти ежегодно, доходы помѣщиковъ, привозящихъ свой хлѣбъ въ Одессу, весьма мало, или совсѣмъ не уменьшились.

Мы сказали, что не только ближнія, но и нѣкоторыя отдаленныя области Россіи чувствуютъ пользу существованія Порто-франко въ Одессѣ, и это доказываемъ множествомъ рабочихъ всякаго рода, ежегодно приходящихъ сюда для снисканія себѣ пропитанія, заработывающихъ здѣсь болѣе, нежели гдѣ-нибудь въ Россіи заработать можно, и возвращающихся съ нажитыми деньгами въ отдаленные дома свои, гдѣ пользуются плодами здѣшнихъ трудовъ. Съ открытіемъ Порто-франко увеличились здѣсь постройки и обороты всякаго рода, а потому и число людей сихъ умножилось.

Вопросъ пятый. *Существуетъ ли равновѣсіе между выгодами и невыгодами Порто-франко въ отношеніи города Одессы и южной Россіи?*

Неудобства Порто-франко или, лучше сказать, возраженія дѣлаемыя противъ онаго, заключаются въ слѣдующихъ главнѣйшихъ статьяхъ:

a) *Затрудненіе ввоза иностранныхъ товаровъ въ Имперію двумя таможенными линіями.*

b) *Препятствія, противуполагаемыя свободнымъ ввозомъ сюда иностранныхъ товаровъ, развитію мануфактурной промышленности въ Одессѣ и ея окрестностяхъ.*

c) *Невозможность привозить въ Одессу изнутри Имперіи Россійскія издѣлія для употребленія, потому что они вытѣсняются иностранными, и потому что затруднительно вывозить ихъ отсюда обратно въ прочіе города Новороссійскаго края.*

d) *Потеря казною терпимая отъ неплатежа пошлинъ съ товаровъ, потребляемыхъ внутри Порто-франко.*

Легко доказать, что сіи неудобства совсѣмъ не такъ велики, какъ нѣкоторые полагаютъ. Будемъ отвѣчать на каждое изъ нихъ:

а) **На первое** скажемъ, что черта Портовой Таможни принадлежитъ внѣшней торговлѣ, и что ее не могутъ считать неудобствемъ тѣ, которые пользуются при ввозѣ избавленіемъ отъ пошлины. Люди сіи суть продавцы товаровъ на мѣстѣ, и для нихъ существуетъ одна лишь Портовая Таможня. Они остаются здѣсь какъ будто бы за границею и не стѣсняются сухопутною чертою, отдѣляющею Порто-франко отъ Имперіи. Сія вторая черта учреждена для покупщиковъ, которые пріѣзжаютъ сюда, какъ бы они пріѣзжали въ чужое государство покупать иностранныя произведенія. Слѣдственно для нихъ существуетъ также одна лишь таможенная черта. Существованіе двухъ таможенъ между Портомъ Одесскимъ и внутренностію Имперіи еще и потому не можетъ почитаться стѣсненіемъ для торговли, что здѣсь негоціянты, выписывающіе товары изъ-за границы, и купцы, получающіе оные отъ нихъ для вывоза за черту, составляютъ два отдѣльные класса. Одни другимъ не дѣлаютъ помѣшательства, и одни другихъ не замѣнятъ. Первые не имѣютъ связей внутри Россіи; вторые не сносятся и не желаютъ сноситься съ иностранными портами. Впрочемъ, еслибы кто захотѣлъ товаръ заграничный очистить полною пошлиною въ Портовой Таможнѣ и везти оный прямо за черту Порто-франко, тотъ имѣетъ на сіе полное право и никакого препятствія ни съ какой стороны не встрѣтитъ. Слѣдовательно ввозъ иностранныхъ произведеній въ Россію чрезъ Одессу не затрудненъ двойною преградою, и таможенныя формы здѣсь ничуть не сложнѣе тѣхъ, которыя существуютъ на другихъ границахъ Имперіи. Одни лишь путешественники, по дѣламъ неторговымъ сюда пріѣзжающіе, могутъ жаловаться на стѣсненія, имъ причиняемыя Портомъ-франко; но жалобы ихъ ничтожны въ сравненіи съ выгодами, проистекающими отъ сего учрежденія для торговли.

Противники Порто-франко увѣряютъ, что оное не только затрудняетъ вывозъ изъ Одессы товаровъ внутрь, но совсѣмъ отвращаетъ отъ насъ купцовъ самыхъ близкихъ къ нимъ городовъ, побуждая ихъ выписывать товары изъ Риги и Петербурга и скорѣе переносить издержки отдаленнаго провоза, нежели дѣлать

закупки здѣсь. Обстоятельство сіе справедливо, но причины онаго совсѣмъ иныя. Купцы Харьковскіе, Кіевскіе, Елисаветградскіе и другіе предпочитаютъ закупать иностранные и особенно колоніальные товары изъ Балтійскихъ портовъ, потому что оные тамъ дешевлѣ нежели здѣсь, а дешевизна ихъ происходитъ отъ слѣдующихъ причинъ: а) Они тамъ получаются прямо изъ мѣстъ, гдѣ родятся или производятся, а къ намъ доходятъ чрезъ посредничество портовъ Средиземнаго моря, и слѣдовательно не изъ первыхъ рукъ. b) Фрахтъ судовъ приходящихъ въ Балтійское море гораздо ниже здѣшняго, несмотря на то, что мы пользуемся передними и обратными рейсами, какъ уже сказано; безъ сей выгоды фрахтъ былъ бы здѣсь еще дороже. c) Застраховка кораблей, идущихъ въ Черное море, почти постоянно вдвое выше премій, платимыхъ въ Балтійскомъ морѣ. Что касается до торговли Одессы съ Англіею, то и страхованіе оной стоитъ втрое дороже нежели въ С.-Петербургѣ или Ригѣ. d) Къ симъ издержкамъ присоединяются расходы на карантинное очищеніе, или на двойныя бочки и клеенчатыя или смоляныя обертки съ консульскими свидѣтельствами, если товаръ нуженъ скорѣе и хозяинъ желаетъ избавить его отъ очищенія и задержанія въ карантинѣ.

Съ другой стороны, купцы внутреннихъ Россійскихъ городовъ находятъ въ Петербургѣ и Ригѣ тѣже преимущественныя выгоды въ отправленіи своихъ товаровъ за границу, особенно въ Англію и вообще въ сѣверную или даже среднюю Европу: они платятъ менѣе фрахта и меньшую страховую премію противу насъ.

Если присоединимъ къ сему, что въ С.-Петербургѣ и Ригѣ несравненно болѣе капиталистовъ, нежели въ Одессѣ, что они имѣютъ какъ за границею, такъ и внутри Россіи наслѣдственныя связи, то немудрено объяснить, почему Русскій купецъ Курской, Харьковской, или даже Кіевской и Екатеринославской губерніи, предпочитаетъ имѣть сношенія съ Петербургомъ, нежели съ Одессою, не взирая на близость разстоянія.

Отвѣтъ на второе возраженіе. Мануфактурная промышленность не можетъ получить въ Одессѣ значительнаго развитія по причинамъ весьма очевиднымъ. Вопервыхъ, потому что здѣсь работники очень дороги; вовторыхъ, здѣсь нѣтъ воды, безъ

которой трудно обойтиться въ большихъ мануфактурахъ; въ-третьихъ, здѣсь чрезвычайно дорогъ лѣсъ, отъ чего всякое паровое производство дѣлается почти невозможнымъ: наконецъ, вчетвертыхъ, здѣсь нѣтъ капиталовъ свободныхъ.

При сихъ почти непреоборимыхъ препятствіяхъ могутъ здѣсь существовать мануфактурныя заведенія только въ маломъ видѣ и для издѣлій, выносящихъ большіе расходы. Вотъ почему мебели, музыкальные инструменты, шоколадъ, конфекты и можетъ быть еще кое-какія немногія вещи выдѣлываются здѣсь съ большимъ искусствомъ и выгодою; но значительной мануфактуры нѣтъ ни одной и не было до учрежденія Порто-франко, въ то время, когда предмѣстія городскія были внѣ черты Порто-франко, въ свободномъ сообщеніи съ Имперіею. По тѣмъ же самымъ причинамъ здѣсь даже не выдѣлываютъ и такихъ вещей, кои бы могли быть съ великою выгодою отправляемы за границу.

c) **Отвѣтъ на третіе возраженіе.** Изъ Россійскихъ издѣлій вытѣсняются здѣсь иностранными только тѣ, которыя не доведены до необходимой степени совершенства, и притомъ столь дороги, что не уступаютъ заграничнымъ. Изъ прочихъ же большая часть весьма выгоднымъ образомъ соперничествуетъ съ иностранными. Сюда принадлежатъ стекляныя издѣлія всякаго рода, фарфоръ, бумага писчая и типографическая, парусина, тики, нанки, всѣ кожаныя издѣлія, также мѣдныя и желѣзныя и проч. Затрудненія при обратномъ вывозѣ сихъ товаровъ внутрь Имперіи не заслуживаютъ вниманія, потому что Одесса стоитъ на краю Россіи, и что чрезъ нее никуда не проходитъ дорога изъ внутреннихъ губерній, кромѣ какъ въ Константинополь. Къ сему можно присоединить, что нижній классъ народа почти не употребляетъ иностранныхъ издѣлій, а довольствуется отечественными, и отъ того число жителей, замѣняющихъ свои товары иностранными, весьма не велико.

d) **Отвѣтъ на четвертое возраженіе** большею частію изложенъ выше. Если нѣкоторые путешественники, выѣзжая отсюда во внутреннія губерніи, вывозятъ съ собою болѣе вещей, нежели имъ нужно, то количество таковыхъ товаровъ весьма ничтожно, тѣмъ болѣе, что здѣшнее таможенное начальство не ру-

ководствуется дополнительными къ Таможенному Уставу правилами о пассажирскихъ вещахъ, а поступаетъ гораздо строже, и пропускаетъ вещей гораздо менѣе, нежели гдѣ нибудь на Русской границѣ. Впрочемъ, если и сія строгость недостаточна, то удобнѣе можно постановить преграды вывозу товаровъ изъ Одессы въ Имперію посредствомъ путешественниковъ, нежели воспретить привозъ оныхъ изъ-за границы въ Одессу, и тѣмъ разрушить благосостояніе города, который заключаетъ въ себѣ зародыши силы, богатства и дѣятельности всякаго рода, но по новости своей не можетъ еще существовать безъ отеческаго попеченія о немъ правительства, къ великодушію котораго жители его привыкли простирать руки, возсылая благодаренія за блага, которыми они подъ сѣнію его пользуются.

Для полнаго удовлетворенія вопроса о равновѣсіи выгодъ и невыгодъ Порто-франко, мы, изложивъ мнѣніе наше о тѣхъ неудобствахъ, кои приписываются сему учрежденію, должны были бы теперь описать всю пользу изъ онаго проистекающую; но она уже изъяснена весьма подробно въ отвѣтахъ нашихъ на предшествовавшіе вопросы. Не утруждая вниманія начальства вторичнымъ разсмотрѣніемъ всѣхъ выгодъ, извлекаемыхъ Одессою изъ существующей въ ней нынѣ свободной торговли, мы обратимъ вниманіе попечительнаго правительства только на вредныя послѣдствія, могущія произойти отъ уничтоженія Порто-франко.

Вопервыхъ, при перемѣнѣ сей, Россія потеряла бы необходимую для народнаго блага преграду отъ вторженія чумы, что̀ и было въ виду правительства при первоначальномъ учрежденіи Порто-франко, какъ-то видно изъ Высочайшаго манифеста Августа 1817-го года. Одесса, находясь ближе другихъ коммерческихъ портовъ Чернаго моря къ Константинополю и впуская въ портъ свой болѣе кораблей и товаровъ, неминуемо подвержена гораздо большей опасности отъ моровой язвы. Контрабанда непосредственно съ моря на берегъ почти не можетъ нынѣ имѣть здѣсь мѣста, по причинѣ уменьшенія таможенныхъ пошлинъ. Купецъ или шкиперъ, который бы рѣшился на запрещенный торгъ, выиграетъ только $^1/_5$ пошлины, установленной тарифомъ во всей Россіи. Выгода сія такъ мала, что она далеко не вознаграждаетъ опасности и издержекъ, неразлучныхъ со всякимъ тайнымъ вво-

зомъ. При уничтоженіи Порто-франко ввозъ въ Одессу контрабанды сдѣлается весьма выгоднымъ и удобнымъ, по открытому положенію въ здѣшнемъ заливѣ береговъ морскихъ и удобству вездѣ приставать. Тайный привозъ товаровъ, могущій существовать между городомъ и внутренностію Имперіи, не представляетъ никакой опасности въ отношеніи къ чумѣ; и всѣмъ извѣстно, что, благодаря чертѣ Порто-франко и неусыпному надзору надъ оною, контрабанднаго торга здѣсь нынѣ нѣтъ. Наконецъ, должно взять въ соображеніе, что если чума и будетъ завезена въ Одессу, какъ то было въ 1829 году, Имперія легко можетъ быть предохранена отъ оной посредствомъ черты Порто-франко, что̀ уже опытомъ доказано и самымъ очевиднымъ образомъ.

Вовторыхъ. Уничтоженіе Порто-франко уменьшитъ привозъ сюда товаровъ, а чрезъ то убавится и вывозъ Россійскихъ произведеній. Одесскіе негоціанты не въ состояніи заранѣе дѣлать заготовленій отвозныхъ товаровъ, но должны будутъ производить закупки не иначе, какъ по полученіи требованій изъ-за границы.

Втретьихъ. необходимымъ слѣдствіемъ таковаго уменьшенія вывоза и ввоза будетъ уменьшеніе доходовъ городскихъ упадокъ цѣнности здѣшнихъ домовъ и магазиновъ и недостатокъ въ средствахъ къ пропитанію низшихъ классовъ жителей Одесскихъ.

Вчетвертыхъ. Особенно чувствительны будутъ потери купечества, ведущаго въ Одессѣ заграничный торгъ. Одной лишь свободѣ здѣшняго порта обязаны мы чрезвычайною скоростію, съ какою составилось большое число купеческихъ имуществъ; на сей же свободѣ и на продолженіи оной основаны коммерческіе планы большой части здѣшнихъ торговыхъ домовъ. Уничтоженіе Порто-франко неминуемо разстроитъ ихъ и будетъ причиною отъѣзда тѣхъ, которые были привлечены сюда обѣщанными выгодами.

Принявъ въ соображеніе, что многіе иностранцы участвуютъ въ заведеніяхъ Одесскихъ, легко предсказать можно, что сочувствіе уничтоженію Порто-франко отозвется въ иностранныхъ портахъ и нанесетъ убійственный ударъ кредиту нашему, на прочность котораго иностранцы перестанутъ надѣяться.

Впятыхъ. Переворотъ сей не можетъ не имѣть вліянія даже и на нѣкоторыя внутреннія губерніи, коихъ жители тысячами приходятъ сюда для заработковъ, какъ уже объяснено въ своемъ мѣстѣ. Съ уничтоженіемъ Порто-франко уменьшатся постройки, уменьшится нужда въ рабочихъ и упадетъ плата имъ за трудъ.

Всѣ вышеупомянутыя частныя потери повлекутъ за собою и убытки казны. Съ уменьшеніемъ торговыхъ оборотовъ уменьшатся доходы съ гербовой бумаги, сборы за пересылку писемъ по почтѣ, сумма, платимая за содержаніе питейнаго откупа и нѣкоторые другіе сборы.

Вопросъ шестой. *Какія суть главныя побудительныя причины къ поддержанію или къ уничтоженію нынѣшняго Порто-франко?*

Намъ кажется, что все вышесказанное неоспоримо доказываетъ важность выгодъ, приносимыхъ Портомъ-франко какъ Одессѣ, такъ и всему краю, и незначительность тѣхъ неудобствъ, на кои можно указать и которыя неизбѣжны во всякомъ многосложномъ государственномъ учрежденіи.

Съ покорностію перенесемъ мы все, что правительству угодно будетъ сдѣлать въ отношеніи къ нынѣшнему состоянію Одессы; но не можемъ заранѣе не предвидѣть, что уничтоженіе Порто-франко прежде 30-ти-лѣтняго срока, торжественно дарованнаго Высочайшимъ манифестомъ блаженной памяти императора Александра I-го отъ 16-го Апрѣля 1817 года, причинитъ многимъ изъ насъ великіе убытки. Преимущество сіе тѣмъ для насъ драгоцѣннѣе, что мы по географическому положенію нашего города подвержены многимъ невыгодамъ которыхъ не чувствуетъ купечество сѣверныхъ портовъ, а именно: 1-е. Всякая война съ Турціею не только причиняетъ Черноморской торговлѣ остановки, но совершенно пресѣкаетъ оную. 2-е. Карантинныя предосторожности постоянно стѣсняютъ оную во всякое время года Неудобство сіе тѣмъ тягостнѣе, что мы для собственнаго нашего и всей Имперіи благосостоянія не можемъ и не должны просить никакихъ облегченій въ семъ отношеніи. 3-е. Главнѣйшая отрасль здѣшней торговли, заключающаяся въ отпускѣ пшеницы, подвержена го-

раздо бо́льшимъ затрудненіямъ и рискамъ, нежели прочія, какъ потому, что цѣны на хлѣбъ чрезвычайно быстро измѣняются, такъ и потому, что товаръ сей можетъ легко повреждаться. 4-е. Невыгоды фрахта и премій застрахованія судовъ, посѣщающихъ Черное море, противъ тѣхъ, которые ходятъ въ Балтійское море, уже описаны, и отвратить оныхъ нѣтъ возможности по географическому положенію нашего порта и по трудностямъ судоходства.

Вотъ все, что́ почитаемъ мы должнымъ повергнуть снисходительному вниманію правительства. Представляемъ объясненія сіи въ увѣренности, что всѣ купцы и жители Одессы, понимающіе истинныя выгоды торговли и свѣдущіе въ ходѣ оной, будутъ одинаковаго съ нами мнѣнія.

8.

Получено 23 Мая (5 Іюня).
Отвѣтствовано 3 (15) Іюля 1832.

Odessa, le 18 avril 1832.

Я замедлилъ отвѣтомъ на два почтеннѣйшія письма ваши, потому что праздники Пасхи помѣшали мнѣ собрать подробныя свѣдѣнія о хирургическихъ инструментахъ, кои вы столь снисходительно приняли на себя трудъ заказать въ Англіи. Теперь оказалось, что цѣны, означенныя въ присланномъ отъ вашего сіятельства реестрѣ, весьма выгодны: а потому я покорнѣйше прошу приказать все по оному искупить и увѣдомить меня, кому долженъ я выслать деньги за всю сію покупку. Реестръ возвращаю при семъ. Я бы и деньги теперь же перевелъ, но не знаю, на чье имя и боюсь, что васъ уже не будетъ въ Лондонѣ, когда онѣ придутъ туда.

И ваше сіятельство, и графиня Елисавета Ксаверьевна, которой прошу покорнѣйше засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе, конечно съ удовольствіемъ увидите виньетку сего листа. Это новое доказательство Европейской физіономіи города Одессы.

Зима у насъ была не холодная, но необыкновенно продолжительная. Строго судя, весна началась у

насъ только вчера, ибо пошелъ первый теплый дождь и показалась трава. Судоходство начинаетъ развертываться; надежды на продолженіе онаго не дурны; пшеница поддерживается въ высокой цѣнѣ уже болѣе полугода.

Работъ въ городѣ предпринято много. Если вы читаете „Одесскій Вѣстникъ", то уже знаете, что мы хотимъ начать и непремѣнно начнемъ въ Маѣ мѣсяцѣ шоссе на улицѣ Преображенской мимо собора и полиціи. На Екатерининской два квартала будутъ вымощены, и камень уже на мѣстѣ. Старое шоссе все надобно возобновить; мы приняли другую для него систему, по коей часть Ришельевской улицы отъ Англійскаго магазина до угла Греческой уже передѣлана. Шоссе будетъ à dos d'âne, и по обѣимъ сторонамъ каналы для стока воды. Предпринято много: но я надѣюсь, что не обману публику послѣ обѣщанія, чрезъ газету ей даннаго. Столбики около тротуаровъ будутъ чугунные; они уже заказаны у Мальцова и въ Іюлѣ будутъ здѣсь, какъ для города, такъ и для уступки всѣмъ хозяевамъ по своей цѣнѣ. Вообразите, что я ихъ подрядилъ съ доставкою сюда менѣе 3-хъ р. за пудъ, а Кумминсъ просилъ 7 рублей!

Купальня на новой набережной уже строится по извѣстному вамъ плану. Павильонъ въ городскомъ саду, каменный подъ желѣзною крышею, уже почти подъ карнизомъ. Дѣло о лавкахъ по разнымъ причинамъ замѣшкалось. За постройку оныхъ у меня требуютъ 10 лѣтъ владѣнія, а я обѣщаю 8. Буду крѣпиться до-нельзя, а потомъ уступлю. И чрезъ

10 лѣтъ выгодно даромъ пріобрѣсти для города то, что̀ стоило бы ему большихъ денегъ.

Новый и общій для всей Россіи указъ о содержаніи мостовыхъ на счетъ жителей подоспѣлъ для насъ очень кстати: многіе не хотѣли мести шоссе, теперь станутъ счищать и грязь: а камень и рабочіе будутъ до времени отъ города. Въ отклоненіе отговорокъ въ незнаніи полицейскихъ законовъ я дѣлаю печатныя публикаціи, кои полиція безденежно раздаетъ каждому хозяину дома.

На старомъ базарѣ, съ коего торгъ былъ переведенъ на зиму по причинѣ грязи, жители, послѣ долгаго упорства, взялись дѣлать канавы; а я обѣщалъ имъ спланировать средину площади.

Арестантская рота приноситъ мнѣ величайшую пользу. Я ими доволенъ, и они довольны; ибо побѣги прекратились, и люди сіи веселятся: у нихъ своя музыка, забавляющая по Воскресеньямъ народъ, свои пѣвчіе, а во время праздниковъ свои качели. Я ихъ вывелъ изъ острога, и они живутъ въ казармѣ своей, какъ солдаты. Ротнаго командира Богъ мнѣ далъ прекраснаго человѣка и хозяина: рота его имѣетъ свои огороды, свое хозяйство. Рота сія будетъ въ родѣ ремесленнаго училища: въ ней есть разные мастера, которые формируютъ своихъ товарищей въ плотники, столяры, каменьщики, печники и пр.

Объ Артезіанскихъ колодцахъ скажу вамъ одно только то, что донынѣ еще не получено очевиднаго успѣха отъ трудовъ г. Флата̀, коего мѣсто засту-

пилъ послѣ его отъѣзда Гаюи *); при немъ четыре горныхъ офицера. На устроеніе машинъ и жалованье издержано уже до 60,000; можетъ быть, и еще издержится 40 т. Они трудятся и достигли глубины 300 футъ, но воды еще нѣтъ; надо подождать и, пока работы ихъ не будутъ кончены, ничего предпринимать новаго въ семъ родѣ мы не можемъ и не должны. До нынѣ по сему предмету сдѣлано не только все возможное, но болѣе нежели можно было ожидать отъ правительства. Что́ касается до нашей компаніи, то съ ничтожнымъ ея капиталомъ и съ дурными, слабыми ея инструменты, ей ничего предпринять нельзя. Лучшее что́ можетъ она предпринять, когда выждетъ окончанія работъ, нынѣ продолжаемыхъ, есть то, чтобы работать по согласію съ правительствомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уже будетъ доказано большими инструментами близкое отъ горизонта земли пребываніе воды. Заведеніе Флата́ очень дорого; но оно составляетъ школу, и все въ ней сдѣлано въ самыхъ огромныхъ размѣрахъ, какихъ нигдѣ еще не употребляли. Оно можетъ идти въ глубину 1,800 футовъ. Для Крыма или Бессарабіи можно бы выписать и того мастера, о которомъ ваше сіятельство пишете; но я не думаю, чтобы высшее правительство разрѣшило сіи издержки, пока опытъ имъ предпринятый не окончится. О пользѣ Артезіанскихъ колодцевъ въ Новороссійскомъ краѣ нельзя даже смѣть сомнѣваться. Спѣшу на почту и потому прерываю письмо.

О порто-франко оффиціальнаго мы ничего не имѣемъ; но Локателли увѣряетъ почти оффиціально, что

*) Имя этого инженера въ предъидущей книгѣ „Архива Князя Воронцова" прочитано невѣрно. П. Б.

мы сохранимъ наши привилегіи, объявляя, будто бы Государь сказалъ, что не желаетъ отмѣнять слова, даннаго императоромъ Александромъ всей Европѣ.

Изъ письма сего ваше сіятельство видите, что я поддерживаю и улучшаю шоссе, сколько могу, по неимѣнію возможности сдѣлать мостовую. Но о Бугскомъ гранитѣ мы еще не можемъ помышлять. Флашкоуты еще не готовы; а хотя бы оные поспѣли, надо еще рѣчной пароходъ, который бы ходилъ по Бугу; но его нѣтъ, и взять негдѣ, ибо и за старые пароходы еще деньги не заплачены; даже за *Одессу* еще мы въ долгу 36,000 рублей, и заплатить нечѣмъ. Изъ чего же строить новый *третій* пароходъ?

О лѣстницѣ съ бульвара къ морю мы и думать не можемъ: ибо 1) она только что красива, но безполезна, тогда какъ бóльшая часть улицъ затоплена грязью. Во 2) на нее потребно до 100,000, и надобно выписывать мраморъ изъ Италіи. Богъ знаетъ, когда доживемъ мы до такого состоянія, чтобы найдти у себя 100,000 *лишнихъ*.

9.

10-го Іюля 1832 г. Одесса.

Приношу вамъ мою чувствительнѣйшую благодарность за послѣднее письмо ваше и прошу великодушно извинить, что немного опоздалъ отвѣтомъ. Я медлилъ, потому что не зналъ, куда писать къ вамъ; теперь полагаю, что васъ уже нѣтъ болѣе въ Англіи. Несчастіе, васъ постигшее *), конечно ускоритъ возвращеніе ваше въ Россію. Истинное участіе, которое я въ семъ происшествіи принимаю, не позволяетъ мнѣ болѣе говорить вамъ объ немъ. Я обращаюсь къ другимъ предметамъ.

Съ удовольствіемъ доложу вашему сіятельству, что нынѣшнее лѣто Одесса довольно оживлена пріѣзжими, особенно Поляками, хотя впрочемъ большая часть ихъ изъ низкаго дворянства. Многіе Херсонскіе помѣщики также пріѣхали сюда, привлеченные 23 и 24 рублевою цѣною на пшеницу, которая однакожъ на сихъ дняхъ сильно упала и врядъ ли скоро поднимется, ибо нѣтъ требованій, и даже многіе сдѣланные заказы отмѣнены.

Не соглашаясь съ купцами, вѣчно жалующимися на застой въ торговлѣ и видя, что вездѣ въ Европѣ

---

*) Кончина графа Семена Романовича Воронцова. П. Б.

лѣто дурное. я думаю, что къ осени хлѣба опять вздорожають. Къ сожалѣнію у насъ ихъ будетъ не очень много, ибо урожай плохъ; сѣна же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ нѣтъ: весна была необыкновенно холодная, лѣто дождливое и безъ жаровъ.

Это мѣшаетъ намъ пользоваться прекрасною купальнею нашею, построенною почти противъ вашего дома. Прекрасный павильонъ въ городскомъ саду оконченъ, и негодная деревянная бесѣдка уже сломана. Павильонъ въ саду Десмета оканчивается. Уже другой мѣсяцъ ѣздимъ мы по преобразованной и возобновленной шоссе на Ришельевской улицѣ противъ магазиновъ Рубо̀ и Та̀ля. На ней насыпанъ новый слой камня, ей дана форма dos d'âne, сдѣланы по обѣимъ сторонамъ каналы въ видѣ большихъ жолобовъ; вода стекаетъ съ нея мгновенно, и опытъ сей радуетъ какъ меня, такъ и жителей сей улицы. которые нынѣ уже не затопляются дождевыми водами. Такимъ же образомъ исправляется шоссе на всей Рибасовой и на части Екатерининской улицы. Вы изволите видѣть изъ сего, что, не смотря на убѣжденіе мое въ несовершенствѣ и неудобствѣ шоссе въ городахъ, я поддерживаю ихъ сколько возможно, и не словомъ, а дѣломъ. Мостовая моя идетъ впередъ, какъ внизу по дорогѣ въ Карантинъ, такъ и на Екатерининской улицѣ около дома Кумбари. Одинъ кварталъ уже готовъ, второй начатъ вчера: сей послѣдній доведенъ до почты; потомъ поворотимъ на лѣво и пойдемъ до Коммерческаго банка. Симъ способомъ откроется сообщеніе съ тремя важными мѣстами: съ почтою, съ католическою церковію и съ банкомъ. Но сего послѣдняго

достигнемъ мы не прежде Октября или Ноября мѣсяца, ибо я произвожу работу арестантами рабочей роты.

Горѣ, подъ бульваромъ лежащей, даемъ мы теперь скатъ въ 45°, гдѣ можно. Чугунные столпы мои пришли: я теперь заказалъ у Мальцова нѣсколько каминовъ чугунныхъ по рисункамъ, отсюда посланнымъ; на будущій годъ выпишу на пробу чугунной черепицы.

Городскія строенія наши идутъ дурно и медленно. Подрядчики, архитекторы, слѣдственныя коммиссіи, все это такъ перепуталось, что не найдешь виноватаго. Между тѣмъ зданія не оканчиваются: институтъ, биржа и больница еще не кончены, и я поставленъ въ такое положеніе, что не могу предпринять ничего рѣшительнаго, безъ навлеченія многимъ лицамъ многихъ непріятностей. Больница особенно сокрушаетъ меня: тѣсно, сыро, дурно, непрочно.

Частныхъ же строеній воздвигается много и скоро. Противъ вашего дома по ту сторону военной балки домъ Цыбульскаго уже готовъ, Хорвата и Кокорева будутъ къ осени подъ крышею. Даже и наслѣдники извѣстной фирмы Яблоновской начали строить домъ, который есть уменьшенная копія дома градоначальника.

Я теперь въ страшныхъ хлопотахъ съ недоимками; здѣсь ихъ тьма тьмущая: многіе никогда ничего не платили. Государь самъ занимается симъ предметомъ, и мы должны посылать ему въ собственныя руки вѣдомости, по коимъ объявляются началь-

никамъ или благодарности, или выговоры. Я того и жду, что за грѣхи моихъ предмѣстниковъ меня распубликуютъ по всему государству. Я принялъ мѣры самыя строгія и донесъ объ нихъ Государю; между тѣмъ жители будутъ на меня роптать. Я это напередъ знаю, но иначе дѣйствовать не могу.

Я недавно былъ въ Крыму и нашелъ, что Магарачъ развивается весьма быстро; но мое хозяйство въ самомъ скверномъ положеніи. Я уже издержалъ болѣе 4.000 рубл. и ничего не имѣю. Теперь, чтобы не потерять сихъ денегъ, долженъ продолжать: но полагаю, что кто самъ на мѣстѣ не живетъ, тому не добиться толку. Ваши заведенія всѣ въ порядкѣ. Никитскій садъ сдѣлался пастбищемъ лошадей г-на Гартвиса. Самъ Стевенъ сказалъ мнѣ, что лучше бы уничтожить теперь сей садъ, ибо онъ никакой пользы приносить не можетъ.

Артезіанскіе колодцы наши идутъ тихо. Въ день отъѣзда Флата̀ сдѣлался обвалъ, который уничтожилъ 3-хъ-мѣсячную работу: однакоже теперь все исправлено, возобновлено, и вчера буръ уже былъ на глубинѣ 430 футовъ; но о водѣ бьющей еще нѣтъ слуховъ, между тѣмъ издержано до 70 т. рублей. Я совершенно согласенъ съ вашимъ сіятельствомъ, что первый опытъ должно было дѣлать не въ Одессѣ: но сего хотѣлъ г. Флата̀, и министръ согласился съ нимъ вопреки мнѣнію графа Палена. Теперь уже назадъ возвратиться нельзя.

Виды Крымскіе первой и второй присылокъ дошли до меня отъ вашего сіятельства благополучно, и я роздалъ ихъ кому вы приказали.

У насъ теперь гоститъ графъ Августинъ Каподистрія въ ожиданіи позволенія ѣхать въ Петербургъ.

Аракашъ, вами присланный, посаженъ и уже далъ плоды. Стевенъ былъ здѣсь и говоритъ, что это тотъ же картофель.

Узнавъ изъ письма вашего сіятельства, что вамъ неугодно, чтобы пароходъ *Одесса* былъ проданъ, я немедленно остановилъ исполненіе сего предположенія. Впрочемъ его и не купитъ никто, потому что онъ ходитъ дурно. Я предлагалъ его отдать въ наемъ купцамъ на цѣлое лѣто, но никто не бралъ; только теперь изъявилъ на сіе согласіе Потаповъ, и я надѣюсь, что пароходъ сей отправится на дняхъ въ Херсонъ за лѣсомъ. Мы за это ничего не получимъ; но Потаповъ беретъ на себя содержаніе судна, машины и команды, которую мы содержимъ безъ всякой пользы.

Второй пароходъ еще не достроенъ въ Николаевѣ но онъ едва ли будетъ способенъ, ибо въ немъ каюты такъ устроены, что мы съ вами не можемъ стоять въ нихъ прямо. Я узналъ это стороною и написалъ къ Суровцову. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что точно, человѣкъ высокаго роста не можетъ ходить по сей каютѣ, но что это зависитъ отъ конструкціи по плану, вашимъ сіятельствомъ одобренному. Послѣ сего мнѣ ничего не остается дѣлать, кромѣ какъ ожидать вашего прибытія.

Пароходъ *Нева*, принадлежащій казнѣ, стоитъ въ нашемъ портѣ въ ожиданіи составленія компаніи для

судоходства между Константинополемъ и Одессою». Проектъ сей компаніи былъ составленъ мною и представленъ купечеству; но оно объявило неблагоразумныя требованія, кои Министерство Финансовъ отвергаетъ и желаетъ сдѣлать оную компанію для пароходства по всему Черному и Азовскому морямъ, какъ писалъ вамъ о семъ въ 1830 году гр. Канкринъ. Тутъ употребятся и пароходы для Редутъ-Кале построенные. Все сіе знаю только частнымъ образомъ.

Я думаю, что ваше сіятельство сдѣлали бы вещь полезную для Крыма и выгодную для Одессы, еслибы испросили въ Петербургѣ позволеніе отдать пароходъ *Одессу* во владѣніе Таврическаго начальства безъ всякаго городу возмездія, лишь бы мы его не содержали, ибо онъ приносить будетъ ежегодно городу до 25 т. убытку. Совершенно согласенъ, что деньги сіи въ будущемъ вознаградятся; но награда сія послѣдуетъ для Крыма, а не для Одессы, а потому справедливость требуетъ, чтобы Крымъ содержалъ пароходъ; на это есть Татарская сумма. Довольно и того, что мы потеряемъ капиталъ, простирающійся до 240 тыс. Какъ помѣщикъ Крымскій, я радуюсь отправленіямъ пароходовъ въ Крымъ; какъ градоначальникъ Одесскій, я по долгу и совѣсти не могу не защищать интересовъ города. Я совершенно согласенъ съ вами въ пользѣ предпріятія сего, въ видахъ, которые оно представляетъ въ будущемъ; но говорю только о деньгахъ.

Исполняя желаніе вашего сіятельства, я бы очень былъ радъ дать иное мѣсто Липранди, еслибы имѣлъ

омое въ виду. Онъ желалъ бы быть членомъ въ Карантинѣ. Съ пріѣздомъ вашимъ мы это сдѣлаемъ легче и скорѣе; теперь Бессарабскіе карантины зависятъ отъ Рота.

Я почти ежедневно сражаюсь съ военными: они всѣ хотятъ квартиръ: а я, покамѣстъ меня не принудятъ штыками или не велятъ указомъ, ни за что не позволю поставить къ жителю Одессы постой. Я дорожу сею привиллегіею болѣе другихъ.

Прощайте, ваше сіятельство: пріѣзжайте къ намъ скорѣе и вѣрьте, что, не смотря на противорѣчія мои, я почитаю васъ и преданъ вамъ гораздо болѣе тѣхъ, которые всегда во всемъ соглашаются.

10.

(Одесса, 22 Августа 1832).

Позвольте мнѣ начать письмо мое сообщеніемъ вашему сіятельству радостнаго для меня приключенія: я на сихъ дняхъ помолвленъ съ Елисаветою Өедоровною Брискорнъ, дѣвицею, которая, по моимъ понятіямъ, должна составить мое счастіе. Сестра ея, можетъ быть, вамъ извѣстна: она была за генералъ-адъютантомъ Потемкинымъ. Зная снисходительное участіе, вами принимаемое во мнѣ, я надѣюсь, что ваше сіятельство не безъ вниманія примите сію новость. Къ сожалѣнію моему однакоже обстоятельство сіе понудитъ меня отлучиться изъ Одессы мѣсяца на три въ Петербургъ, куда невѣста моя отправляется на сихъ дняхъ и гдѣ должна быть моя свадьба.

Во всякомъ случаѣ я не выѣду отсюда, не дождавшись васъ.

Приношу вамъ мою покорнѣйшую благодарность за послѣднее письмо изъ Петербурга и за извѣстіе о назначеніи сюда новаго прокурора. Смѣю увѣрить васъ, что старый былъ нестерпимъ.

У насъ здѣсь хотятъ заводить сахарный заводъ въ большомъ масштабѣ. Предпріятіе сіе очень полезно, и за оное берутся люди хорошіе. Имѣю честь послать о семъ записку. Если вы найдете возможнымъ помочь сему предпріятію ходатайствомъ у ми-

нистра финансовъ, то окажете большую пользу краю здѣшнему.

Сегодня видѣлъ я Василевскаго; онъ надѣется, что ваше сіятельство поможете ему и не теряетъ изъ вида комендантскаго мѣста. Не знаю, будетъ ли сіе возможно; но Силинъ нашъ такъ слабъ и вялъ, что ему необходимо нужно дать крѣпость. Здѣсь теперь есть офицеры, живущіе года по полтора безъ разрѣшенія начальства.

Должность полицмейстера отправляетъ теперь временно Центиловичъ, извѣстный вамъ подъ Варною; хорошій человѣкъ, но вялъ для Одессы, и его не слушаютъ. Ему трудно будетъ здѣсь остаться; но я не имѣю въ виду никого, мнѣ хорошо извѣстнаго на его мѣсто.

Сегодня празднуемъ мы коронацію, и я даю по сему случаю балъ въ загородномъ домѣ градоначальничьемъ (бывшій хуторъ Ришелье); приготовлена иллюминація въ саду, фейерверкъ, серенады и пр. и пр.; но боюсь, что собирающійся дождь все разрушитъ.

Хотя я имѣлъ честь выше доложить вашему сіятельству, что я до вашего пріѣзда не выѣду отсюда; но, принявъ во вниманіе, что на исходатайствованіе мнѣ отпуска нужно немало времени, я рѣшаюсь вмѣстѣ съ симъ послать къ вамъ рапортъ о семъ предметѣ и просить васъ дать ему поскорѣе ходъ. Имѣя отпускъ въ карманѣ, я буду васъ ожидать покойнѣе.

11.

27 Октября 1832 года, Одесса.

По письму вашего сіятельства я сегодня же официально отнесся къ г. Попову о пересылкѣ изъ Херсона въ Одессу флашкоутовъ, имъ построенныхъ; буду имѣть честь просить васъ, при обратномъ проѣздѣ чрезъ Херсонъ, еще разъ спросить его, отправилъ ли онъ сіи суда, и понудить въ случаѣ неотправленія.

Отъ всей души желаю, чтобы время для путешествія вашего сіятельства было столь благопріятно, какъ намъ здѣсь, ибо мы пользуемся прекраснѣйшею погодою.

Судовъ въ приходѣ мало, и торговля идетъ средственно. Работы въ городѣ подвигаются хорошо: мостовая отъ почты до Ришельевской улицы кончена; карантинный спускъ идетъ довольно быстро впередъ; на дняхъ начали рыть канавы по Херсонской улицѣ для возобновленія шоссе.

При отъѣздѣ вашего сіятельства я имѣлъ честь доложить вамъ, что немедленно сдѣлаю представленіе объ утвержденіи Цептиловича полицмейстеромъ; но послѣ того встрѣтились по полиціи дѣла два такихъ, въ коихъ онъ показалъ совершенное неумѣніе управлять своими подчиненными и то, что онъ

только инструментъ, коимъ дѣйствуютъ другіе и неблагонамѣренные люди. Его водятъ за носъ, а онъ сего не видитъ.

Наконецъ, сегодня былъ у насъ пожаръ, гдѣ я увидѣлъ, что онъ просто теряетъ голову и не можетъ распоряжаться; а потому я долженъ былъ самъ заступить его мѣсто. Пожаръ сдѣлался въ трехъ смежныхъ дворахъ на Рибасовой и Екатерининской улицахъ: однакожъ кромѣ нѣсколькихъ сараевъ и негоднаго флигеля ничто не сгорѣло. Всѣ сіи строенія были съ деревянными крышами.

Обстоятельства сіи понуждаютъ меня убѣдительнѣйше просить ваше сіятельство позволить мнѣ отложить представленіе о Центиловичѣ. Я имѣю въ виду на его мѣсто человѣка, къ которому вчера писалъ въ Кіевъ, чтобы пріѣхалъ показать себя вашему сіятельству.

Должность сія такъ важна и для жителей, и для начальства, что нельзя не быть мудренымъ въ выборѣ. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ и жители не желаютъ Центиловича, отдавая впрочемъ справедливость его честности.

12.

29 Марта 1833, С.-П.-бургъ.

Имѣю честь доложить вашему сіятельству, что дѣло наше о пароходахъ, хотя медленно по моему нетерпѣнію отсюда выѣхать, но по обыкновенному теченію дѣлъ, довольно скоро подвигается впередъ. Страннѣе всего то, что я долженъ за нимъ вездѣ бѣгать, какъ будто за собственнымъ своимъ и, благодаря знакомымъ, мнѣ удалось принять участіе даже въ редакціи нѣкоторыхъ бумагъ, кои по сему пишутся изъ одного вѣдомства въ другое. Это пунктъ весьма важный: ибо при редакціи портятъ иногда самыя важныя государственныя предпріятія. Почтовый Департаментъ хотѣлъ непремѣнно утверждать таксу писемъ; я сильно спорилъ о семъ; два раза ѣздилъ за однимъ симъ пунктомъ къ Булгакову и, благодаря ему, достигъ, что право сіе предоставлено генералъ-губернатору. Еще было бы лучше предоставить дирекціи, но это уже было невозможно.

Вчера утромъ и вечеромъ, то есть два раза, былъ я у графа Канкрина по сему же дѣлу Онъ не соглашается принять на счетъ казны початокъ, превышающихъ барыши, кои достанутся казнѣ, ибо говоритъ, что не можетъ допустить такого начала (principe), за которое, если не теперь, то послѣ будутъ

на него нападать; но на ухо сказалъ мнѣ, что въ случаѣ затруднительномъ готовъ идти къ Государю и просить экстраординарнаго денежнаго пособія компаніи на починки. Болѣе всего страшится онъ, что пароходы будутъ дурно выстроены и худо будутъ ходить. Въ Астрахани построили отъ казны одинъ, который не могли спустить въ море и разломали.

На дняхъ назначилъ онъ (т. е. Канкринъ) мнѣ вмѣстѣ съ Карнѣевымъ еще одно свиданіе, гдѣ будемъ читать уже готовое представленіе въ Комитетъ Министровъ о пароходахъ нашихъ. Онъ спрашивалъ меня, не написать ли еще къ вамъ? Но я отвѣчалъ, что вы болѣе всего дорожите временемъ.

Кромѣ сего, другихъ дѣлъ ни своихъ, ни казенныхъ у меня нѣтъ, и слѣдовательно я готовъ ѣхать, не смотря на дурную дорогу. Мнѣ уже совѣстно жить здѣсь тогда, какъ я вижу, что присутствіе мое нужно въ Одессѣ для облегченія трудовъ вашего сіятельства.

13.

23 Іюня 1833 года, Одесса.

Зная, что ваше сіятельство поѣхали отдохнуть немного отъ трудовъ, я не спѣшилъ безпокоить васъ моими письмами; теперь намѣренъ представить вамъ отчетъ о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ приключеніяхъ, послѣ отъѣзда вашего происшедшихъ.

Собраніе, созванное для выбора изъ числа акціонеровъ директоровъ для компаніи пароходовъ, было такъ малочисленно, что мы ни къ чему не могли приступить; словомъ, насъ собралось 10 человѣкъ. Мы рѣшились сдѣлать вторичную публикацію съ тѣмъ, чтобы вручать приглашенія подъ росписки: кто распишется и не явится, тотъ уже не имѣетъ права протестовать противъ опредѣленій наличныхъ акціонеровъ. Всякое собраніе, дѣлаемое въ Одессѣ для общаго блага, встрѣчаетъ тѣ же затрудненія. Это меня иногда бѣситъ. Роль начальства въ семъ случаѣ весьма непріятна и даже унизительна.

Пароходъ *Одесса* отправляется 28-го Іюня. Срокъ сей немного продолженъ для того, чтобы дать время узнать о семъ плаваніи въ Крыму и чтобы желающіе ѣхать оттуда въ Одессу успѣли приготовиться. Иначе на возвратномъ пути пароходъ пришелъ бы пустой.

Въ первые дни послѣ вашего отъѣзда жаръ былъ нестерпимъ здѣсь: нѣсколько дней сряду термометръ показывалъ отъ 28 до 30° въ тѣни. На меня, при необходимости моей быть всегда въ движеніи, жаръ сей имѣлъ сильное вліяніе: я сдѣлался боленъ и вылѣчился, какъ лѣчатся въ Индіи, ромомъ и портвейномъ. Послѣ того два дождя прохладили немного атмосферу.

Вода въ Артезіанскомъ колодцѣ прибываетъ и уже течетъ чрезъ край; elle est presque jaillissante.

Купальни на Лиманѣ строятся. Возлѣ большаго пруда, по совѣту Потапова и даже съ его пособіемъ, вырыли три колодца въ 1 сажень глубины, кои даютъ въ день бочекъ до 60 и болѣе.

Первый транспортъ больныхъ уже переведенъ изъ Карантина въ городскую больницу. Изъ 47 человѣкъ сего отряда 20 уже готовятся на выпускъ; второй отрядъ выйдетъ въ городъ чрезъ два дни. Другихъ больныхъ не присылали.

Домъ Разумовскаго обдѣлывается и скоро будетъ готовъ со всѣми карантинными пристройками.

Биржа, несчастная биржа, не идетъ впередъ. Боффо рѣшительно не слушается и готовитъ себѣ путь въ Уголовную Палату. Никому еще въ службѣ я столько не спускалъ, какъ ему; но долженъ доложить вашему сіятельству, что мѣра терпѣнія моего наполняется: онъ презираетъ службой и начальствомъ; но указъ ясенъ: шесть простыхъ или три строгихъ выговора ведутъ подъ судъ. Нѣсколько

лѣтъ не даетъ онъ отчетовъ, и всякій день терпѣнія увеличиваетъ мою отвѣтственность за него.

Продолженіе военнаго молла взялъ съ торговъ Завацкій за 250,000. Потаповъ торговался, сбилъ 9 тысячъ и потомъ уступилъ, не знаю съ какою цѣлію.

Содержатель вѣсовъ и мѣръ жалуется на то, что ему никто не платитъ; я предлагаю ему добровольно разойдтись и уничтожить контрактъ; но на сіе онъ не соглашается: стало быть онъ имѣетъ еще выгоды. Впрочемъ я не отчаяваюсь дѣло сіе уладить такъ, чтобы контрактъ благовидно разрушить. Прошу только ваше сіятельство, по пріѣздѣ вашемъ, не дѣлать откупщику никакихъ обѣщаній, дабы онъ не увеличилъ своихъ претензій.

14.

3-го Іюля 1833 года, Одесса.

Я опоздалъ отправить письмо къ вашему сіятельству съ послѣднимъ курьеромъ, и потому теперь заранѣе пишу въ ожиданіи пріѣзда графа Орлова, за которымъ немедленно послѣдуетъ отъѣздъ къ вамъ новаго курьера.

Всѣ больные изъ Константинополя уже прибыли. Послѣдняя партія, вошедшая вчера и сегодня, состоитъ изъ 313 человѣкъ; они размѣщены не вмѣстѣ съ прежними прибывшими, и потому изъ всякаго отдѣленія выходятъ въ городъ, не ожидая другаго.

Пароходъ *Метеоръ* привезъ намъ въ ночь отъ графа Орлова огромный пакетъ, который на случай отсутствія вашего подписанъ былъ мнѣ; онъ содержалъ въ себѣ многія депеши, изъ коихъ слѣдовавшія въ Петербургъ тотчасъ повезъ флигель-адъютантъ Бутеневъ; а одинъ пакетъ, слѣдующій въ Тифлисъ барону Розену и который просилъ г. Орловъ отправить съ нарочнымъ, я послалъ въ Керчь къ Херхеулидзеву, прося его отправить далѣе чрезъ Черноморскія земли.

Второе собраніе пароходныхъ акціонеровъ было удачнѣе перваго и потому избраны директорами:

Пуль, Ралли и Папудовъ. Въ тоже время избранъ комитетъ для составленія правилъ внутренняго управленія.

Пароходъ *Одесса* отплылъ въ Козловъ и Ялту 28 Іюня въ назначенный часъ.

Артезіанскій фонтанъ вашъ течетъ самъ собою, но весьма бѣдно: ведро наполняется не ближе какъ въ 10 минутъ; я самъ испытывалъ сіе и потому ничего съ нимъ не предпринимаю до вашего возвращенія. Мысли мои остановились только на томъ, что нужно сдѣлать новый опытъ въ Водяной балкѣ или посреди высохшаго пруда.

Архитекторъ Кошелевъ, взявшій строить ванны на Лиманѣ, ошибся въ смѣтѣ и остановился было; но я прибавилъ ему что̀ было нужно, и работа опять пошла.

Мостовыя и канавы по улицамъ — оба предметы нѣжнѣйшихъ моихъ попеченій — идутъ хорошо. Къ пріѣзду вашему одинъ кварталъ Ришельевской улицы уже будетъ готовъ. Между тѣмъ, гдѣ только старыя деревянныя поперекъ улицъ канавы испорчены, тамъ вездѣ замѣняю я ихъ каменными. Эта работа не видна, но весьма полезна.

Изъ представленія моего о нивелированіи стараго базара изволите вы увидѣть, что я одинмъ путемъ хочу придти къ двумъ цѣлямъ: сдѣлать вещь очень нужную и доставить работу бѣднымъ мѣщанамъ нашимъ, не имѣющимъ хлѣба.

Уже другая недѣля наслаждаемся мы почти ежедневными дождями. Это спасетъ деревья, будетъ по-

лезно винограду и дастъ подножный кормъ; но хлѣба пропали уже невозвратно.

Пріѣзжихъ у насъ весьма мало. О минеральныхъ водахъ слухи плохіе: Илькевичъ, заступившій мѣсто Цибульскаго, признается, что онъ напрасно защищалъ Вильберга и что онъ не чистъ на руку, хотя и часто моетъ ее въ водѣ, принадлежащей компаніи.

5-го Іюля.

Графъ Орловъ, узнавъ, что домъ Разумовскаго малъ и найдя, по словамъ Потемкина, ѣздившаго къ нему на встрѣчу, что помѣщеніе, ему приготовленное въ Карантинѣ, хорошо, съ корабля прислалъ сказать, что онъ избираетъ сіе послѣднее. Между тѣмъ оное умеблировали довольно прилично. Тотчасъ по вступленіи его въ номеръ, я былъ у него въ полномъ мундирѣ, и онъ просилъ извѣстить васъ, что весьма доволенъ пріемомъ и проситъ васъ не спѣшить для него, лишь бы онъ васъ могъ видѣть при выходѣ изъ Карантина. Корабль *Чесма*, на коемъ онъ пріѣхалъ, въ виду города сталъ на мель и до сихъ поръ еще не снялся.

15.

27 Августа 1833, Одесса.

Съ отъѣзда вашего сіятельства изъ Одессы, я до сей минуты не имѣлъ чести писать къ вамъ; причина тому самая простая: не имѣлъ ничего замѣчательнаго доложить вамъ: а безпокоить пустыми письмами людей, озабоченныхъ дѣлами, почитаю я истиннымъ грѣхомъ.

Молчаніе мое есть вмѣстѣ признакъ того, что у насъ все благополучно и хорошо. Потерявъ жатву, мы уже не можемъ ее возвратить въ семъ году; но на голыхъ и пыльныхъ степяхъ нашихъ стала показываться трава, слѣдовательно будемъ имѣть подножный кормъ для скота. C'est quelque chose.

О выписываемомъ изъ Молдавіи хлѣбѣ мы еще не имѣемъ слуховъ, и если къ 10-му Сентября онъ не придетъ, я рѣшусь купить здѣсь на мѣстѣ четвертей 500 ржи и раздамъ ее заимообразно для посѣва нашимъ поселянамъ. Надѣюсь, что ваше сіятельство удостоите такое распоряженіе мое вашимъ утвержденіемъ. Коммиссія для пособія бѣднымъ открыта. Я самъ съ нею буду работать, но принимаю

за правило ничего и никому даромъ не давать, кромѣ безпомощныхъ, вдовъ и сиротъ. Работы на Старомъ базарѣ идутъ хорошо; на дняхъ откроется планированіе обѣихъ улицъ, идущихъ по обѣ стороны бульвара отъ Стараго базара къ Рибасовой улицѣ или къ новому дому Калашникова.

Очень бы желалъ я приступить къ устроенію шоссе чрезъ Пересыпь; но Готмана нѣтъ здѣсь, Морозовъ боленъ, а архитекторамъ въ сихъ работахъ я не вѣрю и потому ничего не предпринимаю по сему предмету.

Теперь только вижу, до какой степени безнравственно здѣшнее народонаселеніе, которое можно назвать дрозжами, пѣною или изверженіемъ Русскаго народа, смѣшаннымъ съ такими же отраслями Польской и Молдавской націй. Представьте себѣ, что отецъ или мать семейства, выработавъ 1 или 1½ рубли и зная, что у нихъ дома дѣти безъ пищи, не идутъ къ нимъ, но бросаются въ кабакъ и, напившись, валяются предъ храмомъ Бахуса, пока у нихъ что либо есть въ карманѣ. Такихъ примѣровъ замѣчено уже много, и я съ грустію въ сердцѣ вижу, что большая часть нашихъ пособій идутъ прямымъ путемъ къ г. Маразли. Не таковъ народъ Русскій вообще, хотя и любитъ выпить въ праздникъ. Гнусныя привычки здѣшнихъ жителей происходятъ отъ ихъ бездомовности, отъ духа бродяжничества, котораго причину хотя и немудрено понять, но которому, какъ я полагаю, правительство должно нынѣ противиться для спасенія новаго поколѣнія, здѣсь родившагося.

До вашего сіятельства вѣроятно будетъ жалоба или слухъ о задержаніи здѣсь судна, палившаго изъ пушекъ при васъ послѣ зари. Сіе отступленіе не стоило бы вниманія; но хозяинъ судна, Аверовъ, Orlando furioso, со всѣми перебранился и довелъ дѣло до слѣдственнаго порядка, стало быть лишилъ меня возможности кончить все домашнимъ образомъ. Хуже всего то, что ему брандвахта дала казенный порохъ и что командиръ брандвахты - блюститель порядка въ портѣ—самъ находился на суднѣ Аверова и разрѣшилъ его палить послѣ запрещенія, присланнаго съ берега отъ капитана надъ портомъ.

Имѣю честь при семъ представить планъ того мѣста, которое мы хотѣли отдать Евреямъ для училища и которое удержали, дабы суевѣрные жители не жаловались на насъ, что законъ Моисеевъ проповѣдуется на одной площади съ Евангеліемъ. Теперь Евреи дѣлаютъ другое предложеніе, которое мнѣ кажется весьма удобоисполнительнымъ: ту часть мѣста, которая обращена къ площади и означена на планѣ лиловою краскою, отдать подъ застроеніе казенному мѣсту или частному лицу; а другую, то есть входящую въ боковую улицу, слѣдовательно невидимую съ площади и означенную на планѣ коричневою краскою, отдать имъ. Я полагаю, что такое распоряженіе будетъ весьма полезно и тѣмъ справедливѣе, что они, т. е. Евреи, имѣютъ уже на семъ мѣстѣ весьма много камня. Если вы изволите со мною согласиться, то не угодно ли прислать ко мнѣ планъ сей съ предписаніемъ исполнить по оному?

На дняхъ приносилъ ко мнѣ Гаюи новое соображеніе о литейной. Я далъ ему мнѣніе, чтобы преж-

де всего перенести въ соляной магазинъ нынѣшнюю мастерскую Артезіанскихъ колодцевъ и потомъ уже къ ней прибавлять всѣ прочія части заведенія. Онъ охотно согласился и составляетъ смѣту на сію первую издержку.

Погода ночью становится прохладною, но еще ясно, свѣтло, и днемъ даже бываетъ очень тепло.

16.

7 Септября 1833 года, Одесса.

Я имѣлъ честь получить почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства отъ 31-го Августа и спѣшу отвѣтствовать на оное.

Желаніе вашего сіятельства помочь генералу Силину можетъ быть исполнено слѣдующимъ образомъ: извольте дать мнѣ предписаніе отпускать ему квартирныя деньги *по чину*, въ уваженіе болѣзненнаго положенія, препятствующаго ему отправиться къ мѣсту назначенія. Можно прибавить, чтобы выдать сей окладъ со дня прекращенія квартирныхъ денегъ по званію коменданта. Но неужели онъ намѣренъ оставаться безъ мѣста? Я думаю, ваше сіятельство могли бы доставить ему крѣпость.

О дѣлѣ Аверова я уже имѣлъ честь писать; а дабы вы могли отвѣчать ему на его прошеніе, то посылаю офиціальное объясненіе. Частнымъ образомъ прибавлю: онъ, какъ всѣ говорятъ, полоумный; онъ побранился съ Потемкинымъ, побранился со всѣмъ карантиннымъ правленіемъ и, вмѣсто того, чтобы подать ко мнѣ прошеніе, онъ прислалъ ко мнѣ какого-то сидѣльца или камердинера требовать

словесно, чтобы судно было выпущено, и когда я отвѣчалъ, что не могу сего сдѣлать на словахъ, то онъ пошелъ ко всѣмъ маклерамъ протестовать противъ меня. Между тѣмъ дѣло приняло офиціальный ходъ и поелику оказалось, что пальба изъ пушекъ послѣ зари производилась въ присутствіи брандвахтеннаго командира, который самъ былъ на судиѣ Аверова въ сіе время и даже далъ порохъ, но на бумагѣ ни въ чемъ не сознался: то я на рапортъ карантиннаго правленія о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ не могъ иначе отвѣчать, какъ приказать изслѣдовать. Слѣдствіе требовало допроса шхипера: но Аверовъ не велѣлъ ему отвѣчать, самъ отказался отвѣчать слѣдователямъ и надѣлалъ иныхъ глупостей. Все это задержало судно нѣсколько дней: впрочемъ давно допросы кончены, и судно уже свободно. Еслибы г. Аверовъ имѣлъ каплю здраваго смысла, онъ бы предупредилъ все сіе, согласившись безъ слѣдствія заплатить 100 р. штрафа, ибо и теперь наказаніе положится не болѣе сего.

Если пароходъ *Одесса* возвратится во время, то я отправлю его еще одинъ разъ въ Крымъ, а именно около 15-го числа Сентября. Полагаю, что послѣ сего уже болѣе не нужно будетъ посылать его; впрочемъ какъ прикажете.

Дожди немного мѣшаютъ работамъ нашимъ на улицахъ; но они даютъ кормъ скоту. Я теперь выдумываю занятія для бѣдныхъ зимою, ибо тогда нужды ихъ увеличатся болѣе, нежели когда либо. Лучшія занятія зимою—ломка или рѣзка камня и разбиваніе въ щебень. Подробности сего проекта я представлю вашему сіятельству.

Институтъ насъ крѣпко напугалъ на дняхъ. Три архитектора: Фанъ-деръ-Флитъ. Козловъ и Торичелли объявили. что капитальная стѣна должна разрушиться. печи тоже. Мы собрали экстраординарное засѣданіе Совѣта, велѣли три печи разломать туже минуту: дѣтей перевели въ другія комнаты и хотя стѣснили ихъ до послѣдней возможности, но избавили отъ опасности. Теперь немедленно нужно исправить бѣду: тѣже три архитектора требуютъ на сіи исправленія 12.500 рублей и разобраніе стѣнъ. Боффо клянется связать желѣзомъ. Готманъ одобряетъ его проектъ, потому что онъ не требуетъ вывода Института изъ дома. Мы. члены. не знающіе архитектуры. соглашаемся на сіе подъ отвѣтственностію одобряющаго проектъ. Во всякомъ случаѣ нужно издержать до 4.000 рублей. кои должны пасть конечно не на Институтъ и не на городъ. а на виновныхъ. Вина Гаюи. за которую его судили и держали на гауптвахтѣ. менѣе вины Боффо. Такъ говорятъ люди свѣдущіе въ архитектурѣ. Я ничего не говорю. ибо на сіе есть судебныя мѣста. Мое дѣло сберечь дѣвицъ отъ опасности.

Домъ на Ришельевскомъ хуторѣ. гдѣ я живу и который Боффо исправлялъ въ прошедшемъ году. также лопнулъ въ двухъ мѣстахъ и если мы его не свяжемъ желѣзомъ, то онъ зимою разрушится. Я знаю, что друзья мои все это будутъ называть личностями, преслѣдованіемъ невиннаго. Но что же мнѣ дѣлать? Неужели допустить всему разрушиться и за все сіе благодарить г. Боффо? Еслибы я былъ частный человѣкъ, то конечно молчалъ бы; но я отвѣчаю за моихъ подчиненныхъ, и если я не буду съ нихъ взыскивать, то самъ подпаду отвѣту.

Простите мнѣ, если я наскучаю вамъ описаніемъ сихъ обстоятельствъ. Когда я буду молчать, то другіе станутъ говорить и говорить по-своему. Ваше сіятельство знаете меня давно; знаете, что я не золъ и не мстителенъ, но люблю правду и порядокъ. Конечно качество сіе заставляетъ меня иногда дѣлать непріятности тѣмъ, кто виноватъ; но я ссылаюсь на ваше сіятельство: можетъ ли начальникъ часто спускать проступки безъ нарушенія долга своего? Amicus Plato, amicus Aristoteles, sed magis amica veritas.

Сусловъ получилъ пашпортъ и отправился въ Крымъ.

17.

10-го Сентября 1833 г., Одесса.

Почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства изъ Ѳеодосіи я имѣлъ честь получить и въ исполненіе приказаній вашихъ приготовляю пароходъ *Одессу* къ отправленію въ Крымъ около 20-го Сентября, такъ что въ концѣ сего мѣсяца онъ будетъ въ вашемъ распоряженіи въ Ялтѣ.

Офиціальнаго объясненія по дѣлу Аверова я не послалъ, ибо не знаю, въ чемъ его жалоба и прошу офиціально меня запросить со всею строгостію начальника; чѣмъ строже, тѣмъ лучше.

Уже третій день дуютъ здѣсь равноденственные вѣтры, послѣ чего надѣемся хорошей погоды. Потаповъ купилъ по вашему приказанію 2.000 четвертей муки и покупаетъ еще.

Приказанія ваши о скачкѣ переданы Боффе: въ чемъ могу, я помогу ему съ великою радостію, ибо дѣло полезное.

Не угодно ли поскорѣе разрѣшить рапортъ Гаюи и мой о перенесеніи кузницы Артезіанскихъ колодцевъ?

18.

21 Сентября 1833 года, Одесса.

Имѣю честь при семъ представить вашему сіятельству рапортъ мой о необходимости скорѣе приступить къ устройству второй землечерпательной машины для здѣшняго порта. Послѣдняя равноденственная буря, продолжавшаяся 10 дней, много нанесла намъ гравету или баласту, прежде выкидывавшагося близъ хутора Ланжерона около берега. Съ началомъ весны необходимо будетъ приступить къ очищенію насоса; но машина, работающая въ Практическомъ портѣ, также въ немъ необходима, какъ и въ Карантинномъ. Надобно, чтобы представленіе ваше о семъ предметѣ въ Петербургъ было весьма сильно; надобно испугать: безъ того намъ не будутъ отвѣчать еще годъ или болѣе.

Хлѣбъ бѣднымъ поселянамъ здѣшнимъ на посѣвъ уже розданъ мною. Работы, для нихъ же устроенныя, я на дняхъ усилилъ двумя новыми, а именно: велѣлъ пустить охотниковъ, сколько явится, на Нарышкинскій спускъ и на выкопаніе канавъ по Пересыпи, около всѣхъ песковъ, такъ чтобы оставить однѣ только проѣзжія дороги; все прочее пространство, бывъ обнесено канавами, будетъ засажено. Прошлогодній опытъ мой такъ радуетъ меня, что я

готовъ, подобно Архимеду, выскочить изъ ванны и, бѣгая по улицамъ, кричать: открылъ, открылъ! Вообразите, что чѣмъ безплоднѣе песокъ, то есть почти сыпучій, тѣмъ лучше пошли въ немъ посаженныя деревья; а гдѣ была трава, тамъ посѣянные нами черенки красной лозы и иные пропали; но за то трава пустила корни столь вѣтвистые, что грунтъ земли ими укрѣпленъ, и такимъ образомъ все захваченное мною подъ плантацію пространство теперь не дастъ ни горсти песку отъ одного только того, что по немъ не ѣздятъ и скотъ не ходитъ. Слѣдуя сему опыту, я всѣ песчаныя пространства на Пересыпи обрываю рвами довольно широкими, и что̀ успѣю, то засажу или засѣю; остальное поростетъ травою и свяжется ея корнями. Вы не можете себѣ представить, какъ радуетъ меня мысль о семъ предпріятіи и какъ мнѣ весело, когда воображеніе мое, перенося меня въ 1840 или 1860 годъ, заставляетъ меня гулять въ лѣсахъ Пересыпскихъ. Странная вещь! Я человѣкъ самый прозаическій; но подобныя вещи, когда онѣ сопряжены съ общимъ благомъ, меня приводятъ въ піитическій энтузіазмъ. Простите мнѣ, почтеннѣйшій графъ, что я обременяю вниманіе ваше сими подробностями. Я знаю васъ; знаю, что ничто общеполезное не можетъ быть вамъ скучно; помню, что много разъ, при подобныхъ предположеніяхъ вашихъ, благородныя слезы радости блистали на глазахъ вашихъ; я всегда цѣнилъ ихъ въ настоящей мѣрѣ, раздѣлялъ ихъ съ вами и потому не боюсь наскучить вамъ симъ письмомъ. Пойду далѣе и прибавлю, что одни только подобныя предположенія, одна только возможность *творить вещи нужныя для потомства* и убѣжденіе въ томъ,

что вы желаете сего, что чувство сіе сближаетъ меня съ вашимъ сіятельствомъ не столько отношеніями служебными, сколько нравственными, сіи только, повторю, предметы услаждаютъ мое существованіе въ настоящемъ мѣстѣ, гдѣ долженъ я безпрерывно бороться со зломъ, съ интригами, съ безпорядками. Въ заключеніе скажу, что Строительный Комитетъ составляетъ въ настоящее время мой адъ и мой рай: чрезъ него долженъ я дѣлать тѣ вещи, кои наиболѣе меня утѣшаютъ и коими наиболѣе надѣюсь заслужить одобреніе безпристрастныхъ и честныхъ граждан (ибо мнѣнія прочихъ я презираю) и въ томъ же комитетѣ долженъ я заниматься разборомъ величайшихъ и безпрерывныхъ безпорядковъ, упущеній и мошенничествъ; чрезъ него же долженъ я ожидать наибольшихъ неудовольствій.

Адмиралъ Грейгъ писалъ ко мнѣ вчера чрезъ нарочнаго курьера, чтобы я прислалъ пріемщика и машинистовъ для пріема новаго парохода, который онъ посылаетъ къ вамъ въ Алупку. Я отвѣчалъ, что парохода сего, какъ не принадлежащаго городу, я принять не смѣю. Машинистъ не можетъ отлучиться отъ землечерпательной машины и на одинъ день.

Спѣшу кончить, ибо курьеръ отправляется сейчасъ.

Пароходъ *Одесса* долженъ былъ сегодня отправиться къ вамъ; но котелъ потекъ, и мы отложили отправленіе до завтра.

19.

Одесса, 25 Сентября 1833 г.

Полчаса назадъ имѣлъ я честь получить почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства изъ Таганрога отъ 20 Сентября и туже минуту послалъ отыскать механика нашего, при пароходахъ состоящаго. Между тѣмъ ему готовятъ подорожную, предписанія, и часа чрезъ два или три онъ, согласно волѣ вашей, отправится въ Керчь.

Приключеніе съ пароходомъ *Одессы* вамъ уже извѣстно. Приключенія ваши по Азовскому морю, которыя вы называете траги-комическими, должны быть интересны. Я думаю, что всѣ вмѣстѣ они приведутъ насъ къ заключенію, что у насъ еще не умѣютъ дѣлать хорошихъ машинъ паровыхъ.

Я сейчасъ приказалъ полицмейстеру посылать вашему сіятельству дневные рапорты. Онъ проситъ извиненія въ томъ, что, по незнанію воли вашей о семъ, не посылалъ рапортовъ со дня вступленія.

Долгое молчаніе ваше сейчасъ подало поводъ къ сочиненіямъ разныхъ слуховъ. Въ ту минуту, когда я читалъ письмо ваше, вбѣжалъ ко мнѣ Новиковъ*)

---

*) Извѣстный Одесскій торговецъ. П. Б.

съ испуганнымъ лицомъ и спрашиваетъ: правда-ли, что съ вами случилось великое несчастіе?

Механикъ явился, и я оканчиваю письмо.

Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ пріѣзда вашего для нашего Дѣвичьяго Института. Докторъ говоритъ, что въ немъ нельзя жить зимою; архитекторы повторяютъ тоже; но такъ какъ сіе повлечетъ въ бѣду Боффо и потомъ все будетъ приписано друзьями моими личностямъ моимъ, преслѣдованію моему, то я ничего не предпринимаю, ограничиваясь отпискою бумагъ, какъ дѣлали нѣкоторые предмѣстники мои, кои прослыли ангелами доброты за то, что никому не мѣшали разграблять казну городскую. По совѣсти сознаюсь, что они были умнѣе меня; но на бѣду мою судьба дала мнѣ характеръ, не терпящій зла. Сражаюсь съ нимъ и буду сражаться до конца дней моихъ, хотя самъ иногда вижу, что я временами попадаю чуть-чуть не въ Донкишоты.

Обращаясь опять къ дому Института, буду ожидать вашихъ приказаній. Мое дѣло довести до свѣдѣнія начальства сущую правду; а будетъ то, что̀ начальству угодно.

20.

10-го Августа 1834 года, Одесса.

Полагая, что письмо сіе придетъ въ столицу въ одно время съ вашимъ сіятельствомъ, имѣю честь при семъ представить записку и формулярные списки тѣхъ чиновниковъ, которыхъ вы позволили мнѣ представить къ наградамъ. Если изволите разсмотрѣть мою просьбу, то увидите, что она довольно скромна: изъ шести чиновниковъ, мною рекомендуемыхъ, я прошу тремъ только 14-й классъ, одному годовое жалованье, а двумъ чины слѣдующіе. Купцовъ трое, и въ наградѣ имъ препятствія никакого быть не можетъ, ибо они подходятъ подъ всѣ правила.

Оффиціальный рапортъ мой о новомъ проектѣ улучшенія Практической гавани нынѣ же отправляется съ планами и смѣтами, а записку о семъ предметѣ и объ укрѣпленіи нашихъ молловъ, составленную со словъ вашихъ для поднесенія Государю Императору на разсмотрѣніе, влагаю въ сіе письмо.

Послѣ отъѣзда вашего я получилъ изъ Артиллерійскаго Департамента отношеніе, коимъ меня увѣдомляютъ, что если мы за чугунъ, назначенный здѣсь въ продажу, не дадимъ болѣе 30 копѣекъ, то оный будетъ отданъ за сію цѣну Луганскому заво-

ду. Въ такомъ случаѣ мы можемъ надбавить одну копѣйку, и если вы на сіе изволите согласиться, то не угодно ли прямо отъ себя поскорѣе увѣдомить военнаго министра: а я между тѣмъ буду отвѣчать Департаменту, что отвѣтъ рѣшительный получится имъ чрезъ ваше сіятельство. Смольяниновъ хотѣлъ уже отправлять чугунъ въ Херсонъ, но я уговорилъ его подождать и официально написалъ ему о семъ.

Бутеневъ, какъ вамъ извѣстно, пріѣхалъ сюда на другой день послѣ васъ, и въ Воскресенье собирается отплыть въ Константинополь. Купечество наше даетъ ему завтракъ, что̀ я нахожу весьма приличнымъ. Жена его нѣсколько дней была больна здѣсь, и это нѣсколько разстроило мои планы на счетъ того, чтобы ему показать нашъ городъ. О тѣхъ предметахъ, о коихъ вы говорили съ нимъ въ каретѣ, мы вторично бесѣдовали, и онъ радъ во всемъ помогать.

Чума въ Константинополѣ усиливается, и карантинное правленіе спрашивало меня: не удвоить-ли срокъ или не увеличить-ли обсервацію? Первое нашелъ я еще ненужнымъ и стѣснительнымъ, а на второе согласился съ назначеніемъ 8-ми-дневной обсерваціи на рейдѣ, чѣмъ купечество довольно.

На дняхъ въ Коммерческомъ Совѣтѣ было разсуждаемо о торговлѣ хлопчатою бумагою, и поелику всѣ говорятъ, что она здѣсь должна увеличиться, то я почитаю необходимымъ увеличить наши магазины въ Карантинѣ. По пріѣздѣ вашего сіятельства я официально представлю о семъ.

Чрезъ недѣлю надѣюсь я представить вамъ отвѣтъ на записку, къ вамъ присланную Танѣевымъ, о торговлѣ въ Трапезондѣ. Я собралъ о семъ предметѣ нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія.

Послѣ отъѣзда вашего было у насъ еще два пожара, но ничтожные и происходившіе отъ нечистоты трубъ.

Не для того, чтобы жаловаться, а дабы позабавить васъ, доложу вамъ, что многіе жители Стараго базара сильно жалуются, зачѣмъ мостятъ площадь и строятъ шопы: мостовая лишитъ ихъ кирпича для топлива; а шопы, какъ полагаютъ они, разорятъ всѣхъ владѣльцевъ сосѣднихъ лавокъ. Они не вѣрятъ тому, что въ шопахъ, кромѣ зелени, хлѣба и подобныхъ вещей, нельзя будетъ ничего продавать.

21.

24 Августа 1834 года, Одесса.

Письмо сіе дойдетъ до вашего сіятельства во время самыхъ большихъ празднествъ *); а потому для разнообразія обращу вниманіе ваше на Югъ. Хотя я не имѣю ничего особенно занимательнаго доложить вамъ, однакоже думаю небезполезнымъ увѣдомить васъ, что у насъ здѣсь все идетъ благополучно и хорошо. День коронаціи отпраздновали мы весьма весело, а въ соборѣ имѣли церемонію рѣдкую даже и въ столицахъ: молебенъ служилъ архіепископъ нашъ съ двумя митрополитами. Потомъ у меня завтракали, палили изъ пушекъ, пѣли въ театрѣ, кричали *ура* на бульварѣ, при свѣтѣ плошекъ и фейерверка. Словомъ, были забавы для всѣхъ сословій.

Имѣю честь при семъ представить нѣкоторыя бумаги, заслуживающія вашего вниманія, а именно:

1) Отвѣтъ мой по запискѣ, отъ Государя къ вашему сіятельству присланной, о торговлѣ съ Трапезонтомъ.

---

*) Писано въ Петербургъ, гдѣ тогда торжествовалось открытіе Александровской колонны на Дворцовой площади. П. Б.

2) Копію отвѣта моего министру относительно открытія работъ для бѣдныхъ въ неурожайные годы. Не угодно-ли будетъ разсмотрѣть въ сей бумагѣ мысль мою о томъ, чтобы къ тому же средству прибѣгать въ годы благополучные для пополненія недоимокъ?

3) Письмо на имя ваше отъ Пзнара, который проситъ какого нибудь знака отличія за труды по винодѣлію и хлѣбопашеству; ему бы можно очень выхлопотать медаль золотую на Анненской лентѣ.

4) Письмо ко мнѣ нашего консула въ Тріестѣ Коронелли, который проситъ меня напомнить вамъ о какомъ-то имѣніи, у него отнятомъ. Весьма мало знаю я г. консула и вовсе незнакомъ съ его дѣломъ, но тѣмъ не менѣе почитаю обязанностію довести до вашего свѣдѣнія его просьбу.

На дняхъ началъ я устроеніе шоссе въ трехъ различныхъ мѣстахъ: 1) на Дворянской и Садовой улицахъ до Новаго базара отъ гауптвахты и потомъ до новаго институтскаго моста. 2) На Пересыпи, начиная отъ спуска и 3) На Рыбной, начиная отъ 2-й части съѣзжаго дома (что̀ противъ острога) до Александровской улицы и потомъ по ней до Стараго базара Между тѣмъ мозаиковая дикарная мостовая на площади Стараго базара продолжается, и два квартала, то есть половина площади, будутъ на дняхъ окончены.

Наслѣдникъ изъ Константинополя еще не возвращался; *Одесса* еще не кончена; землечерпательная машина также еще не совсѣмъ готова. Первое от-

плытіе компанейскаго парохода въ Константинополь предполагается на дняхъ.

Г-жа Катакази отправилась съ Бутеневымъ на фрегатѣ. Вчера пришелъ къ намъ 145-ти пушечный корабль *Варшава* на пути въ Севастополь; я видѣлъ его и любовался отличною отдѣлкою и огромностію.

Кромѣ архіерея у насъ есть гости Петербургскіе: оберъ-прокуроръ Синода Нечаевъ и графъ Завадовскій, ѣдущій въ Крымъ. Погода у насъ стоитъ прекрасная и даже очень жаркая, но послѣ дождей не вредная. Вода изъ маленькаго Артезіанскаго колодца стала еще лучше и рѣшительно превкусная. Количество ея хотя не велико, однако не уменьшается. Пруды опять высохли.

Торговля идетъ весьма медленно, судовъ приходитъ мало. Греческій митрополитъ говорилъ мнѣ, будто бы онъ получилъ извѣстіе изъ Константинополя, что Ибрагимъ-паша умеръ. Ожидаемъ подтвержденія.

Оленскій не хочетъ быть инспекторомъ Управы въ Херсонѣ и желаетъ оставаться здѣсь членомъ, въ надеждѣ быть утвержденнымъ. Я не отвѣчаю вашему сіятельству офиціально о Магнусѣ, пока не узнаю вашихъ намѣреній относительно того, кого вы изберете сюда въ инспекторы.

Не забудьте, ваше сіятельство, объ ярмаркѣ на Пересыпи.

22.

10 Септября 1834 года, Одесса.

Позвольте имѣть честь поздравить ваше сiятельство съ новою монаршею милостiю и особенно съ лестнымъ рескриптомъ, который ее сопровождаетъ. Прiятно видѣть, что Государь цѣнитъ надлежащимъ образомъ неутомимые, общеполезные труды ваши. Болѣе сказать не смѣю, ибо знаю, что вы не любите похвалъ, даже самыхъ справедливыхъ.

Съ особеннымъ удовольствiемъ читалъ я въ письмѣ вашемъ, что Государь Императоръ доволенъ Одессою и управленiемъ вашимъ. Смѣю надѣяться, что Его Величеству угодно будетъ сдѣлать извѣстнымъ свое удовольствiе.

Пожарную трубу я вамъ нашелъ безъ труда, но не у Гаюи, который ихъ не дѣлаетъ, а у Демоля, который выписалъ по моему заказу двѣ штуки изъ Женевы; одну отдалъ я вашему управляющему Фонтана, другую оставилъ себѣ. Ихъ можно носить одному человѣку за плечами, а дѣйствуютъ онѣ отлично и весьма просты.

Наслѣдникъ пришелъ изъ Константинополя съ дровами вмѣсто уголья и на другой же день по прибытiи началъ свой карантинный терминъ. Недѣли

чрезъ полторы онъ будетъ готовъ, и можемъ его отправить въ Крымъ, если вы не прикажете ему ожидать васъ. До сихъ поръ мы еще ничего не знаемъ о времени выѣзда вашего изъ Петербурга и потому еще ни на что́ не рѣшились; но вѣроятно дней чрезъ 8 или 10 уже будемъ знать о вашихъ предположеніяхъ.

Время у насъ стоитъ прекрасное: теща моя купается всякій день въ морѣ: еще двѣ или три дамы дѣлаютъ тоже. Но мы опять сѣтуемъ на сухость: съ вашего отъѣзда ни капли дождя мы не видали.

Я опять приготовляюсь къ продолженію разсадки деревьевъ на Пересыпи; надѣюсь нынѣшнею осенью посадить еще до 200,000 черенковъ, если не будетъ раннихъ морозовъ. Особенно радуетъ и обнадеживаетъ меня тополь и одинъ родъ вербы, который въ песчаномъ грунтѣ растетъ чрезвычайно успѣшно.

Дирекція театральная вошла ко мнѣ съ представленіемъ, которое въ подлинникѣ представляю. Она проситъ позволенія не имѣть контръ-альто. Я лично не хотѣлъ бы съ симъ согласиться, ибо голосъ контръ-альто предпочитаю всѣмъ другимъ; но не знаю, что́ вы скажете.

Литейный заводъ идетъ весьма медленно: до сихъ поръ нѣтъ печи для литья, а между тѣмъ мастеръ литейный содержится и получаетъ около 5,000 рубл. въ годъ даромъ. Ни землечерпательная машина, ни пароходъ *Одесса* еще не готовы; я не престаю писать и повторять и получаю въ отвѣтъ, что все готово, между тѣмъ ничто не готово.

Въ портѣ у насъ тихо, пусто; торговли почти нѣтъ.

Работы по городу идутъ довольно успѣшно. Шоссе по Пересыпи начато и ежедневно занимаетъ 50 человѣкъ рабочихъ: спускъ Нарышкинскій совсѣмъ конченъ; шоссе на Рыбной и на Садовой идетъ впередъ. Сверхъ арестантской роты я теперь имѣю на работахъ до 250 человѣкъ мѣщанъ, взятыхъ за неплатежъ податей.

Работы Завацкаго для продолженія военнаго молла идутъ очень быстро. Дѣло Фейгина по Карантинному моллу кончено, и контрактъ заключенъ, но посланъ къ вамъ на утвержденіе.

Согласно давно изъявленному вашимъ сіятельствомъ желанію, я теперь занимаюсь составленіемъ проекта шоссе отъ Пересыпи по берегу моря до самой таможни. Нынѣшній годъ можемъ начать заготовленіе матеріаловъ.

Сабанѣевскій мостъ уже вышелъ изъ земли, и половина арокъ выведена.

Биржа валится: потолокъ въ большой залѣ растреснулся, балки погнулись, и штукатурка съ живописями Ковшарова падаетъ. Доски подъ терассою всѣ погнили; пять колоннъ лопнули; въ нѣкоторыхъ стѣнахъ оказались трещины. Все чинимъ; но на чей счетъ?

23.

Съ прошедшею почтою имѣлъ я честь писать и рекомендовать вашему сіятельству въ смотрители больницы служащаго въ вашемъ штатѣ г. Косяровскаго, рекомендованнаго мнѣ Лексомъ какъ весьма благороднаго и усерднаго чиновника. Но два дни назадъ получилъ я письмо отъ Льва Александровича Нарышкина *), который проситъ меня дать сіе мѣсто частному приставу Мотылеву. Охотно желаю сдѣлать ему удовольствіе удовлетвореніемъ его просьбы, а потому представляю оную на разрѣшеніе вашего сіятельства. Г. Мотылевъ мало мнѣ извѣстенъ: но полицмейстеръ, то-есть Центиловичъ, можетъ доставить вашему сіятельству подробнѣйшія свѣдѣнія о г. Мотылевѣ. Я съ своей стороны буду только просить, чтобы тотъ, котораго изъ двухъ вы изволите избрать, былъ въ началѣ назначенъ исправляющимъ должность. На сіе есть предписаніе Министерства, и распоряженіе сіе весьма полезно.

У меня вчера былъ г. Покровскій, попечитель нашихъ училищъ; онъ приносилъ ко мнѣ два послѣднія отношенія къ нему вашего сіятельства о землѣ лицейской и объ устройствѣ гимназіи. О землѣ го-

*) Двоюродный братъ М. С. Воронцова. П. Б.

ворить онъ, что министръ не соглашается уступить; но я надѣюсь вмѣстѣ съ нимъ быть скоро у князя Ливена и объяснить ему, что продажею сей земли въ частныя руки они ничего не потеряютъ, а городъ выиграетъ. Я предложу имъ еще въ видѣ вознагражденія отводить ежегодно для сѣнокоса лицейскимъ лошадямъ и воламъ до 50-ти десятинъ, въ томъ мѣстѣ гдѣ мы всѣмъ частнымъ лицамъ отводимъ сѣнокосы. Отвѣтомъ о гимназіи Покровскій спѣшить не будетъ, но постарается исполнить все требуемое вашимъ сіятельствомъ. Заведеніе низшихъ училищъ мы откладываемъ до возвращенія обоихъ насъ въ Одессу.

Я представлялъ Фацарди къ ордену, и ваше сіятельство передали сіе представленіе въ Министерство; но тогда онъ не имѣлъ пряжки, а теперь онъ получилъ ее и слѣдовательно имѣетъ болѣе надежды на полученіе награды. Нужно только, чтобы ваше сіятельство извѣстили о семъ министра, и я покорнѣйше прошу васъ о семъ, ибо очень желалъ бы поощрить усердіе сего трудолюбиваго чиновника.

За годъ предъ симъ имѣлъ я мысль надстроить надъ домомъ, гдѣ прежде былъ Магистратъ (т.-е. въ полицейскомъ дворѣ), третій этажъ съ тѣмъ, чтобы въ немъ были квартиры для магистратскихъ и полицейскихъ чиновниковъ, чѣмъ мы улучшили бы ихъ участь. На сіе составленъ былъ г-мъ Боффо планъ и фасадъ; но я все сіе отложилъ до вашего пріѣзда. Если мысль сія удостоится одобренія вашего сіятельства, я бы просилъ васъ приказать

г. Боффе представить вамъ планы и фасадъ со смѣтою, а потомъ представить все дѣло сюда на утвержденіе.

Поступокъ г. Хороткевича съ Морозовымъ въ присутствіи Комитета таковъ, что ваше сіятельство сдѣлаете весьма полезное дѣло, если доведете оный до свѣдѣнія министра юстиціи. Это его выбора человѣкъ.

24.

9 Ноября 1834 года, Одесса.

Большая часть писемъ къ вамъ изъ Одессы будетъ упоминать о вчерашнемъ пожарѣ. Не могу не донести вамъ о семъ съ моей стороны.

Пожаръ начался въ домѣ или флигелѣ при домѣ Бларамберга, отъ котораго загорѣлся и совсѣмъ сгорѣлъ большой магазинъ Штиглица съ нѣкоторыми товарами, въ немъ бывшими. Сало все спасено, кожъ спасли часть; пшеница обгорѣла, но не совсѣмъ пропала. Страшнѣе всего былъ жестокій вѣтеръ, разносившій искры на далекое пространство и грозившій всей Забалканской части, особенно деревяннымъ полуистлѣвшимъ крышамъ домовъ Чарторійскаго и Ферстера; но, слава Богу, пожаръ не захватилъ ихъ. Полиція дѣйствовала весьма усердно: арестантская рота Драгутина покрыла себя лаврами неувядаемыми. Пламя прекращено около полудня; но балки и перекладины или мурлаты въ стѣнахъ тлѣлись до вечера, и я, проведя на пожарѣ половину дня, долженъ былъ возвратиться туда вечеромъ для окончательнаго утушенія искръ, разгоравшихся изъ обгорѣвшихъ балокъ. Полиція провела тамъ всю ночь, сопровождавшуюся ужасною бурею. Я ночевалъ до́ма, но не могъ почти спать и, закрывая глаза, видѣлъ во снѣ горящую Тулу. Сегодня съ

утра болѣе 150 человѣкъ занимаются разрытіемъ кожъ, кои тлѣютъ подъ толстыми слоями пшеницы.

Теперь позвольте сообщить вамъ новость, которая близка моему сердцу: жена моя родила мнѣ дочь. Хлопоты съ родильницею и хлопоты съ пожаромъ сбили меня совсѣмъ съ ногъ. Прибавлю къ сему рекрутскій наборъ, при началѣ коего всѣ мѣщане разбѣжались; между тѣмъ ревизія требуетъ, чтобы они всѣ были на лицо. Сверхъ того велѣно понуждать ихъ всѣми мѣрами ко взысканію недоимокъ. Все это, вмѣстѣ взятое, вскружило мнѣ голову до такой степени, что я похожъ на угорѣлаго и дѣйствительно страдаю какъ умственно, такъ и тѣлесно; а потому долженъ прекратить письмо мое.

———

25.

11 Ноября 1834 года, Одесса.

Получивъ почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства отъ 5 Ноября, я тотчасъ вошелъ въ сношенія съ г. Тетбу относительно пароходовъ, и къ пріѣзду вашему мы кое-что уже приготовимъ на бумагѣ.

Между тѣмъ имѣю честь представить вамъ два рапорта: одинъ о чугунныхъ валахъ для Ахметъ-паши; другой о томъ, что я за отсутствіемъ вашимъ самъ рѣшился утвердить торгъ на продовольствіе здѣшняго карантиннаго баталіона. Цѣны были такъ дешевы и время такъ коротко, что я бы погрѣшилъ противъ совѣсти, еслибы буквально исполнилъ то, что̀ по законамъ слѣдовало. Для пользы казны я рѣшился рискнуть и надѣюсь, что ваше сіятельство за то не будете меня бранить. Цѣны на хлѣбъ здѣсь продолжаютъ возвышаться, хотя не быстро.

Торговля пооживилась. Отвозъ сала въ нынѣшнемъ году чрезвычайный: по 1-е Ноября вывезено болѣе 500,000 пудовъ, а въ 1833-й весь годъ отпущено только 240,000 или 250,000.

Время у насъ поиспортилось, но такъ и должно быть осенью.

Пуль возвратился, и я надѣюсь, что компанія пароходная поддержится имъ. 15-го Ноября у насъ выборъ новыхъ директоровъ.

26.

21 Іюня 1835 года, С.-Петербургъ.

Съ отъѣзда моего изъ Одессы до сей минуты я не имѣлъ чести писать къ вашему сіятельству. И что̀ могъ я сказать занимательнаго для васъ, странствуя изъ деревни въ деревню, толкуя о пашняхъ, сѣнокосахъ и прочихъ предметахъ, интересующихъ меня лично! Теперь же, прибывъ въ столицу, поспѣшаю доложить о томъ вамъ.

Я нашелъ, что Петербургъ нынѣ пустѣе, нежели когда нибудь. Число лицъ, отправившихся за границу нынѣшнею весною, таково, что не запомнятъ подобнаго. Чему это приписать? Тому ли, что теперь выдаются паспорты заграничные свободнѣе минувшихъ лѣтъ, или тому, что неурожаи 1833 и 1834 года на Югѣ Россіи наполнили карманы сѣверныхъ помѣщиковъ необыкновенно большими доходами?

Присоедините къ тому, что оставшіеся жители Петербурга разъѣхались по дачамъ, а многіе по деревнямъ.

Изъ пріятелей вашихъ я видѣлся только съ Н. Н. Новосильцовымъ и Булгаковымъ. Первый поручилъ мнѣ вамъ кланяться и сказать, что собирается вамъ писать; послѣдній постоянно переписывается съ вами. Бенкендорфъ въ своемъ готическомъ Фалѣ; но

его ожидают на днях сюда. Министр финансов уѣхал в Ревель и Балдон.

Новость, наиболѣе занимающая теперь публику, есть увольнение графа Левашова без просьбы и назначение на его мѣсто гр. Гурьева. Причин сему никто опредѣлительно не знает; но извѣстно, что пружина или источник сего приключения — фельдмаршал Сакен.

Новый устав для нашего коммерческаго суда вышел из Государственнаго Совѣта; но я еще не читал его, потому что он не напечатан.

Альбрехт утвержден инспектором Управы в Одессѣ.

О втором полицмейстерѣ в Одессѣ я еще не успѣл переговорить с Блудовым, но предупредил Лекса.

Вообразите, что по переходѣ барона Корфа из Комитета Министров в Государственный Совѣт, я опять был представлен на его мѣсто. Это было за шесть мѣсяцев пред сим. Не понимаю, кто принял труд хлопотать за меня о доставлении мнѣ того, чего я не ищу и не желаю. Государь изволил отвѣчать Новосильцову весьма милостиво для меня, сказав: „Он мнѣ там нужен; притом взять его из Одессы без согласия графа Воронцова было бы неприятно сему послѣднему; а если спросить о его согласии, то я напередъ знаю, что он не согласится отпустить Левшина“. Вслѣдствие сего отвѣта был назначен Бахтин, чему я очень рад.

Слухъ ли о семъ происшествіи или просто привычка публики переводить людей съ мѣста на мѣсто языкомъ болтуновъ, но изъ Одессы нѣкоторые подчиненные мои спрашиваютъ меня: ворочусь-ли я назадъ? Я отвѣчаю тоже, что отвѣчалъ въ двѣ предшествовавшія мои поѣздки въ Петербургъ: „Ворочусь и непремѣнно ворочусь на зло тѣмъ, кто меня переводитъ“. Срокъ моего отпуска оканчивается 20 Августа, и я надѣюсь, что не просрочу нисколько.

Съ большимъ удовольствіемъ начиталъ я въ газетахъ, что ваше сіятельство опредѣлительно установили дни для отправленія пароходовъ въ Крымъ. Это conditio sine qua non для благосостоянія пароваго судоходства.

Изъ Одессы пишутъ мнѣ, будто вы имѣете извѣстіе, что Государь будетъ у насъ осенью. Если это такъ (хотя здѣсь о томъ я ничего вѣрнаго узнать не могъ), то буду убѣдительнѣйше просить ваше сіятельство предписать Приказу Общественнаго Призрѣнія, чтобы какъ можно скорѣе приступили къ устроенію въ городовой больницѣ мраморной лѣстницы; смѣта уже утверждена вами, сумма ассигнована, но по случаю неявки желающихъ на торги дѣло остановилось еще при мнѣ. Теперь надо построить непремѣнно, хотя хозяйственнымъ образомъ. Старая лѣстница наша ужасна, и я усерднѣйше прошу васъ дать о семъ предписаніе.

Глаза мои очень плохи; жена моя здорова и свидѣтельствуетъ вамъ свое совершенное почтеніе; малютка наша нездорова, и мы въ безпокойствѣ.

27.

С.-Петербургъ, 1835 года Іюля 19 дня.

Сердечно радуюсь, что приключеніе съ вашею ногою оказалось ничтожнымъ.

Я убѣжденъ въ томъ, что Лиманскія ванны должны годъ отъ года пріобрѣтать болѣе извѣстности и дѣлать пользы какъ больнымъ, такъ и городу. Охотно присоединюсь я къ числу акціонеровъ, желающихъ тамъ строить помѣщенія для больныхъ.

Дѣло о пароходахъ не рѣшено донынѣ въ Комитетѣ Министровъ, потому что кн. Меньщиковъ, неизмѣнный другъ не только вашъ, но и всего близкаго къ вамъ и потому всего Новороссійскаго края, сдѣлалъ разныя возраженія и вопросы, которыхъ Министерство не можетъ нынѣшній годъ разрѣшить, пока съ окончаніемъ навигаціи или текущаго года не будутъ ему доставлены краткіе отчеты о доходахъ и расходахъ сего предпріятія.

Случай, въ которомъ литейный заводъ нашъ оказалъ услугу пароходству починкою *Петра Великаго*, есть первый, но очевидный; нѣтъ сомнѣнія, что польза этого заведенія будетъ болѣе и болѣе обнаруживаться. Желательно только, чтобы дирекція его занималась вещами болѣе положительными, менѣе вда-

ваясь въ проекты. Крайне жаль, что предположеніе о проводѣ воды въ городъ нашъ, которое обѣщано было мнѣ г-номъ Гаюи въ Генварѣ, потомъ въ Апрѣлѣ, до сихъ поръ не сочинено. Я бы могъ его здѣсь подвинуть и похлопотать; такъ мы и условились. Но я до сей минуты ничего не получилъ и увѣренъ, что еще долго ничего не получу кромѣ обѣщаній. А дѣло сіе по моему мнѣнію не терпитъ отлагательства. Артезіанскіе колодцы для насъ исчезли, каналъ изъ Буга и Днѣпра оказался несоотвѣтственнымъ нашимъ способамъ; теперь остается обратиться къ той водѣ, которая въ нашей власти и которой большая часть погибаетъ въ морѣ. Досадно будетъ, если за медленностію г. Гаюи мы съ вами должны будемъ предоставить исполненіе сей мысли преемникамъ нашимъ.

Я былъ на сихъ дняхъ у Берда на заводѣ и видѣлъ обѣ паровыя машины, изготовленныя для очищенія порта Одесскаго и Днѣпровскихъ гирлъ; но при нихъ ничего нѣтъ, кромѣ самыхъ машинъ и колѣнчатаго вала, тогда какъ въ представленіи моемъ, составленномъ по запискѣ Гаюи, предполагалось здѣсь же заказать у Берда котлы, шестерни и большія колеса, приводящія шестерни въ движеніе. Эта ошибка, какъ я удостовѣрился по справкамъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, произошла отъ недоразумѣнія при словесныхъ объясненіяхъ. Надобно скорѣе исправить ее, и потому я отсюда же, не далѣе какъ чрезъ два дни, отправлю къ вашему сіятельству официальное представленіе, какъ это дѣло поправить. Я послалъ бы его и теперь, но еще не получилъ отъ Берда цѣнъ; послѣ

завтра онъ обѣщалъ мнѣ ихъ доставить. Машины совсѣмъ готовы и, кажется, отдѣланы хорошо. Доставить ихъ, по моему мнѣнію, удобнѣе всего сухимъ путемъ, но зимою. Это гораздо вѣрнѣе и даже едва-ли не дешевлѣ водянаго пути.

Къ устроенію парадной лѣстницы съ Одесскаго бульвара до моря приступить можно съ тѣмъ однакоже условіемъ, чтобы она вмѣстѣ служила контръфорсомъ для бульвара. Для сего слѣдуетъ задать программу всѣмъ нашимъ архитекторамъ и инженерамъ. Въ теченіе зимы можемъ испросить разрѣшеніе, а весною начать работы. Можно не пожалѣть издержекъ; но надобно разсмотрѣть проекты со всѣмъ возможнымъ вниманіемъ. Биржа должна намъ служить на будущее время свѣтильникомъ въ подобныхъ дѣлахъ.

Прекрасно вы сдѣлали, что не согласились на продолженіе мостовой Мальтійскимъ камнемъ. Я уже говорилъ о семъ Комитету.

Дней черезъ 10 я надѣюсь выѣхать изъ Петербурга съ тѣмъ, чтобы къ окончанію моего отпуска, т. е. къ 21 Августа, быть въ Одессѣ.

Помощникъ полицмейстера намъ уже данъ Комитетомъ. Если вы изволите получить извѣстіе о томъ до моего прибытія, позвольте просить не опредѣлять на сіе мѣсто, ибо я имѣю уже хорошаго человѣка въ виду.

Предсѣдатель въ Ком. Судѣ будетъ у насъ по выбору, но прокурорское мѣсто не уничтожается.

28.

29 Августа 1835 года, Одесса.

Поспѣшаю имѣть честь доложить вашему сіятельству, что я возвратился вчера въ Одессу изъ путешествія моего, которое совершилъ довольно благополучно. Первое извѣстіе, меня здѣсь встрѣтившее, было довольно непріятно, а именно появленіе чумы на одной изъ караульныхъ карантиннаго баталіона въ пассажирскомъ кварталѣ. Я тотчасъ отправился самъ съ визитомъ къ больному въ сопровожденіи Энгельгарда и Беллень-де-Балю. Не смѣю входить въ медицинскія соображенія, но скажу только, что больной разговаривалъ со мной, подойдя къ окну, довольно твердымъ голосомъ. Пять или шесть медиковъ признали болѣзнь его рѣшительною чумою: но теперь находятъ его уже въ эпохѣ выздоровленія. Изъ бывшихъ съ нимъ въ караулѣ 15-ти человѣкъ ни одинъ донынѣ не заболѣлъ, хотя отъ перваго появленія на немъ болѣзни прошло теперь уже 8 дней. Всѣ сіи обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, успокоиваютъ меня и позволяютъ мнѣ подать вашему сіятельству надежду, что мы, можетъ быть, отдѣлаемся отъ бѣды безъ хлопотъ.

Въ тоже самое время осмотрѣлъ я помѣщеніе для лорда Дургама, и въ туже минуту велѣлъ что мож-

но поправить, имѣя въ виду какъ можно болѣе чистоты. Мебель уже изготовлена до меня и весьма порядочная.

Послѣ обѣда видѣлъ я новое строеніе для ярмарки, которое уже почти кончено и сдѣлано хорошо; но въ немъ забыты нѣкоторыя вещи, какъ то полки, столы и пр. Это я сегодня же начинаю дѣлать, не ожидая разрѣшенія вашего, ибо время не терпитъ. Видѣлъ также всѣ 12 колодцевъ, приготовленныхъ для скота и пробовалъ изъ нихъ воду; только въ одномъ она солодковата, въ прочихъ весьма хороша.

Будучи забросанъ бумагами и осаждаемъ посѣтителями, я отлагаю прочіе предметы до слѣдующаго письма моего.

29.

12-го Сентября 1835 года, Одесса.

Имѣю честь доложить вашему сiятельству, что гость нашъ, то-есть г. посолъ, сдѣлался очень любезенъ и доволенъ нами во всѣхъ отношенiяхъ. Въ самомъ дѣлѣ мы все дѣлаемъ для того, чтобы усладить пребыванiе его въ карантинѣ; напримѣръ, онъ имѣетъ шлюпку, на которой всякой день катается въ морѣ, не сообщаясь впрочемъ ни съ кѣмъ. Гребцы ему даны изъ практики и высиживаютъ съ нимъ одинъ терминъ. Сверхъ гулянья по всей внутренности карантина, Энгельгардтъ водилъ его даже на гласисъ крѣпости смотрѣть городъ. Оттономъ и кушаньемъ онъ очень доволенъ: комнаты находитъ просторными.

Вчера былъ я у него съ тѣмъ, чтобы узнать о выѣздѣ его отсюда и написать къ губернаторамъ о заготовленiи лошадей. Съ прiѣзда онъ хотѣлъ миновать Бѣлую Церковь и всѣ мѣста, гдѣ будетъ Государь: теперь, соблазняясь хорошею погодою, говоритъ, что, можетъ быть, поѣдетъ въ Бѣлую Церковь: однакоже до свиданiя съ вами просилъ меня нигдѣ не заготовлять лошадей.

Я снабжаю его вашими Англiйскими газетами и нѣкоторыми Парижскими.

Мостъ на Молдаванкѣ быстро идетъ впередъ, и болѣе половины уже готово. Работа въ биржевомъ зданіи продолжается также довольно поспѣшно; но коммиссія требуетъ денегъ и я, не имѣя права отпустить ихъ, спѣшу просить о томъ ваше сіятельство прилагаемымъ рапортомъ. Если вы съ первымъ курьеромъ изволите дать мнѣ отвѣтъ, то много намъ поможете; если отвѣтъ замедлится, я долженъ буду дать на время своихъ денегъ, дабы не остановить работъ.

Ваше сіятельство изволили обѣщать приставу здѣшней городской земли Валянскому повышеніе въ Бессарабіи. Теперь открылось мѣсто полицмейстера въ Киліи,—мѣсто не важное, но онъ очень проситъ объ немъ, и я прошу покорнѣйше за него. Вы изволите сами знать, что онъ расторопный и дѣятельный полицейскій чиновникъ, а потому заслуживаетъ повышенія. Сверхъ того онъ съ Шостакомъ въ давнихъ неладахъ, и для пользы службы не худо ихъ развести. Записку объ немъ имѣю честь при семъ представить.

На ярмарку подъѣзжаютъ купцы изъ Тулы, Харькова и Макарьева, но немного. 14-го числа въ 10 часовъ утра мы отслужимъ молебенъ посреди лавокъ и потомъ откроемъ ихъ. Для начала я, не выходя изъ строенія, намѣренъ промотать нѣсколько сотъ рублей: къ тому же приглашаю нѣкоторыхъ жителей.

———

30.

28-го Марта 1836 г., Одесса.

Позвольте перенестись на нѣсколько часовъ впередъ и имѣть честь поздравить ваше сіятельство съ завтрашнимъ праздникомъ, который желаю вамъ провести благополучно и весело. Желаю между прочимъ, чтобы у васъ погода была лучше, нежели здѣсь. У насъ три дни уже холодно, вѣтрено, бурно; мороза не было, однакоже сегодня упало на меня нѣсколько ефемерныхъ снѣжинокъ. Буря не произвела другаго вреда въ портѣ, кромѣ что довершила разрушеніе судна, которое еще при васъ въ Практическомъ портѣ наткнулось на якорь.

Судовъ на рейдѣ довольно: пароходъ пришелъ въ Четвертокъ вечеромъ и весьма кстати, ибо привезенныя имъ депеши на другой день съ экстра-почтою отправились въ Петербургъ. Бутеневъ, адресуя ихъ въ пакетѣ на мое имя, именно писалъ мнѣ, что если бумаги его должны будутъ ожидать почты болѣе 24 часовъ, то отправить ихъ съ курьеромъ.

Во Вторникъ были у насъ въ Комитетѣ торги на постройку понтоновъ для обѣихъ землечерпательныхъ машинъ, и вообразите, что изъ смѣтнаго исчисленія торговавшіеся сбросили 24 тысячи рублей! Смѣта на обѣ машины составляла слишкомъ 58,000; а взялся ихъ построить Варшавскій (извѣстный Николаевскій подрядчикъ) за 34,000 съ небольшимъ.

За очищеніе нашего порта карантинною старою землечерпательною машиною не взяли менѣе 20 р. отъ кубической сажени вынутаго грунта. Это немного дорого, но 2-мя рублями дешевлѣ Потапова, который былъ на торгахъ, но не торговался; подрядъ остался за Фейгинымъ.

Имѣю честь препроводить при семъ всѣ бумаги о Ришельевскомъ Лицеѣ и вмѣстѣ представляю мое мнѣніе о томъ, какъ слѣдовало бы его преобразовать. Извините, если я нѣсколько замедлилъ исполненіемъ вашего приказанія. Дѣло важное, оно требовало соображеній и справокъ. Записки моей я никому не читалъ, поспѣшая ее отправить къ вамъ. Впрочемъ, если вы найдете нужнымъ еще поговорить о семъ предметѣ съ кѣмъ-либо въ Одессѣ, особенно съ г. Покровскимъ, то это можно отложить до вашего возвращенія. Желательно только, чтобы вы прочли всѣ сіи бумаги въ дорогѣ, гдѣ вы свободны.

У насъ гоститъ архіерей Дмитрій, и въ великій Четвертокъ мы видѣли его въ соборѣ омывающаго ноги 12 учениковъ или священниковъ по примѣру Христа.

Почти сейчасъ получилъ я отъ Петербургскаго механика проектъ освященія Одессы газомъ; за недосугами я отложилъ чтеніе его до завтра. Это дѣло важное, и я на него смотрю съ нѣкоторымъ энтузіазмомъ, а потому вскользь и говорить объ немъ не смѣю.

31.

4 Апрѣля 1836 года, Одесса.

Я имѣлъ честь получить письмо вашего сіятельства отъ 26 Марта изъ Симферополя и много благодарю васъ за вниманіе, вами оказываемое г. Альбрехту и за свѣдѣнія, по его дѣлу мнѣ сообщенныя; изъ нихъ можно сдѣлать весьма полезное употребленіе. О Павловскомъ я зналъ и намѣренъ былъ на сей примѣръ сослаться; но о томъ, что покойникъ Оленскій не посылалъ отвѣтовъ на экзаменаторскіе вопросы мнѣ и въ голову не приходило.

Я внимательно разсмотрѣлъ проектъ Петербургскихъ механиковъ для освѣщенія города Одессы газомъ и увидѣлъ изъ него, что они не имѣютъ никакого понятія о Новороссійскомъ краѣ, ибо полагаютъ, что здѣсь нѣсколько городовъ могутъ освѣтиться газомъ. Сверхъ того, если я не ошибаюсь, они имѣютъ мысль насъ съ вами заинтересовать въ семъ дѣлѣ, предоставивъ намъ значительное количество акцій. Я почелъ долгомъ пунктъ сей объяснить имъ въ настоящемъ видѣ. Вообще проектъ гг. механиковъ не столько сближаетъ насъ съ нашею цѣлію, какъ мы думали; а потому я нахожу всего удобнѣе пригласить ихъ сюда или предложить имъ прислать кого нибудь для трактаціи съ нами. Издержки

на проѣздъ городъ Одесса можетъ принять на свой счетъ.

Всѣ сіи мысли изложены въ моихъ замѣчаніяхъ, которыя прилагаю къ самому проекту и все вмѣстѣ представляю на ваше благоразсмотрѣніе. Не угодно ли присоединить ваши замѣчанія къ моимъ и потомъ все возвратить ко мнѣ *поскорѣе* для извѣщенія гг. механиковъ-учредителей? Надобно въ теченіе Мая мѣсяца получить отъ нихъ рѣшительный отвѣтъ, дабы даромъ не терять времени.

На дняхъ былъ я въ Карантинѣ съ тѣмъ, чтобы лично видѣть укладку косъ въ бочкахъ и рѣшить, нѣтъ ли опасности пропускать ихъ безъ выкладки изъ бочекъ. Выпувъ оба дна бочки, я нашелъ, что все находящееся внутри бочки можно видѣть насквозь и что сверхъ того между косами можно пропускать щупъ желѣзный; а потому разрѣшилъ карантинное правленіе выпустить товаръ сей съ такимъ же осмотромъ, какой самъ я дѣлалъ одной бочкѣ. Я доношу о томъ вашему сіятельству оффиціально съ тѣмъ, чтобы вы утвердили мое распоряженіе на будущее время или представили о томъ Министерству.

32.

8 Апрѣля 1836 года, Одесса.

Изъ прилагаемаго письма ваше сіятельство увидите, что докторъ Абендротъ убѣдительнѣйше проситъ васъ отпустить его заграницу. Онъ служитъ при Дѣвичьемъ Институтѣ, но онъ иностранный подданный, и удержать его нельзя. Я представилъ объ отпускѣ его вашему сіятельству потому только, что 4-хъ мѣсячнаго отпуска я дать не могъ, и разрѣшеніе сего обстоятельства подлежало передать главному начальству Института, то есть г-ну Вилламову; но не знаю, почему дѣло сіе пошло отъ васъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго донынѣ нѣтъ отвѣта. Между тѣмъ Абендроту необходимо спѣшить, ибо отецъ его опасно боленъ и зоветъ его. Несправедливо было бы заставить его терпѣть за то, что мы дали дѣлу косвенное направленіе; съ другой стороны нельзя правительству противъ воли удержать иностранца. По всѣмъ симъ причинамъ я полагаю, что ваше сіятельство, ничего не рискуя, можете предписать мнѣ уволить его на 28 дней за границу съ тѣмъ, чтобы дальнѣйшій отпускъ разрѣшить ему по возвращеніи нашихъ бумагъ изъ Петербурга или по присылкѣ на нихъ отвѣта. Такимъ разрѣшеніемъ вы сдѣлаете ему милость, и я, въ предположеніи, что вы не захотите отказать,

посылаю при семъ о томъ заготовленную къ вашему подписанію бумагу.

Театръ нашъ открылся и въ видѣ блестящемъ. Новая прекрасная люстра, освѣщающая весьма хорошо, новыя щеголеватыя кресла и новый басъ кантанте съ нѣкоторыми другими улучшеніями, какъ на сценѣ, такъ и въ залѣ, произвели весьма пріятное впечатлѣніе на публику.

Примо-теноре и примо-бассо пріѣхали вчера въ Одессу новымъ путемъ: по Дунаю на пароходахъ до Галацъ, потомъ чрезъ Яссы, Скуляны и Кишиневъ. Они выѣхали пятью или шестью днями послѣ товарищей, отправившихся чрезъ Лембергъ и Радзивиловъ, которые до сихъ поръ не прибыли.

Англійскіе и Французскіе журналы очень сердятся за открытіе карантина нашего при устьѣ Дуная.

Скорая ѣзда, противъ которой ваше сіятельство такъ справедливо возстаете, была въ послѣднія двѣ недѣли поводомъ двумъ несчастіямъ. Одинъ пьяный извощикъ переѣхалъ дрожками обѣ руки одной женщины; а полковникъ Василевскій переѣхалъ коляскою одну Еврейскую дѣвочку, которая на мѣстѣ испустила духъ. По обоимъ дѣламъ наряжены слѣдствія, а лошади взяты въ полицію; и тѣ и другія принадлежатъ извощикамъ.

33.

4 Іюля 1836 года, Одесса.

Ваше сіятельство взяли съ собою записку, которую я имѣлъ честь подать вамъ объ Морозовѣ; между тѣмъ получена бумага къ вамъ отъ управляющаго путями сообщеній, въ которой спрашиваютъ васъ: имѣете ли вы нужду въ Морозовѣ? Это прекрасный случай просить о томъ, чтобы его оставили здѣсь съ двумя или тремя офицерами какъ для Одессы, такъ и вообще для порученій вашихъ по всему Новороссійскому краю. Болѣе всего можно опираться на то, что здѣшній образъ построекъ требуетъ инженеровъ, пріобрѣвшихъ здѣсь мѣстную опытность и знающихъ свойство здѣшнихъ строительныхъ матеріаловъ.

Послѣ отъѣзда вашего я получилъ еще жалобу на г. Спасскаго отъ графа Витта. Это побуждаетъ меня между прочими причинами ускорить представленіе мое о преобразованіи управленія больницы. Не угодно ли вамъ будетъ приказать написать представленіе о семъ министру внутреннихъ дѣлъ прямо изъ Крыма, для ускоренія времени?

Суда продолжаютъ къ намъ приходить, и весьма многія привозятъ камень заграничный, такъ что за

выгрузкою онаго останавливаются многія работы, производимыя арестантскою ротою.

Ольга Станиславовна*) завтра выходитъ изъ карантина, въ которомъ она очень довольна, и на мои глаза даже пополнѣла.

Желая показать публикѣ, что я не жаденъ къ деньгамъ, я на дняхъ посылалъ Торичелли предложить Пулю, чтобы убытки отъ разрушенія моего магазина раздѣлить намъ пополамъ. Кажется, что и духовникъ мой не посовѣтовалъ бы мнѣ большей жертвы. Но она отвергнута, и мнѣ объявлено, что непремѣнно хотятъ процесса. Могъ ли я думать, что найду въ представителѣ дома Штиглицъ такое желаніе тягаться по судамъ? Теперь дѣлать нечего, поневолѣ пойду въ судъ. Еще для меня страннѣе то, что Пуль, говорятъ, очень сердится и избѣгаетъ свиданія со мною. Кажется, я болѣе могъ бы сердиться; но я разсуждаю очень спокойно и думаю, что даже посреди процесса люди, не нанесшіе другъ другу обиды, не должны бы прерывать общественныхъ сношеній, въ которыхъ были до спора: различіе мнѣній не есть обида, не поводъ ссориться; тѣмъ болѣе, что тяжбы о деньгахъ не трогаютъ нашего самолюбія. Я г. Пуля не видалъ послѣ обрушенія моего магазина, и если онъ избѣгаетъ меня видѣть, то я тѣмъ менѣе могу искать съ нимъ свиданія, хотя впрочемъ на него и не сержусь. Пишу къ вамъ объ этомъ не для того, чтобъ безпокоить васъ какою-либо просьбою о принятіи участія въ

*) Нарышкина, ур. графиня Потоцкая. П. Б.

дѣлѣ, которое болѣе надоѣдаетъ мнѣ, нежели занимаетъ меня; а такъ, для свѣдѣнія вашего. Пусть послѣ этого говорятъ, что человѣкъ всегда можетъ избѣгать процессовъ и непріятностей. Я и теперь бы старался избѣжать процесса, еслибы дѣло шло на разсмотрѣніе въ полицію; но я поведу его чрезъ Коммерческій Судъ, гдѣ, конечно, для меня уже не сдѣлаютъ ничего лишняго по извѣстной вамъ дружбѣ ко мнѣ нѣкоторыхъ лицъ. Стало быть, на совѣсти моей ничего не ляжетъ.

Письмо князя М. С. Воронцова

Алупка, 7 Іюля 1836.

Покорнѣйше васъ благодарю, любезнѣйшій Алексѣй Иракліевичъ, за письмо ваше отъ 4 Іюля. Дѣло о Спасскомъ и госпиталѣ я сегодня же переработалъ съ Фацарди, и постараемся немедленно отправить. Андрей Яковлевичъ пишетъ ко мнѣ о мнѣніи вашемъ на счетъ дѣла о лѣстницѣ, съ которымъ и онъ согласенъ. Я посмотрю, какъ это можно поворотить безъ потери лѣстницы, которую я желаю видѣть не менѣе для подкрѣпленія бульвара, какъ для украшенія всего города.

Сожалѣю очень, что вы не будете безъ процесса на счетъ магазина, тѣмъ болѣе, что я боюсь отъ того для васъ худыхъ послѣдствій. Мы видимъ дѣло крушенія магазина съ разныхъ точекъ зрѣнія. Вы мнѣ такъ рѣшительно сказали въ день отъѣзда, что по вашему мнѣнію, отдавши магазинъ въ руки нанимателя, вся отвѣтственность о сохранности онаго ложится на плечахъ сего послѣдняго, что мнѣ спорить уже было нечего. Но я никогда не думалъ и не могу думать, что ежели строеніе упадаетъ отъ такой тяжести, которую (по правиламъ хорошаго строенія и по опыту 40 лѣтъ, въ городѣ наполненномъ магазинами) оное должно бы снести безвредно, чтобы наниматель отвѣчалъ за послѣдствія. Ког-

да гг. инженеры и пр. пришли съ своимъ донесенiемъ, очевидно было, что они ничего не открыли и не искали, а просто въ угодность, какъ они думали, вамъ или чтобы поддержать Козлова, сказали, что магазинъ упалъ отъ тяжести сѣмянъ, которыя въ него были положены. Это всякiй зналъ и безъ нихъ. Но упалъ ли онъ, потому что былъ дурно выстроенъ или отъ того, что тяжесть была такъ велика, что правильно выстроенный магазинъ оную бы не выдержалъ, о семъ они не сказали ни слова, и на мой вопросъ на сей счетъ они остались безмолвны, какъ статуи. Самый простой вопросъ по моему мнѣнiю всегда былъ: узнать чрезъ експертовъ, что̀ магазины въ круговую выдерживаютъ въ Одессѣ! Кромѣ опыта прежнихъ лѣтъ, теперь почти до полумилiона четвертей лежитъ въ Одесскихъ магазинахъ, и тогда бы ясно узнали: виноватъ ли Козловъ или комиссiонеры Штиглица, и отъ того узналась бы мѣра отвѣтственности вашей или Пуля. Пуль говоритъ, что онъ посылалъ просить у васъ свидѣтеля при промѣриванiи пшеницы и сѣмянъ, но что вы въ семъ отказали и что онъ долженъ былъ адресоваться къ полицiи. Ежели это такъ, то нечего удивляться, что онъ послѣ не искалъ съ вами объ этомъ говорить. Я вамъ пишу сiе, потому что вы теперь мнѣ объ этомъ пишете. Но когда я вамъ говорилъ о томъ же самомъ въ Одессѣ, то вы мнѣ объявили совсѣмъ другое мнѣнiе, и мое дѣло было молчать. Я, можетъ быть, ошибаюсь; но не могу видѣть сiе иначе и боюсь, что ежели не будетъ доказано въ судѣ, что тяжесть была положена больше, нежели обыкновенно въ таковомъ размѣрѣ кладется, никакой судъ не положитъ отвѣтственности

на Нуля. Сожалѣю, что между вами и Гамалѣю есть личности; но думаю, что Гамалѣй довольно честный человѣкъ, чтобы эти личности не дѣйствовали на его сужденіе; но здѣсь боюсь, что ежели бы дѣло шло и объ его собственномъ магазинѣ, онъ бы не могъ иначе идти, какъ по тѣмъ справкамъ, которыя единственно могутъ дѣло объяснить. Поговорите наединѣ откровенно съ Фанъ-деръ-Флитомъ и спросите его мнѣніе личное, а не компанійское. Я бы весьма радъ былъ, еслибы нашлось, что тяжесть была больше, нежели обыкновенно кладется, ибо тогда будетъ возможность сходиться на счетъ потери. Въ противномъ случаѣ очень боюсь, что ни Комерческій Судъ, ни Сенатъ васъ не поддержатъ. Я бы вамъ тоже посовѣтовалъ, ежели у васъ будетъ еще какая нибудь негоціація съ домомъ Штиглица, то поручить оную человѣку, на котораго можно болѣе положиться нежели на Торичелли. Впрочемъ примите это все какъ новое доказательство моей истинной къ вамъ привязанности и желанія, чтобы вы не вовлеклись въ процессъ весьма непріятный *).

---

*) Напечатано съ черноваго подлинника. П. Б.

34.

Одесса, 14 Іюля 1836 г.

Я имѣлъ честь получить почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства отъ 7 Іюля и хотя было далъ себѣ слово не безпокоить васъ никакими извѣстіями о развалинахъ моего магазина, но не могу не обратиться къ этому предмету послѣ того, что̀ вы мнѣ изволите писать по снисходительному участію и вниманію ко мнѣ.

Вы боитесь для меня худыхъ послѣдствій отъ процесса. Признаюсь вамъ, что я этой мысли хорошенько не понялъ. Въ финансовомъ отношеніи я ничего потерять не могу болѣе какъ то, что̀ уже потеряно. Не думаю, чтобы можно было мнѣ что-либо потерять въ нравственномъ отношеніи: ибо ни защитники г. Пуля, ни самъ онъ, не могутъ меня обвинять въ томъ, чтобы я этотъ магазинъ съ умысломъ дурно построилъ *comme une attrape*. Обвинять же меня за то, что я обращаюсь къ суду, кажется, еще менѣе возможно, ибо я въ судѣ самъ не участвую. Еслибы я не предлагалъ раздѣлить бѣду пополамъ, тогда бы еще можно было меня обвинить въ желаніи тягаться; но, сдѣлавъ это и получивъ отказъ, я думаю, что мнѣ ничего болѣе не остается, какъ ожидать правосудія отъ законовъ.

Вы мнѣ изволите совѣтовать, чтобы въ случаѣ негоціаціи съ домомъ Штиглицъ я бы послалъ человѣка понадежнѣе нежели Торичелли. На это долженъ вамъ доложить, что я посылалъ Торичелли какъ составителя смѣты, которую онъ долженъ былъ г. Пулю показать въ случаѣ его согласія мириться. Но тоже самое предложеніе сдѣлалъ я еще прежде чрезъ повѣреннаго дома Штиглицъ г-на Илькевича, а два дни послѣ чрезъ г. Вилькенса. Всѣ трое получили одинъ отвѣтъ. Г. Пуль ожидалъ меня самого, но не дождался и не дождется. Я его уважаю какъ честнаго и полезнаго государству купца, но деньги его, которыми онъ можетъ гордиться, я уважать не могу; а потому, еслибы и былъ увѣренъ, что мое посѣщеніе могло заставить его заплатить мнѣ убытки, то и тогда бы не поѣхалъ къ нему. Будь онъ бѣднякъ, я бы на другой день былъ къ его услугамъ.

Еще одно обстоятельство. Вы мнѣ пишете, что домъ Штиглицъ просилъ меня прислать свидѣтеля для перемѣрки зерна. Я письменно отвѣчалъ имъ, что не почитаю это нужнымъ, ибо *вѣрю имъ на слово*. Они этому не повѣрили, приняли мой отвѣтъ за намѣреніе (мое) спутать ихъ и подали прошеніе въ судъ съ требованіемъ свидѣтеля. Это явная обида мнѣ по правиламъ общежитія; по правиламъ купеческимъ это, говорятъ они, было необходимо. Когда судъ меня о томъ запросилъ, я вторично отвѣчалъ, что вѣрю показаніямъ дома Штиглицъ *безъ спора, на слово*.

Все это описываю и повторяю потому только, что хотѣлъ вамъ доказать, что не я первый обратился

къ суду, а мои противники: что я предлагалъ имъ мириться и чрезъ ненадежныхъ и чрезъ надежныхъ людей, но чрезъ всѣхъ получилъ отказъ. Что́ касается до сущности процесса, то онъ уже въ судѣ, и я, давъ ему ходъ, ничего болѣе не желаю, какъ забыть объ немъ. Безпокоить васъ вещію, которая ни по чему не можетъ быть занимательна, было бы столько же непріятно для васъ, какъ и для меня. При томъ всякія сужденія объ дѣлѣ кромѣ судейскихъ будутъ теперь излишни. И такъ даю себѣ и вамъ слово болѣе не упоминать о такомъ неинтересномъ предметѣ. Извините, что и теперь отнимаю у васъ время на чтеніе сихъ строкъ и примите еще разъ благодарность мою за милостивое участіе ваше.

Прочитавъ вторично письмо вашего сіятельства, не могу еще не прибавить двухъ словъ о томъ же. Вы изволите сожалѣть о возникшихъ у меня личностяхъ съ г. Гамалѣемъ и полагаете, какъ мнѣ кажется, будто бы я объ этомъ писалъ вамъ въ видѣ жалобы, съ намѣреніемъ просить васъ объ участіи. Поспѣшаю доложить вамъ, что это—недоразумѣніе, возникшее вѣроятно отъ того, что я неясно или слишкомъ коротко выразился.

Никакихъ личностей съ г. Гамалѣемъ у меня не было, и никогда не имѣлъ я намѣренія безпокоить васъ просьбою объ участіи въ семъ дѣлѣ или жалобою. Я хотѣлъ вамъ только доложить, что начинаю искъ не въ полиціи или Магистратѣ, коими могъ бы руководствовать, но въ Комерческомъ Судѣ, котораго председатель не можетъ быть ослѣпленъ на мой счетъ дружбою; ибо мы давно въ самыхъ холодныхъ отношеніяхъ, чему я въ настоя-

щемъ случаѣ весьма радъ. Сверхъ того я хотѣлъ вамъ напомнить о сей давнишней нашей холодности для того, чтобы вы не подумали, или вамъ послѣ не сказали, что я сердитъ на Гамалѣя именно за тотъ процессъ, о которомъ рѣчь идетъ, тогда какъ я готовъ самъ ѣхать просить и г. предсѣдателя, и гг. членовъ Комерческаго Суда, чтобы они дѣло рѣшили противъ меня для того, чтобы потомъ перенести его на судъ тѣхъ людей, которые будутъ судить его по смыслу нашихъ законовъ, безъ вліянія личныхъ отношеній, то есть въ Сенатъ. Перенос сей для меня необходимъ, дабы доставить себѣ то оправданіе какъ при выигрышѣ, такъ и при проигрышѣ, что дѣйствія мои по сему случаю были разсмотрѣны высшимъ судилищемъ.

Теперь объясненіе мое кончено, и смѣю увѣрить ваше сіятельство, что я къ нему уже не возвращусь. Еще разъ покорнѣйше и усерднѣйше прошу извинить меня, что я рѣшился отнять у васъ нѣсколько минутъ.

Не желая мѣшать дѣло съ бездѣльемъ, я въ этомъ письмѣ даже не позволю себѣ говорить о дѣлахъ службы; принесу только вамъ искреннюю благодарность жены моей за цвѣты и фрукты, вами ей присланные. Мы много дорожимъ симъ знакомъ благосклоннаго вниманія вашего.

P. S. Позвольте мнѣ надѣяться, что откровенность, съ которою я излагаю вашему сіятельству мое мнѣніе, несогласное съ вашимъ, не оставитъ въ васъ никакихъ непріятныхъ для меня впечатлѣній.

35.

18-го Іюля 1836 года, Одесса.

Я имѣлъ честь получить почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства отъ 13-го Іюля изъ Керчи и поспѣшаю отвѣчать на оное.

Весьма благодаренъ вамъ за то, что вамъ угодно было спросить моего согласія на опредѣленіе въ больницу на мѣсто г. Спасскаго доктора Магнуса. Онъ человѣкъ весьма усердный, и я думаю, что мы найдемъ въ немъ хорошаго и сердобольнаго медика для городовой больницы. Для официальнаго представленія его на утвержденіе Министерства ваше сіятельство не имѣете нужды въ моемъ рапортѣ; но для скорѣйшаго достиженія цѣли я велѣдъ за симъ пришлю вамъ его формулярный списокъ. Что̀ касается до смотрителя больницы, то по положеніямъ на сіи мѣста представляются чиновники къ утвержденію послѣ шестимѣсячнаго испытанія; а потому до истеченія шести мѣсяцевъ мы не должны никого представлять, что̀ дастъ намъ возможность удостовѣриться въ новомъ выборѣ.

Жена моя искреннѣйше благодаритъ ваше сіятельство за приглашеніе въ Крымъ и если здоровье ея

позволитъ, то мы съ первымъ пароходомъ, отплывающимъ отсюда 23-го Іюля, явимся къ вамъ съ нашимъ почтеніемъ. Между тѣмъ погода у насъ стоитъ бурная и вѣтреная, отчего листья на деревьяхъ стали желтѣть и опадать, какъ будто въ Сентябрѣ.

Имѣю честь при семъ препроводить проектъ отношенія г. Вилламову о назначеніи новыхъ воспитанницъ въ Одесскій Институтъ на мѣсто выбывшихъ Гречанокъ. Я думаю, что мы не должны о семъ просить, какъ о новой милости; ибо, давъ таковой дѣлу оборотъ, можемъ получить отказъ. Представляя же просто о замѣщеніи, скорѣе успѣемъ, тѣмъ болѣе, что новой ассигновки денегъ не нужно. Списокъ вновь представляемымъ воспитанницамъ будетъ вамъ доставленъ чрезъ вашу канцелярію. Если изволите одобрить проектъ бумаги, не угодно ли подписать оную и обратить ко мнѣ?

Трещины подъ Сабанѣевскимъ мостомъ стали увеличиваться, а потому я предложилъ Комитету тотчасъ приступить къ исправленію. Смѣта къ вамъ посылается; она заключается въ связкѣ моста желѣзомъ и не превосходитъ 5,000 р., а потому вы можете ее утвердить. Между тѣмъ работы уже начаты, ибо отлагать было нельзя.

У насъ теперь множество артистовъ-музыкантовъ, пріѣхавшихъ давать концерты. Одинъ—Герке на фортепіано отлично хорошо играетъ; Леманъ на флейтѣ очень хорошъ; Гернгъ на скрипкѣ, но я его не слышалъ. Норма опять на сценѣ поставлена,

но гораздо хуже прежняго. Поляки продолжаютъ пріѣзжать; но дурная погода не позволяетъ купаться. Лачиновъ затѣваетъ публичные лѣтніе балы. Жена его очень скучаетъ.

Число приходящихъ судовъ уменьшается, закупки хлѣба тоже. Въ заключеніе скажу, что къ намъ пріѣхали силачъ и силачка, которые играютъ гирями 10 фунтовыми, какъ яблоками.

36.

Одесса, 18 Августа 1836 года.

На письмо вашего сіятельства отъ 11-го Августа имѣю честь доложить, что г. Тархановъ, обратившійся къ вамъ съ просьбою о приказаніи Институту экипировать его дочь при пріемѣ въ заведеніе, есть или былъ учитель Института. Просьба его ничтожна по суммѣ, на которую простирается, а именно на 250 р.; но Институтъ не можетъ ее удовлетворить, потому что она противна правиламъ. Впрочемъ я справлюсь, нѣтъ ли въ запасахъ институтскихъ старыхъ вещей, которыми можно было бы ее одѣть, и доставлю вамъ о томъ записку.

О Шостакѣ, съ вашего позволенія, вмѣстѣ съ симъ посылаю офиціальное представленіе, прося ему слѣдующій чинъ, въ чемъ затрудненія быть не можетъ.

Починки Сабанѣевскаго моста мы ведемъ, не выходя изъ предѣловъ власти, указанныхъ закономъ. Мы раздѣлили работы на двѣ части, каждая менѣе 5,000 р; сверхъ того употребляемъ камень изъ запасовъ, заготовленныхъ бѣдными въ 1833 году.

Откровенно доложу вашему сіятельству, что я съ искреннимъ удовольствіемъ вижу желаніе ваше вести Одесскіе городскіе расходы такъ, чтобы ни въ чемъ не отступать отъ правилъ. Это будетъ хоро-

шо и для васъ, и для насъ-подчиненныхъ. Донынѣ всякій столь убѣжденъ въ вашей снисходительности и вмѣстѣ всякій столь мало довѣряетъ строгости законовъ, что къ вамъ поступаютъ тысячи просьбъ и иногда даже оффиціальныхъ представленій противныхъ законамъ и относящихся къ недолжнымъ расходамъ. Прекратить это стремленіе къ нарушенію установленнаго порядка значитъ уменьшить вашу отвѣтственность, сберечь довольно денегъ и уменьшить переписку. Я знаю, что денежная отвѣтственность никогда не пугала ваше сіятельство; но отвѣтственность нравственная предъ Государемъ, о которой вы мнѣ изволите писать, конечно еще важнѣе. Дабы избѣжать оной, не угодно ли вамъ оффиціально предписать всѣмъ губернаторамъ и градоначальникамъ отнюдь не входить къ вамъ съ представленіями о расходахъ, противныхъ постановленіямъ? Но вмѣстѣ съ тѣмъ не угодно ли предписать и канцеляріи не давать хода такимъ представленіямъ? Вы знаете, что люди такіе, каковъ Фабръ и я, мы вамъ не предложимъ никогда расхода, противнаго постановленіямъ; но ваше сіятельство сами иногда приказываете то, что̀ мы бы не посмѣли написать. Всего опаснѣе заимообразныя выдачи. Не для того, чтобы говорить противъ пароходовъ, которыхъ учрежденіе признаю однимъ изъ полезнѣйшихъ; но не могу при семъ случаѣ не доложить вамъ, что выдачи на сей предметъ, сдѣланныя въ минувшихъ годахъ, до разрѣшенія Комитетомъ Министровъ, могутъ быть обращены въ начетъ, когда дѣла поступятъ въ контроль. Вотъ почему я такъ боялся пароходовъ, когда они были у меня въ завѣдываніи.

Ваше сіятельство уже знаете, что я на службѣ педантъ и убѣжденъ, что порядокъ, однажды установленный, никогда не долженъ быть разрушаемъ; а потому вы можете быть увѣрены, что я не введу васъ въ бѣду представленіями, противными уставамъ. Прошу только позволенія продолжать служебное педанство мое и ни для кого не отступать отъ закона. Ничѣмъ я такъ не восхищался и ничему такъ не удивлялся въ образованнѣйшихъ земляхъ Европы, какъ покорности и строгому повиновенію законамъ со стороны служащихъ. Съ этой стороны всѣ мы грѣшимъ въ Россіи.

Мнѣ очень бы хотѣлось видѣть вашъ Алупскій домъ подъ крышею, и если я отсрочилъ это удовольствіе, то не теряю надежды имѣть его позднѣе. Вы строите себѣ монументъ, который долженъ стоять вѣка.

Торговля у насъ пошла тише; судовъ приходитъ немного, но приходящія привозятъ много камня. Вообразите, что теперь стали намъ возить старую потертую мостовую изъ Итальянскихъ городовъ. Предметъ сей будетъ требовать нѣкоторыхъ новыхъ мѣръ, о которыхъ я доложу вамъ при свиданіи. Между тѣмъ долженъ предупредить васъ, что занятіе значительной части рабочихъ арестантской роты выгрузкою камня замедляетъ очень ходъ шоссе по городу. Впрочемъ мы все-таки подвигаемся.

Тротуары по всей Софіевской улицѣ кончены; теперь я началъ ихъ дѣлать по Рибасовской, и новымъ самымъ простымъ и дешевымъ способомъ, который дастъ намъ возможность работать почти всю

зиму. Частныхъ строеній въ городѣ мало начато вновь; но загородные домы въ приморской части воздвигаются быстро и съ роскошью.

Мы ждемъ васъ изъ Чугуева, и посѣщеніе вами Одессы тѣмъ необходимѣе, что въ Сентябрѣ должны мы послать въ Петербургъ нашъ бюджетъ для 1837 года.

Позвольте мнѣ безпокоить ваше сіятельство покорнѣйшею просьбою о принятіи въ Институтъ нашъ дочери губернскаго секретаря Мейера. Просьба и всѣ бумаги отца посланы къ вамъ оффиціально; но я долгомъ поставляю присовокупить, что это семейство честно и весьма бѣдно и потому заслуживаетъ состраданія. Въ дѣлѣ семъ нѣтъ отступленій отъ правилъ.

37.

7 Октября 1836 года, Одесса.

Долгомъ почитаю донести вашему сіятельству, что чумный случай, бывшій у насъ въ портѣ еще до пріѣзда сюда вашего, не остался безъ послѣдствій. Спустя 12 дней послѣ окурки судна и перемѣны платья на экипажѣ, оказался еще одинъ больной. Третьяго дня я его видѣлъ, и медики почти были увѣрены, что онъ выздоровѣетъ; но вчера поутру онъ умеръ. Такая быстрота и сила болѣзни уничтожили послѣднее сомнѣніе на счетъ дѣйствительности чумы. Остальной экипажъ судна, составляющій 25 человѣкъ, вчера былъ весь здоровъ; сегодня я еще не получилъ объ немъ извѣстій, но во всякомъ случаѣ мы по долгу человѣколюбія переведемъ ихъ завтра въ чумный кварталъ, гдѣ раздѣлимъ ихъ по два въ каждый номеръ. Вчера и сегодня работаютъ болѣе 100 человѣкъ для приведенія новаго чумнаго квартала въ должный порядокъ, для пріема больныхъ и сильно сомнительныхъ. Всѣ мѣры осторожности приняты, и я прошу ваше сіятельство не безпокоиться о послѣдствіяхъ.

Войска, пришедшія сюда на корабляхъ изъ Севастополя, выгрузились благополучно, простояли здѣсь три дни и сегодня выступили очень довольныя пособіями. отъ гражданскаго начальства доставленны-

ми. Бригадный командиръ сейчасъ пріѣзжалъ меня благодарить. Чрезъ недѣлю также примемъ и проводимъ второй отрядъ.

Г. Еллисъ, какъ вы уже вѣроятно знаете чрезъ г. Хребтовича, отправился на Варшаву. Я снабдилъ его подорожною, пашпортомъ и почталіономъ. Таможня избавила его отъ досмотра. Въ заключеніе я угощалъ его обѣдомъ, и онъ отправился довольный своимъ пребываніемъ въ Одессѣ. Но Жемсъ жалуется, что знаменитые его соотечественники вообще стали скупы и неделикатны въ разсчетахъ.

Полученныя мною сегодня письма отъ графа Нессельроде на имя графа и графини Хребтовичей я имѣю честь при семъ приложить, прося васъ доставить ихъ по принадлежности.

Особенныхъ новостей у насъ нѣтъ. Работы по городу идутъ порядочно, особенно съ того времени, какъ я, приступивъ ко взысканію недоимокъ съ мѣщанъ, удвоилъ неплательщиками комплектъ арестантской роты. Полезнѣе и удобнѣе этой мѣры и для жителей, и для правительства я не умѣю выдумать.

Шхиперъ парохода *Николая*, Кови, говоритъ, что въ Константинополѣ чума истребляетъ несмѣтное число людей.

38.

31 Мая 1837 г., Одесса

Позвольте мнѣ безпокоить ваше сіятельство покорнѣйшею просьбою за одного изъ моихъ подчиненныхъ, а именно за г. Прикотуса. Я знаю, что вы его не жалуете, и я персону его во многихъ случаяхъ не одобряю; но, отдѣливъ его заслуги на пользу службы отъ частнаго лица, нельзя не признать, что онъ достоинъ награжденія. Болѣе 10 лѣтъ служитъ онъ по Приказу и 3 года кормитъ арестантовъ. За всю сію службу онъ ничего донынѣ не получилъ кромѣ разныхъ вычетовъ изъ жалованья, котораго онъ не получаетъ, то-есть кромѣ убытковъ и взысканій денежныхъ за упущенія, въ коихъ онъ весьма мало или вовсе не виноватъ. Вы сдѣлаете справедливое дѣло, если пустите въ Министерство *обыкновеннымъ законнымъ порядкомъ* мое представленіе, при семъ прилагаемое и подкрѣпляемое *личною покорнѣйшею просьбою.* Мнѣ совѣстно предъ нимъ, что я въ шесть лѣтъ ничего не могъ ему выпросить и теперь спѣшу расквитаться съ нимъ.

Пароходъ Константинопольскій *Александра* пришелъ вчера вечеромъ и привезъ намъ извѣстія объ окончательномъ путешествіи султана и возвращеніи его въ столицу. Въ прилагаемомъ при семъ письмѣ Бутенева онъ вѣроятно извѣщаетъ васъ о томъ,

равно и о назначеніи находящагося нынѣ въ Вѣнѣ посломъ Ахметъ-Ферикъ-паши свидѣтелемъ къ Вознесенскимъ маневрамъ. Онъ проѣдетъ изъ Вѣны прямо сухимъ путемъ. Офицеры, долженствующіе составлять его свиту, прибудутъ моремъ чрезъ Одессу.

Графъ Сенъ-При вышелъ изъ Карантина и отправляется въ Таврическое имѣніе свое.

Погода продолжается у насъ мокрая и холодная, но тѣже слухи изъ всей Европы: а потому на сихъ дняхъ стали вдругъ требовать много хлѣба, и пшеница внезапно поднялась въ цѣнѣ 3-мя рублями. Это весьма хорошо. Въ портѣ опять началось превеликое движеніе.

Смѣта Гаюи еще не готова. Онъ обѣщаетъ доставить къ слѣдующей почтѣ; но вы знаете, каковы его обѣщанія. На словахъ слышалъ я отъ него, что весь водопроводъ для двухъ фонтановъ обойдется до 1.000.000 или 1.200.000 р.

39.

5 Іюня 1837 года, Одесса.

Наконецъ я имѣю честь представить вашему сіятельству желанный и давно ожиданный проектъ водопровода Одессы. Г. Гаюи доставилъ мнѣ его только вчера. Изъ офиціальнаго донесенія моего, вмѣстѣ съ симъ посылаемаго, и изъ описи бумагамъ, составляющимъ проектъ, вы увидите все дѣло. На первый разъ извольте прочитать объяснительную записку Гаюи подъ № 13-мъ. Она заключаетъ въ себѣ обозрѣніе всего дѣла.

Нѣкоторыя изъ представленныхъ бумагъ не переведены на Русскій языкъ, другія не переписаны; все это показываетъ поспѣшность, которой мы избѣжать не могли, боясь, что вы скоро оставите Петербургъ и что нашъ проектъ васъ тамъ не застанетъ.

Во вчерашней газетѣ нашли мы изъявленіе высочайшей благодарности Казначееву и пожалованіе Ѳедорову Аннинской ленты. Это даетъ намъ поводъ думать, что Государь не оставляетъ милостію своею нашъ край. Можетъ быть, Его Величество изволитъ вспомнить и о трудахъ другихъ мѣстныхъ начальниковъ, подвизающихся здѣсь на службѣ подъ вашимъ начальствомъ, если ядовитыя стрѣлы клеветы и лжи не отравили ихъ политическаго существованія.

По числу прибывшихъ сюда путешественниковъ и по слухамъ въ нынѣшнемъ году будетъ у насъ весьма мало лицъ, желающихъ купаться и пить минеральныя воды. Къ тому же погода стоитъ здѣсь весьма неблагопріятная: дожди, холода и дожди. Начинаютъ бояться, что сѣно скошенное сгніетъ.

Торговля идетъ изрядно. Одинъ изъ новыхъ предметовъ отпуска будетъ въ нынѣшнемъ году кукуруза, которой привозятъ теперь сюда многое множество.

40.

11 Іюня 1837 года, Одесса.

Много и премного благодарю ваше сіятельство за милостивое письмо ваше отъ 1 Іюня. Оно по многимъ причинамъ придало мнѣ силъ въ трудахъ на пользу службы и обрадовало меня, равно какъ всѣхъ благородно мыслящихъ людей. Надѣемся съ послѣдующими почтами имѣть отъ васъ извѣстія еще болѣе одобрительныя. Между тѣмъ будемъ хлопотать, чтобы высокимъ гостямъ нашимъ показать Одессу въ приличномъ видѣ.

Я полагалъ бы начать подписку на балъ для Императрицы, но поджидаю еще дальнѣйшихъ извѣстій.

Городъ нашъ пустъ, и какъ слышно, останется такимъ до той минуты, когда свѣтила Сѣвера двинутся на Югъ. До сихъ поръ въ морѣ не купаются, потому что холодно и мокро; только два дни какъ мы безъ дождя.

Позвольте мнѣ конфиденціальнымъ образомъ теперь сказать вамъ нѣсколько словъ объ нашемъ женскомъ Институтѣ. Уставъ нашъ запрещаетъ выпускать дѣвицъ изъ заведенія, кромѣ случая смерти или опасной болѣзни родителей и тому подобнаго. Не смотря на это запрещеніе, съ нѣкотораго времени директриса стала отпускать дѣтей безъ всякаго

затрудненія. Конечно мое дѣло остановить ее: но это произведетъ новыя неудовольствія не только со стороны директрисы, но и тѣхъ родныхъ, которые пользуются непозволенною привилегіею, и опять возопіютъ, что я тиранъ, что я не умѣю уважать женскій полъ и проч. Между тѣмъ, если я не остановлю, и это отступленіе отъ правила дойдетъ до Государя, то мнѣ будетъ справедливый выговоръ. Я объ этомъ уже намекалъ директрисѣ; но она говоритъ, что далеко зашла въ семъ отношеніи, что не можетъ остановиться.

Спасите насъ отъ бѣды и сдѣлайте Совѣту отеческое легкое замѣчаніе за сіе отступленіе, возложивъ на нашу отвѣтственность смотрѣть за исполненіемъ устава. Можно даже такъ написать, какъ будто это уже извѣстно и въ Петербургѣ.

Вы видите, до какой степени мнѣ наскучили ссоры, распри и необходимость, закономъ на меня возлагаемая, останавливать другихъ. Я самъ прошу у васъ себѣ выговора, какъ милости.

41.

18 Іюня 1837 года, Одесса.

Въ ожиданіи обѣщанныхъ вашимъ сіятельствомъ извѣстій, мы помаленьку приготовляемся къ пріему высокихъ гостей; но, не зная ничего офиціально, не смѣемъ приступить къ самому важному пункту, а именно къ подпискѣ на балъ. Можетъ быть, завтра вы насъ обрадуете извѣстіями рѣшительными, и тогда все закипитъ. Времени остается немного, а приготовленія должны быть значительныя.

Ваше сіятельство прислали къ г. Фабру для справокъ письмо къ вамъ извѣстнаго Варлама, въ которомъ онъ жалуется или, лучше сказать, только доводитъ до вашего свѣдѣнія, что я поставилъ къ нему военный постой за неплатежъ имъ въ городовой доходъ оцѣночныхъ денегъ, а правитель канцеляріи моей снялъ его по просьбѣ Л. А. Нарышкина. Дѣло сіе происходило такъ. По представленію Думы и по полученіи мною предписанія вашего сіятельства о необходимости принятія мѣръ ко взысканію недоимокъ, я предписалъ къ неплательщикамъ процентныхъ денегъ за домà ставить постой натурою. Въ исполненіе сего поставлено было нѣсколько солдатъ и въ домъ г. Варлама. Онъ бросился къ общему прокурору по дѣламъ Одессы, т.-е. къ Л. А. Нарышкину; тотъ написалъ письмо къ правителю моей

канцеляріи Долгому, который имѣлъ отъ меня порученіе наблюдать за размѣщеніемъ постоя. Г. Долгій, боясь навѣтовъ Л. А., болѣе нежели прямаго начальства, написалъ безъ моего вѣдома отъ имени канцеляріи бумагу о снятіи постоя отъ г. Варлама. Узнавъ о томъ и вспомнивъ то, что̀ вы сами мнѣ изволили говорить о г. Долгомъ, я воспользовался симъ случаемъ имѣть съ нимъ объясненіе самое откровенное, вслѣдствіе котораго онъ оставилъ уже управленіе моею канцеляріею и просилъ только позволенія остаться при мнѣ до времени, въ званіи чиновника особыхъ порученій. Между тѣмъ я всѣ военные постои отмѣнилъ по всему городу, то-есть у всѣхъ неисправныхъ плательщиковъ.

Теперь прошу обратить вниманіе на цѣль, съ которою это было доведено до вашего свѣдѣнія. Когда г. Варламъ къ вамъ писалъ, онъ уже былъ удовлетворенъ, что́ самъ говоритъ въ письмѣ своемъ. Ему или компаніи, къ которой онъ принадлежитъ, нужно было только довести до вашего свѣдѣнія, что я не всѣми дѣлами самъ занимаюсь, и что меня за носъ водятъ. Для достиженія этой цѣли не пожалѣли даже и того, кто услужилъ имъ. А что я имѣлъ право поставить постой или даже экзекуцію къ неплательщику, то это ясно изложено въ законахъ. Я остановилъ это потому только, чтобы не дать повода къ другому подобному случаю.

Излишнимъ почитаю объяснять вамъ, что Варламъ есть мошенникъ, котораго я узналъ за 19 лѣтъ предъ симъ, служа въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Спросите графа Нессельрода, Родофиникина и

даже, если не поскучаете, нашего князя Моруза. Они вам скажутъ, кто Варламъ.

При случаѣ семъ неугодно ли также замѣтить, что вліяніе Л. А. Нарышкина наводитъ здѣсь паническій страхъ на всѣхъ. Отчего это? Не стану долго объяснять: скажу только, что весьма мало людей, убѣжденныхъ вмѣстѣ со мною въ томъ, что вліяніе его на васъ ничтожно. Всякій боится клеветы и, прибавить должно, не всякій довольно чистъ, чтобы смѣло идти ей на встрѣчу.

Знаю, что это не совсѣмъ пріятно вамъ читать; но прошу только принять во вниманіе, что я не нападаю, а защищаюсь. Боже мой! Какъ бы я былъ радъ жить со всѣми въ мирѣ; но меня грызутъ, я не могу не отбиваться и почитаю невозможнымъ молчать.

42.

21-го Іюня 1837 г., Одесса.

Ваше сіятельство восхитили насъ, какъ нельзя болѣе письмомъ вашимъ отъ 10 Іюня изъ Петергофа. И такъ мы будемъ имѣть счастіе видѣть посреди себя Царя, Царицу и Цесаревича. Городъ наполненъ сею новостію: она перелетаетъ изъ устъ въ уста. Послѣ завтра я пригласилъ всѣхъ граждан для совѣщанія о праздникѣ, который мы должны и желаемъ дать высокимъ гостямъ, и для подписки на сей праздникъ. Между тѣмъ рисунки для кабинета туалетнаго Императрицѣ и для построенія столовой залы посреди биржеваго двора уже готовы. Нѣкоторыя украшенія уже заказаны, и на дняхъ начнется и постройка залы. При начатіи подписки я выставлю ваше имя, какъ перваго подписчика; а сумму денегъ, какую вамъ угодно пожертвовать, вы сами означите на листѣ, когда возвратитесь къ намъ.

Не удивитесь, что въ послѣднемъ № „Одесскаго Вѣстника" напечатана статья о высочайшемъ смотрѣ въ Вознесенскѣ и о времени пребыванія тамъ царской фамиліи. Она прислана отъ графа Витта, и я до тѣхъ поръ не рѣшался ее пропустить, пока онъ своеручно не подписалъ статьи, послѣ чего я велѣлъ оригиналъ ея сохранить въ архивѣ на случай

вопросовъ изъ Петербурга. Отказать ему послѣ сего я не почиталъ себя въ правѣ.

Онъ хотѣлъ перевести на время маневровъ въ Вознесенскъ нашу Итальянскую труппу; но проектъ сей не состоялся, и я разскажу вамъ при свиданіи, отчего.

Хотя погода у насъ и не южная, однако дожди нѣсколько поутихли въ послѣдніе дни, и это дало намъ возможность подвинуть нѣкоторыя городскія работы. Теперь производится шоссе въ одно время на пяти или шести улицахъ; тротуары идутъ также быстро впередъ.

Андріевскій, возвратившись изъ Крыма, осматривалъ здѣсь военныхъ больныхъ и нашелъ между ними, равно какъ и между здоровыми войсками, много людей, имѣющихъ въ большей или меньшей степени Египетскую глазную болѣзнь; почему онъ требуетъ учредить при здѣшней больницѣ особое отдѣленіе глазное съ разными для него устройствами. Это не входитъ въ кругъ общихъ дѣйствій больницы и потребуетъ нѣкоторыхъ особыхъ издержекъ, на кои законъ мнѣ не даетъ права; но долгъ совѣсти и человѣколюбія побуждаетъ меня для выиграпія времени дѣйствовать подъ собственною отвѣтственностію экстра-легальнымъ образомъ. Я надѣюсь, что вы одобрите мѣры, мною принимаемыя.

P. S. Я не почитаю приличнымъ офиціально доносить вамъ, но нахожу должнымъ частно напомнить вамъ, что хотя балъ и будетъ нами данъ на подписныя деньги, но пріѣздъ Государя, можетъ быть,

заведетъ насъ въ нѣкоторые другіе расходы, не вошедшіе въ смѣту, утвержденную Министерствомъ. Не будутъ ли съ насъ за то взыскивать? Не найдете ли вы нужнымъ сказать о томъ два слова министру или хотя поговорить съ Лексомъ?

Вмѣстѣ съ симъ пишу я вамъ офиціально о газовомъ освѣщеніи въ отвѣтъ на вопросъ министра. Прошу это дѣло не оставить вашимъ покровительствомъ.

43.

14 Сентября 1837 года, Одесса.

Пользуюсь отправленіемъ къ вашему сіятельству экстра-почты, дабы просить у васъ извиненія въ томъ, что я забылъ въ моемъ представленіи двухъ усердныхъ и полезныхъ чиновниковъ: докторовъ Митридатова и Дохтурова. Я теперь дѣлаю объ нихъ особое представленіе и усерднѣйше прошу милостиваго за нихъ предстательства. Между тѣмъ повторяю мою покорнѣйшую просьбу о тѣхъ, кои помѣщены въ представленной мною вамъ запискѣ. Уже давно чиновники Одесскаго градоначальства не пользовались царскими милостями, и справедливость требуетъ ихъ наградить, а меня побуждаетъ просить за нихъ. Государь былъ всѣмъ доволенъ; но я одинъ не могъ всего устроить, слѣдовательно долженъ и священнымъ долгомъ почитаю просить о награжденіи моихъ сотрудниковъ.

Что̀ касается до меня, то мнѣ остается только съ благодарностію ожидать обѣщанной самимъ Царемъ награды. Надѣюсь, что онъ и ваше сіятельство не забудете объ ней.

Посылаемый при семъ каменный шарикъ прошу покорнѣйше доставить графинѣ. Онъ сдѣланъ по ея приказанію для великой княжны Маріи Николаевны. За обдѣлку заплачено 50 р.

44.

Одесса, 26 Сентября 1837 года.

Зная заботы вашего сіятельства и не имѣя ничего особенно важнаго для вашего свѣдѣнія, я не имѣлъ чести писать къ вамъ нѣсколько времени. Теперь начну письмо мое благодарностію за прекрасный и превкусный виноградъ, вами намъ присланный, и за воспоминаніе объ насъ. Гр. Фикельмонъ справедливо говоритъ, что нигдѣ не ѣдалъ лучшаго столоваго винограда какъ въ Крыму. Какъ это произведеніе на южномъ берегу недорого и какъ мы его здѣсь за деньги имѣть не можемъ, то я позволю себѣ безъ зазрѣнія совѣсти просить ваше сіятельство съ будущимъ пароходомъ прислать намъ еще нѣсколько вѣтокъ изъ вашихъ виноградниковъ. Простите мою смѣлость: уста мои не могутъ устоять противъ такого соблазна.

Послѣ отъѣзда послѣднихъ остатковъ двора у насъ воцарилась тишина чрезвычайная. Погода не такова, какъ обыкновенно бываетъ въ Сентябрѣ, однако начала исправляться.

Для многихъ соображеній по службѣ, особенно по предмету составленія бюджета Одесскихъ доходовъ и расходовъ на 1838 годъ, мнѣ нужно было бы войти въ подробныя объясненія съ вашимъ сіятель-

ствомъ; а потому буду предварительно просить васъ увѣдомить меня, когда вы полагаете возвратиться въ Одессу.

Графъ Нессельродъ здѣсь; онъ уѣзжаетъ во Вторникъ. Фикельмонъ ѣдетъ сегодня въ Петербургъ.

Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали мы изъ Крыма великой и богатой милости царской чиновникамъ здѣшняго градоначальства. Теперь видимъ, что надо еще подождать и вѣроятно до пріѣзда Государя въ Петербургъ. О себѣ я менѣе всего безпокоюсь, ибо увѣренъ, что Царь слова своего не отмѣнитъ; притомъ награды моей нельзя уменьшить по общему порядку. Главная награда, то есть личная благодарность царская, мною уже получена, и я ею болѣе всего дорожу.

Возвращая при семъ письмо къ вамъ отъ Богдановскаго, которое вы изволили мнѣ оставить для прочтенія, присовокупляю къ нему письмо на имя княгини Долгорукой, дочери графа Сенпри, и усерднѣйше прошу его доставить.

Пароходъ изъ Константинополя еще не пришелъ, и Бутеневъ еще не пріѣхалъ.

— —

45.

Прокуроръ нашъ, находящійся, какъ слышу, въ Петербургѣ, не желаетъ болѣе возвращаться въ Одессу; а исправляющій нынѣ его должность городской стряпчій Карузо желалъ бы быть утвержденъ на его мѣстѣ и проситъ меня исходатайствовать у вашего сіятельства письмо объ немъ къ министру юстиціи. А. Я. Фабръ, съ которымъ я о томъ предварительно совѣтовался, находитъ это возможнымъ. Опираясь на это, я имѣю честь безпокоить васъ моимъ ходатайствомъ за г. Карузо, предполагая, что намъ лучше имѣть на семъ мѣстѣ человѣка здѣшняго, нежели неизвѣстнаго.

21 Октября 1837 года.

46.

17 Іюля 1838 года.
Село Хомутовка.

Пользуюсь первыми возвращающимися въ рукѣ моей силами, чтобы имѣть честь писать къ вашему сіятельству и принести вамъ чувствительнѣйшую и покорнѣйшую благодарность за всѣ ваши ко мнѣ милости и за все добро, мнѣ сдѣланное въ теченіе 15-ти лѣтняго служенія моего подъ пріятнѣйшимъ начальствомъ вашимъ. Вы знаете прямоту моего характера и тѣмъ болѣе можете повѣрить искренности моего изъясненія, что я дѣлаю его, будучи унесенъ судьбою далеко отъ васъ и отъ вліянія вашего на мое политическое существованіе. Съ истиннымъ удовольствіемъ буду я всегда вспоминать то вниманіе, то благосклонное довѣріе, которыя вы оказывали мнѣ до послѣдней мрачной эпохи моей жизни въ Одессѣ; но никогда безъ сердечнаго огорченія не вспомню, что злые клеветники, воспользовавшись несчастными для меня обстоятельствами, успѣли въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ сдѣлать то, надъ чѣмъ они безуспѣшно трудились шесть лѣтъ, то есть внушить вамъ недовѣріе ко мнѣ.

Не подумайте, чтобы я разумѣлъ подъ симъ мнѣніе, вами данное высшему начальству о томъ, что я не долженъ оставаться въ Одессѣ. Совсѣмъ нѣтъ; какъ

человѣкъ государственный, какъ начальникъ значительной части Россіи, вы въ приговорѣ своемъ по дѣлу чумы не могли руководствоваться иными побужденіями кромѣ собственнаго убѣжденія; личныя отношенія мои къ вамъ не должны были поколебать рѣшимости вашей. Я бы самъ поступалъ также. Въ этомъ случаѣ я только сожалѣю, что вы прямо не предупредили меня о принятомъ вами намѣреніи: я бы понялъ всю высоту вашихъ обязанностей и, скрѣпя сердце, смирился предъ ними; а между тѣмъ принялъ бы мѣры къ устроенію своей будущности, и вѣрьте мнѣ, это обстоятельство нисколько не уменьшило бы преданности моей къ вашей особѣ и уваженія къ вашимъ великимъ достоинствамъ. Впрочемъ, вспоминая сообщенный мнѣ вами лично разсказъ о томъ, какъ частное письмо ваше о мнѣ приняло ходъ офиціальный, вижу, что тутъ повредила мнѣ не столько рѣшимость ваша признать меня виновнымъ, сколько сама судьба, избравшая васъ орудіемъ низверженія меня съ мѣста, которое по разнымъ отношеніямъ уже сдѣлалось для меня тяжело и которое я уже приготовился оставить.

Но истинное и главное сожалѣніе мое обращается на то, что васъ, почтеннѣйшій графъ, успѣли увѣрить, будто бы я двулично дѣйствовалъ противъ васъ во время пребыванія въ Одессѣ Государя Императора; и въ этомъ случаѣ я основываюсь только на томъ, что̀ отъ васъ самихъ слышалъ. Слова: *Англійская полиція* никакъ не выходятъ изъ головы моей. Послѣ узналъ я, будто они были сказаны старымъ доброжелателемъ вашимъ графомъ В. Можетъ быть и это несправедливо; но по крайней мѣрѣ правдопо-

добно. Теперь спрашиваю самъ себя: на какомъ основаніи могли ихъ приписать мнѣ? Основанія не было; но безсовѣстные интриганты имѣли тутъ двѣ цѣли: однимъ ударомъ хотѣли обвинить меня въ неблагодарности къ вамъ и въ глупости. Какъ могъ я, непосредственный начальникъ полиціи, шутить надъ нею и надъ вами въ глазахъ Государя? И въ какое время? Тогда, какъ отъ вашей рекомендаціи при семъ случаѣ зависила вся прошедшая и будущая служба моя. И для кого сталъ бы я вамъ измѣнять? Кто былъ тутъ такой, которому могъ бы я угодить такою подлостію? Если вы не вѣрите искренности моихъ чувствъ, повѣрьте по крайней мѣрѣ тому, что я не дуракъ и что самые подлые люди дѣлаютъ низости только въ надеждѣ что-либо выиграть, а я могъ только проиграть. Что̀ подумалъ бы о мнѣ тотъ, передъ кѣмъ сталъ бы я шутить надъ вами съ такою низкою неблагодарностью? Но ваше сіятельство, къ искреннему сокрушенію моему, повѣрили такой нелѣпой клеветѣ, потому что она дошла до васъ подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ для меня обстоятельствъ. Вы, можетъ быть, уже забыли ее, но я не могу забыть, ибо въ ней заключается приговоръ о цѣлой душѣ моей. Неужели 15 лѣтъ не были достаточны для того, чтобы показать вамъ, что она не черна?

Грустно мнѣ будетъ, если вы не примете на себя труда разобрать это обстоятельство и оправдать меня; но во всякомъ случаѣ я навсегда сохраню къ вамъ всѣ тѣ чувства, которыя питалъ прежде и которыя составляютъ послѣдствіе всего того, что̀ вы для меня дѣлали. Души низкія тяготятся благодарностію, онѣ ищутъ случая сбросить ее съ себя,

какъ оковы: люди благородные гордятся ею и находятъ въ ней источникъ нравственнаго наслажденія. Мнѣ всегда будетъ пріятно помнить, чѣмъ я вамъ обязанъ, даже и тогда, когда бы вы вовсе забыли о моемъ существованіи. Les absents ont toujours tort, et mes ennemis sont toujours présents devant vous.

Теперь позвольте мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ о себѣ. Здоровье мое въ дурномъ положеніи: рука выздоровѣла, но еще слаба, и я, начавъ это письмо самъ, не могъ его окончить. Что касается до головы, то потрясеніе мозга, произведенное сильнымъ ушибомъ, заставляетъ меня безпрерывно страдать отъ кружeній: глаза же мои никуда не годятся. Съ недавняго времени къ недугамъ моимъ присоединились нѣкоторые важные припадки болѣзни у жены моей. Все это дѣлаетъ меня совершенно неспособнымъ для службы; и я ни о чемъ болѣе не помышляю, какъ о возможности ѣхать лѣчиться. Я писалъ чрезъ графа Бенкендорфа просительное письмо къ Государю, но отвѣта еще не имѣю; между тѣмъ время уходитъ, и болѣзнь физическая переходитъ въ нравственную. Я уже распрощался со всѣми призраками честолюбія; теперь ищу только приличнаго способа получить временную или всегдашнюю свободу. Если бы я не боялся навлечь гнѣвъ Государя, то давно бы просился въ чистую отставку. Не знаю, что со мною будетъ; ничего не смѣю надѣяться хорошаго и предоставляю судьбѣ добить меня въ политическомъ смыслѣ, лишь бы не страдать тѣломъ.

47.

4-го Марта 1840 года, С.-Петербургъ.

Только на сихъ дняхъ дошло до меня письмо, которымъ вашему сіятельству угодно было почтить меня 16 Генваря. Оно было адресовано въ Ефремовъ, а я съ новаго года уже въ Петербургѣ. Приношу вамъ чувствительнѣйшую мою благодарность за воспоминаніе ваше о мнѣ и за извѣстія о ходѣ дѣлъ въ краѣ Новороссійскомъ, особенно въ Одессѣ; вы весьма справедливо полагаете, что край сей донынѣ меня интересуетъ: проживъ въ немъ 15 лѣтъ въ безпрерывной дѣятельности, оставивъ въ немъ друзей и добрыхъ знакомыхъ, я вѣроятно еще надолго сохраню привязанность къ нему. Не имѣю ни намѣренія, ни нужды возвратиться въ него на постоянное жительство, но съ удовольствіемъ пріѣду когда-нибудь въ Одессу взглянуть на тѣхъ, кто меня тамъ не забылъ и на Пересыпскую плантацію, которая навсегда останется любимымъ дѣтищемъ моимъ, если люди, благонамѣренностію подобные Толстому, не почтутъ нужнымъ истребить ее. Пока ваше сіятельство тамъ, я такого опустошенія бояться не могу.

То, что вы мнѣ пишете о состояніи Одессы въ послѣдніе два года, напоминаетъ мнѣ одинъ забав-

ный комплиментъ, сказанный мнѣ въ Бродахъ, въ прошломъ году, нѣсколькими Евреями Одесскими, прибѣжавшими ко мнѣ съ непритворными знаками радушія и признательности. „Видите ли, какъ Богъ къ вамъ милостивъ, сказали они мнѣ? Онъ вамъ послалъ такого преемника по управленію Одессы, что самые враги ваши невольно должны прославлять имя ваше“.

Но теперь Толстой сошелъ уже со сцены. Искренно желаю, чтобы на его мѣсто назначили вамъ человѣка способнаго содѣйствовать вамъ и исполнять всѣ благія начинанія ваши. Пусть онъ будетъ достойнѣе и умнѣе меня: но усердіемъ къ службѣ и нелицемѣрною преданностію къ вамъ пусть онъ поровняется со мною, и тогда дѣла пойдутъ, право, не дурно, а вамъ будетъ пріятно. До сихъ поръ не слышно, чтобъ здѣсь кто-либо искалъ мѣста губернатора въ Одессѣ: нѣкоторые увѣряютъ, что участь, меня постигшая въ 1837 году, многихъ пугаетъ. Если это справедливо, то тѣмъ удобнѣе будетъ вашему сіятельству избрать себѣ помощника по собственнымъ мыслямъ вашимъ. Чуждый всякихъ политическихъ разсчетовъ, я желаю вамъ отъ всего сердца успѣха.

Поздравляю васъ съ благополучнымъ окончаніемъ лѣстницы съ бульвара къ морю. Подвигъ былъ очень трудный.

Вы вѣроятно уже знаете, какое дѣйствіе произвелъ здѣсь рапортъ вашъ въ объясненіе на доносъ г. Толстаго. Говорятъ, что нѣкоторые члены Ком.

М. отказались присутствовать при сужденіи о семъ дѣлѣ по родству и пріязни съ Толстымъ.

Извѣстіе, вами мнѣ сообщенное, о нѣмомъ поварѣ, презанимательно и презабавно.

Врето хотя и Грекъ (а я одинаково съ вами думаю о Грекахъ вообще), но человѣкъ усердный и въ теченіе 7-ми-лѣтняго служенія со мною никогда не подалъ мнѣ случая сомнѣваться въ его честности. Вотъ почему я рѣшился за него ходатайствовать и теперь готовъ повторить просьбу мою за него.

Я получаю „Одесскій Вѣстникъ“ и изъ него видѣлъ съ особеннымъ удовольствіемъ блистательные результаты торговли въ Одессѣ въ 1839 году. Возвышеніе оборотовъ торговли въ этомъ портѣ неразрывно влечетъ за собою процвѣтаніе всего Новороссійскаго края.

Мысль увеличить Институтъ будетъ благодѣтельна, если вы уже чувствуете въ томъ надобность. Позвольте при этомъ случаѣ напомнить или сообщить вамъ, что въ прошедшемъ 1839 или 1838 году члены Совѣта предлагали Толстому меня избрать почетнымъ членомъ; но тогда имя мое, какъ опальнаго, могло быть произносимо только съ осторожностію. Званіе почетнаго члена Одесскаго Совѣта недовольно важно, чтобы могло побудить къ большимъ искательствамъ; но для меня оно было бы пріятно, какъ воспоминаніе девятилѣтнихъ трудовъ моихъ на пользу сего заведенія. Если это такъ легко,

какъ было въ мое время, то я бы просилъ васъ покорнѣйше сказать два слова членамъ Совѣта: если же это трудно, то прошу не давать себѣ ни малѣйшаго безпокойства и извинить, что я откровенно высказалъ вамъ мою мысль.

Еще попрошу позволенія напомнить вашему сіятельству о составленномъ мною при отъѣздѣ изъ Одессы описаніи сего города для напечатанія. Гравюры при мнѣ всѣ были приготовлены; статьи почти всѣ написаны, кромѣ одной, обѣщанной Тройницкимъ, которому я передалъ тогда всю работу и всѣ приготовленныя для изданія статьи. Трудъ сей донынѣ остался въ забвеніи; не думаю, чтобы онъ когда-нибудь и увидѣлъ свѣтъ: ибо лица, принявшія на себя продолжать или кончить его, не желаютъ или не могутъ посвящать ему нужнаго времени. Не по авторскому самолюбію, а по интересности предмета, я бы просилъ васъ приказать извлечь работу сію изъ бездны забвенія и издать ее. На нее уже употреблено до 2.000 денегъ, кои также пропадаютъ даромъ.

До Мая мѣсяца я намѣренъ пробыть въ Петербургѣ. Если въ теченіе сего времени могу я быть на что-нибудь полезенъ вашему сіятельству, прошу покорнѣйше мнѣ приказывать и располагать мною. За особенное удовольствіе почту служить вамъ.

Прошу снисхожденія у вашего сіятельства въ томъ, что осмѣливаюсь адресовать на ваше имя два пакета для передачи: одного изъ нихъ г. Папудову, а другаго въ Общество Древностей.

Если угодно что-либо приказать мнѣ въ Петербургѣ, то вотъ мой адресъ: въ Большой Конюшенной, въ домѣ Жадимировскаго № 8.

Его И. В. Наслѣдникъ завтра отъѣзжаетъ въ Германію; графъ Орловъ ему сопутствуетъ. Вы вѣроятно уже изволите знать о назначеніи Брунова посланникомъ или министромъ въ Лондонъ.

48.

22 Марта 1840 г., С.-П.-бургъ.

До сихъ поръ я еще не потерялъ привычки считать себя принадлежащимъ къ Новороссійскому краю и къ числу подчиненныхъ вашего сіятельства, а потому рѣшаюсь имѣть честь писать къ вамъ нынѣ для того только, чтобъ сообщить вамъ содержаніе разговора, который я на дняхъ имѣлъ объ Одессѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Я пріѣзжалъ къ нему просить его содѣйствія по сдѣланному вами за насъ представленію объ освобожденіи бывшихъ градоначальниковъ отъ уплаты денегъ, раскраденныхъ казначеемъ Миничемъ. При этомъ случаѣ графъ С. сказалъ мнѣ, что теперь не время ходатайствовать какихъ - либо милостей для Одессы или Новороссійскаго края; ибо въ Комитетѣ Министровъ многіе члены такъ раздражены противъ вашего сіятельства за Толстаго, что стоитъ произнести ваше имя, какъ они уже приготовляются къ опроверженію. Къ этому прибавилъ графъ Строгановъ: „Еслибы я имѣлъ случай, я бы написалъ графу Вор....ву, чтобъ онъ воздержался *на время* всѣми тѣми представленіями, въ которыхъ онъ желаетъ что-либо исходатайствовать въ видѣ милости, или награды или даже полезнаго уклоненія отъ общаго порядка“. Для окончанія же спора о Толстомъ Ко-

митетъ и самъ Государь Императоръ желаютъ какъ можно скорѣе имѣть тѣ свѣдѣнія, коихъ требовали объ окончательныхъ дѣйствіяхъ слѣдственныхъ коммиссій, наряженныхъ генераломъ Ѳедоровымъ. Ускореніе доставки сихъ свѣдѣній зависитъ отъ вашего сіятельства.

Содержаніе сего разговора я просилъ г. Стро....ва позволить мнѣ сообщить вамъ; онъ *согласился* на то, а потому я имѣю честь писать къ вамъ нынѣ.

Вы вѣроятно уже знаете, что въ Одессу назначенъ военнымъ губернаторомъ генералъ-маіоръ Ахлестышевъ, бывшій губернаторомъ въ Тифлисѣ. Говорятъ, человѣкъ честный; но не знаютъ навѣрно, охотно ли онъ принимаетъ это мѣсто. Его здѣсь нѣтъ, онъ въ отпуску и, какъ мнѣ сказывали, назначенъ потому, что Государь изволилъ приказать дать ему *первую* вакансію военнаго губернатора, какая откроется. Знакомые его увѣряютъ меня, что онъ не знаетъ вовсе иностранныхъ языковъ. Хоть это обстоятельство неважное, однако нельзя объ этомъ не пожалѣть.

49.

15 Іюня 1840 года, село Пажилина.

Послѣднее письмо, которымъ ваше сіятельство меня удостоили, я имѣлъ честь получить предъ самымъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга. Зная, что вы должны провести весь Май и часть Іюня въ путешествіяхъ, я отложилъ отвѣтъ мой до пріѣзда вашего въ столицу, куда и имѣю честь теперь писать къ вамъ.

Зная весь ходъ и сущность дѣла, столь безразсудно начатаго наслѣдникомъ моимъ на поприщѣ службы, я очень понимаю и чувствую, сколь вашему сіятельству должно быть непріятно, что изъ вопроса административнаго сдѣлали question de personnalité. Вы не могли, вы не должны были оставить безъ дѣйствія или возраженія несправедливыя и низкія клеветы на цѣлый край, еслибы и желали пренебречь извѣтами на собственное ваше лице. Но я не могу понять, почему нѣкоторые новые администраторы такъ горячо вступаются за доносителя на насъ. Думаю, что кромѣ дружескихъ и родственныхъ связей тутъ дѣйствуютъ зависть, злоба и интриги лицъ, посѣдѣвшихъ въ ненависти къ вамъ. Вы безъ меня отгадаете имена ихъ. Во всякомъ случаѣ я очень радъ, что вы теперь въ Петербургѣ и лично кончите это дѣло скорѣе, нежели по перепискѣ. Я

увѣренъ, что оно вамъ наскучило. Будучи въ немъ замѣшанъ, я просилъ министра внутреннихъ дѣлъ, чтобы по обвиненіямъ, на меня падающимъ, спросили у меня оффиціальныхъ объясненій, что я не боюсь вопросовъ, разслѣдованій и не желаю по снисхожденію быть оставленъ въ покоѣ или забвеніи тамъ, гдѣ я могу торжественно защищаться и доказывать несправедливость доноса. Мнѣ отвѣчали словесно, что лично противъ меня будто ничего не было доносимо, и что потому нѣтъ повода меня спрашивать; когда же онъ представится, то просьба моя будетъ исполнена. Вслѣдъ за симъ объясненіемъ я уѣхалъ изъ Петербурга и до будущей зимы забылъ все, кромѣ сельскихъ занятій моихъ, которыя болѣе и болѣе привлекаютъ меня къ себѣ.

Я теперь очень занятъ устройствомъ въ Курской деревнѣ жены моей свекловично-сахарнаго завода, къ которому приготовлялся два года и который надѣюсь пустить въ ходъ нынѣшнею осенью. Эта отрасль промышленности развивается у насъ довольно быстро, и по неразрывной связи ея съ земледѣліемъ, а съ другой стороны потому, что мы никакихъ привиллегій, ни покровительственныхъ пошлинъ не просимъ, казалось бы, что она должна заслуживать по крайней мѣрѣ такого же покровительства, какъ водочные, пивные или подобные заводы. Напротивъ того, говорятъ, будто министръ финансовъ не любитъ Русскаго сахара и хочетъ обложить насъ пошлиною. Не въ подражаніе ли Французамъ? Но у нихъ есть колоніи, существующія однимъ сахаромъ; а у насъ ни на Курильскихъ, ни на Амурскихъ островахъ сахарный тростникъ не родится.

Я позволяю себѣ думать, что упадокъ цѣнъ на сахаръ, неразрывный съ умноженіемъ сахарныхъ заводовъ, долженъ имѣть даже благотворное вліяніе на народъ: отъ того умножится число пьющихъ чай и уменьшится число пьющихъ много водки. Большая часть Русскихъ пьяницъ, отставшихъ отъ водки, дѣлаются страстными любителями чая. Безвредный жаръ теплой воды замѣняетъ губительный огонь водки или Ерофеича.

Я въ концѣ Мая былъ въ Курской губерніи и нашелъ довольно порядочные хлѣба; но здѣсь въ Тульской губерніи, равно какъ въ Рязанской, Тамбовской, Воронежской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ озимые хлѣба вовсе пропали отъ безснѣжной и жестокой зимы. Народъ въ крайней нуждѣ, и нищіе ходятъ толпами по городамъ и деревнямъ. Вмѣсто полученія доходовъ, мы помѣщики съ осени начали покупать хлѣбъ и кормимъ мужиковъ, какъ будто дворовыхъ. Въ будущемъ году, до новой жатвы 1841 года, намъ предстоитъ тоже. Правда, что яровые теперь хороши; но они ограничиваются овсомъ, котораго люди не ѣдятъ, и гречихою, которой почти не сѣяли, потому что съ трудомъ можно было находить сѣмяна. Яровая рожь здѣсь неизвѣстна; яровая пшеница — рѣдкость. Новороссійскій край, какъ слышу, потерялъ зимою много овецъ; но по цѣнамъ полагать должно, что тамъ надѣются на урожай хлѣбовъ сего года; а здѣсь въ Ефремовѣ — одной изъ житницъ внутренней Россіи — четверть ржаной муки стоитъ до 35 рублей. Цѣна ужасная!

Впрочемъ *нѣтъ худа безъ добра*; нужда выучила многихъ помѣщиковъ быть благоразумными: число

дворовыхъ людей уменьшается едва имовѣрнымъ образомъ, и всякій самъ удивляется рѣшимости своей сократить или переломить одну изъ первыхъ и разорительнѣйшихъ привычекъ. Скажу болѣе: почти всѣ начинаютъ понимать, что не только можно жить безъ крѣпостныхъ мужиковъ, но что даже это имѣетъ свои выгоды.

Соображаясь съ обстоятельствами и видя крайность, въ которой находятся сосѣдніе со мною однодворцы, я открываю довольно необыкновенный въ здѣшнемъ краѣ родъ хозяйства: начинаю обработывать свою землю наемными, а не своими людьми. Мнѣ это удобно дѣлать, потому что я имѣю здѣсь болѣе земли, нежели сколько по душамъ нужно.

Устроивши немного здѣсь дѣла свои, я возвращаюсь въ Курскую губернію къ своему сахарному заводу, при которомъ останусь до глубокой осени или до зимы.

Очень радуюсь, что сыръ мой заслужилъ ваше одобреніе. Такъ какъ онъ былъ вамъ посланъ безъ меня, то я боялся, чтобъ вамъ не выслали слишкомъ молодаго и слѣдовательно недоспѣлаго. Эта отрасль хозяйства дастъ мнѣ теперь до 3,000 рублей дохода, но я намѣренъ при первой возможности распространить ее. Впрочемъ это только и возможно въ окрестностяхъ столицы, ибо внутри Россіи молочные сборы отъ коровъ рѣшительно ничтожные и даютъ доходъ на одномъ маслѣ. Но тѣмъ не менѣе скотъ держать должно для удобренія земли, ибо и здѣсь уже нельзя обойдтись безъ унавоживанія.

Но я сдѣлался уже совершеннымъ земледѣльцемъ и утруждаю васъ чтеніемъ подробностей, которыми вамъ нѣтъ времени заниматься. Виноватъ! Простите!

Не могу скрыть отъ вашего сіятельства, что я съ истиннымъ удовольствіемъ слышу отъ васъ, что обо мнѣ жалѣютъ въ Одессѣ. Многіе и весьма многіе повторяли мнѣ тоже въ Петербургѣ; многіе изъ Одесскихъ жителей мнѣ пишутъ тоже, даже такіе, съ которыми я никогда не бывалъ въ перепискѣ. Напримѣръ, весьма недавно получилъ я длинное посланіе отъ Демоля, наполненное сожалѣніями о моемъ отсутствіи и кончающееся вопросомъ: нѣтъ ли надежды опять меня увидѣть на прежнемъ мѣстѣ? Я отвѣчаю ему письменно то, что̀ по совѣсти чувствую и при случаѣ всѣмъ говорю: никогда не перестану принимать участіе въ Одессѣ, но возвратиться въ нее съ офиціальнымъ характеромъ не желаю и не могу, какъ по обстоятельствамъ внѣ меня, такъ и во мнѣ заключающимся. Пока былъ я на мѣстѣ рѣдко, весьма рѣдко удавалось мнѣ провести день безъ непріятностей, какъ общихъ, неразрывныхъ съ должностію, такъ и мѣстныхъ; рѣдкій день желчь моя не была въ движеніи; теперь я такъ привыкъ къ спокойствію, что удивляюсь самъ себѣ, какъ могъ я прежде существовать въ такомъ треволненіи. И много ли я встрѣчалъ вознаградительныхъ наслажденій за труды мои?

Но теперь, видно, для меня уже наступило въ Одессѣ потомство. Тѣмъ лучше: de mortuis aut bene aut nihil. Ma satisfaction est posthume, mais néan-

moins elle est vive, elle me donne des moments bien agréables dans un autre monde. Il vaut mieux tard, que jamais.

Знаете ли, въ чемъ теперь заключается мое желаніе? Быть полезнымъ Одессѣ, если бы я имѣлъ на то способы, въ Петербургѣ. Вотъ почему прошу ваше сіятельство меня употреблять въ видѣ повѣреннаго и стряпчаго за Одессу въ столицѣ, когда я туда возвращусь къ зимѣ. Я начинаю любить даже Одесскихъ враговъ моихъ и даже имъ радъ служить въ чемъ могу, если они не чувствуютъ въ себѣ болѣе потребности грызть меня. Въ деревнѣ люди дѣлаются добрѣе.

Боюсь, чтобы вы не прибавили и *болтливъ*, а потому кончаю длинное письмое мое.

Если вы вздумаете почтить меня нѣсколькими словами на свободѣ, то прошу адресовать мнѣ письмо: въ городъ *Сѣвскъ*, близъ котораго буду я жить все лѣто и осень.

Желаемъ графинѣ много удовольствій въ ея путешествіи на Востокъ.

50.

4 Февраля 1841 года, С.-Петербургъ.

Давно уже не имѣлъ я чести писать къ вашему сіятельству; причиною тому, вопервыхъ, отъѣздъ вашъ за границу въ прошедшемъ году, вовторыхъ, долгое пребываніе мое въ деревнѣ, откуда не могъ я сообщить вамъ ничего занимательнаго. Съ начала новаго года я опять въ столицѣ и помаленьку начинаю опять втягиваться въ дѣла службы, хотя и не имѣлъ еще намѣренія въ нынѣшнемъ годѣ оставлять сельскія занятія мои. Неожиданнымъ образомъ я попалъ, какъ депутатъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ члены Комитета, учрежденнаго для улучшенія хода почтовой корреспонденціи внутри Россіи. Мысль объ этомъ Комитетѣ произошла не отъ Почтоваго Управленія, которое будетъ въ немъ имѣть только одного депутата, подобно всѣмъ прочимъ министерствамъ.

По этой и по разнымъ другимъ причинамъ я не думаю, чтобъ Комитетъ нашъ могъ произвести много полезнаго; но, тѣмъ не менѣе, долгъ каждаго изъ насъ добросовѣстно содѣйствовать правительству по мѣрѣ свѣдѣній и опытности, которую каждый членъ имѣетъ. Въ этомъ смыслѣ я обращаюсь къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею просьбою дать мнѣ нѣсколько наставленій и сказать нѣсколько словъ о

нуждахъ Новороссійскаго края въ этомъ отношеніи. Но долженъ предупредить васъ, что Комитетъ нашъ долженъ кончиться очень скоро. Очень буду радъ и счастливъ, если при этомъ случаѣ могу оказать какую нибудь услугу краю, въ которомъ провелъ я столько лѣтъ.

Я имѣлъ случай бесѣдовать объ васъ съ графомъ Строгановымъ, который очень сожалѣетъ и удивляется, что вы полагаете его врагомъ вашимъ. Никогда не дѣйствовалъ онъ противъ васъ и если не всегда согласенъ съ вами въ мысляхъ, то это происходитъ совсѣмъ не отъ личностей. Онъ полагаетъ, что тутъ долженъ быть какой нибудь комеражъ.

Здѣсь слухъ носится, что ваше сіятельство намѣрены скоро пріѣхать въ Петербургъ. Не знаю, справедливо ли это; но очень бы желалъ имѣть честь видѣть васъ здѣсь.

Публика Петербургская очень занята теперь извѣстіемъ о составленіи особаго Комитета изъ важнѣйшихъ государственныхъ лицъ для поправленія состоянія финансовъ. Извѣстіе это, можетъ быть, нужно вамъ для соображеній при составленіи какихъ либо проектовъ, гдѣ нужно испрашивать отпуска новыхъ суммъ изъ Государственнаго Казначейства.

Оба мы съ женою были испуганы вѣстію о несчастномъ паденіи съ лошади графини Елисаветы Ксаверьевны; но, пріѣхавъ сюда, были успокоены и теперь просимъ васъ принести ей наше поздравленіе объ избавленіи отъ опасности.

Вашему сіятельству извѣстно, что я имѣю въ Одессѣ два магазина; они составляютъ для меня бремя, которое не знаю, какъ сжить съ рукъ. Не найдете ли вы какой нибудь возможности помочь мнѣ ихъ продать въ казну, городу или частнымъ лицамъ? Я бы уступилъ изъ цѣны, которой они мнѣ стоятъ, 10, 15 и даже до 20 процентовъ, лишь бы сжить съ рукъ. Помощію вашею или ходатайствомъ въ этомъ случаѣ вы оказали бы мнѣ великую милость.

51.

8 Ноября 1841 года, село Хомутовка.

Сегодня въ семействѣ вашего сіятельства праздникъ; позвольте мнѣ вспомнить, что 15 лѣтъ сряду я принималъ въ немъ участіе и поздравить васъ теперь съ нимъ заочно, какъ нѣкогда поздравлялъ я васъ лично. Отъ всего сердца желаю вамъ при этомъ случаѣ всего на свѣтѣ хорошаго.

Давно не пользовался я даннымъ мнѣ позволеніемъ писать къ вамъ: это потому, что я не хочу употреблять его во зло и, отнимая у васъ драгоцѣнное время, наскучать вамъ письмами, не имѣющими никакого интереса. Въ совершенномъ уединеніи отъ свѣта, въ глуши, между книгами, сохою, разными земледѣльческими орудіями и неудачными опытами свекло-сахарнаго производства что̀ могу я сказать вамъ занимательнаго?

„Одесскій Вѣстникъ" хвалится прекрасною осенью; мы можемъ похвалиться тѣмъ же и привести въ доказательство, что 22 Сентября мы обѣдали въ саду на открытомъ воздухѣ; а 10 и 14 Октября еще ходили въ однихъ сертукахъ.

На дняхъ получилъ я предписаніе вашего сіятельства отъ 3 Іюня № 7443-й о представленіи вамъ объясненій по дѣлу Минича. Не знаю, почему и какъ бумага эта была доставлена г. Струкову, съ которымъ я никакихъ сношеній не имѣю, и потому немудрено, что она только недавно дошла до меня. Я бы тотчасъ отвѣчалъ на нее; но всѣ свѣдѣнія и документы, изъ которыхъ могъ бы я составить отвѣтъ, находятся въ Петербургѣ; а какъ я въ скоромъ времени отправляюсь туда, то и прошу ваше сіятельство сдѣлать милость подождать моего донесенія. До конца года оно будетъ вамъ представлено. Дѣло это тяготѣетъ надо мною, какъ кара небесная. Всѣ помаленьку выпутываются изъ него, а я одинъ остаюсь постоянно виноватымъ во всемъ. Богдановскій по манифесту освобождается отъ уплаты за Минича, потому что прошло уже 10 лѣтъ, какъ онъ выбылъ изъ Одессы; Зонтагъ и его наслѣдники, потому что онъ умеръ; а я, какъ живой, за то, что открылъ преступленіе, пропущенное безъ вниманія 5-ю или 6-ю моими предмѣстниками, я одинъ остаюсь въ отвѣтственности. Такова судьба моя, и я никакого не имѣю права пѣнять. Знаю, что ваше сіятельство писали въ защиту мою; но что́ вамъ легко сдѣлать для другихъ, то вы найдете труднымъ для меня при всемъ желаніи вашемъ помочь мнѣ. Впрочемъ я теперь не смѣю и не долженъ обременять васъ никакою просьбою по этому дѣлу. Позвольте напомнить объ немъ, когда придетъ свое время.

Вы вѣроятно теперь еще въ Крыму и наслаждаетесь воздухомъ; между тѣмъ, какъ слышу, Южный

берегъ все подвигается впередъ въ промышленномъ отношеніи. Очень бы желалъ взглянуть на него и для будущаго лѣта составляю проектъ путешествія въ тотъ край. Надежда видѣть васъ тамъ составляетъ одну изъ пріятнѣйшихъ сторонъ этого проекта.

Адресъ мой въ Петербургѣ: въ Большой Миліонной въ домѣ Арендта, въ квартирѣ ген. Мейендорфа.

52.

2 Февраля 1842 г., С.-П-бургъ.

Письмо, которымъ ваше сіятельство удостоили меня 18 Декабря, получилъ я здѣсь въ Петербургѣ и читалъ его съ искреннимъ удовольствіемъ и признательностію за то, что вы до сихъ поръ дѣлаете мнѣ честь сообщать мнѣ извѣстія о постепенномъ усовершенствованіи Новороссійскаго края.

Письма ваши почти всегда переносятъ меня въ то пріятное время, когда я, полный юношеской горячности (донынѣ къ несчастію моему не простывшей), стремился подъ руководствомъ вашимъ на все полезное для края, въ которомъ служилъ и съ выгодами котораго я сливалъ себя въ одно цѣлое. Помню терніи, въ послѣднее время мною тамъ встрѣченныя: но не могу забыть и тѣхъ пріятныхъ минутъ, какія доставляли мнѣ успѣхи въ общеполезныхъ предпріятіяхъ. Въ воспоминаніяхъ этихъ до сихъ поръ много поэзіи. Добрыя вѣсти о плантаціяхъ, носящихъ мое имя подъ Одессою, принимаю я всегда съ отеческою нѣжностію; объ усовершенствованіи другихъ отраслей государственнаго хозяйства въ Одессѣ и Новой Россіи всегда слушаю съ участіемъ родственнымъ.

До сихъ поръ храню я, какъ рѣдкость, въ деревнѣ моей то вино Рислингъ, которое было сдѣлано въ

1833 году на вашемъ Одесскомъ хуторѣ и которое вы мнѣ подарили. Всякій годъ выпиваю я изъ него по одной бутылкѣ для опыта и каждый годъ нахожу въ немъ улучшеніе. Можетъ быть, мнѣ когда-нибудь удастся васъ же имъ попотчивать здѣсь въ Петербургѣ.

Преобразованіе карантинной балки въ Одессѣ есть дѣло прекрасное, и я отъ чистаго сердца васъ съ нимъ поздравляю. Новиковъ подалъ мнѣ первый совѣтъ объ ней, и я въ послѣдній годъ сдѣлалъ испытаніе предложеннаго имъ способа, но въ маломъ видѣ и слегка; а потому весенняя вода разорила первую загородку нашу. Это тѣмъ важнѣе для Одессы, что изъ тамошняго камня почти вовсе нельзя дѣлать подземныхъ сводовъ.

Ваше сіятельство спрашиваете меня о свеклосахарной промышленности и причинахъ моихъ неудачъ въ ней. Предметъ обширный; я намѣренъ написать объ немъ подробную статью для журналовъ и поспѣшу тогда вамъ сообщить ее.

Не могу ничего сказать вамъ о Почтовомъ Комитетѣ. Оставивъ его въ прошедшемъ году при отъѣздѣ въ деревню, я уже болѣе не принимаю участія въ его занятіяхъ: но онъ продолжается и еще будетъ продолжаться.

Наконецъ, вы меня спрашиваете, скоро ли я опять вступлю на поприще гражданской дѣятельности? А

я самъ себя вопрошаю: скоро ли сдѣлаюсь совершенно свободнымъ? Не потому, чтобы я облѣнился, а потому, что вижу слишкомъ много затрудненій найти мѣсто въ Петербургѣ: въ провинцію же ѣхать не могу по многимъ причинамъ, вамъ мною объясненнымъ прежде. Еслибы я на это рѣшился, то скорѣе всего просился бы опять къ вашему сіятельству, и ласкаю себя надеждою, что вы бы меня не оттолкнули. Знаете ли, что 15-ти-лѣтнее служеніе мое подъ вашимъ пріятнымъ начальствомъ совсѣмъ испортило меня въ этомъ отношеніи? Я не привыкъ стоять въ переднихъ и искать черныхъ лѣстницъ для входа въ кабинеты: а старожилы здѣшніе увѣряютъ меня, что это необходимо. Впрочемъ я не совсѣмъ имъ вѣрю; напротивъ того, я утѣшаю себя патріотическою мыслію, что тѣ лица, которымъ я безъ всякаго настоянія предлагалъ мои услуги, не приглашаютъ меня, потому что имѣютъ много людей, гораздо достойнѣе меня. Или, можетъ быть, на мнѣ еще тяготѣетъ свинцовая печать, наложенная на меня въ 1837 году. Въ этомъ отношеніи я бы очень желалъ дождаться здѣсь пріѣзда вашего сіятельства и потому буду усерднѣйше просить почтить меня, если можно, увѣдомленіемъ о томъ, когда намѣрены вы пріѣхать въ столицу.

Съ сею же почтою посылаю объясненіе мое по дѣлу Минича о похищеніи имъ казенныхъ денегъ. Смѣю надѣяться, что ваше сіятельство подкрѣпите его и особенно обратите вниманіе правительства на то, что я — открытель зла — одинъ остаюсь теперь виновнымъ; тогда какъ терпѣвшіе зло и не знавшіе объ немъ предмѣстники мои всѣ освобождаются

послѣднимъ манифестомъ отъ взысканія: Зонтагъ потому, что умеръ; а Богдановскій потому, что онъ вышелъ изъ должности за десять лѣтъ до изданія манифеста. Еслибы я былъ догадливѣе, то и я бы могъ умереть въ день изданія манифеста. Могу ли также просить васъ приказать мнѣ сообщить частнымъ образомъ копію съ того, что́ вы изволите написать по этому дѣлу въ Сенатъ?

53.

22 Февраля 1843 года, С.-Петербургъ.

Я много виноватъ предъ вашимъ сіятельствомъ, потому что до сихъ поръ не имѣлъ чести отвѣчать на послѣднее письмо ваше; до сихъ поръ не принесъ вамъ моей покорнѣйшей благодарности за милостивое вниманіе къ моей просьбѣ и опредѣленіе г. Гусятникова къ должности. Но вина моя невольная: письмо мое было давно изготовлено, и г. Гусятниковъ, собравшійся въ путь еще въ Генварѣ мѣсяцѣ, самъ взялся его доставить, какъ вдругъ жена его, вопреки общимъ ихъ разсчетамъ и ожиданіямъ, родила здѣсь и тѣмъ задержала его. Это было для меня тѣмъ досаднѣе, что вмѣстѣ съ письмомъ моимъ я посылалъ вамъ экземпляръ изданной мною вновь книги и очень желалъ, чтобы онъ дошелъ до васъ вмѣстѣ съ первымъ объявленіемъ о книгѣ въ журналахъ.

Не желаю болѣе терять времени и отправляю вамъ приношеніе мое по почтѣ, прося принять его какъ новый знакъ двадцатилѣтняго глубокаго почитанія, признательности и преданности къ вашему сіятельству сочинителя *Прогулокъ въ Помпеѣ*. Въ этомъ трудѣ я имѣлъ туже цѣль, какою руководствовался и при изданіи прежде вышедшихъ моихъ сочиненій, а именно—желаніе передать моимъ соотечественникамъ

такія свѣдѣнія, которыя на Русскомъ языкѣ еще не были имъ переданы. Очень буду радъ, если трудъ мой займетъ васъ и удостоится вашего одобренія. Предметъ, мною избранный, такъ занимателенъ и оригиналенъ, что недостатки описанія не могли лишить его интереса. По наружному виду изданія вы легко усмотрите, что оно было предпринято не въ видахъ спекулятивныхъ. Литературные труды мои составляютъ для меня пріятное занятіе, даже забаву въ часы досуга; а какъ у меня ихъ теперь довольно, то я помышляю еще за что̀ нибудь взяться. Обращаясь къ матеріаламъ для Отечественной Исторіи, я вспоминаю, что вы имѣете богатую сокровищницу въ этомъ родѣ. Не вздумаете ли вы поручить мнѣ изданіе въ свѣтъ чего либо изъ вашего архива? За особенную честь и удовольствіе поставилъ бы я себѣ быть исполнителемъ благихъ намѣреній вашего сіятельства.

Говоря о литературѣ, о наукахъ и особенно о Русской Исторіи и статистикѣ, не могу безъ сожалѣнія вспомнить, что подробное описаніе Одессы, составленное мною въ 1837 г. вмѣстѣ съ нѣсколькими усердными и благонамѣренными сотрудниками, до сихъ поръ валяется въ пыли кабинета г. Тройницкаго, потому только, que je ne suis rien, pas même académicien. Впрочемъ этотъ трудъ былъ предпринятъ не для славы моей, а для славы края, для пользы науки. И деньги, на изданіе его нужныя, мною оставлены, и гравюры всѣ были мною приготовлены; и статьи всѣ (кромѣ обѣщанной г. Тройницкимъ) были написаны; и.... не смотря на то, все брошено. Г. Скальковскій подробнѣе вашему сія-

тельству можетъ разсказать объ этомъ предпріятіи. Я имѣлъ честь въ Сентябрѣ мѣсяцѣ минувшаго 1842 года подробно вамъ докладывать. Теперь позвольте мнѣ повторить, что г. Гусятниковъ охотно берется довершить это предпріятіе, если вамъ угодно будетъ ему то поручить.

Упоминая объ немъ, я не могу не повторить изъявленія искреннѣйшей моей благодарности вашему сіятельству за помѣщеніе его на службу подъ ваше начальство. Онъ съ сокрушеніемъ и нетерпѣніемъ ожидаетъ минуту, въ которую здоровье его жены позволитъ ему спѣшить къ новому назначенію. Не смѣя самъ писать вамъ о томъ, онъ писалъ къ Андрею Яковлевичу Фабру, а меня проситъ только довести о томъ до вашего свѣдѣнія. Чрезъ недѣлю онъ надѣется выѣхать.

Здѣсь носятся слухи, что вы въ Маѣ мѣсяцѣ собираетесь быть въ Петербургѣ. Можетъ быть, вы еще найдете насъ здѣсь, чему были бы мы очень рады.

54.

23 Іюля 1845 года, Ростовъ на Дону.

Я не имѣлъ чести писать къ вашему сіятельству съ отъѣзда вашего изъ Петербурга на Кавказъ: я не позволялъ себѣ безпокоить васъ письмами посреди безконечныхъ заботъ на новомъ поприщѣ дѣятельности, не имѣвъ ничего сообщить вамъ достойнаго вашего вниманія. Теперь, находясь въ Новороссійскомъ краѣ и подвинувшись довольно близко къ Кавказу, не могу отказать себѣ въ удовольствіи поздравить васъ съ благополучнымъ началомъ военныхъ дѣйствій и пожелать вамъ болѣе и болѣе успѣховъ. Провидѣніе да направитъ васъ и да сохранитъ Оно васъ; мольбы къ Нему и желанія наши летятъ за вами. Давно лишенный извѣстій объ васъ въ пути моемъ, я съ жадностію прочелъ здѣсь приказы ваши за первую половину Іюня мѣсяца.

Вашему сіятельству, можетъ быть, угодно знать, какъ я попалъ сюда? По обязанности ежегодно осматривать заведенія, подчиненныя моему департаменту, я оставилъ Петербургъ 22 Мая, былъ въ Лифляндіи, въ Псковѣ, Витебскѣ, Калугѣ, Орлѣ, Курскѣ, Харьковѣ, Бахмутѣ, Таганрогѣ и пріѣхалъ сюда съ тѣмъ,

чтобы направить путь мой далѣе чрезъ Черкасскъ на Дубовку, Саратовъ, Симбирскъ, Казань, Нижній-Новгородъ и такъ далѣе до Петербурга.

Чудную и замѣчательную вещь видѣлъ я на пути моемъ: на пространствѣ 600 или 700 верстъ отъ Опочки до Орла встрѣтилъ я цѣны на рожь отъ 40 рублей до 3½ рублей ассигнаціями. Вотъ что̀ производитъ отсутствіе сообщеній и промышленности! Въ одномъ мѣстѣ страдаютъ отъ голода, въ другомъ отъ убійственнаго изобилія въ хлѣбѣ.

Въ Екатеринославской губерніи окончательно избралъ я мѣсто подъ земледѣльческую учебную ферму на пути изъ Бахмута въ Бердянскъ и Маріуполь, согласно съ мыслію, которую имѣлъ честь представлять въ прошедшемъ годѣ на ваше одобреніе.

Таганрогъ увидѣлъ я послѣ 20-ти-лѣтняго отсутствія и не узналъ его: такъ онъ сталъ красивъ. Я не нашелъ въ немъ ничего, могущаго возбудить заключеніе, что онъ упадаетъ; напротивъ того, я вижу, что онъ во всемъ идетъ впередъ; только я нашелъ всѣхъ жителей встревоженныхъ напечатанною въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ статьею Бухтѣева о каботажномъ судоходствѣ Азовскаго моря. Онъ тамъ грозитъ имъ отнятіемъ таможни; а они, принявъ эту статью за офиціальную, такъ смутились и оробѣли, что нѣкоторые прекратили постройки домовъ своихъ.

Въ Ростовѣ я прежде не бывалъ; но вижу здѣсь начала огромной торговой дѣятельности и мѣсто

чрезвычайно интересное для наблюдателя. Здѣсь такъ много по рѣкѣ судовъ, такъ кипитъ народъ, что весело смотрѣть на настоящее и весело думать о будущемъ. Знаю, какъ непростительно, какъ глупо, какъ грубо провинились здѣшніе жители противъ васъ въ постройкѣ набережной. Вы достойно наказали ихъ, и они уже убѣдились въ своей глупости: нынѣшній годъ вода была выше уровня, который вы назначали для набережной. Гирлы Донскіе ожидаютъ пособія благодѣтельной руки вашей. Торговля Ростова связана неразрывно съ желѣзною дорогою изъ Дубовки въ Качалинскую. Говорятъ, она идетъ дурно, безтолково; я ѣду смотрѣть на нее и при первомъ случаѣ дамъ вашему сіятельству отчетъ въ томъ, что найду.

Каменный уголь въ разныхъ видахъ съ Изюма и до сихъ мѣстъ вездѣ напоминалъ мнѣ о непоколебимыхъ и многолѣтнихъ трудахъ вашихъ къ отысканію его. Въ Славянскѣ онъ умножилъ соловарни, здѣсь довелъ до половины расходъ на мойку шерсти. Сколько возродитъ и поддержитъ онъ такихъ отраслей промышленности, которыя безъ него не существовали бы! Завтра ѣду смотрѣть Грушевскія копи.

Въ Бахмутѣ встрѣтилъ я генерала Морозова, которому гр. Клейнмихель приказалъ проложить направленіе дорогъ для угольной возки.

Важнѣе всего то, что здѣсь уголь ежегодно дешевѣетъ; стало быть промышленность развивается.

Вчера засталъ я въ Таганрогѣ Магарачское казенное вино, которое на тройкахъ отправилъ за огромную цѣну въ Нижній Новгородъ для того, чтобы по пріѣздѣ моемъ туда имѣть его въ моемъ распоряженіи и отправить въ разныя мѣста Сибири для ознакомленія съ нимъ тамошнихъ жителей въ непорочномъ видѣ, который исчезаетъ отъ прикосновенія виноторговцевъ. Я ищу подать примѣръ частнымъ людямъ, а не денежной выручки. Роль моего д-та должна заключаться въ открытіи новыхъ путей всякаго рода сельскимъ хозяевамъ. Первые опыты обходятся дорого, и потому-то ихъ должно дѣлать казнѣ въ благоразумномъ размѣрѣ. Я теперь заплатилъ за провозъ по 3 рубля съ ведра; но теперь же увидѣлъ возможность въ будущемъ году понизить эту цѣну до половины. О послѣдствіяхъ моего опыта я не премину довести до свѣдѣнія вашего сіятельства въ свое время.

Изъ писемъ вашихъ къ графу П. Д. Киселеву знаю, въ какомъ положеніи вы нашли ферму близъ Тифлиса и общество сельской промышленности. Отъ васъ зависитъ все это переобразовать; но если нужно вашему сіятельству какое-либо по этому предмету содѣйствіе въ Петербургѣ, извольте мнѣ приказать.

Г. Содомцевъ, у котораго я здѣсь остановился, сказывалъ мнѣ, что Хоперъ и Медвѣдица начинаютъ дѣятельно служить Ростову и что многіе предметы, особенно льняное сѣмя, идутъ сюда изъ такихъ мѣстъ, которыя прежде посылали ихъ въ Петербургъ, особенно изъ Саратовской губерніи.

Посылаю это письмо чрезъ двоюроднаго брата моего Левшина, который имѣлъ честь являться къ вашему сіятельству при проѣздѣ вашемъ чрезъ Харьковъ и котораго я осмѣливаюсь рекомендовать вамъ, покорнѣйше прося о принятіи его подъ ваше милостивое покровительство на службу по гражданской части, гдѣ и какъ вамъ заблагоразсудится его пристроить. Онъ человѣкъ со способностями, подвижной и можетъ быть полезенъ на службѣ. Удостойте его снисходительнымъ вниманіемъ вашимъ.

55.

12 Апрѣля 1846 г., С.-Петербургъ.

Давно собираюсь я представить вашему сіятельству подробное обозрѣніе нѣкоторыхъ административныхъ вопросовъ, интересующихъ васъ по любви къ общему благу; но прежде всего хотѣлъ я оправдать предъ вами или, точнѣе сказать, поправить вину управляемаго мною департамента, который, *во время отлучки моей*, отсудилъ, вопреки мнѣнію вашему и справедливости, землю отъ купца Плотникова, занятую имъ съ давняго времени подъ садъ и разныя заведенія. Теперь, достигнувъ цѣли и получивъ изъ Кавказскаго Комитета увѣдомленіе объ утвержденіи высочайшею волею той земли за Плотниковымъ, я смѣло предстою предъ вами не въ качествѣ фискальнаго чиновника, а въ качествѣ поборника сельско-хозяйственныхъ опытовъ.

Съ сею же почтою ваше сіятельство получите офиціальныя извѣстія министра г. и., какъ по дѣлу Плотникова, такъ и объ утвержденіи Государемъ всѣхъ вашихъ предположеній относительно Грузинскихъ садовъ.

Мысль ваша объ установленіи акциза на водки, вмѣсто нынѣшнихъ откуповъ, была встрѣчена весь-

ма благопріятно, какъ публикою, такъ и нѣкоторыми правительственными лицами. Н. Н. Ѳедоровъ, какъ вамъ извѣстно, писалъ въ томъ же смыслѣ. Весьма радуюсь, что содѣйствіе, мною ему оказанное, по призыву его, заслужило ваше одобреніе. Я до сихъ поръ не отвыкъ считать себя принадлежащимъ Новороссійскому краю и желаю сдѣлаться тамошнимъ помѣщикомъ, употребивъ на покупку тамъ имѣнія капиталъ, мною отъ васъ полученный. Ищу имѣнія въ Екатеринославской губерніи; но не знаю, найду ли по силамъ моимъ.

О винодѣліи Крымскомъ пекусь, какъ по старой привычкѣ, такъ и по новымъ обязанностямъ моимъ; для того не подаю у себя здѣсь другаго Шампанскаго, какъ выписанное мною изъ Массандры; съ особеннымъ удовольствіемъ пью сухой Мушкатъ изъ Магарачскаго училища и сладкія вина, оттуда же полученныя подъ названіемъ краснаго и чернаго Мушката; но за эти послѣдніе сорты веду войну съ Гартвисомъ въ томъ, что онъ ихъ дорого продаетъ. Онъ пишетъ мнѣ, что *на мѣстѣ* не можетъ уступать ихъ дешевлѣ 15 рублей серебромъ; послѣ чего съ доставкою сюда и съ бутылками его уже нельзя продать здѣсь менѣе 1 р. 50 коп. серебр. за бутылку. Это слишкомъ дорого, почти дороже Итальянскихъ и Французскихъ сладкихъ винъ. На дняхъ еще писалъ я Гартвису, что у меня на эти вина было наиболѣе надежды по причинѣ меньшаго ихъ объема и слѣдовательно дешевизны перевозки, удобства сохраненія и проч., но что высокая цѣна убиваетъ эту надежду и показываетъ рѣшительную невозможность соперничать съ Европою.

Хотя вообще Шварцкопфъ продаетъ здѣсь Крымскія вина хорошо; но по разстоянію, отдѣляющему нашъ Сѣверъ отъ Крыма и по удобству сношеній здѣшняго порта съ Франціею, я не позволяю себѣ предполагать, чтобы сюда могло когда-либо много приходить Крымскихъ винъ; настоящій ихъ путь и самый надежный на Востокъ Россіи. Въ этомъ убѣжденіи я поручилъ въ прошедшемъ году выслать изъ Крыма чрезъ Таганрогъ въ Нижній Новгородъ 200 ведеръ разныхъ винъ на продажу. По прибытіи моемъ въ Таганрогъ я нашелъ ихъ тамъ, и хотя дорогою цѣною, но тотчасъ отправилъ далѣе по назначенію, а самъ поѣхалъ въ Саратовъ, Казань и проч.

Чрезъ мѣсяцъ пріѣхалъ я въ Нижній на ярмарку, и вслѣдъ за мною прибыло вино, отлично сохранившееся, не смотря на лѣтніе Іюльскіе жары. Управляющіе Палатами Г. И. Нижегородскій, Казанскій и Саратовскій, упросили меня отдать имъ это вино для распродажи въ ихъ губерніяхъ. Они это исполнили и теперь требуютъ новой высылки; но Гартвисъ не можетъ удовлетворить ихъ требованія изъ казенныхъ запасовъ; а потому я сегодня писалъ ему, чтобы онъ купилъ у другихъ винодѣловъ. Наша цѣль—не выручать деньги, а распространять наши произведенія.

Вообразите мое изумленіе и досаду, когда я узналъ, что въ Таганрогѣ (чрезъ который идутъ всѣ наши вина) не знаютъ Крымскаго вина, а пьютъ полу-Французское разныхъ названій съ фабрикъ купца Соболева изъ Ярославля; и эта микстура, подъ на-

званіемъ Го-Сотерна, отвратительная на вкусъ, продается по 7 р. ассигнаціями за бутылку. О варвары! Я хотѣлъ обратить на это обстоятельство вниманіе свѣтлѣйшаго начальника тамошняго и предложить ему мое посредничество: но онъ такъ важенъ, что съ простыми смертными ему неприлично бесѣдовать о чемъ-либо.

Поздравляю ваше сіятельство съ успѣхами по угольнымъ иріискамъ и желаю болѣе и болѣе. Это государственный вопросъ величайшей важности. Я ищу Кочубея, недавно сюда прибывшаго, чтобы подробнѣе распросить его объ этомъ предметѣ.

Въ одномъ изъ писемъ вашихъ вы изъявили недовѣріе ваше къ образцовымъ фермамъ. Я также не довѣряю *образцовымъ* заведеніямъ хозяйственнымъ въ рукахъ правительства; скажу болѣе: я увѣренъ, что они не могутъ отвѣчать цѣли, съ которою учреждаются, то-есть *служить образцомъ хозяевамъ:* но между заведеніями *образцовыми* и *учебными* есть большое различіе. Наши земледѣльческія фермы не должны имѣть претензіи быть образцами для помѣщиковъ; въ нихъ молодые крестьяне, въ каждой до 200 человѣкъ, должны учиться пріемамъ улучшеннаго хозяйства, хорошаго пахаиія, разрыхленія, разнообразнаго удобренія, употребленію улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій и, наконецъ, изготовленію сихъ орудій. Сверхъ того въ нихъ должны быть производимы различные опыты съ тѣмъ, чтобы публиковать удачи и неудачи въ опыхъ: первыя для подражанія желающимъ, вторыя для того, чтобы частныя лица не теряли денегъ и трудовъ на то,

что оказалось неудобнымъ. Каждые четыре года комплектъ учениковъ будетъ возобновляемъ; а выпущенные, расходясь по домамъ, будутъ разносить свѣдѣнія ими пріобрѣтенныя и распространять просвѣщеніе, земледѣльцу нужное. Науки на фермахъ не идутъ далѣе четырехъ правилъ ариѳметики, катехизиса и простой грамотности. Не выпуская изъ рукъ сохи, они, во время ученія, ни на минуту не удаляются отъ своего предназначенія и не выводятся изъ сословія, къ которому принадлежатъ.

Для образованія прикащиковъ, управителей и наконецъ ученыхъ агрономовъ существуетъ у насъ одно только заведеніе —Горыгорѣцкая школа, близъ Орши, устроенная графомъ Канкринымъ и постоянно усовершаемая.

Фермъ учреждается на первый разъ 5 или 6 по разнымъ полосамъ и климатамъ: въ Вологдѣ, Казани, Тамбовѣ, Харьковѣ, Екатеринославской губерніи и Волынской.

Устроеніе желѣзной дороги между Волгою и Дономъ есть предпріятіе величайшей важности для будущности всего тамошняго края; но вы угадали препятствія къ успѣшному ходу этого дѣла: невѣжество, невниманіе и отсутствіе практическихъ свѣдѣній въ распорядителяхъ и исполнителяхъ. Для любопытства вашего прилагаю записку о семъ предметѣ, составленную мною на мѣстѣ, въ Дубовкѣ. Я утѣшаю себя надеждою, что когда нынѣшняя компанія лопнетъ и дѣло перейдетъ въ руки людей болѣе къ этому способныхъ, то Россія пожнетъ плоды полезной мысли.

Чрезъ нѣсколько времени надѣюсь также прислать вамъ, тоже для любопытства, мнѣніе мое о необходимости устроить надежное сообщеніе между центральными и западными губерніями. Въ прошедшемъ Маѣ мѣсяцѣ я въ теченіе шести дней видѣлъ хлѣбъ, то-есть рожь въ Опочкѣ по 15 рублей, а въ Орлѣ по 1 р. 50 к. сер., а разстоянія было 600 верстъ.

По требованію вашего сіятельства мы выписали для Закавказья разнаго рода сѣмяна, которыя должны были быть къ вамъ отправлены прямо изъ Одессы. Нѣтъ сомнѣнія, что вашему просвѣщенному покровительству и дѣятельнымъ трудамъ на пользу сельскаго хозяйства край вашъ будетъ обязанъ многими улучшеніями. Эти предметы можно подвигать только съ теплою любовію къ дѣлу; оффиціальность тутъ можетъ только вредить. Вы ежедневно посѣщаете лично ваши питомники: этого уже довольно, чтобы заставить ихъ благоденствовать.

Ваше сіятельство полагаете, что шелкомотальная машина Графа не годится: можетъ быть и такъ; но до сихъ поръ мы еще не имѣемъ изъ Новороссійскаго края отзывовъ, опорочивающихъ ее вполнѣ. Впрочемъ она куплена съ условіемъ, и до сихъ поръ мы на нее израсходовали только акціи, прежде взятыя у самого Графа и не имѣющія никакой цѣнности. Камиль Бове́ изъ Франціи такъ хвалилъ ее, и здѣсь нѣкоторые такъ кричали объ ней, что непростительно было бы не обратить на нее вниманія.

Много благодарю ваше сіятельство за вниманіе, оказанное моему родственнику и принятіе его на службу. Скоро отправляется въ Тифлисъ одна род-

ственница моя, дѣвица Левшина, классною дамою въ Тифлисскій Институтъ. Она опредѣлена по представленію вашему; позвольте покорнѣйше просить ваше сіятельство удостоить ее вашимъ покровительствомъ и замолвить объ ней два слова г-жѣ директрисѣ. Осмѣливаюсь чрезъ васъ просить о томъ же и графиню Елисавету Ксаверіевну.

Въ Маѣ мѣсяцѣ отправляюсь я опять въ служебное путешествіе и надѣюсь быть на Югѣ; но еще не знаю, доберусь ли до Новороссійскаго края.

Мы очень хлопочемъ объ устройствѣ главнаго училища садоводства въ Одессѣ: построили для него въ саду домъ, теперь строимъ большую оранжерею; но средства наши для постояннаго содержанія истощаются помаленьку. Нордманъ совѣтуетъ просить пособія отъ города деньгами и рабочими арестантами. Возможность этого можетъ рѣшить только настоящій хозяинъ края; а потому мы отлагаемъ дѣло до вашего пріѣзда въ Одессу.

Г. Райко собирался къ вамъ за Кавказъ; онъ конечно былъ бы тамъ полезенъ, еслибы сократилъ нѣсколько свои требованія.

56.

5-го Сентября 1846 года, село Хомутовка.

Имѣю честь писать къ вашему сіятельству именно 5-го Сентября для того, чтобы поздравить какъ васъ, такъ и милостивую государыню княгиню Елисавету Ксаверіевну съ сегодняшнимъ домашнимъ праздникомъ вашимъ, въ которомъ столько разъ въ жизни мнѣ приходилось принимать участіе. Принося это поздравленіе отъ имени жены моей и своего, оба мы искренно желаемъ почтеннѣйшей имянинницѣ всего на свѣтѣ хорошаго.

Письмо, которымъ ваше сіятельство удостоили меня 8-го Іюля изъ Тифлиса, послѣ долгаго странствованія вслѣдъ за мною, нашло меня въ Новороссійскомъ краѣ и именно въ Екатеринославской губерніи, гдѣ я посреди служебнаго путешествія моего остановился на нѣсколько дней для того, чтобъ взглянуть на свое новое имѣніе, которое еще до пріѣзда моего жена моя съ помощію тетушки своей, баронессы Франкъ, купила на берегу Днѣпра, у послѣдняго порога, возлѣ Кичкоса. Имѣніе это принадлежало Абазѣ, и изъ него вырѣзалъ онъ кусокъ генералу Потье для его знаменитой мельницы, отъ которой

и слѣдовъ не осталось. Она сгорѣла или, какъ говорятъ въ тамошнемъ краѣ, ее сожгли. Во всякомъ случаѣ я очень сожалѣю, что она не существуетъ. Между тѣмъ рекомендую себя вновь покровительству вашего сіятельства, какъ Екатеринославскій помѣщикъ. Чтобы совершить эту покупку, мы продали наши Петербургскіе лѣса и болота: теперь будемъ имѣть дѣло съ мериносами, которыхъ на первый разъ имѣемъ болѣе 7,000 штукъ.

Зная безконечное множество занятій, васъ обременяющихъ, я съ особенною признательностію принимаю ваши письма и вижу въ нихъ доказательства искренней благосклонности ко мнѣ; между тѣмъ боюсь часто обременять васъ моими письмами, особенно если не могу ничего представить достойнаго вниманія. Деликатность, съ которою ваше сіятельство объясняете мнѣ, почему не могли сдѣлать ничего полезнаго для моего родственника корнета Левшина, есть новое убѣжденіе въ вашемъ снисхожденіи ко мнѣ. Не удивляюсь, что онъ не пристроилъ себя подъ крыломъ вашимъ: пробывъ долго въ отставкѣ, онъ отвыкъ отъ службы и теперь рѣшительно желаетъ навсегда удалиться въ деревню, что́ и долженъ сдѣлать для пользы семейства своего, которому можетъ послужить опорою. Теперь одну и послѣднюю просьбу осмѣлюсь за него принести вамъ о томъ, чтобы вы благоволили исходатайствовать ему чистую отставку, о чемъ онъ уже подалъ или подастъ по командѣ формальное прошеніе; но, не выслуживъ года, онъ боится, что его не уволятъ. Впрочемъ дѣло это будетъ представлено вашему сіятельству своимъ порядкомъ.

Приношу искреннюю благодарность за покровительство, оказанное кузинѣ моей, поступившей въ Тифлисскій Институтъ.

Но мнѣ совѣстно занимать васъ долго частными дѣлами; я спѣшу перейдти къ предметамъ государственнаго интереса. Поспѣшу донести вамъ, что я нынѣшній годъ заложилъ двѣ новыя земледѣльческія фермы: *одну подъ Харьковомъ* для Малороссійскаго хозяйства и въ пособіе Университету, котораго начальство и не знаетъ, что я для него работаю; другую на земляхъ Маріупольскихъ Грековъ, посреди новыхъ Русскихъ поселеній, на рѣчкѣ *Кашлагачъ*, на томъ самомъ мѣстѣ, о которомъ я имѣлъ честь уже вамъ говорить и гдѣ мы нашли прекраснѣйшій камень, котораго наломали уже на постройки до 500 саженъ. Эта ферма будетъ степная, совершенно примѣненная къ Новороссійскому переложному хозяйству. Между тѣмъ позвольте васъ поздравить съ успѣхами вашей Тифлисской фермы; газеты говорятъ объ ней много хорошаго. Того же ожидаемъ мы отъ производимыхъ вами насажденій виноградныхъ лозъ и разнаго рода деревьевъ, донынѣ неизвѣстныхъ въ Грузіи. За эту услугу потомству оно часто будетъ благодарить васъ.

Судя по письму вашему, вы теперь должны быть въ Новороссійскомъ краѣ, и потому я отправляю это письмо мое въ Одессу, гдѣ васъ ожидаетъ собраніе допотопныхъ рѣдкостей, истинно изумительное. Я боюсь, что г-нъ Нордманъ, занявшись ими, забудетъ садъ свой и училище садоводства, которое должно быть весьма полезнымъ для Россіи заведеніемъ. Въ будущемъ году исполнится три года послѣ

его открытія, и я думаю, что мнѣ должно будетъ туда поѣхать удостовѣриться въ успѣхахъ учениковъ.

Въ заключеніе позвольте просить ваше сіятельство обратить вниманіе въ Одессѣ на Пересыпскихъ дѣтей моихъ. Говорятъ, что они вянутъ съ того времени, какъ благотворный взглядъ вашъ ихъ не озаряетъ.

Я кончаю теперь путешествіе мое и въ началѣ Октября надѣюсь быть въ столицѣ, совершивъ еще тысячи двѣ верстъ. Графъ Киселевъ тоже странствуетъ теперь въ южномъ краѣ Россіи.

57.

18 Сентября 1846. Тула.

Дозвольте мнѣ воспользоваться пребываніемъ вашего сіятельства въ Новороссійскомъ краю и обратиться къ вамъ съ убѣдительнѣйшимъ ходатайствомъ за одно изъ моихъ дѣтей, а именно за Одесское Еврейское училище. Вы изволите знать, какихъ трудовъ и усилій стоило намъ его заведеніе; знаете, сколько нужно было терпѣнія и времени, дабы внушить къ нему довѣріе Еврейскаго народа; наконецъ, знаете и то, сколько пользы принесло оно въ теченіе 20-тилѣтняго существованія своего. Въ заключеніе всего сдѣланнаго, заведеніе это угрожается теперь разрушеніемъ, и отъ кого? Отъ тѣхъ, кто долженъ всѣхъ просвѣщать.

Министерство Народнаго Просвѣщенія, вслѣдствіе новыхъ постановленій, въ немъ составленныхъ, хочетъ открыть въ Одессѣ новое *казенное* училище, и для того облагаетъ Одесскихъ Евреевъ новымъ налогомъ на свѣчи праздничныя. Само собою разумѣется, что, заплативъ этотъ новый налогъ, общество не захочетъ отпускать другихъ суммъ на со-

держаніе стараго училища и что слѣдовательно оно закроется. Теперь предстоитъ вопросъ: замѣнитъ ли его новое училище *казенное?* Утвердительно можно отвѣчать *нѣтъ*, и именно потому, что оно будетъ казенное, что Евреи не будутъ довѣрять ему, что они будутъ подозрѣвать въ немъ намѣреніе привести ихъ дѣтей въ Христіанскую вѣру. Хотя это вздоръ, и намѣренія правительства не таковы; но сколько времени пройдетъ прежде, нежели возродится довѣріе? Между тѣмъ тысячи народа будутъ оставаться безъ образованія и возвратятся къ прежнимъ идеямъ о просвѣщеніи. Тутъ нѣтъ ничего преувеличеннаго, и ваше сіятельство конечно найдете, что предположенія мои не безъ основанія.

И такъ позвольте, именемъ человѣчества и всеобщаго просвѣщенія, всепокорнѣйше просить васъ посильнѣе написать о семъ графу Уварову. Въ Ригѣ уже позволено оставить прежнее училище на старомъ положеніи; почему же нельзя того позволить Одессѣ? Подробности дѣла объяснитъ вашему сіятельству директоръ училища или другой депутатъ отъ преподавателей: я присоединяюсь къ нимъ заочно, какъ основатель училища, какъ человѣкъ, убѣжденный въ томъ, что подобное дѣло достойно вашей просвѣщенной заботливости и вашего высокаго настоятельнаго покровительства.

Имѣю честь писать къ вашему сіятельству изъ Тулы, гдѣ долженъ пробыть нѣкоторое время по обязанностямъ службы и по причинѣ лихорадки, меня изнуряющей.

Собравшись съ силами, можетъ быть, буду имѣть честь еще разъ написать вамъ объ одномъ важномъ и общеполезномъ предметѣ.

А. Я. Фабръ, находящійся здѣсь на ревизіи, былъ у меня вчера, и мы бесѣдовали объ Одессѣ. Сегодня выѣзжаетъ онъ ревизовать уѣзды, что̀ продолжится еще мѣсяца два съ половиною.

ПИСЬМА

АПОЛИНАРІЯ ПЕТРОВИЧА БУТЕНЕВА

КЪ КНЯЗЮ

М. С. ВОРОНЦОВУ.

*

А. П. Бутеневъ (род. 16 Іюля 1787 г.), по качествамъ высокой души своей и по заслугамъ отечеству, принадлежитъ къ числу достопамятныхъ людей Русской земли. Превосходныя автобіографическія Записки его помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ" 1881 и 1883 годовъ. Къ сожалѣнію, они доведены только до 1814 года. Съ Турціею А. П. Бутеневъ познакомился еще съ 1816 года, когда былъ назначенъ секретаремъ посольства въ Константинополь. Въ 1821 г., послѣ убійства патріарха и перерыва сношеній съ Портой, вся наша миссія вернулась въ Россію, и А. П. Бутеневъ оставался на службѣ въ Петербургѣ до 1828 г., начальникомъ Переводной Экспедиціи. Въ 1828 г. онъ совершилъ Турецкій походъ до взятія Варны, управляя походной канцеляріей графа Нессельроде, а въ 1829 г. сопровождалъ послѣдняго въ Варшаву на коронацію императора Николая I. Въ Сентябрѣ того-же года, тотчасъ по заключеніи Адріанопольскаго мира, онъ былъ отправленъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Константинополь, на время отсутствія въ отпуску бывшаго тамъ посланникомъ гр. А. И. Рибопьера, а въ концѣ 1830 самъ назначенъ туда посланникомъ и оставался въ этой должности до 1840 г., когда по болѣзни дочери долженъ былъ отпроситься въ продолжительный отпускъ. Это пребываніе его въ Турціи ознаменовалось возстаніемъ Египетскаго паши Мехмедъ-Али и принятіемъ Султаномъ покровительства Россіи. Флотъ и войска наши были на Босфорѣ, и Россія получила для своихъ кораблей право свободнаго прохода черезъ проливы.

Въ 1842 г. Бутеневъ снова былъ отправленъ съ особымъ важнымъ порученіемъ, по Сербскимъ дѣламъ, въ Константинополь и оставался тамъ до лѣта 1843 г., когда получилъ мѣсто посланника при Римскомъ и Тосканскомъ дворахъ, гдѣ пробылъ десять лѣтъ, въ продолженіи которыхъ ему пришлось принимать въ Римѣ Императора и Императрицу, участвовать съ графомъ Блудовымъ въ составленіи конкордата съ папой и пережить революціонное время 1848 г.

Въ 1853 г. онъ возвратился въ Петербургъ, въ 1856 г. былъ сдѣланъ членомъ Государственнаго Совѣта, и въ пятый разъ отправленъ въ Константинополь чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ, гдѣ и оставался до конца 1858 г.

Послѣдніе годы своей трудовой жизни А. П. Бутеневъ провелъ въ семейномъ кругу въ Одессѣ и заграницей, куда ѣздилъ лечиться. Въ 1862 г. онъ ослѣпъ отъ бѣльма на обоихъ глазахъ и притомъ почти совсѣмъ оглохъ, но переносилъ эти недуги съ христіанскимъ смиреніемъ, почти что съ радостью. Въ 1865 г., послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, удалось оператору въ Штутгартѣ освободить его отъ бѣльма на одномъ глазѣ, и онъ могъ немного видѣть. А. П. Бутеневъ скончался 18 Апрѣля 1866 г. въ Парижѣ, гдѣ и похороненъ на Монмартрскомъ кладбищѣ.

Извѣстіе о покушеніи Каракозова потрясло его и, быть можетъ, ускорило его кончину. До глубины души вѣрноподданный своего Монарха, горячій патріотъ, всю жизнь трудившійся во славу Россіи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отличался всѣми христіанскими добродѣтелями, заслужившими ему всеобщую любовь и уваженіе.

*

1.

Buyukdéré, le 6 (18) novembre 1832.

Monsieur le comte,

Les dernières d'Odessa nous ayant appris le retour de votre excellence *), je prends la liberté d'anticiper sur les notifications officielles pour me rappeler à son bienveillant souvenir et pour me féliciter des rapports suivis que je serai dans le cas d'avoir l'honneur d'entretenir avec elle. Accoutumé depuis longues années à compter sur vos bontés, monsieur le comte, j'ose espérer que j'en éprouverai souvent les effets ici, et je m'attacherai de mon côté à en mériter la continuation par mon empressement à me consacrer à tout ce qui pourra vous être agréable sous les rapports publics et privés. Veuillez, monsieur le comte, m'honorer de vos ordres pour des commissions particulières et m'éclairer de vos conseils et de vos instructions pour toute chose relative au bien-être d'Odessa et de la Nouvelle Russie: je m'estimerai heureux de les suivre et de coopérer, tant soit peu, pour ma part, à tout le bien et aux progrès immenses que votre administration mémorable a fait faire à ces contrées.

---

*) Князь Воронцовъ ѣздилъ въ этомъ году въ Англію, гдѣ схоронилъ своего отца графа Семена Романовича. П. Б.

Persuadé, comme je le suis, que le depôt que vous aviez confié à m-r le comte F. de Pahlen ne pouvait être placé en de plus dignes mains, je n'en suis pas moins convaincu que le retour de votre excellence donnera un nouvel élan à cette prospérité prodigieuse d'Odessa et de tout le Midi de l'Empire qui n'a pas d'exemple dans l'histore, pas même, je crois, dans les États-Unis, où les créations sont si rapides.

Il est vrai que cette saison avancée n'est pas le moment brillant du commerce de la mer Noire: cependant jusqu'à ces derniers jours nous avons vu arriver une foule de bâtimens chargés, et on en attend encore. Grâce au traité d'Adrinople et à la sage déférence de la Porte, notre commerce n'a plus aujourd'hui à subir ici ces chicanes et ces petites vexations de détail qui l'entravaient autrefois, et depuis mon séjour ici je n'ai eu que peu ou point de discussions de ce genre avec les ministres Ottomans.

Même nos petits bâtimens de guerre, destinés à la correspondance avec la Grèce, vont et viennent à leur gré, et l'établissement d'un pyroscaphe régulier entre Odessa et Constantinople n'a non seulement pas rencontré d'obstacles de sa part, mais elle avait consenti aussi à ce que ces pyroscaphes remorquent quelques bâtimens hors de Bosphore. Malheureusement cette utile entreprise a rencontré des entraves à Pétersbourg et s'il n'a pas dépendu des soins de m-r le comte Pahlen (auxquels je me suis efforcé de concourir avec zèle) de faire lever ces obstacles, je me flatte encore que l'appui éclairé et puissant de votre excellence aura l'effet désiré et vaudra un nouveau

bienfait, non seulement à la Russie Méridionale, mais à tout le Levant. Peut-être le bateau à vapeur la *Néva* n'est-il pas assez bien approprié à ce service; peut-être les négociants d'Odessa sont-ils un peu timides à avancer des capitaux, dont les profits ne sauraient être immédiats, mais seront indubitables par la suite; peut-être, enfin, l'administration des postes de l'Empire subirait-elle quelque déchet, plus apparent cependant que réel, par ce nouveau mode de correspondance entre Odessa et Constantinople; mais sous le point de vue de l'utilité générale il me semble qu'on ne saurait avoir deux opinions sur l'importance d'une telle entreprise. M-r le comte de Nesselrode n'a cessé de l'appuyer et m'a bien recommandé de la seconder de mon mieux. Je suis donc persuadé que si cet objet a pu fixer votre attention durant votre séjour à Pétersbourg, vous aurez trouvé un fidèle auxiliaire dans m-r le vice-chancelier, et je ne désespère pas de voir l'année 1833 devenir l'époque de l'établissement d'un service permanent de pyroscaphe, introduit déjà dans le reste de l'Europe et dans toute la Méditerrannée. J'ai eu l'occasion de causer à ce sujet avec un estimable négociant d'Odessa, qui se trouve ici en ce moment, m-r Inglési; il en juge sainement et me donne l'assurance que ce projet et bien d'autres encore ne peuvent manquer de réussir sous les auspices d'un chef tutélaire, dont Odessa et toute la Nouvelle Russie bénissent l'administration active et éclairée.

La tournure sérieuse qu'a pris la guerre d'Egypte donne de vives inquiétudes au Sultan, et ce n'est pas sans quelques anxiétés qu'on attend le début de la

seconde campagne que le grand-vizir Rechid-pacha est allé ouvrir en Natolie. L'armée Égyptienne s'avance sur Koniah (l'ancienne Iconium) et si elle s'empare de cette place, malgré l'armée du vizir, vous pourrez être témoin de grands évènements. La Porte n'a pas encore hasardé de réclamer ouvertement le secours de la Russie, mais elle compte visiblement sur la généreuse bienveillance de l'Empereur, qu'elle regarde aujourd'hui comme son plus sincère appui. C'est dans cet espoir que s'est exprimé le Sultan à l'occasion d'une audience extraordinaire qu'il m'a accordé ces jours-ci pour me rendre l'interprète de ses sentiments auprès de Sa Majesté Impériale; ils constituent sans doute un bel hommage rendu au caractère de notre magnanime Souverain.

Daignez, monsieur le comte, excuser avec bonté ce trop long griffonage et agréez l'hommage de mon ancien et respectueux dévouement.

A. Bouténew.

envoyer un de mes secrétaires pour le complimenter, lorsque je le vis arriver lui-même. Il m'adressa les assurances les plus cordiales sur ses dispositions envers la Russie et sur sa reconnaissance pour les bontés dont l'Empereur l'avait comblé il y a 3 ans, et me dit qu'ayant appris, au moment de sa nomination, que le retour de S. M. I. à Pétersbourg ne devait avoir lieu qu'en mois d'octobre, il avait voulu profiter de cet intervalle pour visiter la Méditerrannée, la Grèce, Constantinople et le Midi de la Russie, surtout Odessa et la Crimée, pour y admirer les progrès de tout genre que votre administration, monsieur le comte, a fait faire à ces contrés et dont il a tant entendu parler. Il ajouta ensuite sur son voyage prochain à Odessa les détails qui se trouvent consignés dans l'office que j'ai l'honneur d'adresser aujourd'hui à votre excellence, et conclut par la prière de me rendre son avocat auprès d'elle, pour obtenir sinon quelque allégement aux mesures sanitaires, du moins les facilités et les commodités compatibles avec les règlements pour son séjour à la quarantaine et ensuite pour son excursion en Crimée et pour la continuation de son voyage par Moscou, avant que la mauvaise saison ne gâte trop l'immense route qu'il aura à parcourir avant de se retrouver à Pétersbourg. Je crus pouvoir l'assurer à mon tour de l'accueil empressé que vous vous plaisez, monsieur le comte, à lui faire éprouver et de toutes les facilités que vous mettriez à sa disposition, soit pour son séjour à la quarantaine, soit pour la continuation de son voyage ultérieur. Il ne m'a pas parlé de son projet de visiter Sévastopol, dont le c-te Pozzo-di-Borgo a fait mention dans ses dépêches au ministère, et ne m'a rien dit non plus du

désir de deux officiers anglais qui l'accompagnent: le capitaine de la marine *Drinkworth* et le lieutenant-colonel de *Roos*, de visiter en détail nos établissements maritimes de la mer Noire. Mais le prince Lieven m'a prévenu éventuellement que S. M. I. avait très gracieusement accueilli ce désir et avait fait donner les ordres en conséquence. En un mot, c'est sous les plus favorables auspices que nous sommes entrés en relations avec lord Durham, et j'ai tout lieu de croire que son apparition à Constantinople et son influence personnelle sur lord Ponsomby, loin de faire naître quelques tracasseries ou discussions nouvelles, servira au contraire à améliorer nos rapports avec l'Angleterre et par contre coup à rassurer les Turcs, s'ils en avaient pris quelque allarme mal fondée. En tout cas j'observerai avec vigilance ce que se passera ici: mais j'espère n'avoir qu'à me confirmer dans les présomptions favorables que tout me porte à concevoir et que le caractére personnellement loyal de lord Durham, quels que soient ses opinions politiques, c. à. d. libérales et réformistes, semble devoir justifier. M-r Ellis, son beau-frère, ne l'accompagne que jusqu' à Odessa et compte retourner de là en Angleterre par la Transylvanie et Vienne.

Voilà, monsieur le comte, mon rapport détaillé en forme de supplément à la communication officielle que j'ai l'honneur de vous adresser aujourd'hui. Ces informations m'ont paru être dignes de votre intérêt pour vous mettre au fait de tout ce que je sais moi-même sur lord Durham. D'ailleurs je ne doute presque pas que vous ne le connaissiez personnellement et que

dès lors vous ne soyez dans le cas d'en juger encore mieux par vos entretiens avec lui.

Veuillez, monsieur le comte, excuser mon griffonage que je me hâte de terminer pour remettre mon paquet au bateau à vapeur et pour aller ensuite voir lord Durham, avec lequel je dois dîner aujourd'hui même chez lord Ponsomby. Je compte aussi lui donner un dîner et un bal pour le fêter de mon mieux.

10.

Buyukdéré, le 2 (14) septembre 1835:

La lettre et l'office dont votre excellence m'a honoré en date du 17 août se sont croisés avec les informations officielles et privées que j'ai eu l'honneur à mon tour de lui fournir par *la Néra*, sur le voyage de lord Durham d'ici à Odessa. Aujourd'hui c'est par lord Durham lui-même que je suis dans le cas de confirmer mes informations précédentes. Il s'embarque et part demain matin à bord du bateau à vapeur Anglais (désarmé), *le Pluton*, commandé par le lieutenant *Duffil*, avec toute sa suite et ses voitures, pour aller faire sa quarantaine à Odessa, où probablement il arrivera le 5 ou le 6. Comme l'idée de la quarantaine paraît l'effaroucher beaucoup, j'ai pris sur moi d'assurer que votre excellence, déjà prévenu de son arrivée, se ferait certainement un plaisir non seulement de lui assurer l'accueil et les égards dûs à son rang, mais aussi de lui procurer toutes les facilités et les agréments compatibles avec les règlements sanitaires. Je l'ai assuré qu'il aurait un bon logement et un jardin dans la quarantaine et qu'il serait l'objet de tous les soins possibles durant sa réclusion forcée. Comme sa santé est très délicate, il eût bien désiré, si c'était possible, passer le temps de sa quarantaine dans quelque maison de campagne sur les rives de la mer, à côté d'Odessa, pour jouir à son aise de l'air de la campagne et de la vue de la mer. Lord Durham

m'a dit aussi que craignant d'un côté de voyager dans la mauvaise saison et de l'autre d'avoir des embarras pour les chevaux, si l'époque de son voyage coïncidait avec celui que l'Empereur doit faire dans le Midi en revenant de Töplitz, il renonçait à son excursion projettée en Crimée et désirerait au contraire se mettre en route aussitôt après sa sortie de la quarantaine, en passant par Moscou pour arriver au plus tôt à Pétersbourg, où lady Durham et sa famille doivent être rendues vers le 10 ou le 12 septembre. Dans ce but, lord Durham m'a instamment recommandé de soumettre à votre excellence les prières suivantes:

1-e. De faire en sorte que les arrangements relatifs à son voyage d'Odessa par Moscou à Pétersbourg, fussent terminés pendant son séjour à la quarantaine. Il a avec lui deux voitures et un fourgon, ce qui nécessiterait vraisemblablement une vingtaine de chevaux à chaque relai.

2-e. De lui préparer, s'il est possible, deux courriers pour l'accompaguer, dont l'un vient en avant pour commander les chevaux et l'autre resterait avec la caravane, pour veiller aux besoins des voyageurs, aux équipages etc.

3-e. De lui procurer un cuisinier (car il n'en a pas avec lui), qui sût le français ou l'italien, et si cela ne pouvait se rencontrer dans la même individu, de lui procurer outre le cuisinier un domestique qui pût faire l'interprête.

4-e. De lui procurer des facilités pour transporter à Pétersbourg quelques caisses et meubles qu'il avait

apporté avec lui d'Angleterre et dont il ne voudrait pas se priver.

Voilà, monsieur le comte, les demandes que m'a adressé lord Durham et que je prends la liberté de soumettre à votre excellence, persuadé qu'elle se plaira à aller en devant de tout ce qui pourra etre agréable à cet ambassadeur, honoré à juste titre de la bienveillance spéciale de l'Empereur et animé à l'égard de la Russie des dispositions les plus amicales et les plus favorables, qu'il n'a cessé de manifester durant son court séjour dans cette capitale. Lord Durham a eu une audience du Sultan, qui lui a fait l'accueil le plus distingué et l'a chargé particulièrement d'être l'interprête des sentiments d'amitié de s. h. pour l'Empereur. Cet ambassadeur a été également l'objet des prévenances et des égards des principaux dignités du pays et a visité les établissements naissants que le Sultan a formés ici et qu'il a trouvé en général dans un état de progrès et d'amélioration, qui a surpassé son attente. Les écoles militaires, l'amirauté et la flotte ont spécialement fixé son attention et mérité son suffrage. M-r Ellis (ancien membre du ministère Grey), qui l'a accompagné jusqu'ici et qui se proposait d'aller jusqu'à Odessa, pour retourner par Vienne, paraît avoir changé de projet et préfère s'en retourner par Malte et l'Italie. Les deux officiers anglais (le lieutenant-colonel de Roos *) et le capitaine de la marine

---

*) Этотъ Розъ, потомокъ Англійскаго посла при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ Гамбюри-Вильямса, поднесъ императору Николаю Павловичу подлинныя письма великой княгини Екатерины Алексѣевны къ его предку. (Слышано отъ графа Д. Н. Блудова). П. Б.

Drinkworth), qui accompagnent lord Durham à Odessa et qui désirent visiter nos établissements militaires de la mer Noire, en vertu de l'autorisation accordée par S. M. I., m'ont paru des hommes aussi intéressants que distingués sous tous les rapports. J'ose les recommander particulièrement, monsieur le comte, à votre bienveillant accueil, ainsi qu' à celui de m-r l'amiral Lazarew. Ils sont accompagnés du lieutenant de la marine *Legerd*.

11.

Buyukdéré, le 4 octobre 1835.

Reçu 15 octobre.

La lettre intéressante que votre excellence a eu la bonté de m'écrire en date du 26 VII-bre est venue fort à propos pour rectifier les versions mal dirigées, qui s'était répandues ici sur les incidents désagréables qu'aurait éprouvé lord Durham à son arrivée à Odessa. Aussi me suis-je empressé de faire lire cette lettre à lord Ponsomby, qui était inquiet de n'en pas avoir d'avis direct de sa part. Il y a ici, et je crois même à Odessa, des correspondants qui se plaisent à dénaturer la vérité dans un but de malveillance et de commérage, et il est toujours bon de pouvoir leur donner le démenti. Je suis charmé d'apprendre que lord Durham est parti d'Odessa dans de bonnes dispositions; celles, dont il était animé en quittant Constantinople, ne laissaient rien à désirer, et il est à présumer que cette impression favorable se fortifiera encore plus par l'accueil qu'il recevra de l'Empereur à Kiew.

Un autre illustre voyageur vient de nous quitter pour occuper vraisemblablement l'appartement de lord Durham à la 40-ne d'Odessa, c'est le c-te Alexandre Strogonow, que nous avons été heureux de posséder ici et qui a été reçu par le Sultan et tous les gros bon-

nets du pays de la manière la plus flatteuse. Il semble qu'on a voulu redoubler de courtoisie et d'empressement à son égard, pour ne pas laisser croire qu'il existe encore quelques injustes préventions contre le nom respecté, mais redoutable, qu'avait laissé son père en 1821; aussi on peut dire que le passage du c-te A. Strogonow et son caractère franc et loyal ont exercé une utile influence sur nos relations avec la Porte, qui continuent d'ailleurs à être les plus satisfaisants du monde. Depuis longues années, le Sultan et son empire n'ont jouit d'une époque de calme et de sécurité pareille à l'époque actuelle, et l'heureux dénouement de la révolte d'Albanie est venu y ajouter de nouveaux gages de tranquillité. La peste n'a pas cessé, mais va en diminuant et, grâce à Dieu, nous n'avons pas eu jusqu'ici un seul accident à Buyukdéré, dont nous ne comptons pas quitter le séjour avant un mois, pour passer l'hiver à Péra.

12.

Péra, le 23 mars 1836.

Je m'empresse, monsieur le compte, de profiter du retour du *Nicolas I*, par offrir à votre excellence l'hommage de tous mes remerciements pour la lettre qu'elle a eu la bonté de m'ecrire le 4 (16) du courant. C'est de grand coeur que l'accepte l'augure du course régulier que va désormais prendre notre communication par bateau à vapeur, qui a jusqu'ici toujours un peu cloché, en hiver surtout. Outre l'avantage général que j'en aurai avec tout le monde, j'y suis personnellement intéressé à plus d'un titre: d'abord en qualité d'un des plus anciens actionnaires (j'ai pris depuis 4 ans deux actions, qui ne m'ont, il est vrai, rien rapporté encore) et ensuite parce que j'attends dans le courant de mai par Odessa mon beau-père c-te Chreptowitch avec sa famille, qui viennent passer quelques mois d'été sur le Bosphore. D'après les derniéres lettres, reçues par ma femme, il se peut que ma belle-mère, qui prend les devants, soit déjà à Odessa à la fin d'avril ou dans les premiers jours de mai. Persuadé, comme je le suis, monsieur le comte, de votre bienveillance éprouvée pour moi, je prends sans hésiter la liberté de recommander mes chers voyageurs et voyageuses à vos bontés et à votre protection pour leur faciliter leur traversée jusqu'ici. Je leur avais, il

est vrai, envoyé auparavant la liste des jours de départ du pyroscaphe d'Odessa; mais comme ces arrangements ne sont plus les mêmes, j'ose espérer qu'ils trouveront à cet égard sous vos auspices les conseils et l'appui nécessaires, et je vous supplie d'en agréer d'avance toute ma reconnaissance et celle de ma femme.

Pour répondre plus complettement au désir que vous avez bien voulu, monsieur le comte, me témoigner dans votre dernière lettre, je vous soumets quelques informations officielles sur les affaires d'Egypte, dont le bruit public et les gazettes avaient exagéré l'importance. Le firman, obtenu de la Porte par l'Angleterre, n'était dirigé que contre le monopole de la soie en Syrie. Mahomet-Ali, en homme d'esprit et rusé, s'est exécuté de bonne grâce à répondre respectueusement au firman et très poliment au Anglais, en abolissant le monopole de la soie ou plutôt en niant qu'il y en ait eû d'établi de son temps à Syrie, de manière que tout s'est passé le plus courtoisement du monde, et si les Anglais, comme ils en avaient l'air, voulaient chercher un prétexte de querelle au pacha pour cajoler par là le Sultan, leur jeu n'a pas tout-à-fait réussi. Tout ce petit manège de mon honorable collègue l. P. avait pour but de regagner de l'influence et de détruire la nôtre, et les bons Turcs auraient pu devenir les dindons de l'affaire; mais ils ont eu le bon esprit de reconnaire ensuite que c'est à la Russie qu'ils font mieux de se tenir, parce que cette puissance leur veut du bien autrement qu'en paroles.

Vous en trouverez, monsieur le comte, une nouvelle preuve dans ma dépêche confidentielle, par

la manière pleine d'une éclatante générosité, dont l'Empereur a décidé la liquidation de la dette que la Porte avait à nous payer: plus de la moitié du restant lui en a été remise, et des 10 millions de ducats stipulés au total par le traité d'Andrinople, les Turcs en auront payé moins de 3 en dernière analyse. Je vous supplie, monsieur le comte, d'avoir la bonté de réserver exclusivement pour votre information personnelle ma communication à ce sujet, car ce n'est qu'aujourd'hui même que j'en rends compte au ministère imp. par le pyroscaphe, et je serais désolé, si le vice-chancelier apprenait cette nouvelle avant d'avoir reçu mes dépêches, ou même simultanément. Il est vrai que j'ai expédié un courrier, voie de terre, il y a 4 jours; mais je suis presque persuadé que *mon duplicata* par le pyroscaphe arrivera plus tôt d'un jour ou deux, pourvu que mon paquet soit immédiatement envoyé par estafette extra. La conclusion de cette affaire et surtout l'éclatante générosité de l'Empereur ont produit un effet prodigieux sur le Sultan, qui en est dans l'enthousiasme et qui répète à qui veut l'entendre, qu'il avait toujours placé sa confiance dans l'appui et l'amitié de l'Empereur, et que maintenant la Turquie recueille les fruits de ce système. Les diplomates étrangers n'ont pas été moins émerveillés, et les ambassadeurs de France et d'Angleterre n'ont pas été les derniers à faire chorus.

Je vous rends mille grâce, monsieur le comte, pour les détails que vous avez la bonté de me donner sur les difficultés survenues pour la navigation du Bas-Danube. Je profiterai de ces notions au besoin; mais jusqu'à présent je ne connaissais la chose que par

les gazettes étrangères, hostiles à notre égard, et jamais je n'en avais entendu un mot ou une plainte ni de la part des Turcs, ni de la part du corps diplomatique, ni des commerçants étrangers.

Une affaire qui a eu quelque retentissement ici, c'est celle du fameux *Porto-folio*, publié à Londres; encore cette publication n'a-t-elle pas beaucoup de sensation sur les Turcs, qui n'entrent guerre dans ces finesses et qui trouvent naturel qu'on dise du mal de ceux avec qui ont est en guerre. Il paraît qu'à Vienne cette publication a fait sensation: mais cela se dissipera, comme tant d'autres manoeuvres malveillants, vainement employés pour altérer l'intimité entre les deux cours impériales. En un mot, il me paraît, malgré les rodomontades des feuilles anglaises et françaises, malgré les armements maritimes de l'Angleterre et malgré la tension de nos rapports avec cette puissance, que la paix ne sera pas plus troublée cette année qu'elle ne l'a été les années précédentes, à moins de quelque évènement tout à fait imprévu.

Le bateau à vapeur porte aujourd'hui à Odessa le colonel Scalon avec sa famille, qui revient en Russie de la Grèce, où il est resté près de 6 ans comme commissaire-démarcateur; ce n'est que depuis peu de mois que cette affaire a été terminée.

P. S. Les bruits d'armement de l'Angleterre et les discussions des Chambres Françaises et du Parlement sur la question des Dardanelles ont fait quelque sensation sur les Turcs; mais sans y ajouter plus d'importance qu'il en fallait, ils ont sagement songé à se mettre à l'abri de toute surprise et de tout coup de

main, de quel que part qu'il puisse venir. Un officier Prussien de mérite, le capitaine Moltke*), qui se trouvait ici commé voyageur, a été chargé confidentiellement par le séraskir d'aller visiter les fortifications des Dardanelles et s'est acquitté déjà de sa mission avec intelligence et discrétion. Voilà le thême simple et vrai, sur lequel les gazettes anti-russes broderont encore quelques ridicules sorties.

---

*) Это знаменитый впослѣдствіи фельдмаршалъ Мольтке. П. Б.

13.

Péra, le 8 (20) mai 1836.

Je m'empresse, monsieur le compte, d'offrir, à votre excellence l'hommage de tous mes remerciements pour sa lettre du 30 août et pour les flatteuses félicitations qu'elle contient; j'y trouve une nouvelle preuve de ce bienveillant intérêt dont vous m'avez constamment honoré et qui m'est si précieux. J'ai été charmé de faire la connaissance de m-r Hagemeister dont j'avais lu avec le plus vif intérêt l'ouvrage sur le commerce de la mer Noire, que j'avais même fait parvenir à lord Durham, pendant son séjour ici. Quant à la commission confiée à ce jeune et intéressant employé, je ferai de mon mieux pour concourir à son succès; mais j'avoue qu'autant qu'il m'est permis d'avoir une opinion sur une question qui ne m'est pas assez familière, je suis porté à me ranger à votre opinion compétente, monsieur le comte, sur la difficulté et même sur l'impossibilité d'entrer en concurrence avec les Anglais pour le commerce de l'Asie. Il me paraît démontré que l'abolition du transit par la Géorgie a porté un grand préjudice à nos intérêts politiques et commerciaux, sans fournir un grand bénéfice à nos manufactures naissantes. L'exemple de ce qui se passe entre la France et l'Angleterre prouve bien, ce me semble, qu'un système prohibitif absolu est aussi nuisible

qu'une liberté de commerce illimitée est impossible en pratique dans des pays inégaux en civilisation et en industrie. Quoiqu'il en soit, je suis convaincu que sous votre influence tutélaire, monsieur le comte, la prospérité si merveilleusement croissante de la Nouvelle Russie depuis 12 à 13 ans ne fera que s'accroître de jour en jour, pourvû que ces intéressantes contrées se trouvent encore aussi longtems que possible sous votre sceptre bienfaisant, qui a été pour elles une baguette magique et particulièrement pour la Crimée.

Veuillez agréer toute ma reconnaissance pour les dispositions bienveillantes que vous me manifestez, monsieur le comte, en faveur de la famille de ma femme. Nous attendons ma belle-mère ici par le prochain pyroscaphe. J'ignore si mon beau-père l'accompagnera; mais mon beau-frère, le jeune comte Chreptowitch, avec sa femme m'ont promis de suivre de près les chers voyageurs de Bechenkowitchi. Je n'ai pas besoin de dire combien je serais heureux de vous voir réaliser votre projet de visiter le Bosphore; mais dans ce cas je n'aurai probablement pas le mérite de vous en faire les honneurs: car ce serait le Sultan et ses pachas qui me l'enlèveraient en se chargeant de ce soin.

14.

Bayukdéré, le 28 mai (9 juin) 1836.

Vous aurez entendu parler, monsieur le comte, d'une fâcheuse histoire arrivée à Constantinople il y a environ un mois à un négociant Anglais, nommé *Churchill* et qui a amené les plus désagréables démêlés entre l'ambassadeur d'Angleterre et la Porte. Il est juste de convenir que les Turcs ont commencé par avoir les torts de leur côté, au moins dans les formes; mais ensuite la véhémence démesurée que lord Ponsomby a mis dans son langage et dans ses démarches a envénimé l'affaire au point qu'elle est devenue un évènement politique, malgré tous les soins assidus de la Porte pour l'appaiser par une satisfaction éclatante et compatible avec la dignité du Sultan. Mais l'ambassadeur, ne voulant se contenter d'aucune autre que de la destitution du reiss-effendi et de mouchir Ahmet-pacha (le même qui a été ambassadeur chez nous en 1833), le Sultan a eu assez de fermeté et de dignité pour ne pas souscrire à une telle humiliation et s'est décidé à envoyer un courrier à Londres pour rendre le gouvernement Anglais juge de son ambassadeur, qui a commencé ses réclamations par où l'on pouvait tout au plus les finir, c. à d. en rompant toute communication officielle avec le ministre des affaires étrangères Ottoman. Ce qu'il y a de remarquable et de bien hono-

rable pour l'ambassadeur de France, c'est qu'il n'a pas hésité à désapprouver hautement la conduite trop précipitée de son collègue d'Angleterre, après avoir vainement cherché, avec autant de loyauté que de sagesse, à concilier ce fâcheux différend, qui est venu nous troubler dans la jouissance de la tranquillité la plus profonde, récemment consolidée par l'arrangement si généreux de la part de l'Empereur de l'affaire de la dette Turque et de Silistrie. Maintenant nous attendons avec impatience les nouvelles de Londres pour juger de la portée de cet épisode si imprévu dans les affaires Orientales, pacifiées et régularisées avec tant de peines et de sacrifices.

Два письма князя Воронцова къ А. П. Бутеневу *).

1.

№ 197. Odessa, le 1 (13) juin 1836.

A m-r de Bouténew.

La voix des journaux aura déjà depuis longtems informé v. e. de la discussion qui a eu lieu au Parlement d'Angleterre relativement à la quarantaine établie par nous à l'entrée du Danube. Le but de cette institution sanitaire ayant été méconnu, on a cherché à exciter d'injustes préventions contre les intentions de notre gouvernement. Au lieu de considérer la quarantaine de Soulinah comme une simple mesure de police contre l'introduction de la peste, on y a vû des plans d'empiétement de la part de la Russie. Le traité d'Andrinople, qui nous donne le droit de posséder des établissements sanitaires sur les îles de Léti et de S-t Georges, a été oublié, et dans l'aigreur produite par cette discussion il y a eu quelques armateurs Anglais, qui ont poussé l'inconvenance jusqu'à manifester l'intention d'amener un conflit, si leurs navires, en remontant le Danube, rencontraient des obstacles de la part de nos autorités.

V. e. saura également sans doute que ces discussions, ayant été connues à S-t Pétersbourg, notre ministère s'est empressé d'y donner les réponses convenables. En défendant la question du droit, m-r le vicechancelier a désiré en même temps recueillir tous les faits capables de réfuter les fausses assertions nées en Angleterre, et pour réunir une plus grande masse de renseignements, il a crû devoir me demander des détails sur les opérations de notre quarantaine aux bouches du Danube, espérant de cette manière pouvoir constater que nul bâtiment étranger n'a été empêché de naviguer sur ce fleuve, que nul n'a été

*) Съ черновыхъ подлинниковъ. П. Б.

détenu, ni détourné de sa destination, et que toutes les allégations élevées à notre charge dans la séance de la Chambre des communes du 20 avril, sont entièrement dénuées de fondement.

Désirant répondre aux intentions de m-r le vice-chancelier, je suis empressé de lui offrir un tableau de l'établissement de Soulinah, en ajoutant à mon rapport que pour prévenir désormais tout mésentendu qui pourrait naître entre les navigateurs Anglais et l'autorité du lieu à cause de l'ignorance réciproque des langues, je destinais le s-r Corruthers. Anglais au service de Russie, à résider à Soulinah en qualité d'interprète et à servir d'intermédiaire dans les relations des navigateurs avec l'autorité sanitaire. Voulant en outre écarter de ces parages le chef de bâtiment de garde qui avait attiré sur lui des soupçons d'abus, j'ai eu soin de le faire remplacer par un officier plus digne de confiance, et j'espère que ces deux nouveaux choix, faits dans un but de conciliation, pourront suffir pour mettre la quarantaine de Soulinah à l'abri du moindre reproche de vexation envers les étrangers. En tout cas, j'aurai soin d'exiger que de notre côté l'autorité se renferme dans la stricte limite de ses droits, de manière que le blâme d'avoir amené une querelle ne puisse retomber que sur nos adversaires.

Indépendamment des modifications susmentionnées dans le personnel des autorités sur la quarantaine de Danube, il m'a paru encore utile d'éclairer l'opinion du commerce sur la destination véritable de l'établissement de Soulinah, en faisant connaître aux négociants et navigateurs les attributions de cet établissement, ainsi que l'utilité que la navigation pouvait retirer de la présence d'une autorité protectrice dans des parages dangereux pour les bâtiments. A cet effet. j'ai ordonné de transmettre sur le Danube, pour être communiqué aux navires arrivants, un avis remplissant le but proposé d'une manière qui me paraît assez satisfaisante. Cet avis, imprimé en différentes langues, a

été également inséré dans le Journal d'Odessa. Quoiqu'il ait obtenu de cette manière une assez grande publicité, je crois toutefois devoir en transmettre plusieurs exemplaires à v. e., en la priant de vouloir bien les faire porter à la connaissance du public dans les voies usités.

La prière que je vous adresse à ce sujet, monsieur l'envoyé, a en même tems pour but de réclamer vos bons offices dans une affaire d'intérêt public, afin que vous vouliez bien accorder votre assistance pour rassurer le commerce sur les intentions que l'on a voulu prêter à notre quarantaine du Danube et ramener à la vérité ceux des commerçants étrangers de Constantinople qui se sont laissés induire en erreur par les déclamations de quelques malveillants en Angleterre. Quant aux nominations du s-r Corruthers et du nouveau commandant du bâtiment de garde, elles pourront en cas de nécessité servir à v. e. de preuves auprès de lord Ponsomby sur la vraie nature de nos intentions; de manière que cet ambassadeur, au lieu de nous attribuer des vues peu favorables pour le commerce étranger dans le Danube, ne puisse considérer la conduite de notre gouvernement que comme mue par les principes les plus conciliants.

Désirant mettre à votre disposition une plus grande quantité d'arguments en faveur de la quarantaine de Soulinah, je m'empresse de vous transmettre copie de mon office au comte de Nesselrode sub № 163, ainsi que d'une notice que j'ai crû devoir communiquer à ce sujet à m-r le vice-chancelier, et je m'estimerai heureux, si cette pièce pourra vous être de quelque utilité dans les explications que vous serez peut-être appelé à donner à vos collègues sur l'extention et le but de nos établissements sanitaires dans le Danube.

Je ne veux pas terminer la présente dépêche sans fournir à v. e. les éclaircissements nécessaires concernant un incident qui est venu en dernier lieu compliquer d'une nouvelle manière la question du Danube.

Cet incident, que vous aurez appris à connaître par une communication directe de la part de m-r le comte de Nesselrode, consiste dans des plaintes portées par quelques négociants Anglais devant leur gouvernement au sujet d'un soi-disant péage établi par les autorités Russes à l'entrée du Danube. Le ministère impérial, tout en réfutant cette plainte mal fondée, s'est adressé à moi dans le but d'obtenir des renseignements positifs sur le fait en question et m'a invité aussi à transmettre les mêmes renseignements à v. e. M'empressant de satisfaire au désir de m-r le vice-chancelier, je considère comme un devoir agréable à remplir, en vous assurant que les plaintes des négociants Anglais, qui ont prétendu devoir être soumies à l'acquittement d'un péage lorsqu'ils entreront dans le Danube, n'est nullement fondée, et que telle rétribution n'a jamais été ordonnée par les autorités Russes. Il est possible toutefois qu'en élevant un panal pour indiquer l'entrée du fleuve, qui occupe dans ce moment avec tant d'ardeur les esprits des commerçants en Angleterre, le gouvernement impérial se detérmine à établir un droit sur tous les navigateurs qui participeront au bienfait d'une pareille institution; mais le panal susmentionné n'existant encore qu'en projet, toute cette affaire ne pourra se décider que dans l'avenir.

2.

№ 222. Odessa, le 10 (22) juin 1836.

A m-r de Bouténew.

Conformément aux intentions du ministère impérial, je me suis empressé d'informer v. e. par la poste du 1 (13) juin de tous les détails relatifs à notre établissement sanitaire sur le Danube, en vous fournissant, monsieur, les explications nécessaires pour vous mettre à même de combattre auprès de lord Ponsomby toutes les fausses assertions qui sont nées à ce sujet

en Angleterre. Mais calculant que ma dépèche en suivant la route de poste, n'a pù encore vous être parvenue à l'heure qu'il est, je crois devoir vous transmettre par le pyroscaphe de demain le *dublicata* de l'expédition susmentionnée, en confiant mon paquet à m-r Morchansky, employé de ma chancellerie.

Je profite également de cette occasion pour communiquer à votre excellence les derniers détails qui m'ont été transmis sur cette affaire par m-r le comte de Nesselrode. Le ministère impérial, en portant à la connaissance du gouvernement Britannique l'ensemble des renseignements que je me suis fait un devoir de lui communiquer concernant la quarantaine du Danube, a eu soin d'appeler l'attention du ministère Anglais sur la conduite du vice-consul Britannique à Ibraïla, en relevant l'inconvenance du procédé de cet agent et en démontrant que nous ne saurions permettre, ainsi que cet agent le réclame, que les capitaines Anglais se refusent de produire leurs papiers de bord à l'embouchure de Danube.

Il est à espérer que la rectification, demandée par nous au gouvernement Britannique sur un point aussi délicat et important que celui de faire respecter nos autorités par les étrangers qui se rendent sur nos limites, ne se fera pas longtems attendre, et je souhaite de tout mon coeur que les réclamations, que vous ètes chargé, monsieur, d'adresser à ce sujet à lord Ponsomby, obtiennent le résultat désiré. Tout concourt d'ailleurs à faire supposer que cette dernière difficulté ne tardera pas à ètre levée, le gouvernement et le commerce Britannique ayant déjà eu le temps de réfléchir sur la fausseté de leurs assertions concernant la question du Danube. Il paraît même qu'à la suite de l'article imprimé dans le Journal de S-t Pétersbourg les idées du commerce en Angleterre se sont rectifiés et qu'on appécie dans ce pays d'une manière plus exacte la nature de nos droits, ainsi que l'égalité de nos mesures sanitaires dans les parages de Soulinah.

№ 321.

15.

Buyukdéré, le 19 juin (1 juillet) 1836.

J'ai reçu les dépêches sub № 197 et 222, que votre excellence m'a fait l'honneur de m'adresser en date du 1 et 10 juin, ainsi que les différentes annexes qui les accompagnaient, et je m'empresse de lui offrir l'expression de mes remerciements pour ces intéressantes communications. Bien que le ministère impérial m'eût tranmis conjointement avec ses instructions les détails nécessaires au sujet des quarantines du Danube et des explications auxquelles ces établissements ont donné lieu de la part du gouvernement Britannique, je ne vous en dois pas moins d'obligation, m-r le c., pour avoir bien voulu me mettre directement au fait de tout ce qui se rattache à cette affaire importante.

Je me suis déjà mis en rapport avec lord Ponsomby pour ce qui concerne la conduite inconvenante du vice-consul Britannique à Braïlow à l'égard de nos autorités. En vous en faisant part au préalable, je me réserve d'instruire en son temps votre excellence du résultat de mes démarches. Quant à la publication faite d'après vos ordres à l'effet d'éclairer le commerce et les navigateurs sur le véritable but de l'instruction des quarantaines du Danube, je me suis empressé de donner à cet avis la plus entière publicité, en le transmettant aux chancelleries commerciales de toutes les puissances à Constantinople, ainsi qu'aux principaux consulats dépendants de la mission.

P. S. Au moment où la présente dépèche était déjà préparée, je reçus de lord Ponsomby une lettre relative à la question des quarantaines du Danube et au précédé du vice-consul Anglais à Braïlow. Son contenu me paraît satisfaisant. Dans le but de prendre acte des explications de l'ambassadeur Britannique et de préciser d'avantage encore le point principal de nos réclamations, je lui répondis sur-le-champ, et je m'empresse, monsieur le comte, de vous en transmettre la copie.

Ad № 321.

Copie d'un billet, adressé par m-r de Bouténew à s. e. lord Ponsomby en date du 18 (30) juin 1836.

Je viens de recevoir, monsieur l'ambassadeur, la réponse obligeante que v. e. a bien voulu faire aujourd'hui aux communications que j'avais eu l'honneur de porter à sa connaisance relativement à l'établissement de la quarantaine Russe à *Souliné*, à l'embouchure de Danube. En vous offrant, milord, mes remercîments empressés pour le contenu de cette réponse, que je me hâterai de transmettre à ma cour, ainsi qu'au gouverneur-général comte Worontzow, je me plais à en conclure que les doutes et les difficultés élevés par l'agent Britannique à Braïlow sur la production des papiers de bord de navires, naviguant dans ces parages, difficultés que v. e. est portée à attribuer à quelque malentendu de cet agent, ne tarderont pas à être applanis, moyennant des directions propres à prévenir tout inconvénient par la suite.

16.

Buyukdéré, le 19 juin (1 juillet) 1836.

Je me suis félicité, monsieur le comte, de recevoir assez à temps les lettres que votre excellence m'avait fait l'honneur de m'écrire sur le prochain arrivée de m-me de Narichkine*) pour préparer tous les moyens en mon pouvoir, afin de répondre de mon mieux à vos intentions et de rendre aussi agréable que possible son trop court séjour parmi nous. N'ayant pû, à mon grand regret, lui offrir un pied-à-terre au palais de Russie à Buyukdéré, rempli, comme il était déjà, par mes hôtes de Bechenkowitchi, j'ai fait préparer dans le voisinage un petit logement assez confortable, qu'occupe m-r Paul Pisani, qui l'a mis avec le plus grand empressement à la disposition de m-me de Narischkine et y placé meubles, lits et tout le nécessaire. L'aimable voyageuse, après avoir bien voulu passer avec nous les trois premiers jours, que nous avons remplis à sa satisfaction (grâce surtout à une charmante excursion que le b-on de Stürmer nous a fait faire aux îles des Princes sur un pyroscaphe autrichien), s'est transportée à Péra, où nous l'avons tous suivi et où elle a bien voulu accepter l'hospitalité sous notre toit. Enfin, j'ose vous assurer que nous nous sommes fait le plus agréable devoir, ma femme et moi,

---

*) Ольга Станиславовна, супруга Льва Александровича Нарышкина (который былъ двоюроднымъ братомъ князя М. С. Воронцова). П. Б.

de répondre à vos intentions et à celles de m-me la comtesse de Worontzow, et nous nous sommes d'ailleurs estimé très heureux de faire de notre mieux les honneurs de Bosphore à m-me de Narischkine, les circonstances ayant secondé aussi nos voeux sous ce rapport. J'avais justement obtenu un firmen pour visiter les mosquées et une permission de parcourir les appartements intérieurs et les jardins du Sérail, dont l'accés est difficile, et j'ai différé de m'en prévaloir jusqu'à l'arrivée de m-me de Narischkine. L'expédition du bateau à vapeur m'ayant obligé de revenir à Buyukdéré hier, ma femme est rentrée en ville auprès d'elle pour l'accompagner au harem du séraskir, ensuite à Scutari et enfin pour voir le Sultan à son passage pour la mosquée. J'ai vraiment admiré l'activité infatigable que m-me de Narischkine a montré dans toutes ses courses, malgré sa santé délicate, et sa charmante petite Sophie, qui a trouvé ici une compagne dans ma fille aînée, n'est pas restée en arrière non plus et a vu tout ce que nous avons vu. M-me de Rzewuska et sa fille se sont partagées dans toutes ces courses entre notre société et celle de m-r et m-me de Stürmer et comptent rester une couple de semaines de plus.

En vous rendant ainsi, monsieur le comte, un compte-rendu préalable et abrégé du séjour de m-me votre cousine ici, je m'en réfère sur les détails à ses récits, et il ne me reste à exprimer qu'un regret, partagé par toute ma famille et par toute notre colonie, c'est que son apparition ici n'ait été que de trop courte durée.

17.

Buyukdéré, le 10 (22) juillet 1836

J'ai été on ne peut plus touché de la lettre gracieuse que votre excellence a bien voulu m'écrire le 24 juin pour m'exprimer sa satisfaction sur l'accueil empressé que m-me de Narischkine a trouvé ici et qui lui était assuré d'avance. Nous nous félicitons vivement, moi et les miens, qu'elle ait bien voulu conserver un souvenir agréable de son trop court séjour parmi nous, qui nous a laissé des souvenirs ineffaçables et de sincères regrets. L'occasion que nous avons eû d'apprécier tant de grâces et de charmantes qualités réunies, et l'idée d'avoir obtenu une petite place dans son bienveillant intérêt et souvenir, sont des choses bien plus précieuses à nos yeux que toutes les beautés pittoresques de Bosphore et les curiosités de Constantinople que nous avons visité ensemble et dont plusieurs étaient, je l'avoue, des choses inconnues pour moi, tout ancien habitant que je sois de ce pays. Rien ne saurait me flatter d'avantage que le projet qu'elle forme de revenir ici l'année prochaine avec m-me la comtesse de Worontzow, et j'espère être assez heureux pour que ce voyage ait encore lieu à une époque, où je pourrai briguer la faveur de faire les honneurs

de ce pays aux illustres et aimables voyageuses: car j'ai dans l'idée de retourner en Russie en l'année 1837, pour placer mon fils dans quelque institut d'éducation, pour suppléer à toutes les ressources qui manquent ici sur ce rapport. Ma belle-mère s'étant vue obligée de nous quitter pour aller rejoindre à Bechenkowitchi son mari, assez sérieusement malade, pour être hors d'état de nous rejoindre, part aujourd'hui à bord du bateau à vapeur, en nous laissant pour quelque tems mon beau-frère et mes belles-soeurs. L'accueil bienveillant dont vous avez honoré là comtesse Chreptovitch et sa famille me permet d'espérer qu'elle s'en ressentira également cette fois, tant pour sa quarantaine que pour son voyage ultérieur. Toutefois, comme je suppose que vous serez à cette époque en Crimée, monsieur le comte, je l'ai recommandé aussi à m-r de Lewchine.

L'affaire Churchill, sans être encore terminée, a eû déjà néanmoins une première fâcheuse conséquence, la démission de reiss-effendi, que le Sultan a renvoyé, sans d'autres prétextes, il est vrai, mais dans le fond de crainte de se voir forcé de le faire à la demande de l'Angleterre. Cette faiblesse est aussi inconcevable qu'inopportune, puisqu'on ne connait pas encore les réponses de Londres qu'on aurait dû attendre du moins, et je pressens combien notre cabinet en éprouvera de mécontentement. Ce mécontentement sera partagé par les autres puissances et même par la France, dont l'ambassadeur s'est conduit d'une manière parfaite dans cette affaire et s'est trouvé et se trouve encore entièrement d'accord avec nous, en blâmant hautement la conduite de son collègue d'Angleterre. Au reste, l'at-

tention du gouvernement Français est sans doute absorbée aujourd'hui par le nouveau et odieux attentat, auquel le roi Louis-Philippe a encore échappé heureusement pour la France et on peut dire pour l'Europe entière. Voilà de nouvelles et sevères leçons pour les partisans des idées libérales et les admirateurs des formes représentatives et de la liberté de la presse, que donnent aujourd'hui la France et l'Angleterre.

18.

Buyukdéré, le 11 (23) VII-bre 1836.

Persuadé, comme je le suis, de la bienveillante hospitalité de votre excellence envers tout voyageur allant à Odessa, je crois presque superflu de recommander à ses bontés mon beau-frère le comte Michel Chreptovitch et sa femme qui s'y rendent aujourd'hui par le pyroscaphe et que vous avez déjà accueilli avec tant de bienveillance au printems. Leur séjour s'étant prolongé ici beaucoup au de la du tems fixé, je crois qu'il seront obligé de renoncer au voyage de Crimée, dont ils se faisaient une fête; mais la saison est déjà avancée pour la longue route qui leur reste à faire.

Je prends la liberté aussi de vous recommander un autre passager de marque, qui de son propre mouvement a préféré prendre la route d'Odessa plutôt que celle de Galatz pour se rendre en Angleterre, c'est *m-r Henri Ellis*, ambassadeur extr. Britannique en Perse, qui est revenu de là ici par Trébisonde. C'est un homme intéressant par sa longue résidence en Orient et jusqu'à Chine; il ne compte s'arrêtêr que peu de jours à Odessa.

Vous vous rappelez peut-être, monsieur le comte, d'un m-r Gianny, qui a eu le bonheur de servir sous vos ordres à Odessa et pour lequel vous avez eu tant de bonté; il s'est décidé aujourd'hui à faire placer un de ses neveux au Lycée Richelieu *à ses frais*. N'y aurait-il pas moyen de le faire entrer plus tard aux frais de la couronne! Les bienfaits que vous vous plaisez, monsieur le comte, à répandre autour de vous, m'encouragent à vous demander s'il y aurait moyen d'arranger la chose.

19.

Buyukdéré, le 23 octobre (4 novembre) 1836.

Je m'empresse de transmettre à votre excellence la lettre ci-jointe que m'a fait parvenir pour elle le comte Matussewich en date de Malte, et je me félicite de profiter de cette occasion pour vous offrir, monsieur le comte, l'hommage de ma reconnaissance et celle de ma femme et de ses parents pour l'accueil bienveillant dont vous avez honoré mon beau-frère et sa femme à Odessa et en Crimée. Fock, un des employés de ma mission et qui est aussi pénétré de vos bontés, m'a dit que la quarantaine du jeune couple voyageur était bien plutôt en paradis qu'en purgatoire et que l'excursion de la Crimée était une succession de fêtes et de plaisir de tous genres. Les nôtres ici sont à leur terme par le départ prochain de mes parents pour l'Italie et l'ont été aussi ces derniers tems par les ravages de la peste, dont on nous fait espérer la diminution depuis quelque jours. Je me propose incessamment de vous supplier de me munir de quelques instructions sur l'organisation des 40-nes qu'on pourrait introduire ici; car le Sultan paraît sérieusement vouloir s'en occuper.

20.

Buyukdéré, le 13 (25) novembre 1836.

Si j'ai tardé à offrir à votre excellence mes remerciements pour sa lettre infiniment obligeante du 12 octobre, c'est parce qu'elle ne m'est parvenue que depuis peu sans l'intervalle de deux derniers bateaux à vapeur. Nous nous flattons que cette voie de communication ne sera pas interrompue entièrement durant l'hiver, et elle pourra acquérir quelque intérêt de plus par l'établissement des bateaux à vapeur Français, dont le premier doit partir de Marseille à Constantinople le 1-er février prochain. Les pyroscaphes Autrichiens de Galatz et de Smyrne et les pyroscaphes Anglais entre Constantinople et Trébisonde ont bien réussi cette année, et il serait bien à désirer de pouvoir par la suite combiner ces différentes lignes de communication avec celles d'Odessa. Ce qu'il y a de désolant et ce qui entravera longtems ces entreprises, c'est l'existence de la peste, dont les ravages à Constantinople sont plus violents que jamais cette année. Le Sultan paraît animé de meilleures dispositions pour l'établissement des 40-nes, mais il rencontre de grands obstacles dans l'ignorance et les préjugés de sa nation; on a bien pris quelques mesures, mais trop incomplettes et incohérentes pour ne pas être nulles: car même les personnages les plus haut placés sont incrédules

et négligent là-dessus, à plus forte raison les préposés subalternes. Dernièrement le pacha des châteaux de Bosphore, pour faire cesser la peste parmi les soldats, a sérieusement ordonné d'afficher de versets de l'Alcoran sur la porte des casernes. Halil-pacha, qui vient de remplacer le vieux sérascir et Ahmet-pacha, le nouveau grand-amiral, sont les seuls qui entrent de bonne foi dans les vues de Sultan; mais, surchargés d'autres affaires, ils ne peuvent veiller suffisamment à celle-ci, et de plus on manque de médecins, de lazarets et de tout le matériel nécessaire. Mais ce dont on manque surtout, hormis le Sultan et un petit nombre de ses entours, c'est de bonne volonté et d'entendement.

A propos des changements d'emplois parmi nos matadors militaires d'ici, je pense que vous seriez curieux, monsieur le comte, d'en savoir le détail, et j'en place ici une notice. Au reste, ces changements me paraissent n'avoir rien de commun avec la politique et sont plutôt le fruit d'intrigues de camarilla. Quant au rappel de lord Ponsomby, nous n'en savons encore rien de positif: on croit généralement qu'il a déjà en poche l'autorisation de quitter son poste, mais qu'il ne s'est pas décidé à laisser, comme chef des affaires, son secrétaire d'ambassade, le fameux m-r Urquhart, ce qui serait en effet un étrange choix pour un représentant public. D'ailleurs, si ce n'était la peste, nous viverions assez paisiblement en Orient, tandis que les orages politiques grondent sur l'Occident.

Les parents de ma femme nous ont quitté depuis 15 jours pour aller faire leur 40-ne à Malte et de là

se rendre à Naples; mais d'après les nouvelles de choléra, je crains qu'ils ne tombent de Carybde en Scylla.

Ayant eu l'occasion de recevoir de France des mords de nouvelle invention, applés *Lycos*, j'ai pensé que cet *improvement* pourrait vous intéresser, monsieur le comte, en qualité de connaisseur consommé en fait d'équitation, et je prends la liberté de vous en envoyer par le bateau à vapeur deux échantillons, dont l'un est destiné pour les chevaux qui ont l'habitude de trop relever la tête et l'autre pour lusage inverse. Ces mords ont cela de particulier qu'ils n'ont pas besoin d'être surmontés de téllière frontale et de tout ce qui s'en suit, ce qui fait paraître à son avantage la tête du cheval, lorsqu'elle est jolie. Quelques personnes ici ont essayé ce mords avec succès. Dans le cas que cette invention ne soit plus une nouveauté à Odessa, veuillez, monsieur le comte, ne voir dans cet envoye que mon désir de vous être agréable. Plus tard je prendrai la liberté de vous offrir mon tribut d'huitres du Bosphore, dont la bonne saison va arriver.

21.

Buyukdéré, le 5 (17) janvier 1837.

Je ne saurais assez exprimer à votre excellence toute la reconnaissance dont m'a pénétré sa longue lettre du 23 décembre, nouveau témoignage de ses dispositions bienveillantes et précieuses pour moi et pleine d'informations du plus grand intérêt. Je commence donc la mienne par l'expression de mes remerciements les plus vifs, en me faisant un devoir de vous répondre officiellement aujourd'hui, monsieur le comte, sur la nouvelle des prétendues difficultés que la douane de Constantinople oppose au transbordement des marchandises à bord des navires Russes. Cette nouvelle doit reposer sur quelque erreur ou malentendu, car notre chancellerie de commerce n'a jamais reçu des réclamations de ce genre et ne tolérerait jamais de telles chicanes, si les autorités Turques s'avisaient d'en faire. C'est avec le plus grand intérêt et j'ajouterai avec la plus grande satisfaction que j'ai lû les détails que vous avez eû la bonté, monsieur le comte, de me donner sur la capture du *Vixen* par nos croisières. L'amiral Lazarew m'a de son côté adressé une relation très circonstanciée sur ce fait, qui n'est qu'une application juste et annoncée d'avance des mesures générales que notre gouvernement était dans son plein et incontestable droit d'adopter relativement à la navigation étrangère sur les côtes de Circassie et que j'avais officiel-

lement notifié à plusieures reprises tant à la Porte qu'à toutes les légations etrangères résidantes à Constantinople, y compris l'ambassade Anglaise. Aussi mon honorable collègue, lord Ponsomby, qui paraît avoir accordé son patronage immédiat à l'expédition du *Vixen*, ne doit-il s'en prendre qu'à lui-même ou à son chef lord Pàlmerston du sort malencontreux qu'elle a eu chez nous. Je ne sais ce que dira de cette affaire le comte Nesselrode, auquel j'en écris aujourd'hui pour ce qui concerne ma sphère d'action; mais je voudrais bien qu'on en *pense* à Londres et qu'on en *dise* à Pétersbourg la même chose que m'a fait dire avant-hier le ministre de la Porte le plus puissant et celui qu'on regarde comme anti-russe, le fameux *Perton:* „Nous avons été enchantés nous autres de ce qui est arrivé au *Vixen* et nous espérons que ce sera une bonne leçon pour les Anglais". Quant à mylord Ponsomby, que je n'ai pas eu occasion de voir depuis, j'apprends qu'il garde le silence sur cet évènement, et je ne sais trop d'ailleurs ce qu'il pourrait en dire de fondé, d'autant plus que c'est à Pétersbourg maintenant que l'affaire doit être résolue. Je suis parfaitement de votre avis, monsieur le comte, que c'est une absurdité insensée et une duperie gratuite que de chercher à aigrir et à brouiller la Russie et l'Angleterre, dont les intérêts véritables pour l'Angleterre, encore plus peut-être que pour nous, sont de rester en bonne intelligence pour profiter réciproquement des avantages et de l'extension des relations du commerce, si énormes entre les deux pays.

Mais cette politique, si naturelle et si sage, commandée par le bon sens et l'intérêt mutuel bien

compris, ne s'accorde pas malheureusement avec l'animosité passionnée que lord Palmerston a vouée à la Russie, que le parti radical tâche aussi d'imprimer à l'opinion publique en Angleterre et que des ambassadeurs à idée fixe, tels que lord Ponsomby, auquel on adjoint un folliculaire avanturier, comme le fameux Urquhart, se plaisent à envenimer de leur mieux en toute occasion. Des dispositions bien différentes animent lord Durham, autant que je puis en juger par mes rapports et mes entretiens avec lui et, tout radical qu'il l'est dans son pays, il a le bon esprit de reconnaître que l'Angleterre et la Russie n'ont rien à gagner et beaucoup à perdre en se chamaillant pour de vaines questions de rivalité et d'amour-propre, et j'ai tout lieu de croire que sa conduite à Pétersbourg s'accorde avec cette profession de foi. Il m'a lui-même parlé des fausses idées et des aveugles préventions de lord Ponsomby, qui est son oncle, et m'avait promis de chercher à le convertir; mais comme j'en étais sûr d'avance, il y a perdu sa peine. Quant à Urquhart, il s'est brouillé avec son chef, a quitté le palais de l'ambassade, mène une vie vagabonde, met l'habit Turc, se fait appeler *Daoud-bey* et s'expose à la risée générale par ses extravagances, tandis que les journaux Anglais et Allemands et même celui d'Odessa parlent de la confiance et de la considération que le *jeune diplomate Anglais* a su s'acquérir à Constantinople et des conférences fréquentes qu'il a avec les ministres Turcs sur les plus hautes questions politiques. Il serait par trop étrange, si un personnage de cette trempe venait réellement remplacer lord Ponsomby, qui du moins est un homme comme il faut, dans tout l'étendue du terme, dès qu'il ne s'agit que de relations privées. J'espère

en Dieu et mes collègues de même, que si lord Ponsomby quitte bientôt son poste, comme il est probable, nous n'aurons pas le déboire d'avoir Urquhart pour collègue diplomatique.

Je vous dois encore, monsieur le comte, mille remerciements les mieux sentis pour la sollicitude obligeante et scrupuleuse, avec laquelle vous avez bien voulu répondre à mes demandes sur l'application des mesures de 40-ne dans ce pays-ci. Les notions pleines de clarté et les réflexions frappantes de justesse contenues dans votre lettre, montrent bien le cachet du maître. Quoique les velléités du Sultan paraissent déjà s'affaiblir avec la diminution de la contagion, je vais faire traduire tout ce paragraphe de votre lettre en Turc pour le faire lire à la première occasion à Halil-pacha, à Ahmet-pacha et au Sultan lui-même, en attendant le mémoire plus circonstancié que vous voulez bien me promettre et que j'attends avec infiniment d'intérêt. Voyons ce qu'en diront ces réformateurs, qu'il faut voir venir avant de leur proposer plus sérieusement la chose, pour qu'ils ne le prennent pas de travers, ce qui est un peu leur habitude.

Permettez moi, monsieur le comte, de répéter ici les très humbles instances que je vous adresse officiellement en faveur du fils du *povero Belloli* et de vous supplier d'appuyer ma demande auprès du c-te Witt, en lui présentant mes hommages. Veuillez excuser le griffonage de cette lettre que je dois terminer à la hâte aumilieu de mes écritures diplomatiques pour Pétersbourg

---

22.

Péra, le 3 (15) mars 1837.

M-r le comte de Konigsmarck, ministre de Prusse près la Porte Ottomane, venant d'obtenir de son gouvernement un congé de courte durée, se rend aujourd'hui à Odessa pour y faire sa quarantaine et se propose de continuer son voyage à Berlin par Brodi et la Silesie.

Outre les relations existantes entre la cour impériale et celle de Prusse, l'intime amitié que j'ai été dans le cas de contracter avec m-r le comte de Königsmarck, me porte à prendre la liberté de le recommander tout particulièrement à la bienveillante attention de votre excellence et à lui solliciter l'effet de ses bons offices tant pour son séjour à Odessa que pour son voyage ultérieur à travers la Russie. C'est dans ce dernier but que j'ose vous prier, monsieur le comte, de vouloir bien ordonner que, comme cela se pratique dans de pareilles occasions, m-r de Königsmarck soit accompagné jusqu'à la frontière d'un postillon, chargé de lui préparer les chevaux de poste.

Partant d'ici à la légère, le c-te de Königsmarck n'emporte avec lui que peu d'effets, mais entre autres

quelques objets destinés particulièrement pour les cadeaux qu'il désirerait faire plomber à la douane d'Odessa pour éviter par là la moindre difficulté dans son voyage ultérieur. J'ose espérer que vous voudrez bien, monsieur le comte, donner à ce sujet les ordres nécessaires et je vous prie d'agréer d'avance l'expression de ma vive gratitude pour toutes les marques de bienveillance que le comte de Königsmarck ne manquera pas de recueillir de la part de votre excellence.

23

Péra, le 5 (17) mars 1837.

Je m'empresse d'offrir à votre excellence mes remerciements les plus sincères pour la lettre du 20 février et pour l'intérêt bienveillant qu'elle a bien voulu prendre à notre accident de peste. Loin de penser aux soins et tribulations qu'il nous avait occasionné, nous ne saurions assez rendre grâce à Dieu de nous avoir fait tous heureusement échapper au danger, ce qui était un vrai miracle dans une maison peuplée de 50 à 60 personnes. Ce qui m'a fait grand plaisir. c'est que ma femme, moins aguerrie que moi aux tribulations de ce genre, n'en a pas eu l'esprit frappé. Nous avons subi une double 40-ne à Buyukdéré et à Péra, et cette dernière n'est pas même tout à fait finie et se prolongera en permanence: car malheureusement la peste est loin d'avoir cessé, et l'on craint beaucoup qu'elle ne reprenne de plus belle au printems. Ce serait bien là le moment pour le Grand-Seigneur de commencer à mettre en pratique ses essayes de quarantaines; j'ai fait quelques insinuations là-dessus à Halil-pacha dans une visite que je lui ai faite ces jours-ci et en lui communiquant à cette occasion les idées que vous avez eu la bonté, monsieur le comte, de consigner dans votre lettre du mois de décembre, idées qu'il a paru bien saisir et accueillir avec reconnaissance. Je

lui ai promis de votre part un exposé plus complet sur ce chapitre, ce dont il a paru enchanté. Il m'a instamment prié à cette occasion de vous présenter ses hommages, ainsi qu'à m-me la comtesse Worontzow, et m'a dit qu'il s'empresserait de rendre tous les bons offices en son pouvoir au nég-t Bobovitch que vous lui aviez recommandé. Je n'ai pas besoin d'ajouter que pour ma part je serais prêt à faciliter de mon mieux la commission confiée à ce négociant et même à lui avancer des fonds, s'il en avait besoin.

Le bateau à vapeur d'Odessa portera cette fois un passager de marque, que j'ai pris la liberté de recommander par une lettre séparée à vos bontés et à votre obligeant accueil; c'est le c-te Königsmarck, ministre de Prusse, qui s'est décidé à choisir cette voie pour se rendre à Berlin par congé. Il s'est acquis ici l'estime général par son noble caractère et sa conduite pleine de sagesse et de tact. et a été traité par le Sultan avec une distinction, qu'aucun de ses prédécesseurs n'avait éprouvée. Un magnifique *Nischan* dont il a été décoré par s. m. lui en a fourni un témoignage, et il pourra s'en parer à sa nôce, car il va se marier à Berlin. Intimement lié d'amitié avec le c-te Königsmarck, j'ose aussi à ce titre vous le reccommander tout particulièrement, monsieur le comte.

Si les grandes manoeuvres de Voznéssensk, dont on parle tant, ont effectivement lieu, vous y verrez probablement arriver un autre de mes collègues et mon meilleur ami ici, qui a l'honneur de vous être personnellement connu, c'est l'internonce d'Autriche, baron de Stürmer, qui aspire et se flatte d'obtenir une invitation pour s'y

rendre. Mais avant cette époque vraissemblablement et sans aucun rapport avec les manoeuvres, j'espère moi-même avoir la satisfaction de vous présenter mes respectueux hommages et de présenter ma femme à m-me la comtesse Worontzow. J'ai demandé un congé pour me rendre en Russie, dans le courant de juin, afin de placer sous mes yeux mon fils, agé de 12 ans et demi, dans quelque institut d'éducation, et d'après les promesses précédentes du c-te Nesselrode, j'ai tout lieu d'espérer que ma demande sera favorablement accueillie. C'est dans un mois environ que j'attends une réponse définitive là-dessus.

Le fameux Bell et le cap-t de *Vixen* sont de retour ici, et il m'est revenu que Bell est enchanté de l'accueil qu'on lui a fait en Russie et se loue particulièrement de celui dont vous l'avez honoré à Odessa, monsieur le comte. J'ai tâché, mais sans trop de succès, de recueillir des renseignements ici, pour m'assurer, si le *Vixen* avait eû ou non des munitions de guerre à bord, en quittant Constantinople. Des informations officielles là-dessus ne pouvaient exister que dans la ch-rie Britannique, qui se serait bien gardée de nous en fournir. Mais je suis aussi porté à croire, que Bell a dit vrai, en assurant que non et que vos conjectures, monsieur le comte, sont les plus vraissemblables, c. à d. que ce sont d'autres bâtiments qu'ont pu débarquer de la poudre et des canons; car j'ai appris que vers le mois de novembre, deux bâtimens Anglais, chargés de fusils et d'armes blanches, étaient partis pour la mer Noire, après avoir essayé quelques difficultés pour obtenir leur firmen, qui ne leur a été enfin délivré que sur la déclaration officielle que ces bâtimens se rendaient

à Trébisonde et que les armes devaient de là être envoyées par transit en Perse. Il serait possible qu'une partie de ces armes fussent celles dont il est question dans la déposition du déserteur d'Anapa. Au reste, il est hors de doute qu'Urquhart profane indignement son caractère diplomatique, en se mettant à la tête des plus odieuses et extravagantes intrigues; je viens d'en recueillir des indices curieux et qui m'ont paru assez dignes d'attention, pour en donner l'avis à l'amiral Lazarew, pour l'information de nos croisières, qui au fond auraient besoin d'un bon bateau à vapeur pour être plus efficaces. Je prends la liberté de joindre ici la copie de l'office secret que je lui adresse aujourd'hui par le bateau à vapeur et dont j'envoye une autre copie au vice-chancelier. Mais s'il est vrai que le *Wizard* ose, malgré l'exemple de *Vixen*, hasarder la même équippée, il est sûr qu'il s'en trouvera tout aussi mal pour le moins. Pour ce qui est des canons Turcs, débarqués en Circassie, selon les déclarations du déserteur d'Anapa, il se pourrait encore qu'ils soyent du nombre de ceux que nous avions pris sur les Turcs durant la dernière guerre, et dont on m'assure qu'on a vendu publiquement une partie dans nos ports de la mer Noire à des particuliers qui les ont achetés par spéculation. Je ne prétends pas affirmer que cette particularité soit exacte, mais elle m'a été rapportée par diverses sources. En vous signalant les intrigues d'Urquhart, monsieur le comte, je me félicite de pouvoir y ajouter que je me persuade de plus en plus que lord Ponsomby, tout anti-Russe, est loin de les avoir approuvées et favorisées; bien au contraire, l'ambassadeur n'a pas hésité à qualifier auprès de la Porte son secrétaire d'ambassade de l'épithète *d'extravagant*, qui

ne méritait pas assez de confiance, pour être chargé de la gestion des affaires en son absence, et que c'est pour cela qu'on lui a désigné pour remplaçant sir Ch. Vaughan. On m'assure que celui-ci est un galant homme et *tory* par dessus le marché, mais on ne sait rien encore sur l'époque de son arrivée, et lord Ponsomby ne songe pas jusqu'ici à faire des préparatifs de départ.

En m'étayant des exemples du passé, je me suis avisé aujourd'hui, monsieur le comte, de vous faire hommage d'une provision d'huitres et de choux-fleurs par la voie du pyroscaphe; mais si par hasard vous étiez absent, j'ai prié Levschine de les retenir pour son usage, car ces bonnes choses se gâtent tout de suite, et je me réserverai alors de vous adresser un autre envoi par la prochaine occasion.

24.

Péra, le 30 mars (11 avril) 1837.

Tout en m'empressant de profiter du retour de l'*Alexandre* pour présenter à votre excellence l'hommage de tous mes remerciements pour son obligeante lettre du 18 mars, ainsi que pour l'aimable accueil fait à mon bon collègue le c-te Königsmarck, je ne crois pas que cette lettre-ci vous trouve encore à Odessa. Ce retard est causé par quelques petites avaries essuyées par l'*Alexandre*, qui n'a pu arriver ici que dans la journée du 22, au lieu du 20 et a dû se réparer ici; il est fâcheux que ce beau bateau à vapeur ait débuté ainsi, et il est à espérer que nos pyroscaphes d'Odessa tâcheront de rivaliser dorénavant de régularité avec les bateaux à vapeur Anglais, Autrichiens et Français, qui font la navette entre Constantinople, Trébisonde. Galatz, Smyrne et les ports de la Méditerrannée.

Je vous rends mille grâces, monsieur le comte, pour les plans de poëles destinés pour Halil-pacha; ils sont on ne peut plus détaillés; je vais les lui faire remettre et je suis sûr d'avance combien il en sera reconnaissant.

Je me trouve aujourd'hui dans le cas de solliciter vos bontés et votre appui en faveur d'un autre pacha Turc de votre connaissance, nommément notre ami Ahmet-pacha, le nouveau grand-amiral, qui de-

mande instamment si on ne pourrait pas lui trouver de maître-ouvrier à Odessa pour ses établissements de l'amirauté, auquel il serait prêt à offrir des conditions avantageuses. Je m'étais déjà adressé pour cela à sa demande au p-ce Menchikow et à l'amiral Lazarew, mais on n'a pu trouver d'artisan disponible de cette espèce dans les établissements de la couronne chez nous.

Puisque vous avez bien voulu accueillir avec intérêt les notions relatives aux intrigues d'Urquhart en Circassie, je prends la liberté de vous transmettre ci-joint, monsieur le comte, pour votre information personnelle la copie d'un *отношеніе* secret que je viens d'adresser à ce sujet au g-l Rosen et qui contient quelques détails assez curieux et qui peuvent même être utiles à nos autorités sur le littoral [1]). Je ne sais trop si c'est le g-l Rosen ou le g-l Wéliaminow [2]) qui est le plus particulièrement chargé de la surveillance à exercer de ce côté-là; mais n'ayant jamais été en relation avec ce dernier, qui est, je crois, sous les ordres du g-l Rosen, je n'ai pu m'adresser directement à lui. Je désirerais bien pour ma part que votre propre juridiction et influence, monsieur le comte, s'étendît jusqu'à ces contrés: car alors rien ne m'eût été plus agréable et plus facile que d'avoir à référer directement à votre attention et à votre décision toutes les informations que la mission de Constantinople

---

[1]) Этого отношенія не сохранилось въ архивѣ князя Воронцова. П. Б.

[2]) Баронъ Г. В. Розенъ былъ тогда главнокомандующимъ на Кавказѣ, а И. А. Вельяминовъ завѣдывалъ, подъ его начальствомъ, такъ называемою Кавказскою линіею. П. Б.

aurait à fournir sur ce rapport pour le bien du service. J'ai lieu de croire d'ailleurs qu'Urquhart ne restera plus longtems ici, car on le rappele en Angleterre, à moins qu'il ne veuille désobéir et rester ici pour son compte, après s'être brouillé avec son ambassadeur. Quant à ce dernier, il paraît décidé à rester à son poste, malgré que sir Ch. Vaughan soit déjà arrivé à Malte et ait envoyé un bateau à vapeur de guerre (la Medée) aux Dardanelles, à la disposition de lord Ponsomby, qui à son tour a renvoyé la Medée à Malte, où il veut laisser m-r Vaughan se morfondre indéfiniment. On ne conçoit rien à tous ces ordres et contreordres, excepté que lord Palmerston cherche toujours à brouiller les cartes avec nous et qu'il est bien secondé par lord Ponsomby; toutefois j'espère qu'il n'en sera rien et qu'au moins les Turcs ne se laissent pas entraîner à quelque sottise à la suite des discussions entre l'Angleterre et la Russie sur l'affaire de *Vixen* et auxquelles la Porte aura la sagesse sans doute de rester entièrement étrangère, pour ne pas se compromettre gravement et gratuitement.

Très sensible à votre offre bienveillant, monsieur le comte, de me gratifier de quelques friandises en fait de production de la cara patria, je l'accepte avec reconnaissance et je serai enchanté p. c. *) de recevoir un peu de bon caviar et de *гречневая крупа*, que ma famille et toute notre colonie Russe aiment beaucoup et préfèrent au pillaf musulman.

Il faut que je compte autant que je le fais sur votre indulgente bonté en ma faveur, pour oser donner cours

---

*) Т.-е. par conséquent. П. Б.

à ma lettre aussi griffonnée que celle-ci. Je vous supplie de vouloir bien m'excuser en raison de grand nombre d'écritures que j'ai aujourd'hui à faire pour Pétersbourg.

P. S. Il m'est revenu qu'Urquhart continue jusqu'au bout à faire des intrigues en Circassie et y a envoyé des lettres et des cadeaux à quelques chefs. Le fameux *Bell*, qui était en relation avec Urquhart et passait ici tout son tems chez ce dernier depuis son renvoi d'Odessa, vient de partir pour Trébisonde avec 2 ou 3 Circassiens, apparémment pour pénétrer encore dans les montagnes. Il paraît que Bell n'en a pas assez d'avoir été capturé par nos croisières et qu'il voudrait aussi y joindre l'honneur d'être pris par quelque piquet de nos cosaques pour se faire complettement martyr de la cause de la Circassie.

25.

Péra, le 21 avril (3 mai) 1837.

Si j'ai tardé à répondre à la lettre obligeante dont votre excellence m'a honoré en date du 28 mars, ce retard n'est pas cette fois la faute du bateau à vapeur, mais bien celle de s. h. le Grand-Seigneur, qui s'en est servi pour envoyer les personnes et les effets qui devaient le précéder à Varna. Ce voyage a été décidé tellement à l'improviste que je n'avais pas eu le tems, monsieur le comte, de vous en prévenir par le dernier bateau à vapeur; mais aujourd'hui je me fais un devoir de vous en rendre compte officiellement, attendu que s. h. se dirige presque dans le voisinage de votre jurisdiction. Aussi avait-on répandu ici le bruit qu'il s'agissait d'une entrevue avec l'Empereur, ce qui, à ma connaissance, n'a pas l'ombre de fondement; j'ai cependant mandé sur le champ cette nouvelle à Pétersbourg, c. à d. du voyage du Sultan, pour le cas où l'Empereur jugeât à propos d'envoyer quelqu'un pour complimenter notre allié et ami soit à Roustchtouk, soit à Silistrie; mais je pense qu'on n'aurait pas le tems de le faire, si même on le jugeait à propos.

Vous savez déjà sans doute, monsieur le comte, que lord Ponsomby s'est décidé à ne plus quitter son poste et à renvoyer la frégate à vapeur la *Médée*, venue pour le chercher de Malte, où sir

Charles Vaughan était déjà arrivé et d'où il va, à ce qu'on assure, à Naples pour y attendre de nouveaux ordres. Il faut avouer que les diplomates Anglais se donnent les coudes franches; au moins nous sommes débarassés du diplomate pamphlétaire et avanturier Urquhart, qui a été mandé en Angleterre pour se justifier et qui est parti depuis huit jours, brouillé à couteau tiré avec son chef et sans songer à prendre congé de qui que ce soit.

Nous avons ici plusieurs voyageurs français et autres, et on en attend davantage par les bateaux à vapeur de Marseille dont le premier doit déjà arriver le 3 (15) mai. Le comte Armand de S-t Priest se trouve également ici, toujours regardant la Russie comme sa seconde patrie: il compte partir dans une 15-ne de jours et se félicite d'aller vous présenter ses hommages en Crimée.

Quant à l'époque de mon propre départ, je n'en sais rien de positif et j'attends toujours des réponses de Pétersbourg, d'où je n'ai pas reçu une ligne depuis 6 semaines; en tout cas, il me faudrait bien attendre le retour du Sultan, qui ne reviendra qu'au commencement de juin.

Je n'ai pas besoin, monsieur le comte, de vous assurer de tout le zèle que je mettrai au besoin pour faciliter à Pezzo la réparation du pyroscaphe le *Nicolas* 1-*er* dans les chantiers de l'amirauté Turque. Je suis persuadé d'ailleurs que notre ami Ahmet-pacha s'y prêterait de grand coeur, même sans aucune intervention de ma part, d'autant plus maintenant qu'il est l'obligé de notre compagnie de la mer Noire, dont

il a utilisé le bateau à vapeur *l'Alexandre* pour le voyage du Sultan.

P. S. Je ne saurais assez vous remercier, monsieur le comte, de toutes les informations si complettes, mémoires, plans, règlements etc. etc. que vous avez eu la bonté de me faire envoyer par m-r de Levschine et par le major Sémiakine, relativement aux quarantaines et aux hôpitaux. Je vais m'occuper à faire jouir Halil-pacha de tous ces bienfaits de votre part, et j'espère qu'il saura les apprécier et s'en montrer reconnaissant de la manière la plus conforme à vos intentions bienveillantes, c. à d. en les utilisant au profit de son pays et de l'humanité.

Je prends la liberté, monsieur le comte, de vous soumettre une notice secrète sur les affaires de Circassie basée sur les informations assez dignes de foi et que je crois mériter de fixer votre intérêt. Je viens de le communiquer également au g-l Rosen при *секретномъ отношеніи*.

Имена Черкесскихъ промышленниковъ, по большей части родомъ изъ Анапы и поколѣній Натухай и Абазехъ, торгующихъ невольниками съ Константинополемъ:

Али Буюкъ
Агвай Хаджи *)
Агвай Тагиръ
Борукъ Ибрагимъ
Даудъ Кешисъ
Мегметъ Вели изъ Дагестана

---

*) Сіи два Черкеса служатъ коммиссіонерами нѣкоторымъ пашамъ для привоза невольниковъ.

Гаидаръ Ибрагимъ
Хаджи Бегленей
Хаджи Оглу Саидъ
Ирилоглу Ахметъ *)
Карма Идрисъ
Карма Мустафа
Негму Энохъ
Кимки Османъ
Саидъ Вели
Прамекъ Измаилъ.

Вышеозначенные промышленники имѣютъ въ Черкесіи комиссіонеровъ и плаваютъ туда по два раза въ годъ, именно весною и осенью: для обмѣна на невольниковъ привозятъ изъ Константинополя соль, шелковыя и бумажныя ткани и проч. Въ каждой Турецкой гавани, куда заходятъ на возвратѣ съ Черкесскаго берега, они обязаны платить со всякаго невольника извѣстную пошлину. Поэтому цѣна невольниковъ въ Константинополѣ довольно высока. Многіе изъ жителей Черкесскаго берега имѣютъ подзорныя трубы, частію полученныя отъ Англичанъ въ Константинополѣ. Когда извѣстное число невольниковъ собрано для вывоза, собравшіе ихъ комиссіонеры выжидаютъ на горахъ удобнаго времени и, если на горизонтѣ не видно Русскихъ парусовъ, то выстрѣлами изъ ружей подаютъ сигналъ промышленникамъ, готовымъ идти въ море; сіи послѣдніе немедленно спускаютъ лодки на воду и увозятъ товаръ, пользуясь попутнымъ вѣтромъ. Замѣчательно также, что Чеченцы и другіе горцы, живущіе далѣе отъ Чернаго моря, большею частію продаютъ въ неволю только военноплѣнныхъ, и Черкесскія и Абазинскія племена по берегу Черноморскому довольно рѣдко воюютъ между собою. Рабы и рабыни, отъ нихъ пріобрѣтаемые, обыкновенно продаются по собственному желанію и волѣ родныхъ, иногда же и безъ всякой платы предла-

*) Вскорѣ ожидается сюда изъ Черкесіи.

гаютъ себя къ отвозу на Турецкіе рынки, въ надеждѣ промѣнять горькую нищету на довольство и новый образъ жизни.

За нѣсколько дней передъ симъ пришла сюда лодка съ 13-ю Натухайскими невольниками, воскомъ и медомъ; по сказанію промышленника, она нагружена была въ Абазехъ-Скелеси (пристани Абазеховъ), на пути много терпѣла отъ бури, между Абуна и Геленжика повстрѣчала два Русскіе корвета и два раза возвращалась назадъ къ берегу изъ опасенія быть ими замѣченною. Всѣхъ ладейныхъ пристаней по Черкесскому и Абазинскому берегу, извѣстныхъ промышленникамъ по давнему навыку, считаютъ до 60.

Княгиня племени Бегленейскаго, жена Занъ-Оглу-Саферъ-бея, недавно прислала изъ горъ своему супругу въ подарокъ 17-ти лѣтняго мальчика.

Бывшій здѣсь секретаремъ Англійскаго посольства, г. Урквартъ, отправился наконецъ въ Лондонъ сухимъ путемъ чрезъ Филиппополь и Бѣлградъ; предъ отъѣздомъ требовалъ отъ здѣшнихъ Черкесовъ письменныхъ свидѣтельствъ съ ихъ печатьми въ свою пользу и снова старался увѣрить ихъ, что отсутствіе его будетъ непродолжительно и что онъ вскорѣ воротится для помощи Черкесамъ.

21 Апрѣля 1837.
Константинополь.

26.

Buyukdéré, le 28 mai (9 juin) 1837.

Je m'empresse d'offrir à votre excellence tous mes vifs remerciements pour la gracieuse lettre qu'elle a bien voulu m'adresser le 20 mai, le jour même de son départ pour Pétersbourg, qui était pour moi une nouvelle inopinée. J'ai été d'autant plus sensible, monsieur le comte, à ce témoignage de souvenir et d'intérêt dont vous m'avez honoré, lorsque vous aviez tant d'autres soins et affaires à règler, et j'y ai retrouvé une nouvelle preuve de cette bienveillance invariable qui m'est si précieuse et que je paye de ce dévouement bien sincère que j'ai appris à vous consacrer depuis tant d'années. Vû l'époque assez prochaine de votre retour à Odessa vers la mi-juillet, j'ai lieu d'espérer que cette fois je serai plus heureux qu'il y a 3 ans et que j'aurai l'avantage de vous faire ma cour tout à mon aise, non pas seulement à la 40-ne, mais à Odessa même; car jusqu'à ce moment je suis à attendre encore l'avis officiel de mon congé.

J'avoue même que ce retard commence à m'inquietter, car j'ai entendu parler d'un voyage du c-te Nesselrode à Saratow au mois de mai, et s'il a quitté Pétersbourg avant de prendre les ordres définitifs de l'Empereur sur mon retour en Russie, je crains de n'en recevoir la permission officielle que beaucoup plus tard et d'ètre obligé d'entreprendre mon voyage dans une saison avancée, ce qui serait très pénible avec une famille assez nombreuse. Ce qui me rendrait bien

heureux, c'est de pouvoir partir d'ici, au plus tard, à la fin de juillet ou dans les premiers jours d'août, parce qu'alors j'aurais encore devant moi quelques semaines de beau tems pour le reste de ma route.

J'ai été charmé d'apprendre que l'affaire de *Vixen* paraît s'être arrangée à votre gré et à votre honneur tout à la fois, et j'espère que cette bonne leçon rendra plus circonspects et les armateurs Anglais, et lord Palmerston, leur patron, et mon honorable et tenace collègue lord Ponsomby. D'après mes informations le *Wizard*, qui avait été destiné par le fameux *Urquhart* à faire pendant au *Vixen*, a renoncé à cette périlleuse épreuve et est retourné en Angleterre. Mais le s-r Bell et consors ont imaginé d'envoyer un autre bâtiment Anglais à Sinop et à Trébisonde avec une cargaison de sel et peut-être aussi quelques munitions pour essayer de-là de les faire passer en Circassie, en louant quelques barques de pêcheurs ou caboteurs. À la bonne heure! Il n'en résultera pas de complication politique, et si m-r Bell se fait prendre encore une fois, il peut s'attendre à ne plus trouver un aussi bon accueil chez nous, qu'il s'est vanté de l'avoir éprouvé la première fois.

Le c-te de S-t Priest m'a écrit de la 10-ne pour se répandre en éloges sur celui qu'il a trouvé à Odessa et sur la prodigieuse amélioration qu'il a trouvé dans l'organisation des 10-nes. Je me figure qu'il sera dans de bien plus grandes extases, lorsqu'il verra les agrandissements et les embellissements de la ville même d'Odessa, et la statue du duc de Richelieu le fera, j'en suis sûr, songer à celle que mériterait de son vivant le continuateur de

sa création, aujourd'hui devenue une des plus belles et des plus florissantes cités de l'Europe.

Puisque vous avez bien voulu, monsieur le comte, lire avec quelque intérêt les détails successifs que j'ai eu l'honneur de vous offrir sur le voyage du Sultan (voyage, qui, par parenthèses, est une vraie bagatelle en comparaison de celui que va faire l'Empereur), je crois bien faire en vous soumettant aujourd'hui la copie de l'office que j'adresse à m-r de Levchine sur le retour de s. h. à Constantinople. Ce qui est à regretter, c'est que les dépositaires de son autorité, loin d'imiter l'exemple généreux et bienveillant de leur souverain, ont au contraire vexé et foulé sous main les habitans à l'occasion de ce voyage par suite de ces abus trop invétérés en Turquie pour être aisément déracinés, malgré la bonne volonté du maître. On dit que c'est particulièrement le pacha d'Adrinople qui a commis le plus de vexations en trouvant moyen de les soustraire à la connaissance du Sultan. Du reste, nous sommes ici dans un *calmeplat* parfait en fait d'évènements et nouvelles politiques, et la seule chose qu'on puisse citer, c'est que durant l'absence du Sultan un ordre admirable et la tranquillité la plus parfaite n'ont cessé de règner à Constantinople.

P. S. Vous aurez appris à Pétersbourg, monsieur le comte, que le Sultan aura aussi un représentant militaire aux manoeuvres de Voznessensk et que son choix est tombé sur Férik-pacha, son ambassadeur à Vienne, qui y viendra par terre; m-r de Levchine vous rendra compte sans daute de l'office que je lui adresse à ce sujet.

Списокъ съ отношенія г-на посланника Бутенева г-ну А. И. Левшину отъ 28 мая 1837 г.

Изъ отношенія моего на имя графа М. С. Воронцова отъ 13-го Мая, препровожденнаго къ вашему превосходительству подъ открытою печатью, извѣстны уже вамъ, м. г., подробности о путешествіи Султана до пребыванія е. в. въ Рущукѣ. Полагая, что продолженіе этихъ свѣдѣній можетъ соотвѣтствовать вашему желанію, я вмѣняю себѣ въ удовольствіе, по случаю отсутствія графа Воронцова, сообщить ихъ непосредственно вашему превосходительству.

Выѣхавъ изъ Рущука, гдѣ Султанъ между прочимъ остался чрезвычайно доволенъ образованіемъ земскаго войска (редифъ), е. в. взялъ направленіе прямымъ путемъ чрезъ Балканскія горы на Адріанополь. Переѣздъ чрезъ этотъ хребетъ, благодаря принятымъ заблаговременно мѣрамъ и разработкѣ дороги, не представилъ никакихъ затрудненій. Это покажется тѣмъ замѣчательнѣе, что Султанъ совершилъ все путешествіе, безъ исключенія и Балкановъ, въ каретѣ, запряженной шестью лошадьми. Виддинскій и Рущукскій паши имѣли счастіе сопровождать Султана до границъ ввѣреннаго ихъ управленію края. Спустясь въ Румелійскія долины, е. в. повсюду встрѣчаемъ былъ старѣйшинами городовъ и селъ и привѣтствуемъ съ выраженіями живѣйшей радости всѣми сословіями народа. Проѣздъ по этимъ мѣстамъ высокаго путешественника ознаменованъ былъ тѣми же милостями и щедротами, какъ и въ Булгаріи. Мустафа-паша, правитель Адріанополя, приготовилъ въ этой древней столицѣ Оттомановъ великолѣпное угощеніе Султану. Прекрасное мѣстоположеніе города доставило ему возможность устроить на разныхъ высотахъ прелестные кіоски въ виду разнообразныхъ картинъ природы, которыми по истинѣ умѣютъ наслаждаться жители Востока. По вечерамъ городъ свер-

кали разноцвѣтнымъ освѣщеніемъ, и потѣшные огни привлекали благосклонное вниманіе Султана.

По случаю заразы, существующей между Адріанополемъ и столицею, е. в. съ чрезвычайною скоростію, менѣе чѣмъ въ двое сутокъ, переѣхалъ 44-хъ часовое разстояніе. Наконецъ, 25-го Мая, Султанъ обрадовалъ Константинополь благополучнымъ возвращеніемъ изъ путешествія, продолжавшагося слишкомъ пять недѣль и которое конечно останется памятнымъ въ народѣ по многимъ замѣчательнымъ чертамъ. Громъ орудій нѣсколько разъ утихавшій и снова возобновлявшійся возвѣстилъ съ батарей и съ военныхъ судовъ о прибытіи е. в., и этотъ вожделѣнный день праздновалъ былъ здѣсь на подобіе важнѣйшихъ мусульманскихъ торжествъ. Еще до въѣзда въ столицу Султанъ удостоилъ благосклоннаго пріема знатнѣйшихъ сановниковъ Порты, поспѣшившихъ повергнуть предъ нимъ усердныя свои поздравленія. Здоровье е. в. не потерпѣло ни малѣйшаго измѣненія, и во все продолженіе путешествія усталость казалась невѣдомымъ для него неудобствомъ.

Заключая этими подробностями описаніе столь любопытнаго современнаго событія, нельзя не замѣтить, что оно во многихъ отношеніяхъ представляетъ истинное нововведеніе въ образѣ дѣйствій восточныхъ государей.

Копія съ записки, посланной г-ну вице-адмиралу Лазареву 9 Іюля 1837 г.

Бывшій на шкунѣ Виксенъ суперкаргомъ *Белль* и сотрудникъ Лондонской газеты Morning Chronicle *Лонгвортъ* живутъ въ Черкесіи по близости одинъ отъ другаго. Къ нимъ присоединились позже два другіе Англичанина. Лонгвортъ живетъ въ самомъ Пшадѣ и выдаетъ себя за *диванъ-ефенди* (секретаря), присланнаго Англійскимъ королемъ и парламентомъ для доставленія подробныхъ извѣстій о Черкесскихъ событіяхъ. Белль называетъ себя Англійскимъ посланникомъ; онъ подарилъ Натухайцамъ, Шапсугамъ и Абазехамъ знамя, будто бы также присланное Англійскимъ королемъ и зоветъ оное санджакомъ независимости.

По распоряженію Белля строится теперь шкуна около пристани Абазеховъ; строитель—нѣкто Хаджи-Актоганъ изъ Самсуна.

По заказу Белля доставлено изъ Требизонда на Черкесскій берегъ пороха на сумму около 5000 Турецкихъ піастровъ; порохъ выгруженъ благополучно; а судно, на которомъ онъ привезенъ, схвачено потомъ Русскими крейсерами. Лонгвортъ, купивъ Турецкую большую лодку въ Синопѣ, доставилъ на оной въ Черкесію на 30,000 піатровъ разныхъ товаровъ, какъ-то желѣза, сѣры, Англійскихъ издѣлій и проч.

По внушенію Белля и Лонгворта, Шапсуги, Абазехи, Бжедухи и Каралая (поклонники огня) собрали нѣсколько тысячъ войска для охраненія границы, начиная отъ Каменнаго моста (Ташъ-кёпрю) до Кюль-тепе, въ 6-ти миляхъ отъ Анапы. Но недавно между нѣкоторыми изъ тамошнихъ племенъ происходило междоусобіе и кровопролитіе; ибо изъ числа ихъ, именно Натухайцы, Асламбеки, Дохшукойцы и проч. не соглашались вносить деньги для вооруженія противъ Русскихъ; къ сему несогласію побудили ихъ письма одного изъ находящихся въ Константинополѣ Черкесскихъ депутатовъ Моллы-Мегмета, который совѣтовалъ не вѣрить лживымъ обѣщаніямъ Англичанъ.

Извѣстный своею храбростію въ Черкесіи Айтакъ-Оглу-Джембулатъ, родственникъ князя Саферъ-бея, убитъ изъ ружья однимъ Дагестанскимъ узденемъ за то, что не соглашался идти на шеріатъ (судебную сходку) по требованію Азиметъ-Гирей-султана и зятя его Келимишъ-Оглу-Али-бея. Эта потеря для Черкесовъ весьма чувствительна.

Бжедухами и Абазехами, при ихъ нападеніяхъ на Русскіе гарнизоны по берегу Черноморскому, начальствуетъ нынѣ между прочимъ перебѣжчикъ по имени Соколовъ, бывшій будто бы штабсъ-капитаномъ Моздокскаго горскаго полка и приставомъ при Нагайскихъ селеніяхъ въ Колаусѣ.

Въ прошломъ году г. Уркуартъ послалъ отсюда въ Дагестанъ съ письмами и ложными обѣщаніями возвратившагося изъ Мекки Комукойскаго уроженца Мегметъ-бея, котораго отецъ Карака-

сай-Хаджи-Якубъ былъ извѣстенъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ убійствомъ генерала Лисаневича; между горцами слышно, что означенный Мегметъ бей съ 3000 Дагестанцевъ сдѣлалъ въ минувшемъ Маѣ сильное нападеніе около Кизляра и разорилъ тамъ многія селенія. Но Кабардинцы, живущіе между рѣкою Подкумкомъ и Владикавказомъ и отъ горы Ельбруса до Каменнаго моста и границы Карачая, продолжаютъ быть спокойны и преданы Русскимъ.

Около 370 семей, вышедшихъ три года тому назадъ изъ разныхъ мѣстъ Кабарды и Черкесіи, поселены по Черноморскому берегу Азіатской Турціи, гдѣ занимаются земледѣліемъ и отчасти торговлею съ Кавказомъ. Главныя мѣста ихъ жительства: Требизондъ, Фатса, Самсунъ, Кумджигазъ, Бафра, Мерзефунъ и Синопъ. Уздени ихъ ежегодно путешествуютъ въ Черкесію и вывозятъ невольниковъ для продажи въ Турціи. Для избѣжанія надзора Русскихъ крейсеровъ и Турецкаго начальства они заходятъ большею частію въ небольшія и малонаселенныя пристани, находящіяся въ совершенной безопасности отъ военныхъ судовъ крупнаго размѣра. Такихъ пристаней множество; но семнадцать изъ нихъ особенно знакомы промышленникамъ на протяженіи отъ Анапы до Требизонда, таковы: Анакале, Келедузъ, Набадей (гдѣ живутъ огнепоклонники), Дефиръ, Бермешъ, устье рѣки Коздатъ, Созакъ, Бжедухъ-Скелеси, Болтепе, Тебердейская пристань, около которой старинные серебряные рудники, Пшадъ, Балтакъ, Сизихъ, Абунская долина и проч. Много такихъ же пристаней разсѣяно по берегу между Требизонда и Синопа, напримѣръ: Загана, Гинкелисъ, Лиманкёй, Кадыкёй, Трихала, Платана, Буюкниманъ, Калиманъ, Спраза, Хаджи-Башиль, Карабурунъ и проч. Между сими Кавказскими и Анатольскими пристанями каюки ходятъ еженедѣльно, ибо это плаваніе особенно выгодно для Турецкаго промышленника: одно путешествіе въ Черкесію доставляетъ ему болѣе выгоды, нежели четыре въ Константинополь; мѣняя соль и самыя обыкновенныя издѣлія на воскъ, шерсть и другія статьи, онъ часто получаетъ сто на сто чистаго барыша и почти даромъ продовольствуетъ себя и семью свою. Невольниковъ же выписываютъ сами паши подъ рукою. Можно положить, что изъ Черкесіи вывозятъ ежегодно до 4000 невольпри

никовъ и невольницъ въ разныя мѣста Турціи. У многихъ важныхъ сановниковъ по женамъ есть родственники въ Черкесіи. По это причинѣ контрабандная торговля съ Кавказомъ пользуется скрытнымъ покровительствомъ многихъ изъ мѣстныхъ начальниковъ, не смотря на запрещенія и фирманы Порты. Османъ-пашу Требизондскаго обвиняютъ въ косвенномъ потворствѣ промысламъ такого рода. Братъ его Абдулла-бей самъ занимается контрабандою; въ Синопѣ муселимъ принимаетъ участіе въ торговлѣ невольниками. Но еслибы мѣстное Турецкое начальство даже хотѣло быть строгимъ въ этомъ отношеніи, по всей вѣроятности не могло бы усмотрѣть за каюками и товарами, отправляемыми изъ Анатоліи на Черкесскій берегъ: выгоды промышленниковъ слишкомъ значительны, а способы избѣжать надзора слишкомъ удобны. При томъ въ Турціи какъ извѣстно, нѣтъ ни постоянной береговой стражи, ни средствъ устроить таковую.

27.

Buyukdéré, ce 21 juillet (2 août) 1837.

M-r Lioccho, négociant Autrichien, faisant le commerce de chevaux, ayant déjà fait des envois considérables de chevaux Arabes en Allemange, s'est décidé aujoud'hui, à l'occasion des manoeuvres qui doivent avoir lieu à Voznessensk, d'en faire un envoi semblable dans la Russie méridionale.

Décidé à accompagner cette fois en personne ses beaux coursiers Arabes à Odessa, m-r Lioccho, qui m'a été très particulièrement recommandé par m-r le baron de Stürmer, internonce d'Autriche, aura l'honneur de remettre la présente à votre excellence. Établi depuis longues années à Constantinople, il est très avantageusement noté ici, tant par ses connaissances en chevaux qu'en général par ses qualités honorables, et je me plais à espérer que durant le séjour, qu'il va faire à Odessa, il méritera, monsieur le comte, la haute protection et la bienveillance de votre excellence. Qu'elle daigne recevoir m-r Lioccho avec la même affabilité dont tous les étrangers qui visitent Odessa ne cessent de se louer; mais il sera surtout heureux, monsieur le comte, si, outre cette gracieuse assistance que vous ne refusez à personne, vous vous plaisiez à lui faire éprouver quelqu'intérêt pour le succès de son entreprise.

28.

Buyukdéré, le 29 juillet (10 août) 1837.

Je me hâte d'offrir à votre excellence tous mes remerciements pour la lettre qu'elle a eu la bonté de m'écrire le 22 juillet et qui contenait tant d'informations intéressantes pour moi surtout sur le voyage de l'Empereur dans le Midi, dont je ne connaissais que très incomplettement l'itinéraire. Je vois bien d'après les dates, que, malgré tout mon désir, je devrai me résigner à la perspective non seulement de ne pas voir les manoeuvres de Voznessensk (en ma qualité de *péquin* j'en prends philosophiquement mon parti), mais aussi peut-être de ne plus voir la famille impériale, ni vous-même, monsieur le comte, ni mon excellent chef le vice-chancelier. Je viens, il est vrai, d'obtenir mon semestre avec la permission de partir pour la Russie aussitôt après l'arrivée ici du b-on de Rückmann, qui vient me remplacer comme chargé d'affaires; mais s'il n'arrive pas ici avant le 20 août, jour du départ du prochain pyroscaphe d'Odessa, me voilà reculé de 20 jours ou tout au moins de 10, si le second pyroscaphe Nicolas I-er recommence sa navigation. Or, en partant le 30 août, je n'ai la chance de sortir de quarantaine que le 15 VII-bre, c. à d. lorsque tous les augustes et illustres voyageurs seront en Crimée, où je ne pourrai songer à aller courir avec femme et en-

fants, ayant par-devers moi un long et pénible voyage jusqu'à Pétersbourg dans une saison assez avancée. J'aurais pu m'embarquer sans doute sur la corvette, qui est à la disposition de la mission de Constantinople, mais cette navigation à voiles exclut nécessairement toute précision dans les calculs, soumise comme elle l'est aux éléments inconstans et non à la vapeur. Quoique actionnaire de la compagnie des bateaux à vapeur de la mer Noire, je ne saurais guères prétendre à quelque force, comme p. e. de faire attendre ici le pyroscaphe quelques jours de plus, en contrevention aux règlements et à cette exactitude scrupuleuse qui est l'âme des entreprises commerciales. Mais j'avoue que je ne me consolerai pas aisément de passer encore une fois à Odessa sans avoir la satisfaction d'aller admirer cette belle Crimée que votre bagette magique a tant embellie et surtout sans avoir la satisfaction bien plus grande de vous faire ma cour, bien à mon aise, tandis que j'ai passé tant d'années de ma vie dans le voisinage des belles contrées soumises à vos loix. J'ose espérer, monsieur le comte, que vous ne prendrez pas cette effusion de regrets pour de simples paroles et que vous voudrez bien agréer le sincère hommage des sentiments qui guident ma plume et qui vous sont connus de si ancienne date.

Au nombre des voyageurs qui se rendent par ici aux manoeuvres de Voznessensk il y a plusieurs officiers anglais dont je joins ici la liste, parmi lesquels le c-l *Considim* mérite une mention particulière. Après avoir commandé un régiment de high-landers à Malte, cet officier fut envoyé par lord Palmerston à Constan-

tinople en mai 1836 dans le but de le faire admettre avec quelques autres au service Turc pour prévenir les instructeurs Autrichiens et Prussiens demandés, d'après nos conseils, par le Sultan. La chose a pourtant manquée en partie aussi à cause des prétentions du colonel Considim, qui voulait obtenir le grade de général et un commandement effectif dans les troupes au lieu de la fonction de simple instructeur. Éconduit par les Turcs, C. retourna en Angleterre, non sans avoir attrappé une décoration Turque que lui obtint lord Ponsomby par forme de consolation, et revint ici il y a une couple de mois, mais sans plus essayer (pas du moins à ma connaissance) de se faire employé par les Turcs. Il a fait seulement une excursion dans la Natolie, qui nous fait croire qu'il voulait aller en Circassie; mais de Samboun il s'est rendu, je crois, à Erzeroum, se dirigeant vers le Tauris, le Diarbékir et Bagdad et revint bientôt sur ses pas*) pour entreprendre maintenant le voyage d'Odessa et Voznessensk. Je n'ai pas fait sa connaissance autrement que par un échange de cartes de visites sous les auspices de lord Ponsomby; mais je le crois homme de mérite et de moyens et ne méritant nullement d'être confondu avec des avanturiers tels qu'Urquhart, Bell et Ce. mais digne au contraire d'un bon accueil.

Un autre voyageur, bien plus distingué par son nom et aussi recommandable que possible était sur le point de partir aussi demain pour Voznessensk et que certes j'aurais muni de toutes les recommandations ima-

---

*) Je crois qu'il n'avait pas pousse jusqu'à Bagdad et avat été assez mal reçu au quartier-général Turc de *Sivas*.

ginables: c'est lord Ingestri, fils du comte de Talbot, un des premiers noms de l'Angleterre; il est officier de marine et a quitté sa frégate à Malte, pour voyager avec sa famille en Grèce et en Turquie. Il m'a dit avoir l'honneur de vous être un peu connu personnellement, monsieur le comte, et m'a apporté une lettre du g-l Pozzo que je crois devoir mettre sous vos yeux en original: tant elle lui est favorable. Mais un contretems inopiné l'oblige d'ajourner son départ jusqu'à l'arrivée du *Nicolas*, à bord duquel il voudrait s'embarquer dans l'espoir de voir du moins la fin des manoeuvres. Il est accompagné de sa femme, remarquablement belle, et c'est en général un jeune couple aussi intéressant qu'agréable. Je prends donc la liberté de le recommander éventuellement et préalablement à vos bontés, monsieur le comte, espérant que vous voudriez bien peut-être le signaler aux soins et attentions de la quarantaine et au bon accueil de m-r de Levchine pour lui faciliter les moyens d'arriver à Voznessensk et d'y être reçu convenablement. Par parenthèse il est tory prononcé, et sa femme paraît l'être encore plus que lui.

Veuillez agréer toute ma reconnaissance, monsieur le comte, pour les notions intéressantes que vous voulez bien me transmettre sur l'occupation de quelques points essentiels sur le littoral. Je m'en félicite surtout, puisque l'Empereur entreprend décidément une excursion vers ces côtes fabuleuses dans l'antiquité, inhospitalières de nos jours et qui seront, je l'espère, réduites tôt ou tard à se soumettre à l'influence civilisatrice de l'Empire colossal, qui a le bonheur d'être gouverné aujourd'hui par un monarque à la hauteur

de sa tâche et de son siècle. En revanche je m'empresse de vous soumettre aujourd'hui deux notices en Russe, contenant les diverses informations que j'ai recueillies et transmises au m-re impérial en dernier lieu sur les affaires de la Circassie*). Mais ce que j'ai encore plus de satisfaction à ajouter, c'est que mon honorable collègue, lord Ponsomby, se montre de jour en jour animé de dispositions plus pacifiques et conciliantes, depuis qu'il s'est débarrassé d'Urquhart. J'ai la preuve matérielle que, loin d'avoir su et toléré la nouvelle et inoffensive escapade de *Bell* et de *Longworth* en Circassie, il les déclare hautement pour ce qu'ils sont, c. à d. de méchants brouillons et de ridiculs avanturiers qui prostituent le nom Anglais pour leurs spéculations ou plutôt pour les impuissantes intrigues du parti qui les pousse en avant. Je suis bien content de voir encore, avant de quitter ce pays-ci, cette modification salutaire dans les dispositions et dans l'attitude de lord Ponsomby; nos relations personnelles sont on ne peut plus satisfaisantes et même plus que cela: car de sa part elles sont flatteuses pour moi au plus haut degré. Sans prendre au pied de la lettre ses assurances, elles me paraissent d'un augure favorable pour ses relations futures avec nous; mais je tirerai un augure bien plus favorable et bien plus essentiel encore de l'entrée de lord Durham au ministère, dont on parle depuis quelque tems.

---

*) Этихъ приложенiй не имѣется. П. Б.

Копія съ секретнаго отношенія г. посланника Бутенева къ г. вице-адмиралу Лазареву отъ 30-го Іюля 1837 г.

Дней десять тому назадъ дошелъ до меня слухъ, будто изъ Босфора отправляется на Черкесскій берегъ для контрабандной торговли Англійскій купеческій бригъ *Емма* подъ управленіемъ шкипера Джонсона Тревизера. Со времени взятія шкуны *Виксенъ* подобныя извѣстія неоднократно здѣсь распространялись и оказывались потомъ ложными. Не менѣе того я принялъ возможныя мѣры, дабы узнать вѣрнѣе настоящее направленіе брига *Емма*. По справкамъ оказывается весьма невѣроятнымъ, чтобы это судно пошло возобновить неудачный опытъ шкуны Виксенъ у той части Черкесскихъ береговъ, которая закрыта для иностранныхъ флаговъ. Но куда дѣйствительно отправился бригъ *Емма*, объ этомъ отзывы, мною собранные, не совсѣмъ согласны между собою: одни утверждаютъ, что онъ отплылъ въ Одессу, тогда какъ люди, принадлежавшіе къ экипажу, говорили предъ отходомъ изъ Босфора, что судно *Эмма* назначено въ Требизондъ и Редутъ-Кале. Сколько я могъ узнать, оно нагружено въ особенности Англійскими мануфактурными издѣліями. Судя по нѣкоторымъ признакамъ и прежнимъ примѣрамъ, легко могло бы статься, что помянутыя издѣлія назначаются для тайнаго провоза къ Черкесамъ на Турецкихъ лодкахъ изъ Требизонда или другихъ Анатолійскихъ гаваней.

29.

Buyukdéré, le 9 (21) août 1837.

Après avoir empiété sur les moments précieux de votre excellence par une longue lettre confiée au pyroscaphe, je ne veux pas commettre l'indiscrétion de récidiver par le pyroscaphe d'aujourd'hui. Je me borne donc à dire que lord et lady Ingestri, que j'avais annoncé par ma dernière lettre, s'embarquent aujourd'hui à bord de *Nicolas I-er* pour Odessa avec l'espoir de voir la fin des manoeuvres de Voznessensk et de faire ensuite une excursion en Crimée, d'autant plus que lord Ingestri est officier de marine. Quant au c-l *Considim*, dont j'ai eu l'honneur de vous entretenir fort en détail précédément, j'ai appris qu'il a, je ne sais pourquoi, renoncé à son voyage à Odessa et reste ici. Quant à l'époque de mon propre départ, je suis bien contrarié de ne pouvoir encore en fixer le jour, faute de nouvelles de la part de m-r de Rückmann sur l'époque de son arrivée ici; j'attends cet avis avec impatience. M-r de Levchine m'a engagé en votre nom, monsieur le comte, à faire chercher ici une jolie natte d'Égypte pour servir à tapisser le cabinet de l'Impératrice à Odessa; j'ai fait acheter tout ce qu'on pouvait trouver de mieux ici et j'envoye cette natte par le pyroscaphe de jour, en vous priant de permettre que je me mette ma natte et moi aux pieds de l'Impératrice sous vos auspices et ceux d'Odessa.

30.

Buyukdéré, le 20 août 1837.

J'espérais avoir la satisfaction de répondre de vive-voix à la lettre intéressante que votre excellence a eu la bonté de m'écrire le 12 août, mais cet espoir ne s'est réalisé qu'en partie, c. à d. que, si je reste encore ici pour quelque tems, je me fais précéder par la meilleure et la plus chère partie de moi-même, ma femme et mes enfants, qui partent aujourd'hui sur le bateau à vapeur d'Odessa. La crainte de les exposer à une navigation chanceuse plus tard et l'augmentation de la peste autour de nous me forcent à prendre ce parti; mais j'espère en Dieu que la séparation ne sera pas longue. J'ose recommander ma femme à vos bontés et à votre protection, monsieur le comte, quel que désolant qu'il soit pour moi de ne pouvoir vous la présenter moi-même et vous demander pour elle et aussi auprès de m-me la comtesse Worontzow une partie de cette précieuse et invariable bienveillance dont vous m'avez toujours honoré. Au nombre de ses compagnons de voyage se trouve un jeune officier de marine française le v-te de Chabannes qui a été aide-de-camp de l'amiral Roussin et qui a préféré la voie d'Odessa à celle de Marseille pour retourner en France, espérant en outre voir un peu la Crimée; je prends la liberté de recommander m-r de Chaban-

mes à votre bienveillance, comme un jeune homme intéressant et qui en est parfaitement digne à tous égards. Je n'ose pas abuser de vos moments précieux aujourd'hui plus que jamais en prolongeant ma lettre, et je la termine en prenant la liberté de placer sous vos auspices ma lettre ci-jointe au c-te A. Orlow, que je suppose aussi arrivé à Voznessensk avec l'Empereur.

31.

Buyukdéré, le 30 août (11 VII-bre) 1837.

Le ministre de Prusse, c-te Königsmark, m'ayant remis un pli à l'adresse de s. a. r. monseigneur le prince Adalbert de Prusse, qui, après avoir assisté aux manoeuvres de Voznessensk, devait se rendre ensemble avec S. M. l'Empereur à Odessa et en Crimée, je prends la liberté de le placer ci-joint sous les auspices bienveillants de votre excellence, avec prière de vouloir bien le faire expédier là où s. a. se trouverait.

32.

Buyukdéré, le 30 août 1837.

Je ne saurais assez vivement remercier votre excellence de la lettre qu'elle a eu bonté au milieu de tant d'autres occupations pressantes de m'écrire le 20 août et je m'impose un frein à l'expression de ma reconnaissance pour ne pas empiéter sur des instants aujourd'hui absorbés pas des soins de tout genre. Je prendrai seulement la liberté, monsieur le comte, de recommander à votre protection et à vos bontés le jeune Haltchinsky, un des meilleurs employés de ma mission, que j'ai envoyé dorénavant en courrier à m-r le chancelier et qui est parti sur le même pyroscaphe que ma famille. Si je ne craignais de commettre une trop grande indiscrétion dans un tel moment, j'oserais encore vous demander, monsieur le comte, s'il ne vous serait pas agréable d'avoir pour quelques mois et pour les beaux sites de la Crimée un jeune paysagiste Français en l'huile, de beaucoup de talent, nommé *Mayer*, qui est ici depuis trois ans et qui a enrichi toute notre colonie Européenne de charmantes vues de Bosphore et environs; si ma femme n'était pas en 40-ne, elle aurait pu vous en faire voir des échantillons. D'ailleurs, ce jeune artiste est du plus doux et aimable caractère et il s'est fait aimer ici autant par ses qualités que par son talent. Dans le cas qu'il vous soit agréable de l'avoir à votre disposition pour quelque tems, je pourrais aisément le mener avec moi à Odessa et j'attendrai votre décision pour lui en faire la proposition qu'il accepterait, je pense, avec empressement.

33.

Quarantaine d'Odessa, le 10 (22) octobre 1837.

Il me serait impossible d'exprimer à votre excellence, comme je les éprouve, tous les sentiments de peine et de profonds regrets que me cause la perspective de quitter ces lieux sans avoir le bonheur de vous présenter de vive-voix mes hommages, monsieur le comte, de vous renouveller l'expression des sentiments d'admiration et de dévouement que j'ai appris à vous vouer depuis tant d'années, ainsi que de la double reconnaissance que je vous dois, d'abord pour vos bontés pour ma femme et ensuite pour celles dont j'éprouve ici les effets de la part de m-r de Levchine et de tout le monde, sous les auspices de votre influence tutélaire quoiqu'invisible. On m'avait un moment fait entrevoir l'espoir flatteux que vous (pensiez faire) une courte apparition ici de Cherson vers le 15, et dans ce cas je n'aurais pas manqué de règler mes arrangements de manière à me procurer, ne fut ce que pour quelques instants, l'avantage de vous renouveller l'assurance des sentiments dont je suis pénétré pour celui qu'en ma qualité de bon Russe je regarde comme une des gloires de mon pays, sans crainte d'être désavoué ni par les contemporains, ni par la postérité. Mais à côté de ce tribut dû à l'homme public, je suis fier et heureux d'avoir appris à consacrer aussi personnellement des sentiments de dévouement et de reconnais-

sance envers l'homme privé et, quel que part que je me trouve, ces sentiments réunis resteront gravés dans mon coeur et donneront un nouveau prix au souvenir des relations que j'ai eu l'honneur d'entretenir avec vous, relations qui étaient si essentielles pour ma sphère de service et que votre invariable et affectueuse bienveillance me rendait si chères et flatteuses.

Je sors demain de la 40-ne, dont je viens de constater par ma propre expérience ce que m'en ont dit à Constantinople les princes et les voyageurs arrivés d'Odessa et ce que m'avait déjà dit auparavant mon collègue le c-te Königsmarck. c. à d. que c'est *une quarantaine-modèle* à tous égards. A mon départ de Constantinople la situation des choses là-bas et de nos relations avec la Porte était pleinement satisfaisante et ne laissait rien à désirer. J'espère que cela continuera de même pour la suite, et même le système de politique Anglaise en Orient paraît s'être beaucoup radouci et tempéré. L'ambassadeur Turc était enchanté des revues de Voznessensk et bien reconnaissant de l'accueil dont vous l'avez honoré. L'archiduc et les princes Prussiens viennent d'arriver au moment où je quittais le Bosphore, et j'ai appris que le Sultan leur a fait un accueil aussi courtois qu'empressé jusqu'à leur donner und grand dîner dans son palais, chose inouïe jusqu'ici dans les fastes de l'étiquette Ottomann. Halil-pacha, qui est maintenant, depuis la chute de Perton, le personnage le plus influent de la Porte, m'a chargé de le rappeler à votre souvenir, monsieur le comte, et de vous présenter ses hommages.

34.

Buyukdéré, le 24 octobre (5 novembre) 1839.

Je m'empresse, monsieur le comte, de profiter du bateau à vapeur d'Odessa pour offrir à votre excellence l'hommage de ma vive reconnaissance pour le contenu si bienviellant de la lettre dont elle m'a honoré en date du 11 octobre et pour exprimer la satisfaction non moins vive et sincère que j'ai éprouvé en apprenant votre heureux retour dans les contrées du Midi, heureuses de se trouver sous votre influence tutélaire, et en me trouvant à même de reprendre avec vous, monsieur le comte, ces relations suivies que votre constante bienveillance pour moi me rend si précieuses, sans parler de tout ce qu'elles ont de flatteur et d'honorable pour tout bon Russe à ma place. Ce pays-ci a subi durant votre absence des catastrophes politiques de tout genre, et peut-être même l'Empire Ottoman aurait-il déjà été enterré avec le sultan Mahmoud, dernier météore de la dynastie, sans la loyale modération de l'Empereur et sans le besoin généralement senti de travailler à conserver la paix de l'Europe. Dans l'idée qu'un exposé succint de ce qui s'est passé ici et de la situation actuelle des choses pourrait avoir quelque intérêt à vos yeux, je me fais un devoir de vous soumettre à cet effet la notice ci-jointe uniquement pour votre propre information*).

---

*) Къ сожалѣнію, этого приложенія не имѣется. П. Б.

Nos dernières nouvelles de Vienne annoncent que le baron Brounow a quitté Londres pour se rendre à Stuttgart en allant voir en passant le p-ce Metternich à Johannisberg, et il paraît donc que sa mission a décidément été contrecarrée par la France et par l'hésitation du ministère Anglais; or, comme l'Angleterre craint d'agir sans la France, et que celle-ci ne veut pas du tout agir pour *forcer* Mehmet-Ali à souscrire à un accommodement raisonnable avec la Porte, on ne sait trop comment et quand se terminera l'affaire, à moins que la Porte et le pacha n'aient le bon esprit de s'arranger entre eux, sans intervention Européenne. J'avoue que pour ma part je le désirerais, ne fut ce que pour voir mettre un terme aux indécisions et aux perplexités et peut-être pour voir accélére celui de ma résidence dans ce pays, dont je suis bien las et désireux d'en sortir.

35.

Péra, le 11 (23) mars 1810.

Je prends la liberté d'ajouter quelques lignes en particulier à la lettre de recommandation officielle que le baron de La-Chapelle aura l'honneur de faire parvenir à votre excellence de ma part, et c'est pour confirmer en tous points les témoignages favorables que je lui y ai donnés. Ancien député, ami et compatriote de m-r de Lowertin, m-r de La-Chapelle me paraît un homme sensé et recommandable sous le rapport du caractère et des principes, ce qui n'est pas si commun surtout en France par le tems qui court. Il voulait d'abord prendre la route de Trébisonde et de Redoute-Kalé, mais effrayé de la difficulté de cette voie il a, je crois, bien fait de préférer celle d'Odessa où il espère trouver des facilités pour poursuivre par terre son voyage à Tiflis. Il y réussira sans nul doute, si vous daignez, monsieur le comte, l'honorer de votre puissante coopération et de votre bienveillant intérêt.

36.

Péra, le 26 mars (7 avril) 1840.

C'est par le dernier bateau à vapeur, arrivé le 19, monsieur le comte, que j'ai eu l'honneur de recevoir la lettre que votre excellence a bien voulu m'adresser en date du 5 et qui devait partir par un bâtiment à voile. Veuillez agréer l'hommage de ma reconnaissance pour les diverses informations intéressantes contenues dans cette lettre, ainsi que pour les nouveaux envois de productions de la *cara-patria*, dont vous avez eu la bonté de nous gratifier et qui me sont parvenues par le pyroscaphe. Je profite aujourd'hui de cette même voie pour prendre la liberté de vous offrir une petite provision de choux-fleurs, sans autre accompagnement pour cette fois, vû que la saison des huîtres commence à passer et que celle des bons artichauts n'est pas encore tout à fait établie. En général l'hiver a été chez nous plus long et plus rigoureux que de coutume et quoique le jeune Sultan et sa cour se soyent déjà transportés dans leur résidence d'été, je n'espère pas pouvoir pour ma part suivre cet exemple avant la fin d'avril pour aller nous établir à Buyukdéré. Nous espérons aussi y avoir vers la fin de mai la visite de ma belle-mère, la c-sse Chreptowitch, qui vraisemblablement passera par Odessa et que je prends la liberté de recommander éventuellement à votre protection et

à votre bienveillante influence pour effectuer son voyage vers le Bosphore.

Quant aux affaires politiques et à l'interminable question Turco-Égyptienne, nous sommes toujours à en attendre la solution de Londres, où les négociations se poursuivent, mais sans arriver jusqu'ici à aucun résultat positif. Je viens de recevoir des nouvelles directes du baron Brunow du 10 mars n. st., qui se lamente sur les délais et les hésitations du cabinet Anglais, qu'il a vainement cherché à combattre, bien qu'il ait réussi d'ailleurs à établir les meilleurs et les plus confiants rapports avec lord Palmerston. Celui-ci, s'appuyant du concours et de la franche adhésion des deux cours impériales, ne veut pas se départir de son plan de restreinde le pacha à l'Égypte, en restituant la Syrie et Candée à la Porte, et de le forcer à se soumettre à ces conditions au moyen de mesures coercitives; mais il veut que ces mesures soient adoptées à l'*unanimité* par toutes les puissances, la France y comprise, et se flatte d'y amener celle-ci à force de persévérance. Le changement de ministère et l'avènement de m-r Thiers au pouvoir semblent avoir fait naître des chances d'espoir de plus; mais on attendait encore que m-r Thiers se prononçât sur le parti qu'il voudrait suivre dans la question de l'Orient, aussitôt qu'il se serait un peu raffermi en selle, lui-même, et Brunow espérait que ces incertitudes seraient dissippées avant la fin de mars, de manière à savoir à quoi s'en tenir sur la marche de la France. Il ignorait encore, lorsqu'il en écrivait, sa nomination au poste de ministre à Londres, qui l'aura naturellement flatté et enchanté au dernier point; c'est en effet un pas im-

mense dans sa carrière, mais qu'il justifie par ses talents incontestables, et pour sa part l'affaire d'Égypte lui a déjà valu un résultat et un triomphe personnel, qui le dédommageront amplement de ses allées et venues et de ses tribulations. Je suis persuadé, monsieur le comte, que vous aurez appris avec un bienveillant intérêt ces succés de votre ancien subordonné d'Odessa et je m'en suis réjouis sincèrement pour lui.

Pour ce qui est de la Sublime Porte, elle se résigne à attendre avec confiance les décisions de Londres et a dernièrement décliné d'une manière péremptoire des offres d'accommodement direct que lui avait fait Mehmet-Aly (sous l'inspiration de la France probablement), qui avait assaisonné ces offres de fortes protestations de soumission et de dévouement au jeune Sultan, mais toutefais sans rabattre la moindre parcelle de ses prétentions premières. En attendant les ministres Turcs continuent à se livrer avec plus d'ardeur et de vains... *) que de prudence à leurs réformes et innovations intérieurs. Ils font tenir des discours du trône au jeune Sultan dans le nouveau Conseil, ils y répondent par des espèces d'adresses. ils s'occupent à lui assigner une liste civile et en un mot travaillent en aveugles à la prétendue régénération de l'Empire par des articles de gazettes et des paroles, tandis que les actes et les faits restent tout aussi incohérents et arbitraires que par le passé. Je crains bien que m-rs les novateurs n'arrivent à un résultat tout différent de leur but, si les choses continuent longtemps à aller de même train.

---

*) Одно слово не разобрано. П. Б.

Je vous suis bien reconnaissant, monsieur le comte, des informations que vous voulez bien me promettre de me communiquer sur les projets d'amélioration du chenal de Souliné et je les attendrai avec autant d'intérêt que les questions et notions que vous avez eu la bonté de m'annoncer précédemment relatives à la question des quarantaines, qui occupe beaucoup les Turcs, sans qu'ils sachent jusqu'à présent la bien comprendre. Si je ne craignais d'être indiscret, j'oserais vous prier d'avoir la bonté de joindre à ces notions un ou deux exemplaires de nos derniers réglements de 40-ne pour pouvoir en besoin en offrir le modèle ou du moins la substance à m-rs les effendis de Constantinople.

J'ai mille grâces à vous rendre pour les indications relatives à l'affaire des avaris, occasionnés par notre pyroscaphe (qui a l'honneur de porter votre nom) à un navire Génois. La mission de Sardaigne n'est pas revenue à la charge auprès de moi pour réclamer une indemnité; mais si le cas arrivait, je me conformerai à vos instructions, monsieur le comte, soit en tâchant d'assoupir ici l'affaire par de bonnes raisons, soit en référant à votre décision, en cas que je ne puisse faire autrement.

Il me tarde bien de voir finir cette fastidieuse affaire d'Égypte par un arrangement quelconque; car alors j'espère qu'on me permettra de rappeler la promesse qu'on m'a faite il y a deux ans à Pétersbourg de me tirer enfin de ma position et de mon séjour ici, dont je suis las depuis bien longtems, après y avoir passé 14 à 15 années de ma vie. S'il dépendait de

moi de choisir une modeste retraite, mon choix ne serait ni long, ni douteux: une petite maison de 50 à 60 m. r. à Odessa pour l'hiver et un petit jardin de quelques arpens sur la côte méridionale de Crimée pour l'été; voilà les sauhaits que me dicteraient mes goûts et surtout mon vif désir de pouvoir une fois dans ma vie passer quelque tems auprès de vous, monsieur le comte, et vivre sous vos loix. Mais hélas, surtout lorqu'on n'a pas une situation indépendante. *Не такъ живи, какъ хочется, а такъ живи, какъ Богъ велитъ.*

37.

Péra, le 28 mars (9 avril) 1840.

M-r Casanova, jeune artiste de Paris, qui aura l'honneur de présenter à votre excellence ces lignes de ma part, est venu en voyageur dans ce pays-ci, de passage pour la Perse, d'où il se propose de visiter la Géorgie et la Russie méridionale, pour enrichir d'avantage son portefeuille de dessins, de costumes, figures et paysages. Il travaille aussi au portrait, et quelques ouvrages faits avec succès dans ce genre, durant son court séjour à Constantinople, m'ont encouragé a prendre la liberté de le munir de cette lettre d'introduction auprès de votre excellence, dont la protection éclairée et généreuse en faveur des artistes est bien connue partout.

38.

Péra, le 9 (21) avril 1840.

J'ai eu l'honneur de recevoir, monsieur le comte, par le dernier bateau à vapeur la lettre de 26 mars que vous avez eu la bonté de m'écrire en partant pour la Bessarabie, ainsi que la note y jointe sur la question du curage *du Souliné*, pour la communication de laquelle je vous prie d'agréer l'hommage de ma reconnaissance. J'y ai vu combien de difficultes de tout genre vous avez eu à vaincre, monsieur le comte, dans les sommets du gouvernement, avant d'être parvenu à faire admettre en principe la nécessité indispensable d'une mesure de cette importance, à laquelle les intérêts de notre propre commerce et des principautés du Danube, placées sous notre protection, et même la dignité de la Russie au dehors sont également intéressés. Le commerce Autrichien n'est pas le moins actif à s'agiter à ce sujet, et en attendant que les compagnies de Vienne puissent réussir ou non à faire creuser un canal de Danube à la mer Noire, qui porterait un grand coup à la navigation de Souliné et par conséquent au commerce des ports Bessarabes, Moldaves et Valaques, on a déjà ouvert une route par terre de Kustendjé au Danube, et les bateaux à vapeur Autrichiens alternent désormais, en se rendant d'ici une fois la semaine à Galatz et l'autre semaine à Kustendjé. Il est vrai qu'il n'y a guères que les voyageurs qui pourront profiter de cette route et non les marchandises, faute de moyens de transport suffisant; mais il

est propable que la chose s'arrangera aussi avec le tems: car tandis que notre pauvre compagnie des bateaux d'Odessa ne travaille jusqu'ici qu'avec perte depuis 10 ans (j'en sais quelque chose, comme actionnaire), la compagnie des bateaux de Danube réalise déjà depuis deux ans d'existence de très grands bénéfices, et ses actions sont toujours en hausse. En tout état de cause, puisque vous voulez bien m'y encourager, monsieur le comte, je prendrai la liberté de joindre aussi ma faible voix aux autres, en signalant à l'attention du comte Nesselrode les réclamations, qui me parviennent de toutes parts, au sujet de l'ensablement de Souliné, bien que je sois convaincu qu'il partage entièrement votre manière de voir et qu'il juge la question en homme d'état supérieur et dégagé de préoccupations secondaires.

J'ai également eu l'honneur de recevoir auparavant votre lettre du 16 mars, m-r le comte, accompagnée d'un tableau des revirements du port d'Odessa pour l'année 1839, que j'ai parcouru avec la satisfaction la plus vive et avec un sentiment d'orgueil national, en voyant l'essor vraiment merveilleux que prennent le bien-être, l'industrie et le commerce de nos provinces du Midi, qui étaient des steppes stériles il n'y a pas un demi-siècle, et leur brillante capitale *Odessa*, qui n'existait pas du tout alors. En comparant ce tableau avec les tablettes successives, rapportées dans les intéressants ouvrages de m-r Scalkovsky (l'historiographe de la Nouvelle Russie), il est aisé de voir quels immenses progrès ont fait et font encore tous les jours ces contrées depuis l'année 1823, qui formera toujours une ère si mémorable dans leur histoire.

Dans ma dernière lettre du 29 mars j'ai eu l'honneur de vous rendre compte de nos dernières nouvelles de Londres, d'où nous appelons toujours de tous nos voeux la solution de la question Turco-Égyptienne. Les pauvres Turcs l'attendent surtout avec une anxiété bien naturelle dans leur position. Il y a quelques jours que, par une innovation sans exemple, le jeune Sultan a tenu cercle diplomatique à son nouveau palais de *Tchirogan*, et a cette occasion il nous a adressé quelques paroles obligeantes (probablement préparées par ses ministres), en nous exprimant tout le prix qu'il attachait à l'amitié et à la sollicitude en sa faveur des grandes puissances et la confiance qu'il plaçait dans leur appui. L'ambassadeur de France a eû, comme nous, sa part à ce compliment, bien que son gouvernement n'ait pas beaucoup fait jusqu'ici pour le mériter, et m-r Thiers, tout partisan qu'il soit de l'alliance Anglaise, a fait à la tribune la même profession de foi politique que ,ses dévanciers sur la question d'Orient, savoir que la France voulait *a la fois* maintenir l'Empire Ottoman et protéger Mehmet-Aly, c. à d. voulait concilier l'eau et le feu. Mais je commence à craindre que, tandis qu'on délibère à Londres sans rien conclure, l'ambition et l'exaspération de Mehmet-Aly en viennent précipiter la catastrophe. Tout dernièrement, en réponse à un langage très menaçant du consul Anglais Rodger, le vieux pacha a eu l'insolence de replacer, comme amiral-gen-l des flottes Égyptienne et Turque, un nommé filou *Ahmet-pacha*, qui avait trahi le Sultan et qui venait d'être, six semaines auparavant, formellement destitué et remplacé par s. h. de son autorité souveraine. Cet acte odieux et qui en est un de rébellion a consterné les Turcs, qui craignent

d'y voir un indice de quelque prochaine agression de la part de Mehmet-Aly; car jusqu'ici il avait affecté d'employer un langage de soumission et d'obéissance envers le Sultan, tout en insistant sur ses demandes. Maintenant qu'il lève le masque, il pourrait bien, en effet, se porter à quelque coup de tête, si les puissances ne s'accordent bientôt pour lui imposer un frein salutaire. Au lieu d'envoyer une escadre contre le pauvre roi de Naples, l'Angleterre aurait mieux fait de la diriger sur Alexandrie ou la Syrie.

Nous avons été enchantés d'apprende, monsieur le comte, que m-me la comtesse de Woronzow se propose enfin de faire une excursion à Constantinople, et ce sera un devoir bien agréable pour ma femme et moi de lui faire, de notre mieux, les honneurs de Bosphore. Ma femme aura seulement quelque regret de ne pouvoir être un *cicerone* aussi agile qu'elle l'aurait désiré pour m-me la comtesse Worontzow, attendant, comme elle fait, ses couches vers le mois de juin, à la suite d'une grossesse qui a été assez pénible. Mais en revanche moi et *la mission, et la nation* (comme on dit ici), nous nous mettrons en quatre pour être aux ordres de m-me la comtesse Worontzow, et mes amis les Turcs s'empresseront, je suis sûr, de me seconder à l'envie Veuillez, monsieur le comte, disposer de moi et me donner vos ordres pour tous les arrangements qui seraient agréables pour l'illustre voyageuse et sa société, par exemple pour prendre et préparer une maison, soit en ville ou à la campagne, ou tout autre arrangement quelconque. J'attendrai avec impatience vos ordres et commissions à ce sujet, pour m'en acquitter avec le zèle le plus conforme à mes sentiments de reconnaissance et de dévouement pour votre personne.

En vous offrant tous mes vifs remerciements pour les derniers envoies de friandises de la *cara-patria*, je prends la liberté d'y répondre aujourd'hui par une provision d'artichauts de Bosphore.

Daignez, monsieur le comte, excuser avec bonté ce grimoire.

P. S. Si m-me la comtesse de Worontzow avait l'intention de faire des cavalcades ici durant son séjour, ma femme sera heureuse d'avoir deux selles à l'Anglais à lui fournir. En fait d'équipages, les bateaux sont les plus usités, et les miens seront à ses ordres, de même qu'une petite *Wurst* de Vienne.—Depuis avant-hier nous avons ici le jeune prince des Pays-Bas, fils cadet du prince d'Orange, venu à bord d'une belle frégate hollandaise. Son a. r. se propose de faire quelque séjour, et on attend également l'archiduc Frédéric, également officier de marine, comme le prince Henri.— Parmi les passagers qui se rendent par le bateau à vapeur à Odessa, se trouve un jeune comte Lambert, fils de l'aide-de-camp g-l, qui quitte l'Italie et la Grèce pour aller faire la guerre au Caucase. Le gentilhomme de la ch. Oustinow, attaché à ma mission, se rend aussi en Russie avec des dépêches, et jai pris le liberté de le munir d'une lettre d'introduction auprès de vous, monsieur le comte. C'est un fort aimable garçon, plein de talents divers, et son départ est une perte pour notre cercle; il emmène avec lui un artiste Napolitain de première force sur la guitarre et en même tems maître de chant, nommé Piccioli; mais je suppose qu'il restera trop peu de tems à Odessa pour s'y faire entendre.

39.

Péra, le 23 avril 1810.

Je m'empresse de vous offrir, monsieur le comte, l'hommage de ma reconnaissance pour les informations intéressantes, contenues dans la lettre que vous avez eû la bonté de m'écrire le 13 (25) avril et qui m'est parvenue deux jours avant un nouveau malheur domestique qui nous a frappé. Ma pauvre femme, sans aucun accident ni cause préalable, a accouché deux mois avant terme d'une pauvre petite fille morte en venant au monde. D'apres l'avis du médecin j'ai dû cacher ce malheur à la pauvre mère, en lui disant seulement que l'enfant était troup chétif et délicat pour lui être présenté et qu'elle le verrait dans quelques jours, lorsqu'il serait un peu remis et elle-même plus forte. Grâces à cette illusion et aux soins des médecins, la santé de ma femme commence à se rétablir et à calmer mes vives appréhensions du premier moment; mais je redoute l'instant, où elle apprendra la triste vérité. Il ne faut rien moins que la flatteuse assurance, où je suis, monsieur le comte, de votre bienveillant intérêt à notre égard, pour m'enhardir à vous entretenir de mes afflictions domestiques.

J'ose même réclamer avec confiance une nouvelle preuve de vos bontés, en prenant la liberté de placer sous vos auspices les deux lettres ci-jointes: l'une

pour être expédiée à Bechenkowitchi au c-te Chreptowitch et l'autre pour être remise à la comtesse Chreptowitch, ma belle-mère, lorsqu'elle arrivera à Odessa, pour venir nous rejoindre. Elle sera cruellement désappointée dans son espoir de venir assister aux couches de sa fille; aussi n'ai-je pas osé lui annoncer tout d'un coup la triste nouvelle en entier, en m'attachant principalement à la rassurer sur la santé de ma femme. Diagnez, monsieur le comte, excuser avec indulgence ces importunités de ma part en considération des douloureuses circonstances qui me portent à invoquer votre bienveillante entremise. Accoutumé, comme j'ai dû l'être, à me soumettre aux plus sensibles épreuves envoyées par la Providence, j'implore de Sa miséricorde le prompt rétablissement de ma femme et j'espère en la bonté de Dieu, que je pourrai dans un mois la conduire à Buyukdéré, où l'air de la campagne contribuera à la remettre autant que se peut.

Conformément à vos intentions, je me suis déjà occupé à chercher et réussi à trouver une maison bien conditionnée, tout près du palais de Russie, pour m-me la comtesse de Worontzow et où tous les arrangements nécessaires pour sa réception seront arrêtés et terminés au premier avis sur l'époque de son arrivée. Si toutefois ce logement ne lui plaisait pas, tout le palais de Russie serait à ses ordres; car je ne puis guères songer à transporter ma femme à Buyukdéré avant les derniers jours de mai. Mais cette circonstance ne me privera nullement de l'honneur d'être aux ordres de madame la comtesse de Worontzow et de lui offrir mes zélés

services pour exploiter les curiosités de Bosphore avec toutes les facilités en mon pouvoir, jointes aux soins empressés que Halil-pacha et les autres ministres Turcs m'ont déjà annoncé vouloir déployer en l'honneur de l'illustre voyageuse. J'espère qu'elle choisira de préférence *le Nicolas I-er* pour sa traversée aulieu de *la Néva*, qu'on m'assure n'être pas aussi bien conditionnée en fait de machines; il me paraît aisé de changer le tour de rôle entre les deux pyroscaphes.

La Néva, qui part aujourd'hui, emporte entre autres passagers le respectable vétéran c-te Lambert, un des héros de l'année 1812, qui va rejoindre et donner sa bénédiction à son fils, intéressant jeune homme, qui se prépare à faire la campagne de Caucase.

Daignez, monsieur le comte, m'excuser, si, tristement préoccupé, comme je le suis, je ne vous parle pas d'affaires politiques

Bien reconnaissant des provisions que vous avez eu la bonté de m'envoyer encore, je prends la liberté de vous en offrir une petite réciprocité en artichauts du pays.

P. S. Le duc de Maillé, ayant quitté Constantinople pour se rendre en Italie, la veille de l'arrivée de bateau à vapeur d'Odessa, j'ai recommandé aux soins de m-r l'ambassadeur de France, mon obligeant collègue, la lettre que vous avez bien voulu, monsieur le comte, me transmettre pour m-r de Maillé.

———

40.

Péra, le 5 mai 1840.

J'ai eu l'honneur, monsieur le comte, de recevoir la lettre du 24, que vous avez eu la bonté de m'écrire et je m'empresse d'y répondre que tous les arrangements nécessaires pour la réception et le logement du m-me la comtesse Worontzow seront pris, soit qu'elle veuille honorer de sa personne le palais de la mission à Buyukdéré, soit qu'elle préfère descendre chez m-me Franchini. En outre, me trouvant aujourd'hui dans le cas d'envoyer, avec mes dépêches au c-te Nesselrode, le bateau à vapeur militaire l'*Étoile Polaire*, qui doit retourner sans retard ici, je me fais un agréable devoir de mettre ce pyroscaphe à la disposition de m-me la comtesse Worontzow pour son voyage à Constantinople. M-r Paul Pisani, qui aura l'honneur de vous faire parvenir cette lettre, monsieur le comte, dès votre retour de Crimée, aura aussi celui de vous offrir toutes les informations nécessaires sur ce bateau à vapeur, placé à la disposition de la mission de Constantinople.

Daignez, monsieur le comte, excuser le griffonage et le désordre de cette lettre: depuis 8 jours je suis en proie aux plus cruelles allarmes sur la santé de ma pauvre femme, tombée dangereusement malade à la suite de ses malheureuses couches. Je place ma confiance en Dieu, puisse-t- Il m'épargner de nouveaux malheurs plus grands que les autres.

41.

Buyukdéré, le 4 (16) juin 1840.

Je m'empresse, monsieur le comte, de profiter du départ de m-me la comtesse de Worontzow pour vous renouveller, ainsi que j'ai pris la liberté de le faire envers elle-même, l'expression de ma confusion et de nos plus vifs et sincères regrets, à ma femme et à moi, de ce que nous ayons été malheureusement hors d'état de rien faire pour l'agrément de son séjour sur le Bosphore, dans la seule occasion, que j'aurais eue dans ma vie, de vous prouver, monsieur le comte, quelque faible partie des sentiments de respect, de dévouement et de reconnaissance que je vous ai voué depuis tant d'années. Aussi, si m-me la comtesse de Worontzow emporte quelque souvenir favorable de son séjour et de l'accueil dont elle a été l'objet à Constantinople, ils ne seront dûs qu'au nom qu'elle porte, à la renommée et à la vénération dont votre nom est ici l'objet et enfin à l'expression infaillible de sa gracieuse influence personnelle. Tous ceux qui ont eu l'honneur de la voir, à commencer par le Sultan et ses ministres, et toute notre colonie Européenne se sont montrés à l'envie désireux de lui complaire et jaloux de lui laisser un souvenir avantageux de son apparition sur le Bosphore. Le pauvre Halil-pacha a été désolé de ne pouvoir y concourir pour son part, et il semble, que son ancien patron, Hosrew, n'ait attendu que le moment de payer son tribut de respect

et d'hospitalité à m-me la comtesse de Worontzow, avant de s'éclipser de la scène, pour partager la disgrace de Halil En revanche, Rechid-pacha, le principal ministre aujourd'hui, a redoublé d'empressement et de courtoisie pour donner à l'accueil, qu'a reçu ici m-me de Worontzow, un caractère d'attention recherchée et d'égards jusqu'ici inouîs dans ce pays-ci. Quant à moi, j'ai même été privé de la consolation de pouvoir du moins contribuer à la commodité de sa traversée jusqu'à Odessa, en mettant à ses ordres *l'Étoile Polaire*, qui aurait pû en même tems porter mes dépèches au c-te Nesselrode. Mais les scrupules de délicatesse et l'empressement de m-me la comtesse de Worontzow de partir au jour fixé pour vous rejoindre, monsieur le comte, lui ont fait, à mon grand regret, décliner l'offre que j'avais pris la liberté de lui adresser, et j'étais destiné à avoir la mortification de ne pouvoir réaliser la moindre partie des intentions et des voeux que m'inspiraient mes sentiments, comme mes devoirs, dans cette conjoncture. Daignez, monsieur le comte, m'en plaindre et ne pas me retirer votre ancienne et précieuse bienveillance pour ces manquements involontaires que je déplore si sincérement.

Ma femme a essayé d'exprimer elle-même à m-me de Worontzow ces mêmes sentiments qu'elle partage avec moi et m'a chargé d'en être l'interprète auprès de vous, ainsi que de sa reconnaissance pour l'intérêt si bienveillant que vous avez bien voulu témoigner pour sa maladie. Ma belle-mère, la comtesse Chreptowitch, me charga également de vous présenter ses hommages et ses regrets de ne pas avoir eu l'hon-

neur de vous trouver à Odessa: elle me charge également de vous adresser l'instante prière de vouloir bien donner vos ordres à m-r le gouverneur d'Odessa ou à m-r de Fabre, afin que son mari, le c-te Chreptowitch, qui se proposait de venir la rejoindre au mois de juillet, puisse obtenir à Odessa les facilités et les passeports nécessaires pour se rendre à Constantinople. J'ose de mon côté appuyer cette prière de mes très humbles instances.

L'Empereur ayant eù la gracieuse bonté de m'accorder le congé que j'avais sollicité pour conduire ma femme aux eaux d'Allemagne ou d'Italie, indispensables à son rétablissement, nous comptons partir dans trois semaines pour Malte, dont la 40-ne est la meilleure, et de là nous rendre aux eaux de Pise ou de Lucques. La saison de celles d'Allemagne finissent trop tôt, pour que nous puissions y arriver à tems, sans quoi j'aurais été bien heureux de l'espoir de pouvoir vous présenter mes hommages à Carlsbad. C'est mon beau-frère Titow qui me remplace comme chargé d'affaires, et je prends la liberté de vous supplier, monsieur le comte, d'étendre à mon remplaçant une partie des bontés que vous avez pour son frère, placé sous vos ordres.

P. S. Je vous rends mille et mille grâces pour les nouvelles que vous avez bien voulu me faire parvenir par m-me la comtesse de Worontzow sur nos affaires en Circassie. Dieu veuille qu'elles ayent un succès qui efface les fâcheux revers essuyés en printems.

---

28 oct. № 463.

Письмо барона Ливена къ графу Воронцову.

Buyukdéré, le 8 (20) octobre 1840.

L'état dangereux dans le quel se trouve aujourd'hui m-me de Titow, après ses couches, excuseront aux yeux de votre excellence notre chargé d'affaires de ne pouvoir lui-même aujourd'hui communiquer les renseignements qui peuvent vous intéresser, monsieur le comte. Veuillez permettre que je m'en charge.

Les dernières nouvelles de la Syrie nous sont arrivées le 6 (18) du courant, et j'ai l'honneur d'en présenter ci-joint l'extrait à votre excellence. Les forces alliées ont eu un succès complet, et on peut regarder la Syrie comme perdue pour Mehmet-Aly. Les alliées ont actuellement de fortes positions et des quartiers d'hiver commodes sur la côte de la Syrie. Les évènements y ont marché si vite que les commandants des forces alliées n'avaient pas encore arrêté un plan pour les opérations ultérieures. L'état déplorable de l'armée d'Ibrahim ne permet plus de présumer qu'il puisse avancer dans l'Anatolie, quoiqu'il doit avoir énoncé avec jactance un projet semblable, comme dernier moyen désespéré. Je suis convaincu qu'Ibrahim, franchissant même le Taurus, n'avancerait pas beaucoup avec une armée démoralisée, coupée de ses ressources et manquant de tout.—Depuis quelque tems l'ambassadeur de France tient un langage beaucoup plus calme. Tout dépendra actuellement de l'effet qu'auront produit à Paris les nouvelles de la destitution de Mehmed-Aly et du premier débarquement des alliées sur les

côtes de la Syrie. Si ces nouvelles n'auront pas produit du premier moment quelques mesures extravagantes, alors les succés des alliées finiront par calmer les esprits. La Porte ayant expédié encore des troupes en Syrie y a maintenant 10 m. hommes. Le gouvernement Turc s'occupe activement à expédier incessament encore des troupes. Le vieux Émir-Béchir, en voulant embrasser la cause du Sultan, a prouvé à quel point celle de Mehmed-Aly en Syrie était affaiblie, car il ne s'est jamais rangé du côté du plus faible. Son influence sur les montagnards avait de beaucoup diminué dans les derniers tems, depuis que les vexations et sacrifices qu'ils ont dû endurer de tous côtés n'étaient que les suites de la duplicité du vieux Émir, qui tantôt les livrait aux maîtres de l'Égypte, tantôt au gouvernement de Sultan.

Notre bateau à vapeur, le *Силачъ*, est arrivé ici pour relever l'*Étoile Polaire*, qui doit être de retour des côtes de la Syrie le 11 ou le 12 de ce mois, et qui retourne à Sévastopol. Jamais le gouvernement Turc n'a montré tant d'activité et de fermeté qu'actuellement. Rechid-pacha en a toute la gloire, car c'est lui qui fait tout marcher par son zèle et sa capacité. Les quatre représentants continuent à agir de l'accord le plus parfait, ce qui inspire la plus grande confiance à la Porte. — La blessure d'Izzet-pacha, dont les journaux de Smyrne parlent, n'est d'aucune conséquence, comme il l'écrit lui-même à Rechid-pacha.

Je suis avec und profond respect, monsieur le comte, de votre excellence, le très humble et très obéissant serviteur colonel baron de Lieven.

№ 634.

Résumé d un rapport du gouverneur de Damas Hadji-Aly-pacha, résident actuellement à Conia, en date du 3 de Ramazan (18/30 octobre 1840).

Le pacha annonce dans son rapport que les habitants d'Adana et de Tarsous viennent de lui adresser des requêtes en le priant de nommer des mouhassils dans leur pays; qu'ils l'ont informé en même tems avec le plus grand contentement et la plus grande satisfaction que les troupes Égyptiennes ont abandonné Adana. Tarsous et Keulek-Bogas (défilé du Taurus) et sont parties, en faisant répandre le bruit qu'elles allaient se réunir à celles qui se trouvent à Hamah et à Homs, y fortifier un rassemblement et se préparer à combattre les troupes Ottomanes; qu'il a confirmé provisoirement à Adana le mousselim actuel Ahmed-bey, personne fidèle et capable; qu'il a envoyé à Tarsous, avec un certain nombre de troupes, le capidji-bachi Habil-bey, d'une ancienne famille du pays, qui se trouvait auprès de lui en qualité d'hôte; qu'il a également expédié et établi des troupes à Keulek-Bogas: que les troupes Égyptiennes ont brûlé en partant les munitions de guerre à Keulek-Bogas; mais que 145 canons et 20 mortiers, qu'elles ont abandonnés en les clouant, sont tombés au pouvoir des troupes Ottomanes.

Къ № 634.

Bulletin des nouvelles données de Césarée.

Ibrachim-pacha, ayant donné l'ordre aux six régiments qui se trouvaient à Ourfa d'aller le rejoindre à S-t Jean d'Acre, et ces régiments partis pour cette destination, ils ont été attaqués chemin faisant par la tribu Arabe des Ansariyés, battus complètement et mis en déroute, de sorte qu'il n'en est resté que 3 m. hommes.

Du côté de Marasch, 400 hommes des troupes Egyptiennes, étant partis pour la même destination, ont été attaqués par les Curdes et détruits entièrement.

A la suite de ces évènements Zékériya, pacha de Diarbékir, se proposait de se mettre en mouvement pour aller en avant.

Ad № 749. 1840.

Extrait des nouvelles officielles, adressées à m-r l'internonce de la Syrie, en date du 25 décembre et 2 janvier.

Le séjour prolongé d'Ibrahim à Damas a déterminé le général Jockmuss à occuper le 20 décembre avec la majeure partie des troupes Turques une position près de Hasbeya sur le Jourdain. L'émir El-Kassim et d'autres chefs des montagnards occupent à quelque distance de Damas les routes qui mènent de Zahle et de Hasbeya à Damas. De cette manière on est en état de surveiller de près l'armée Égyptienne et de profiter de toutes les éventualités qui se présenteraient pour attaquer l'ennemi.

En même tems le colonel Turc Omar-bey a été dirigé avec 6 bataillons et 6 canons sur Gaza, où quelques chefs Égyptiens, entre autres l'ex-gouverneur d'Acre Mahmoud-bey, sont bloqués par les montagnards. La prise de Gaza est d'autant plus désirable que cette place doit renfermer des provisions et des munitionis, les seules qu'Ibrahim trouverait sur sa route, si toutefois il venait à atteindre ce point.

Ibrahim-pacha, ne pouvant rester plus longtems à Damas, surtout à cause du manque de vivres, a résolu d'effectuer sa retraite à travers le grand désert. Cette détermination trouva beaucoup d'antagonistes dans l'armée, sutout parmi les officiers, à cause des obstacles et des dangers que cette marche pénible offrirait à leurs familles qui suivent l'armee Égyptienne. Le

manque à la discipline a été sévèrement puni, il est bien vrai, sur la personne des plus mutins; cependant Ibrahim a annoncé et ordonné tous les préparatifs pour marcher sur Mésareib, de manière à y quitter les routes du désert et se diriger par Erbad, Keiss, Génin et Kakoum sur Gaza.

Le général Jockmuss, ayant appris le 25 décembre ces préparatifs de mouvement d'Ibrahim, résolut sur le champ de marcher de Hasbeya par Safat vers le mont Carmel près d'Acre, afin de pouvoir de là se porter à la rencontre de l'ennemi, soit dans les défilés entre le Jourdain et la mer, soit au sortir de ces défilés, et dans ce dernier cas on désigne Kakoum, comme le point le plus avantageux.

Les forces Turques entre Acre et Gaza se monteront à 18 m. hommes avec 30 pièces de campagne.

Le nouveau gouverneur de la Syrie, Zékériya-pacha, est arrivé le 20 décembre à Beyrouth, et il devait partir le lendemain pour Sayda. Les troupes irrégulières, qui l'ont accompagné au nombre de 8 m., étaient restées à Gama, Homs et Tripoli.

On vient de recevoir à Beyrouth et à Sayda le 2 janvier la nouvelle officielle qu'Ibrahim a quitté Damas avec son armée le 29 décembre en se dirigeant sur Mésareib.

Quelques jours avant ce départ, 50 officiers Égyptiens et un régiment d'artillerie (avec 60 canons) ont déserté chez les Turcs. Ibrahim envoya d'abord quelques troupes à la poursuite des déserteurs, mais ayant été reçus à coups de mitrailles, elles ne purent rien faire et retournèrent à Damas. Une seconde troupe, expédiée dans le même but par Ibrahim, n'entreprit rien et ne retourna même plus à Damas. On porte la force de l'armée Égyptienne à 22 ou 25 m. hommes, mais la défection et les maladies ne manqueront pas de réduire considérablement le nombe des combattans.

42.

Buyukdéré, le 28 septembre (10 octobre) 1842.

J'ai reçu, peu de jours après mon arrivée et presque à la veille du départ de m-r Titow, la lettre détaillée que votre excellence m'a fait l'honneur de m'écrire en date du 4 septembre de S-t Pétersbourg relativement à l'objet salutaire et à l'impulsion à donner à la commission sanitaire, organisée par vos ordres avec la sanction du gouvernement impérial et destinée à expérimenter sur les lieux le nouveau système de purification par la chaleur, au lieu des moyens chimiques. M-r Titow m'avait déjà mis au fait des antécédents de cette affaire, et nous n'avions dès lors rien de plus à coeur que de remplir le plus ponctuellement possible les déterminations arrêtées par votre excellence et ses sages instructions, telles qu'elles se trouvent lumineusement tracées dans sa lettre susmentionnée et reproduites en résumé dans son office à m-r Titow en date de S-t Pétersbourg. J'ai en conséquence fait prier m-rs Vratchko et Oumanetz de se rendre ici et en m'acquittant fidèlement envers eux de vos intentions, monsieur le comte, je me suis empressé de leur offrir toutes les facilités et coopérations en mon pouvoir, pour les mettre à même de se rendre, conformément à vos ordres, à Alexandrie, pour être aussi à portée que possible de se vouer à accomplis-

sement de la tâche imposée à la commission. Je ne manquerai pas de munir ces messieurs des recommandations les plus instantes pour notre consul général en Égypte, le conseillier de collège Krehmer, et bien que je sois persuadé de l'empressement qu'il mettra à les appuyer de son mieux auprès du pacha d'Egypte et des autorités locales, j'ai démandé, en outre, à la Porte des lettres de recommandation officielles de sa part à Mehmet-Ali. Munis de ces lettres, les membres de cette commission vont s'embarquer pour l'Égypte par le prochain bateau à vapeur Français, et ils seraient déjà partis sans la nécessité d'aviser aux formalités et aux préparatifs de leur voyage, qu'il n'y a lieu ni à différer, ni à modifier, attendu qu'il n'existe de peste ni dans cette capitale et environs, ni à Sinope, ni à Trébisonde, ni à Smyrne. Comme j'ai en même tems consigné à ces messieurs le paquet joint à l'office de votre excellence à m-r de Titow et contenant les instructions directes qui leur sont adressées, j'ai lieu de croire, qu'avant de se mettre en route, ils auront soin d'adresser à leur tour leurs rapports responsifs.

Quant au désir que vous voulez bien énoncer, monsieur le comte, de voir m-r Pezzoni offrir la coopération en son pouvoir aux travaux de la commisison sanitaire d'Odessa, j'ose garantir seulement la bonne volonté qu'il aurait de lui être utile par ses conseils, si les circonstances lui en fournissaient l'occasion. Mais cet employé, ayant demandé un congé par cause de santé et se proposant d'aller passer l'hyver à l'île de Rhodos ou peut-être en partie sur les sîtes de Syrie, où il a en vue à son tour de

poursuivre quelques recherches scientifiques à ses propres fraix, ce n'est que dans le cas, où m-rs les membres de la commission sanitaire d'Odessa pourraient se rencontrer dans les mêmes lieux avec m-r Pezzoni et juger à propos d'utiliser ses conseils ou ses connaissances de la langue et des habitudes du pays, qu'il serait à même de faire preuve du zèle, qui l'a animé toute sa vie pour les recherches relatives à la peste, et l'idée de pouvoir jamais mérité par là l'attention et le suffrage de votre excellence serait, j'ose en répondre, le mobile le plus puissant et le plus glorieux à ses yeux.

P. S. Après m'être acquitté, monsieur le comte, par la lettre semi-officielle, qui précède, du devoir de répondre en détail à celle que vous avez eu la bonté de m'adresser sur l'affaire de la commission sanitaire d'Odessa, qu'il me soit permis d'ajouter ici l'expression de la vive et profonde reconnaissance que m'a fait éprouver l'accueil flatteur et les attentions de tout genre, dont on m'a comblé à mon passage par Odessa. A ce sentiment s'est joint celui de l'admiration et de l'orgueil patriotique que m'ont inspiré les progrès prodigieux d'Odessa en tous genres, dans le court espace des cinq années qui s'étaient passées depuis que j'avais vu cette brillante capitale de la Russie méridionale, dont l'origine ne remonte pas à un demi-siècle et qui depuis une 20-ne d'années surtout rivalise avec les plus belles villes de l'ancienne Europe. C'est à votre influence tutélaire, monsieur le comte, mais invisible comme celle d'un génie bienfaisant, que j'ai dû tous les sujet de gratitude et de satisfaction que m'a causé mon court séjour à Odessa; mais cette fois

encore, comme tant d'autres, j'ai eu le guignon de ne pouvoir vous exprimer que par écrit tous les sentiments dont j'ai été pénétré. Puissé-je enfin avoir l'occasion de vous en apporter l'hommage, en quittant Constantinople; mais comme mon séjour s'y prolongera vraisemblablement jusqu'au printems, je redoute encore que quelque désappointement ne vienne me frustrer de cette espérance.

M-r de Fabre et le g-l Akhlestychew m'ont comblé de tant de politesse et d'attention que j'ose vous demander la grâce de leur en réitérer mes remerciements.

43.

Buyukdéré, le 17 (29) novembre 1842.

Les occupations et tribulations de service dont j'ai été assailli à mon retour ici peuvent à peine me servir d'excuse à mes yeux pour n'avoir pas plus tôt rempli l'agréable devoir de vous exprimer toute ma vive reconnaissance pour la gracieuse lettre dont vous m'avez honoré en date d'Odessa du 8 octobre et pour toutes les assurances trop flatteuses et obligeantes qu'elle contient pour moi personnelement. Un suffrage tel que le vôtre, monsieur le comte, est une récompense précieuse pour tout bon serviteur du Souverain et de l'État; je vous en suis bien reconnaïssant, autant que j'en suis fier. Veuillez aussi agréer tous mes remerciements pour le délicieux raisin de Crimée que vous avez eu la bonté de m'envoyer et auquel nous n'avons, en effet, rien de comparable ici, surtout à celui d'*Isabella*: il n'y a que l'ambassadrice d'Angleterre, lady Canning, à qui j'en ai fait goûter et qui m'a dit en avoir déjà fait la connaissance en Espagne, où elle a été avec son mari. Si la saison n'était pas passée déja, j'aurais pris la liberté de profiter de votre offre et de vous en demander un nouvel envoi que je n'aurais pas hésité à faire présenter au jeune Sultan lui-même au nom de m-me la comtesse de Worontzow, aux pieds de laquelle je vous prie de me mettre.

J'ai l'honneur de vous soumettre officielement aujourd'hui, monsieur le comte, les informations que m'a fournie notre consul g-l en Égypte, m-r Krehmer, relativement à l'arrivée là bas de m-rs les membres de

la commission sanitaire d'Odessa et au zèle qu'il m'a promis de mettre pour leur rendre tous les services en son pouvoir. M-r Krehmer vous en rend compte lui-même par une lettre jointe à mon office.

Nos affaires ici avec les Turcs ne vont pas mal, excepté l'absurde et brusque manière dont ils ont mené celle de la Servie; mais j'espère que, grâce à la politique aussi ferme que loyale de l'Empereur, cette affaire finira aussi par être convenablement reglée à notre gré. Le g-l baron de Lieven a été envoyé comme commissaire extraordinaire sur les lieux, et je l'attends ici d'un moment à l'autre pour aviser alors avec la Porte aux moyens de remédier aux fautes qu'elle a commise pour n'avoir pas tout de suite agréé mes conseils sur cet article, comme elle s'en est bien trouvée sur d'autres. Quant à nos relations avec les autres puissances sur le terrein toujours glissant de Constantinople, elles sont en général satisfaisantes, surtout avec l'ambassadeur d'Angleterre, avec lequel je me trouve sur un pied de confiance et même d'intimité, bien différent de celui de mes rapports avec lord Ponsomby. Les tems et les positions ont changé sans doute, mais j'ai trouvé même un sensible changement dans les dispositions personnelles de sir Stratford Canning, devenues aussi modérées et consillantes qu'on peut le désirer, et je me suis félicité d'avoir à en rendre plus d'une fois de justes témoignages à m-r le vice-chancelier. M-r Canning, qui connaît beaucoup lord Alvanclay et qui savait qu'il devait aller passer l'hiver auprès de vous, monsieur le comte, m'a dit avant-hier qu'on lui avait écrit que le pauvre lord était dangereusement malade à Tiflis.

Venant de recevoir hier soir une lettre de m-r de Brunow du 23 VIII-bre (4 IX), je ne crois pas superflu d'en transcrire ici le passage suivant pour le cas où des informations directes ne vous seraient pas encore parvenues: „Vous savez peut-être que le comte Worontzow a commandé à Londres *pour la compagnie des bateaux à vapeur d'Odessa* *), un renfort de quatre pyroscaphes que l'on construit ici. Le premier est déjà achevé et partira dans 3 semaines. Il suivra donc cette lettre de près, et je crois devoir en prévenir, afin que vous puissiez d'avance demander les firmans de passage necessaires, car ils sont grands comme des bâtiments de guerre; mais ils vous arriveront *sans canons* et sous pavillon marchand". Je me réjouis beaucoup de cette nouvelle et je vais en aviser la Porte, qui, je pense, ne s'effarouchera guères, ni d'autres non plus, et n'y verra pas une contravertion au traité du *13 juillet 1841*. De cette manière nous aurions, même durant l'hiver, une voye de communication de plus avec Odessa.

Veuillez me permettre en conclusion de réclamer votre protection puissante en faveur d'un envoi Turc pour le c-te N. Gouriew que je confie au bateau d'Odessa: c'est un divan et des coussins pour sa maison de la Litéinaya à S-t Pétersbourg; je crains le véto de la douane et du port-franc, et j'ai pris la liberté, pour gagner de tems, d'en écrire deux mots directement à m-r de Fabre; mais j'ose invoquer, en dernière instance, votre appui décisif.

---

*) C'est une erreur, il me paraît?

44.

Péra, le 17 (29) janvier 1843.

J'ai déjà plus d'une fois pris la liberté, monsieur le comte, de vous parler de l'intérêt personnel que je porte à m-r Skalkowsky, qui a le bonheur de servir sous les ordres d'un chef qu'il vénère et dont il voudrait de son mieux faire reconnaître, dans les productions de sa plume infatigable, les bienfaits et les merveilles opérés dans la Nouvelle Russie. C'est surtout là son mérite à mes yeux; ses ouvrages, que j'ai lu tous, me paraissent aussi utiles qu'intéressants, et j'aurais bien voulu qu'on en fasse et publie un extrait du moins en français ou anglais, pour faire connaître aux étrangers la situation véritable de ce belles contrées qui n'étaient que des déserts en proye aux incursions des Tartares nomades et qui depuis 20 ans surtout ont fait des progrès prodigieux, qui les font rivaliser en prospérité, en industrie et en civilisation avec les belles parties de la vieille Europe que je viens de visiter. A cet intérêt, que tout bon Russe, aimant et fier de son pays, doit partager avec moi, j'avoue qu'il s'en est aussi associé un personnel pour l'auteur de ces ouvrages, en faisant sa connaissance d'abord et tout dernièrement celle de sa jeune et intéressante famille.

Aussi ai-je été véritablement enchanté d'apprendre, par une lettre qu'il vient de m'écrire, les nouvelles preuves de vos bontés et de votre généreuse et puissante protection en sa faveur, monsieur le comte, par le nouvel emploi que vous daignez lui destiner, en lui confiant le comité statistique. Cette faveur qui comblera ses voeux et améliorera sensiblement sa position ne fera, je l'estime assez pour le croire, que redoubler son zèle et ses travaux pour justifier une marque de confiance si flatteuse pour lui et qui est en même tems un bienfait de plus, parti de la même source. Je m'en réjouis si sincèrement pour celui que j'appele toujours *l'historiographe de la Nouvelle Russie*, que j'ose espérer, monsieur le comte, que vous voudrez bien excuser l'importunité que je me permets, pour ne pas dire l'impertinance, de vous adresser ces lignes sur un tel sujet. Veuillez me la pardonner avec votre indulgence accoutumée.

45.

Péra, le 18 février (2 mars) 1843.

Je m'empresse, monsieur le comte, de vous offrir l'hommage de ma sincère reconnaissance pour le contenu aussi bienveillant qu'intéressant de la lettre dont vous m'avez honoré en date du 7 (19) février. Mais c'est encore par *l'Alexandre* que j'achemine ma réponse et non par la *Crimée* de construction Anglaise, dont je n'ai encore aucune nouvelle, ni même aucun avis de Londres, bien que j'ai reçu des lettres de Brunow du 10 (22) janv., qui ne m'en disent pas le mot. Il est donc probable que ce n'est que par le premier de ces nouveaux bateaux à vapeur que je pourrai aussi en fournir le signalement, car j'espère qu'il s'arrêtera assez de tems ici pour que je puisse aller l'admirer par mes yeux. La compagnie du Danube a été encore moins active cette année que celle d'Odessa, car elle avait interrompu son service depuis le mois de novembre jusqu'à ce moment, comme cela aurait été le cas durant l'hiver le plus rude, tandis que le Danube n'a pas même été pris par les glaces, et l'ambassadeur Turc, Rechid-pacha, s'est embarqué à Vienne le 16 février n. st. sur un bateau à vapeur *extra*, mis à sa disposition par courtoisie et avec lequel il doit faire le trajet jusqu'à *Roustchouk*, si ce n'est même jusqu'à *Czerna-Voda*, d'où il se rendra par

terre jusqu'à *Kustendje*, où un autre bateau à vapeur Autrichien a été envoyé d'ici depuis 2 à 3 jours pour amener Rechid-pacha dans le Bosphore le plus confortablement possible. Depuis avant-hier cependant le tems s'est gâté: nous avons des pluies accompagnées de vents assez violents. Mais comme c'est un vent de Sud, j'espère qu'il en est de même dans nos parages, et ce changement de tems n'aura pas de fâcheuses influences ni pour l'état printanier du port d'Odessa, ni pour le voyage actuel de l'*Alexandre*, ni enfin pour l'heureuse arrivée à leur destination des bateaux à vapeur attendus d'Angleterre. Je suppose que parmi les arrangements relatifs à cette nouvelle voie de communication et dont vous avez la bonté, monsieur le comte, de me promettre de nous donner connaissance ici, après avoir reçu les résolutions de Pétersbourg, on jugera à propos de maintenir, comme auparavant, une agence spéciale établie à Constantinople pour soigner tout ce qui se rapporte à ce service de bateau à vapeur entre Odessa et le Bosphore. M-r Pezze, qui a été depuis 8 à 9 ans chargé de cette tâche, s'en est si bien acquitté et a sçu si bien se concilier l'estime et la confiance générale, qu'il serait, je crois, dans l'intérêt de la chose de conserver dans ces fonctions un homme aussi entendu, qui a fait ses preuves et qui est bien vu de tout le monde; c'est du moins là mon humble opinion que je prends la liberté de vous soumettre en mon particulier, monsieur le comte, comme à un juge compétent pour décider la question.

Veuillez agréer tous mes remerciements réitérés pour la sollicitude que vous voulez bien continuer à

accorder à la poursuite de l'affaire des matelots Ioniens, par devant l'*Уѣздный Судъ*. M-r Canning a été on ne peut plus reconnaissant et flatté de tout ce que je lui ai dit de votre part à ce sujet, et plein de confiance dans les dispositions prises pour assurer le cours de la justice dans cette désagréable affaire, il en attend tranquillement le résultat et ne m'a plus, depuis assez longtems, reparlé de cette affaire, ni des avis qu'il peut en avoir reçus par le consul d'Angleterre à Odessa.

Je n'ai pas eu non plus de nouvelles postérieures de notre consul-général en Égypte sur les faits et gestes de m-rs les membres de la commission sanitaire d'Odessa; mais je suis persuadé qu'il a continué à leur offrir avec zéle toute l'assistance et les services en son pouvoir pour l'objet salutaire de leur mission. Sous ce rapport il est certain que m r Clot-bey, dont la position en Égypte le met à même de pouvoir leur être de quelque secours, ne pourra qu'y être encouragé d'avantage par le témoignage flatteur d'attention que vous proposez de lui accorder, monsieur le comte, en lui envoyant le diplome de membre honoraire de la Société Archéologique d'Odessa.

Je regrette infiniment de n'avoir pas à vous rendre compte aujourd'hui de quelque applanissement de nos fâcheuses discussions avec la Porte sur l'affaire de Servie. Bien au contraire, elles ont acquis plus de gravité par l'obstination aveugle mise par les Turcs (encouragés sous main, le je crains, par des conseils peu éclairés et peu prévoyants de la jalousie étrangère) à se refuser cathégoriquement à notre insistance

bien légitime sur le redressement de mesures contraires aux traités en vigueur et sur le rétablissement en Servie d'un ordre de choses légal, au lieu d'un régime enfanté par une rébellion. Après avoir épuisé tous les arguments de droit et toutes les voies de persuasion sans atteindre le but désiré, je viens d'en référer aux ordres du ministère impérial et j'attends avec une impatience d'autant plus grande des instructions ultérieures que j'avais espéré et qu'on m'avait même donné l'assurance formelle, à mon départ de Pétersbourg, que mon séjour ne serait que de courte durée sur les rives du Bosphore, admirables sans doute pour un voyageur, mais que j'ai assez admiré durant 17 à 18 années de ma vie, pour en avoir assez et pour préférer un autre séjour et une situation moins en évidence peut-être, mais plus en rapport avec mes goûts et mes intérêts domestiques.

Au nombre des passagers que prend d'ici l'*Alexandre* et qui lui assureront, j'espère, une bonne traversée, par leur caractère sacré et par leurs pieuses prières, se trouvent un évêque Syrien du rit Grec, le métropolitain *Néophite*, envoyé en Russie par le patriarch d'Antioche avec l'assentiment préalable du gouvernement et du Synode pour aller faire une quête au profit des églises orthodoxes, ruinées en Syrie durant les derniers troubles. J'ai pris la liberté de le munir d'une lettre d'introduction auprès de vous, monsieur le comte, et j'ose le recommander à votre protection et à votre bienveillant appui pour le faire accueillir par le respectable archevêque Gabriel que je n'ai pas l'honneur de connaître personnellement. Ce prélat Syrien paraît plein de piété et de douceur et surtout de

dévouement à la Russie et à l'Auguste Protecteur de la foi orthodoxe en Orient; mais malheureusement il ne parle que le Grec, ainsi que les ecclésiastiques qui l'accompagnent, et je ne sais trop, comment ils se tireront d'affaire dans leur voyage d'Odessa à Moscou.

P. S. Permettez moi aussi de vous offrir mille et mille grâces pour les excellents gélinottes que vous avez eu la bonté de m'envoyer; elles étaient dans le meilleur état possible et une vraie friandise pour notre colonie Russe car ce gibier est introuvable ici. Je n'ose pas vous envoyer cette fois des productions gastronomiques de Bosphore, éclipsées, comme elles le seraient, par l'illustre compagnie des *mandarins;* notre consul à Malte, m'en a envoyé une caisse, dont il vous fait hommage et que j'ai fait bien recommander au capitaine de l'*Alexandre*.

46.

Rome, le 11 (23) avril 1845.

Je ne saurais assez vous exprimer, monsieur le comte, les vifs sentiments de satisfaction et de gratitude. que m'a fait éprouver la gracieuse et intéressante lettre que vous avez eu la bonté de m'écrire en date d'Odessa du 4 (16) mars, c. à d. deux jours avant votre départ pour Tiflis. Parmi tant et tant de preuves de votre ancienne et constante bienveillance pour moi, je regarde certainement comme une des plus grandes et des plus précieuses une telle lettre écrite dans un tel moment. Mais je sens bien que je ne dois me laisser aller, ni à mon sentiment de reconnaissance pour cette nouvelle marque de vos bontés, ni à la sincère admiration que m'a inspiré la manière si simple, noble et pieuse, dont vous parlez de votre nouvelle tâche, aussi immense que difficile, mais qui n'en méritera que mieux les bénédictions de la Providence qu'appeleront sans doute sur vous et sur vos succès la confiance et les voeux de l'Empereur et de la Russie entière.

Vos moments aujourd'hui sont trop comptés, trop absorbés par les occupations les plus importantes et les plus multipliées pour que j'ose me permettre de vous en dérober, monsieur le comte, en vous importunant par des lettres oiseuses et qui deviendraient trop longues, si je laissais courir ma plume au gré de mes senti-

ments et de mes idées, en m'adressant à vous. Je me borne donc à vous informer aujourd'hui, que cette belle lettre que vous avez eu la bonté de m'écrire d'Odessa, à la veille de vous rendre en Géorgie, a déjà été un premier et grand service rendu à nos affaires de Rome par l'heureuse coincidence du moment où je l'ai reçu avec le parti infiniment utile que j'ai pu en tirer à point nommé pour dissiper des nuages menaçants et détourner de nouvelles complications qu'avait encore fait naître ici l'affaire des missionnaires catholiques, renvoyés de la Géorgie. Pour vous en faire mieux juger, je prends la liberté de placer sous vos yeux la dernière et pressante communication qui m'a été remise à ce sujet, en y ajoutant la note précédente, pour l'intelligence plus complette de la matière. N'ayant aucune réponse à y donner, n'en ayant moi-même reçu aucune de Pétersbourg, c'est le paragraphe de votre lettre, relatif à cet objet et qui contient la profession de foi la plus digne d'être donnée en exemple aux hommes appelés à gouverner leurs semblables, qui m'a merveilleusement servi à calmer l'irritation et les plaintes sur les faits accomplis et à faire apprécier dans leur pur éclat les principes personnels et les volontés supérieures qui vous guideront dans l'administration de ses contrées sous le rapport des questions religieuses. Les souvenirs que vous avez laissés ici, monsieur le comte, n'ont fait qu'ajouter un nouveau poids à l'influence de votre nom et de vos paroles; cette influence a été si visible et si salutaire, qu'en dépit de la réprobation cathégorique portée contre *le prosélytisme du clergé catholique*, mon *éminent* interlocuteur m'a prié instamment de lui donner un extrait de votre belle lettre pour le sou-

mettre au haut lieu, et je n'ai pas hésité à m'y prêter (en arrangeant comme de raison cet extrait de la manière convenable pour un tel usage), car c'était à la fois un moyen de tranquilliser les esprits pour le passé et d'offrir des avertissements salutaires pour l'avenir. J'ai lieu de croire que l'un et l'autre de ces buts a été atteint à en jujer par l'issue satisfaisante des explications ultérieures; aussi en en rendant compte dans mes dépêches à S-t Pétersbourg, je me suis fait un devoir de constater la part principale qui en était due à cette même lettre confidentielle dont vous m'avez honoré et qui m'est arrivée avec un à propos si heureux et si imprévu. Je ne saurais mieux vous rendre pour ma part les actions de grâce, dues pour ce puissant appui, donné à une si grande distance qu'en vous rapportant l'effet qu'il a produit ici; j'oserai ajouter que sans doute notre nouveau *chancelier de l'Empire* vous dira le reste, sans manquer par là au respect envers mon excellent chef, dont la nomination à cette haute dignité m'a comblé de joie et sera accueillie de même en Russie, comme dans l'étranger par ses amis, comme par ses subordonnés.

Maintenant je sens que ce serait abuser de votre tems et de votre indulgence, monsieur le comte, que de prolonger ma lettre; mais avant de quitter la plume, permettez moi de vous offrir l'hommage de ma reconnaissance et de celle de ma femme pour le souvenir affectueux que vous voulez bien, ainsi que même la comtesse Worontzow, nous conserver et dont nous ne sommes pas indignes par les sentiments et les voeux qui nous animent pour vous. Nous avons également eu l'honneur de voir, il y a 10 jours, à

Rome, m-me la princesse de Butera, qui n'a passé *que quelques heures* ici, se hâtant de réjoindre le comte et la comtesse Schouvalow à Paris. Je n'ai pas manqué de m'acquitter de vos bienveillants messages pour les cardinaux Tosti et Mezzofanti et monseigneur Spada (nous voyons souvent ce dernier), qu'ils ont accueilli avec une vive reconnaissance. Monseigneur Spada en particulier met ses remerciements aux pieds de m-me la comtesse Worontzow pour la promesse du prochain envoi des curiosités minéralogiques et m'a remis en revanche un envoi de grains que j'ai consigné à Don Petruccio.

Traduction littérale d'une note remise par le cardinal-secrétaire d'état de sa sainteté à m-r de Bouténew, le 29 novembre (11 décembre) 1844.

C'est avec une véritable peine que le coeur paternel de sa sainteté a dù apprendre les récentes prescriptions du gouvernement impérial de Russie, concernant les catholiques Latins et les Arméniens de la Géorgie et pénétrée du sentiment de ses devoirs sacrés, ordonné au soussigné cardinal-secrétaire d'état d'adresser à v. exc. les représentations analogues dans l'espérance flatteuse que ses justes plaintes, présentées aux pieds du trône de S. M. l'Empereur de toutes les Russies et Roi de Pologne, y trouveront un accueil favorable qui servira à éloigner les plus grands dommages que les catholiques de cette contree pourraient éprouver.

Le S-t Père vient d'apprendre que par un ordre du ministère de l'intérieur, contenu dans une dépêche envoyée il y a quelques mois au père Damiano de

Viareggio, préfet de l'antique mission de Géorgie, il a éte intimé à ces missionnaires de quitter les domaines Russes aussitôt qu'ils n'auront pas accompli plusieurs conditions exigées d'eux.

Et comme ils ne pourraient pas se prêter à ces conditions sans violer les devoirs étroitement liés à leur état, il en résulte que si on voulait persister dans ces dispositions, cette mission serait bientôt dissoute. Le S-t Père ne peut pas, par conséquent, s'empêcher d'être vivement touché à l'aspect des dommages incalculables qu'en ressentiraient les fidèles de ces contrées éloignées, ni croire qu'une institution catholique, qui a existé en paix pendant plus de deux siècles dans ce pays, soit obligée aujourd'hui par l'autorité gouvernementale de le quitter pour le seul motif de n'avoir pû remplir des conditions qui se trouvent en opposition complète avec leur propre conscience. Le S-t Père se plait au contraire à espérer que S. M. ne tardera pas à donner des ordres pour que ces religieux restent dans l'état dans lequel ils se trouvaient, sans être obligés de donner des promesses incompatibles avec leurs devoirs.

Un autre sujet de chagrin à été d'apprendre la défense faite par la susdite dépèche aux missionnaires en question de ne plus s'ingérer dans les affaires des Arméniens catholiques, ordonnant par une dépêche subséquente de soumettre à l'ecclésiastique *Sciagulari* ou bien *Sciagulante* l'administration spirituelle de tout le clergé catholique audelà du Caucase. A cet effet il est utile d'observer que ce n'est certainement pas une chose ignorée du gouvernement impériale que c'est aux susdits missionnaires et principalement à leur préfet qu'appartiennent les soins spirituels, non seulement à l'égard des catholiques Latins, mais aussi des Arméniens, de manière cependant à ne pas empêcher que ceux-ci soient assistés, ainsi qu'ils l'ont été jusqu'à présent, par les prêtres de leur rit.

Nous en avons une preuve manifeste dans l'ordre de

m-r le baron *Natchalnik* du 18 mars de cette année, adressé au magistrat d'Ahalzik et par lequel il appert que les Arméniens de la Géorgie proprement dite depuis environ cent quatrevingt ans sont sous la direction spirituelle du supérieur de ces missionnaires et que ceux d'Ahalzik dépendent également de lui, même après la réunion de cette dernière province à l'Empire Russe. De plus, dans ce même ordre il est question de l'insubordination manifeste et obstinée du dit *Sciangulante* envers l'autorité supérieure ecclésiastique. Mais comme il n'y a pas de doute que ces dernières déterminations du gouvernement impérial soient émanées avant qu'on eut reçu à S-t Pétersbourg le décret en question de l'autorité de Tiflis, on doit espérer que S. M., après avoir connu les raisons qui justifient le préfet apostolique de Géorgie et démontrent la conduite irrégulière du dit *Sciagulante*, ne voudra pas permettre que lorsqu'au premier il est défendu d'exercer une autorité dont il est revêtu canoniquement, il soit permis au second de présider au régime spirituel des Arméniens, non seulement de ceux d'Ahalzik (sur lesquels il n'a eu qu'une autorité révocable au gré de son supérieur), mais bien aussi des autres Arméniens de la Géorgie, à l'égard desquels il n'a jamais eu aucune délégation canonique.

Du reste, le S-t Père aurait su d'autant moins prévoir ces dispositions qu'une négociation à ce sujet restait encore en suspens entre le S-t Siège et le gouvernement impérial. Par les communications remises à la légation de Russie par le cardinal-secrétaire d'état le 28 juillet 1842, en réponse à celles qui avaient été faites à ce sujet par le gouvernement impérial, le soussigné proposait, au nom de sa sainteté, la délegation permanente d'un vicaire apostolique du rit Arménien qui établisse sa résidence à Tiflis et prît sous son administration spirituelle tous les Arméniens catholiques des provinces Russes de l'Asie, et il proposait aussi le rétablissement d'un autre vicaire apostolique

qui avait été déjà institué en 1809 en faveur des Arméniens catholiques dans les provinces européennes de l'Empire de Russie. Moyennant l'exécution d'un projet semblable, les Arméniens de toutes ces contrées auraient été séparés de l'autorité spirituelle de la mission Latine, en donnant à ceux-là un supérieur ecclésiastique de leur propre rit.

En conséquence, le cardinal soussigné, tout en renouvelant la proposition susmentionnée déjà faite dans les papiers indiqués ci-dessus, nourrit l'espoir que S. M. l'Empereur se rendra aux justes demandes du S-t Père, en remettant les choses dans la situation dans laquelle elles étaient jusqu'à ce que le susdit projet, relatif à l'établissement des deux vicaires, aura pu être effectué.

Le cardinal soussigné, après avoir exécuté avec la plus grande exactitude les ordres reçus de sa sainteté, profite avec empressement de cette occasion pour renouveler à votre excellence ses sentiments.

Traduction d'une note confidentielle adressée par le cardinal Lambruschini à m-r de Bouténew le 2 avril 1845.

Par la note en date du 11 décembre dernier le soussigné cardinal-secrétaire d'état exprima à v. exc. la confiance que nourrissait dans son âme le S-t Père, que S. M. I. de toutes les Russies et Roi de Pologne, pénétrée des motifs y exposés, aurait révoqué les ordres donnés contre les missionnaires de la Géorgie, éloignant en même temps le plus grand tort qui en survenait aux catholiques Latins et Arméniens de ces contrées.

Cependant ces espérances que nourrissait jusqu'à présent le S-t Père se sont malheureusement évanouies à la nouvelle récente de la réalisation qui a déjà eu lieu de ces mesures, ayant encore sous les yeux la

manière dont elles ont été effectuées, n'a pas pu manquer de faire éprouver le plus vif chagrin à sa sainteté. En effet, on a eu la douloureuse certitude qu'à la fête solemnelle du premier jour de l'an, ces pieux missionnaires ont été réduits, par le moyen de la force armée, à sortir du temple, dans lequel ils avaient cherché azile, et de quitter, accompagnés d'escorte, ce lieu sacré de réfuge.

Pour adoucir la dureté de pareilles mesures, ne suffirent point les prières et les gémissements des catholiques accourus en foule à ce funeste spectacle, et déjà presque séparés par la force de celui qui, par son zèle apostolique et par ses soins paternels, a su si bien mériter leur affection et leur gratitude.

Cette douloureuse catastrophe se renouvela devant les yeux des missionnaires dans la ville de Gori, d'où furent traînés en exile, par les agents de police, le père Emanuel da Iglesias et le père Bernardo da Bologna, après avoir souffert un traitement positivement très dur. Le sort du père Fiorenzo da Torgiano, curé adoré par la nombreuse population catholique de Coutaiss, a été semblable; il s'est abstenu même de célébrer la sainte messe (bien que c'était un jour de fête) et de restaurer ses forces avant d'entreprendre le long voyage, rendu encore plus périlleux par la difficulté et le mauvais état des routes, autant que par la rigueur de la saison.

C'est certainement bien à regretter que les justes représentations contenues dans la susdite note du 11 décembre n'aient pu arriver à tems au trône de S. M. pour empêcher de si graves inconveniens. On ne doute point que puisque l'humanité et la noblesse de son caractère n'auraient pas souffert qu'on en vienne à de pareilles mesures, tandis que sur les missions en question pendait encore une négociation entre

le S-t Siège et le gouvernement impériale également, sa justice aurait empèché que des mesures aussi violentes fussent prises contre quelques paisibles missionnaires, coupables seulement d'avoir suivi ce que leur consience leur avait dicté et d'avoir refusé de donner des promesses auxquelles s'opposaient les devoirs de la religion catholique et leurs obligations particulières.

Mais si cet incident a empèché de prévenir de telles mesures. le S-t Père est cependant persuadé que S. M. I. se prètera aux réparations oportunes, en ordonnant le rétablissement des choses relatives aux missionnaires de Géorgie, dans l'état où elles se trouvaient, au moins jusqu'à ce que la négociation submentionnée ne soit terminée.

Le S-t Père ne peut s'empècher à cette occasion de recommander de nouveau, avec la plus grande effusion de son âme, à l'auguste et puissant Monarque tous les fidèles catholiques sujets, existants dans ses vastes domaines et sur le sort desquels, il ne veut pas le cacher à S. M., il a eu de fréquentes occasions de répandre des larmes du plus vif chagrin paternel.

En attendant le cardinal soussigné prie v. exc. de porter à la connaissance de S. M. ces sentiments du S-t Père et de vouloir bien donner en son tems une réponse analogue; il profite en même tems de cette occasion pour lui exprimer l'assurance etc.

Замѣтки на письма А. П. Бутенева.

Въ предисловіи, вмѣсто *дочери* надо *супруги*.

Стр. 274 и 277. Кажется, что имя Англичанина слѣдуетъ печатать не *Vagham*, а *Vaughan*.

Къ письму 26-му. У графа Нессельроде было обширное помѣстье въ Саратовской губерніи.

Стр. 251. Дочь А. П. Бутенева Александра Аполлинаріевна скончалась въ Римѣ въ 1851 году, невѣстою графа Петра Григорьевича Шувалова.

Стр. 255. Графъ Михаилъ Иринеевичъ Хрептовичъ (1809—1892) и его супруга графиня Елена Карловна (1815—1875), дочь канцлера графа Нессельроде.

Стр. 291. Нельзя ручаться, точно-ли прочтено имя Англійскаго полковника *Considim*.

Письмо 29-е. Кажется, что не *Ingestri*, а *Ingester*.

Стр. 301. Вмѣсто *Pertow*, не *Pertew* ли?

Письмо 40-е. Франкини былъ старшимъ драгоманомъ посольства, а Пизани генеральнымъ консуломъ и управлялъ коммерческою канцеляріею посольства.

ПИСЬМА

ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА САБАНѢЕВА

КЪ КНЯЗЮ

М. С. ВОРОНЦОВУ.

1812—1829.

*

Полный пѣхотный генералъ Иванъ Васильевичъ Сабанѣевъ (имя котораго извѣстно нынѣшнему поколѣнію развѣ по названному въ его память княземъ Воронцовымъ Сабанѣевскому мосту въ Одессѣ) принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ людей Русской земли. Онъ происходилъ изъ старинныхъ Ярославскихъ дворянъ и учился въ Московскомъ университетѣ, а военную службу началъ еще въ 1787 году въ Преображенскомъ полку (гдѣ черезъ 14 лѣтъ началось военное поприще и князя Воронцова). Уже въ первую Турецкую войну онъ отличился подъ Мачиномъ, а потомъ служилъ въ Польшѣ у Суворова и съ нимъ совершалъ Италіанскій походъ, два раза раненъ и оставался въ плѣну Французскомъ. По возвращеніи въ Россію, дрался онъ на Кубани съ горскими народами; а во время войны нашей изъ за Пруссіи получилъ рану въ лице, и за тѣмъ участвовалъ въ необычайномъ переходѣ въ Швецію по льду Ботническаго залива, такъ сказать, наканунѣ ростепели, когда, по словамъ поэта Баратынскаго, изумился нашему геройству „вѣчный богъ сѣдобрадатъ“, услышавъ надъ собою размѣренный шагъ Русскаго солдата. Въ эту Шведскую войну Сабанѣевъ получилъ еще рану въ ногу. Его узналъ и полюбилъ Барклай-де-Толли.

Князь Воронцовъ сблизился съ Сабанѣевымъ въ Турецкую войну. Сабанѣевъ былъ однимъ изъ героевъ этой войны и 26 Августа 1810 года подъ Батинымъ овладѣлъ непріятельскимъ станомъ. За отличныя заслуги назначили его дежурнымъ генераломъ арміи. Будучи прежде всего воиномъ въ душѣ, молодой Воронцовъ нашелъ для себя въ Сабанѣевѣ не только старшаго друга, но и преданнаго руководителя. Это былъ настоящій Русскій стратегъ, вѣрный Суворовскимъ преданіямъ, тогоже закала какъ и первый учитель князя Воронцова въ боевомъ дѣлѣ, князь Циціановъ. Дальнѣйшее поприще Сабанѣева видно по нижеслѣдующимъ письмамъ. Покойный А. П. Казначеевъ передавалъ намъ, что передъ войною 1828—1829 годовъ Сабанѣеву поручено было составить планъ военныхъ дѣйствій; но съ открытіемъ войны планъ этотъ стали измѣнять. Сабанѣевъ рѣзко отозвался о такомъ измѣненіи, что̀ и было причиною его опалы. Онъ скончался въ Дрезденѣ, 25 Августа 1829 года, всего 56 лѣтъ отъ роду (даровитые люди у насъ не долговѣчны), не оставивъ прямаго потомства, и похороненъ въ Одессѣ. Изъ множества писемъ и мелкихъ записочекъ его къ князю Воронцову, начинающихся съ 1810 года, извлекаемъ слѣдующія выдержки. *П. Б.*

*

1.

Букарестъ, отъ 22 Апрѣля (1812).

Рошешуаръ 2-го Апрѣля возвратился изъ Константинополя въ Шумлу. За нимъ посланъ курьеръ: чрезъ него ожидаютъ важныхъ депешей, кои рѣшатъ наши споры дипломатическіе. Говорятъ, будто Бароцци въ качествѣ своемъ поѣдетъ въ вашу армію. Слухъ промчался, что и Горчакова должны мы лишиться. Я до сихъ поръ дежурный мученикъ. Изъ Петербурга ни слова. Не считаютъ ли меня важнымъ дипломатомъ? Чтобъ ихъ ч.... взялъ!.. Ланжеронъ хотѣлъ быть начальникомъ генеральнаго штаба, но узнавши, что у васъ Сенъ-Пріестъ, раздумалъ. Здѣсь новой реформы по присланному уставу не дѣлается и, какъ мнѣ кажется, не будетъ, для причинъ мнѣ неизвѣстныхъ. Прощай! Сохрани тебя Богъ для пользы отечества и утѣшенія знающихъ тебя. Ч.... того возьми, кто тебя не полюбитъ.

2.

Маія 21 дня 1812.

Сегодня были у насъ великолѣпные проводы: графъ Михаилъ Ларіоновичъ поѣхалъ. Теперь у насъ столько новостей, что и пересчитать трудно. Лучшая, если

бы Богъ далъ М...[1]) За тѣмъ много хорошаго относительно качествъ новаго главнокомандующаго[2]). Бездѣльникамъ худо. Это хорошо. Мнѣ заботы много, но я трудовъ не жалѣю, была бы польза.

3.

Треклятой Бухарестъ, 21 Іюня 1812.

Мы летимъ къ Днѣстру. На силу образумились. Давно бы пора! Не спрашивай, за чѣмъ мы здѣсь были. Этого я не понимаю, хотя и стыдно мнѣ не понимать, для чего армія здѣсь была до сихъ поръ. Теперь все въ движеніи. Главнокомандующій нашъ ничего не знаетъ, что̀ у васъ дѣлается и гдѣ вы, гдѣ непріятель и въ какомъ положеніи дѣла наши въ Польшѣ. Вотъ для чего отправленъ Аксиньевъ и съ нимъ курьеръ. Сдѣлай дружбу, напиши мнѣ съ нимъ хоть два слова. Ужель и здоровье твое секретъ? Понсету гораздо лучше: онъ хочетъ проситься, какъ скоро выздоровѣетъ.

Здѣсь трактатъ ратификованъ еще 3-го сего мѣсяца[3]). Гдѣ бъ мы съ тѣхъ поръ были! Прощай, мой милый графъ. Вѣчно твой Сабанѣевъ.

Къ вамъ же ѣдетъ ген. Вильсонъ, тотъ самый, который былъ въ Пруссіи съ Платовымъ.

---

[1]) Такъ въ подлинникѣ. П. Б.

[2]) Т.-е. адмирала Чичагова. П. Б.

[3]) И. В. Сабанѣевъ былъ вторымъ полномочнымъ въ переговорахъ о заключеніи Бухарестскаго мира. П. Б.

4.

Букарестъ, 5 Іюля 1812 г.

Послѣдствія лѣченія падъ бѣднымъ Понсетомъ весьма непріятны. Онъ серьезно боленъ, а потому и не пишетъ. Ты также былъ въ тиранскихъ рукахъ: вотъ что̀ меня сильно безпокоитъ. Ч.... меня возьми, если бы я не согласился за тебя терпѣть: во мнѣ отечество не много потеряетъ; я менѣе любимъ, хуже воспитанъ, словомъ я не ты: пусть же лучше я издыхаю. Это, мой другъ, не комплиментъ, а чувство.

У насъ миръ, а у васъ война; а мы на Дунаѣ чего-то ищемъ и къ вамъ не идемъ. Ахти мнѣ! Дай Богъ какъ бы лучше.

Напиши хоть строчку, успокой любящаго тебя болѣе всего на свѣтѣ

Сабанѣева

5.

Оруркъ со своимъ 27 и 43 егерскимъ пошелъ въ Сербію; ты спросишь, зачѣмъ же, если миръ? Не знаю. Мы формируемъ здѣсь національную гвардію, т.-е. 35 тыс. войска. Сегодня ѣду въ комитетъ для сего составленный изъ митрополита, бояра *Варлаама* (эти два называются эфорами) вистіара и вице-президента *Гика*. Увы, Господи, помилуй! Спаси тебя Богъ отъ такой бѣды!

6.

Рожаны, 23 Октября 1812.

Мы видѣли Шварценберга съ Цесарцами и Ренье съ Саксонцами въ окрестностяхъ Луцка. Теперь безъ большихъ происшествій отретировались они въ герцогство Варшавское, остановились за Бугомъ; за Бугомъ и начали маневрировать. Не занимаясь ими долѣе, оставили Сакена съ корпусомъ при Брестѣ, кажется, довольно сильнымъ не только противустоять, но и атаковать его. Сами же мы идемъ къ Минску, дабы пресѣчь сообщенія большой непріятельской арміи съ Вильно, Гродно и пр. Теперь жалѣю только о томъ, для чего я не съ тобою. Понсета здѣсь нѣтъ: онъ остался въ Букарестѣ, былъ боленъ, а теперь никакого слуху объ немъ нѣтъ; Богъ знаетъ, что̀ съ нимъ сдѣлалось.

Очки, очки! Бога ради, очки!

Орурк сейчасъ у меня, Алекс. Львовичъ и Воиновъ. Они тебѣ кланяются. Я тебѣ совсѣмъ вѣрю, кромѣ раны твоей. Здѣсь пронесся слухъ, что гр. Меттернихъ, въ званіи Австрійскаго посла, поѣхалъ въ Петербургъ съ угрозами и предложеніемъ о мирѣ. Какой миръ! Что̀ намъ осталось? Что̀ терять можно? Истребить злодѣя съ его шайкою и плевать на Нѣмцевъ; а пусть идутъ, пусть войдутъ, пусть что̀ хотятъ дѣлаютъ. У Русскихъ должна быть одна цѣль—гибель изверга; ничѣмъ дорожить не должно.

Я очень радъ, что всѣ честные люди одного со мною мнѣнія. Какого миру ожидать можно съ Наполеономъ? Я не думаю, чтобы Государь на сіе согласился.

7.

Генваря 2-го 1813.

Ахти, мой любезный графъ. Все невпопадъ. Вообрази себѣ, что надѣлали. 1-е тѣ, коимъ велѣно было идти на Маріенбургъ съ тѣмъ, чтобы отрѣзать непріятеля между Вислы и Эльбинга, были 28 въ Гольландѣ и пошли на Мильгаузенъ и Эльбингъ вслѣдъ за непріятелемъ. 2) Это Платовъ и, къ удивленію, Штейнгель. Ну, мочи нѣтъ, что̀ дѣлается. До сихъ поръ думалъ я, что по крайней мѣрѣ Чернышовъ съ ними встрѣтится; не тутъ-то бывало: тотъ все по своему дѣлаетъ. Адмиралъ никакъ не хочетъ идти за Вислу, даже казакамъ не велитъ преслѣдовать до Данцига, потому что свѣтлѣйшій не велѣлъ идти далѣе Вислы. Ну для чего же не гнать ихъ до Данцига отъ Маріенбурга? Упрямство, самолюбіе и безтолочь, чего же хуже? Сегодня дѣлается росписаніе кантониръ-квартиръ. О, точно азбучный учитель! Не знаю, куда тебя поставить: пришли скорѣе. Яшвиль идетъ также въ Маріенбургъ.

Витгенштейнъ сказался больнымъ и уѣхалъ въ Кенигсбергъ. Штейнгель просится. Увы! Адмиралъ, ужель адмиралъ, всѣмъ закомандуетъ? Что̀ будетъ, то будетъ. Наше дѣло терпѣть и служить.

8.

Бромбергъ, 6 Февраля 1813.

Старикъ нашъ*) любитъ порядокъ, отправляетъ комисаріатскаго чиновника для принятія сукна и удовлетворенія Чаплицова отряда, потомъ прежде твоего тѣхъ только людей, у коихъ шинели выносили сроки или пришли въ совершенную негодность, а въ кавалерію даетъ на рейтузы. О сапогахъ не худо ежели бы ты представилъ рапортомъ, буде находишь какую возможность. Разбойнику, который отъ Рахманова присланъ будетъ, воли не давай.

Ну я ли бы не хотѣлъ къ тебѣ пріѣхать! Но какъ же пріѣхать? Право нельзя, особенно теперь. Я радъ замучиться. была бы польза.

Теперь я тебя смѣло поздравляю генералъ-лейтенантомъ. Посланнаго отъ насъ офицера съ извѣстіемъ о Познани Государь поздравилъ чиномъ и далъ ему крестъ; слѣдовательно доволенъ. Вы прочтете. Я здѣсь слышалъ, что Государь тебя дѣйствительно велѣлъ еще въ Петербургѣ произвести; объ этомъ и Барклай, говорятъ, слышалъ и до пріѣзду сюда думалъ, что ты произведенъ; но Горчаковъ будто бы забылъ. Теперь будешь, собака, генералъ-лейтенантомъ, а потомъ нашимъ любезнымъ главнокомандующимъ. Винценгероде въ Калишѣ разбилъ Саксонцевъ, взялъ 8 пушекъ и 200 человѣкъ. Закревскій еще въ Петербургѣ и сюда будетъ.

---

*) Т.-е. князь Кутузовъ. П. Б.

Увѣдомь, сдѣлай дружбу, гдѣ Вяземскаго экипажи. Михайла Богдановичъ хочетъ купить его верховыхъ лошадей. Наши проклятые комисаріатскіе о сю пору разсчету сдѣлать не могутъ.

9.

11 Февраля 1813 года.

Кривые планы не позволяютъ идти далѣе: а кривой герой расхрабрился и хочетъ поймать Богарне. Ну такъ ли ловятъ? Тебѣ остановка безъ нужды въ Познани, а Витгенштейнъ началъ поздно: еслибы онъ двинулся въ то время къ Ландсбергу, какъ ты былъ въ Рогознѣ, это бы дѣло иное: но теперь не надѣюсь. Что же дѣлать, если побѣдитель думаетъ, что непріятель будетъ ждать, покуда онъ что-нибудь выдумаетъ; а между тѣмъ главнокомандующій не смѣй пошевелиться; говорятъ—противно общему правилу. Конечно противно, да какому? Плану интригъ его. Намъ такъ надобно, чтобъ не только дѣло-то сдѣлать, да мы еще не менѣе того смотримъ—кто сдѣлаетъ. Главнокомандующій представлялъ вотъ что́: 1-е. Армія моя, какъ ни малочисленна, гораздо бы болѣе принесла пользы движеніемъ своимъ къ Одеру, согласуясь съ движеніями сосѣдственныхъ колоннъ; передъ Торномъ же оставить корпусъ отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ для блокады. 2-е. Заниматься осадою Торна не считаетъ онъ полезнымъ, особенно не имѣя достаточныхъ средствъ; если же хотятъ вести осаду, то чтобы приказали занять Познань другими войсками, а тебя придвинуть сюда. Но на

двукратное о томъ представленіе *ни слова.* Только объ тебѣ пишутъ; а что̀ остальнымъ дѣлать, ни полсловечка. Теперь нельзя, а послѣ покажу тебѣ общій планъ, по которому ты будешь видѣть, что движеніе къ Франкфурту не отъ насъ зависитъ, а общій планъ дѣлается для кого-нибудь. Вотъ тебѣ отвѣтъ на вчерашнее письмо. Ты мнѣ другъ, котораго я ни на что не промѣняю; а потому и надобно сказать, что я вчера, получа письмо твое, подумалъ: вѣрно Чаплицъ просилъ его написать, и по обыкновенію моему было мнѣ досадно. Виноватъ ли я, что у меня такой странный характеръ? Чаплицъ человѣкъ честный но.... Вотъ тебѣ рапортъ его.

10.

Конечно для всякаго благоразумнаго человѣка покажется странно, чтобы предписанія главнокомандующаго дѣлались частнымъ начальникамъ прямо и не пересылались чрезъ тѣхъ, у кого они въ командѣ. Но у пресмыкающихъ, каковыми набита квартира Кутузова, это вещи обыкновенныя. Вообрази же себѣ, что мы даже и маршрута не имѣли, а ты получилъ. Какой же честный человѣкъ служить можетъ послѣ этого? Ну за что̀ обижаютъ такъ почтеннаго старика? *) Ну сто́итъ ли его кривой побѣдитель? Онъ терпѣливъ и конечно не осердится скоро: но наконецъ и камень лопнетъ. Я надѣюсь, что Государь по пріѣздѣ въ Познань, тебя поздравитъ.

---

*) Т.-е. Барклая-де-Толли. П. Б.

11.

Февраля 22-го, 1813.

Буде бы въ Познанѣ была книжная лавка, я бы хотѣлъ купить *Jomini*; у меня этотъ ouvrage пропалъ. Нѣтъ ли у тебя моихъ бредней касательно образованія легкой пѣхоты? Пришли, сдѣлай дружбу; журналистъ покою не даетъ. Теперь онъ уже не издаетъ журналу, а отрывками пишетъ критику на генераловъ. Между прочими я недавно читалъ сравненіе Полтавской баталіи съ Гейльсбергской, гдѣ онъ не довольствуется однимъ сравненіемъ, но для лучшей ясности бранитъ Бенигсона. Не знаю, бранилъ ли бы онъ его прошлаго году; но сравненіе отъ того ничуть не яснѣе.

Г. интендантъ Рахмановъ крайне лѣнивъ. Я не могу быть имъ доволенъ по службѣ, особливо на счетъ слабости его къ провіантскимъ и комисаріатскимъ чиновникамъ. Впрочемъ партикулярныхъ неудовольствій у насъ никакихъ не было, и я на него никакъ не сердитъ.

Какъ ни говори, а экспедиція твоя отнюдь не блистательная, да и отрядъ не по чину. Я знаю, что ты на другихъ не похожъ и пойдешь туда, куда пошлютъ. Да для меня не равно: мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты нынѣшнюю кампанію сѣлъ мнѣ на голову.

Разумѣешь—это необходимо нужно для пользы службы. А въ блокадѣ мало толку для этого. Развѣ возьмемъ мы Торнъ, тогда вѣрно велятъ (хотя бы и не должно) осаждать *Кюстринъ*; тогда мы тебя съ прибавкою еще пѣхоты и Орурка пустимъ гулять. Но къ тому времени, я надѣюсь, начнутся дѣла посерьезнѣе (и осадами или интригами заниматься некогда), и тогда ты будешь нашъ авангардный.

Всѣ къ тебѣ хотятъ въ команду. Вѣдь не всѣ же они такъ привязаны, какъ я. Да отчего же? Это значитъ, что тебѣ надъ арміей командовать.

12.

Сегодня заговорилъ я фельдмаршалу о твоемъ отпускѣ. Вопросъ его былъ: развѣ онъ подалъ просьбу? Я отвѣчалъ, что докладывалъ ему словесно.—Да вѣдь онъ хотѣлъ прежде устроиться и тогда ѣхать. А потому необходимо нужно тебѣ, расположа корпусъ, пріѣхать самому, какъ уже, кажется, имѣешь ты на то позволеніе и подать просьбу: иначе прождешь и ничего не дождешься.

Если же просьба твоя подана и что я, можетъ быть, и фельдмаршалъ о томъ забыли, то и пошла она своимъ чередомъ; но не худо тебѣ самому проситься лично.

13.

Бромбергъ, отъ 6-го Марта 1813

Обо всякомъ другомъ могъ бы я подумать, что онъ остался для города, кромѣ тебя, и былъ бы неправъ. Жители Франкфуртскіе просятъ главнокомандующаго объ освобожденіи ихъ отъ постоя на время ярмарки; но онъ оставляетъ это на твою волю.

Яворскому сей же часъ велю отпустить тебѣ медикаментовъ; но каталогу не получалъ.

Я и самъ боюсь потерять Орурка; но съ другой стороны успокоиваюсь тѣмъ, что мы и сами туда же подвинемся, какъ скоро кончимъ съ Торномъ. Остановка за артилеріей, которой по причинѣ идущаго по Вислѣ льда доставить нельзя: но теперь ледъ уже почти прошелъ. Непріятель имѣетъ двѣ вооруженныя лодки, и у насъ есть шесть. Завтра начнутъ наводить мостъ чрезъ Вислу; матеріалы всѣ готовы и какъ скоро артилерія будетъ, осада тотчасъ начнется.

Дипломатическія штуки Вѣнскаго двора есть послѣдствіе, я думаю, подкупленныхъ министровъ. Теперь не понимаю, за что же Анштета такъ много наградили? Онъ ѣздилъ въ Вѣну и по возвращеніи получилъ чинъ, 2-го Владимира и 1200 червонныхъ ежегоднаго пенсіона по смерть. Это дало поводъ къ заключенію, что миссія его была для насъ весьма успѣшна и выгодна.

У васъ во Франкфуртѣ ярмарка. Я думаю ты ...., а я мучусь зубами и думаю при удобномъ случаѣ ѣхать въ Берлинъ рвать зубъ.

Стыдно и скучно не разумѣть по нѣмецки: я рѣшился учиться: купи грамматику и, сдѣлай дружбу, пришли. Мнѣ нужно только забытое прочесть и выучить нѣсколько словъ по крайней мѣрѣ, чтобы разумѣть.

На рапортъ Аргамакова Мих. Богд. *) отвѣчалъ, что онъ полагать долженъ, что адмиралъ награждалъ знаками военнаго ордена достойныхъ: а почему Житомирскій полкъ, будучи не въ авангардѣ, не получилъ, онъ въ разбирательство этого входить не можетъ. Прощай, дружище.

---

*) Михаилъ Богдановичъ Барклай-де-Толли. П. Б.

14.

Бромбергъ, отъ 9 Марта 1813.

Правда твоя, мой любезный другъ, то ли бы дѣло, еслибы смѣнили тебя Прусаками, позволили идти впередъ. Но какъ это сдѣлать? 1-е, распоряженія эти уже сдѣланы и зависятъ отъ К..... 2-е, Барклай не имѣетъ причины дѣлать такого представленія и проситься конечно не захочетъ..... Одно средство есть то, чтобъ ты это самъ сработалъ; но не обидишь ли этимъ старика? Конечно обидишь. Я думаю вотъ какъ. На этой недѣлѣ придетъ артилерія, а по прибытіи ея тотчасъ начнется осада. Что Богъ велитъ, то и будетъ; но по всему заключить должно, что Торнъ не долго будетъ держаться. Вотъ тогда по взятіи Торна идемъ мы въ Познань (если не будетъ другаго предназначенія, какъ-то Модлинъ и Данцигъ). Тогда увижу, нельзя ли будетъ тебя подвинуть, а другими замѣнить блокаду Кистрина. Если же пойдемъ къ Модлину или Данцигу, то Орурвъ, можетъ быть, примкнетъ къ намъ, потому что у него вся наша кавалерія; а съ тобой неизбѣжно надобно будетъ проститься.

Посылаю тебѣ старый Французскій бюллетень съ замѣчаніями.

15.

Бромбергъ, 11 Марта 1813.

Объ Закревскомъ ничего не слышно: говорили будто бы Волконскій при себѣ его имѣть хочетъ: а ему весьма этого не хотѣлось: но чѣмъ комедія сія кончится, не знаю.

Орурвъ пишетъ, что Государь ѣдетъ въ Кенигсбергъ изъ Бреславля; но я думаю развѣ въ Берлинъ и тогда поѣдетъ черезъ Франкфуртъ *): вотъ тебѣ Черный Орелъ, конечно, будетъ. Теперь орлы полетятъ стадами; только жаль, что они по природѣ на стерво падки: на тебѣ онъ будетъ совсѣмъ не та птица.

*) На Одерѣ. П. Б.

16.

Ты пишешь, что я Бога не боюсь. Зачѣмъ идти послѣ Торна къ Модлину или Данцигу? Да зачѣмъ и Торнъ осаждать, не лучше ли Модлинъ? Торнъ намъ ни къ чему не служитъ и ничего не мѣшаетъ. Модлинъ нуженъ для водяной коммуникаціи Буга съ Вислой, но есть на свѣтѣ кривые князья. Оперманы, интриги, эгоизмъ и прочая дрянь — вотъ и причины для сего. Иди, мой другъ, иди! Покажи, что Воронцовъ не даромъ чины получаетъ, и ему завидовать безсовѣстно и стыдно.

Смерть покойника Вяземскаго погубила жену его, женщину добродѣтельную, которая съ четырьмя сыновьями осталась безъ куска хлѣба. Помоги въ сдачѣ полку, чтобы не притѣсняли. Документы нужные у меня.

17.

Марта 21 дня, 1813. Пивница.

Въ повелѣніи свѣтлѣйшаго написано: „Со времени выступленія изъ подъ Кюстрина г. л. графъ Воронцовъ поступаетъ подъ распоряженіе генерала отъ кавалеріи гр. Витгенштейна, но по внутренности обо всемъ относится къ вамъ". Ну скажи пожалуй, есть ли тутъ толкъ?

Кавалерію всю почти взяли: теперь конечно не нужно, да ужъ по всему видно, что намъ изъ одной осады переходить къ другой. Но если не такъ, то зачѣмъ же обижать почтеннаго старика, который, забывъ всѣ сдѣланныя ему обиды, служитъ конечно лучше самаго кривого, съ которымъ и я стыжусь равняться. Мерзости до того простираются, что какой-то Ляпуновъ, по праву полковаго командира Кутузова полка, останавливалъ всѣхъ выздоровѣвшихъ нашихъ и причислялъ въ свой Псковской полкъ.

Екатерина Павловна поѣхала*) въ Вѣну. Дай Богъ ей счастья.

---

*) Великая княгиня, тогда вдова. П. Б.

18.

Сдѣлай одолженіе, выпиши мнѣ изъ Берлина L'art de la guerre par Wernon и Essai de Physique par Izarn, только если всѣ три части или хотя двѣ, а не иначе. Нѣтъ ли также Traité du système de guerre moderne?

Волконскій по повелѣнію кривой власти извѣщаетъ насъ, что во Франкфуртѣ нѣсколько тысячъ Французовъ. Экой страхъ!

Посылаю къ тебѣ по волѣ главнокомандующаго копію, что̀ пишемъ мы къ нему о продовольствіи. Если нужно что̀, пошли, а не сочтешь нужнымъ, то и не посылай.

19.

23 Марта.

Сейчасъ получилъ письмо твое, любезнѣйшій мой другъ, отъ 20-го Марта, и при немъ замѣчанія мои. Мих. Богд. велѣлъ мнѣ сдѣлать другія подробнѣе. Да бѣда та, что я долженъ поддѣлываться въ нихъ подъ Петербургскіе маневры, потому что иначе ихъ не примутъ.

Кто прежде откроетъ кампанію, т. е. соберется съ силами, тотъ и правъ будетъ. Иди, Богъ съ тобой,

бей Французовъ! Я радъ, что ты попалъ къ Витгенштейну: у него служить хорошо.

Мы съ 25-го на 26-е откроемъ траншею, т. е. начнемъ глупую комедію. Ну къ чему намъ этотъ Торнъ, въ которомъ сидитъ не болѣе 1500 Баварцевъ и Поляковъ, да и тѣ бѣгутъ всякій день? Не лучше ли бы употребить эту армію въ полѣ? Нѣтъ, надо дурачиться. Я этого иначе не принимаю.

20.

Маія 16 дня 1813. Д. Лазанъ, въ одной милѣ отъ Швейдница.

Михайла Богдановичъ сдѣланъ, наконецъ, главнокомандующимъ обѣихъ союзныхъ армій. Жаль, что тебя и Орурка здѣсь нѣтъ. Чтó вамъ дѣлать подъ Магдебургомъ? А здѣсь весьма бы вы кстати. Третьяго дни было аріергардное дѣло весьма хорошее. Генералъ Блюхеръ командовалъ нашими войсками и Прусскими. Шельмамъ Французамъ порядочно досталось: взято 16 пушекъ и самъ Ней, который былъ въ своемъ авангардѣ, едва уплелся; онъ обязанъ спасеніемъ быстрому коню своему, но это не помѣшало имъ вчера опять тѣснить нашъ аріергардъ. Войска какъ наши, такъ и Прусскія, дерутся славно. Только умѣлъ бы кто водить. Не понимаю намѣренія, зачѣмъ мы сюда повернули; но не могу полагать, чтобы это было безъ какой-нибудь довольно важной причины. До сихъ поръ потеря непріятельская гораздо превосходнѣе нашей, но мы все-таки

ретируемся. Это мнѣ не нравится. Зашли въ Бауценъ, взяли позицію, дали непріятелю собрать всѣ свои силы, открыли всѣ наши операціонныя линіи и пр. Кажется, худо; но когда Французы шли въ Москву, казалось еще хуже, а потому и теперь надобно ждать конца и тогда судить. *Великъ Богъ Русскій!*

21.

Маія 21. Д. Крейцъ, въ окрестностяхъ Швейдница.

Не знаю, какъ проѣдетъ твой курьеръ, а потому и писать многаго не могу. Французы заняли Бреславль. Г. Шульцъ, который стоялъ между Неймарка и Бреславля, такъ скоро отступилъ къ Олау, что никто и не думалъ, чтобъ его уже не было въ *Лиссѣ*. Не сказалъ никому и улизнулъ.

Можешь себѣ представить, какая мнѣ скука. Я теперь здѣсь живу и ничего не дѣлаю. Михайла Богдановичъ желаетъ, чтобъ я былъ при немъ въ должности начальника главнаго штаба обѣихъ союзныхъ армій, а Волконской въ таковой же при Государѣ. Но до сихъ поръ никакой резолюціи нѣтъ, и я не знаю, чтó со мною будетъ. Волконской сердится и говоритъ, что этому не бывать, да я бы и радъ. Теперь не время спорить, надобно служить. Я готовъ быть тамъ, гдѣ прикажутъ и кромѣ службы ничего не прошу. Всѣ дѣла теперь идутъ еще чрезъ Волконскаго: но касательно твоихъ представленій я

готовъ ходатайствовать за достойныхъ. Дѣло, должно быть, принято хорошо: иначе быть не можетъ, и по моему Борисовъ въ этомъ случаѣ достойнѣе могъ бы получить 3-го Георгія нежели Мадатовъ за *Калишъ* и пр.

Позиціи! Увы, проклятыя позиціи! Непріятель пошелъ къ Бреславлю, а мы въ Швейдницъ. На дорогѣ, идущей чрезъ Яуеръ, есть непріятель, но весьма слабый. Жаль, что не могу всего писать. La serrure à la bouche, la clef est au coeur. On a fait un armistice de 24 h. Dieu nous préserve de la paix...!

22.

Горько, любезный другъ, соглашаться на перемиріе, когда злодѣю его-то и надобно. Дѣлать нечего! Помоги Богъ! Буду работать, какъ волъ, чтобъ устроить все къ будущей войнѣ, лишь бы не помѣшали. Я боюсь миру, какъ чорта. Перемиріе, полагаю я, сдѣлалъ онъ для того, что идти далѣе не могъ: съ тылу хоть худо, но щипали, слѣдовательно коммуникація невѣрная. Дѣйствовалъ же онъ по одной линіи. Теперь будетъ иначе. Великъ Богъ Русскій!

Маія 24 дня
1813.

23.

Маія 31-го дня 1813 года, г. Рейхенбахъ.

Нельзя не чувствовать, сколько облегчили мы непріятеля согласіемъ на перемиріе.

Прусаки дерутся славно; но все лучше безъ союзниковъ, если можно. Своя рубашка къ тѣлу ближе. Много бы хотѣлъ я къ тебѣ писать, любезный мой другъ; но нельзя.

Я точно на каторгѣ. Волконскій начальникъ главнаго штаба при Государѣ оставилъ всѣхъ почти чиновниковъ, которые прежде у него были, а дѣла всѣ ко мнѣ присылаетъ: и ему худо, и мнѣ еще хуже. Проклинаю тотъ день, въ который попался я въ дежурные.

Австрійцы—за ними теперь дѣла стали.

P. S. О Понсетѣ, Луковкинѣ и прочихъ представленіе сдѣлано было Государю и утверждено, но отыскать въ бумагахъ не могутъ. Вотъ какой здѣсь былъ порядокъ, а всѣ чиновники обвѣшаны какъ Чупятовы.

S-t Priest est allé à Vienne voir son père. Tout le monde veut aller aux bains, c'est à dire les fénéants.

24.

Рейхенбахъ, отъ 8-го (20) Іюня 1813.

Всѣ представленія твои утверждены кромѣ о Полторацкомъ *), которому вмѣсто креста дали чинъ за то, что онъ только прапорщикъ. (Это сужденіе главнокомандующаго). Орурнъ и Понсетъ представлены къ чинамъ. Остановка было сдѣлалась за тѣмъ, что не знали, какіе у нихъ ордена: но я сказалъ, что знаю и написалъ имъ всѣ возможные. Пусть я и солгалъ, пусть я и виноватъ, лишь бы произвели этихъ достойнѣйшихъ людей.

Объ отправленіи прикомандированныхъ къ своимъ полкамъ давно приказъ отданъ; но кромѣ того я о Павлоградскихъ гусарахъ писалъ въ Винценгероде.

Борисовъ бредитъ. Почему я долженъ былъ знать, что ему пріятнѣе будетъ получить Анну съ алмазами, нежели чинъ? За Разградъ, гдѣ никто ничего не дѣлалъ, долгу нѣтъ. О переводѣ надобно формальную бумагу.—Красовскій, какъ шефъ, правъ, а говоритъ о людяхъ своихъ вздоръ: никогда никто не думалъ причислять ихъ въ какой-либо баталіонъ. Остановлены по общему и давнему еще распоряженію, чтобы изъ выздоровѣвшихъ разныхъ полковъ формировать сводные баталіоны и отправлять въ армію,

---

*) Константинъ Марковичъ. П. Б.

по прибытіи, куда распущаются они въ полки. Не смотря на то, однакоже я далъ адъютанту его открытое повелѣніе объ отпускѣ какъ музыкантовъ, такъ и людей изъ Плоцка и Гродно. Словомъ, для тебя я отказывать ни въ чемъ не умѣю, тѣмъ болѣе, что всѣ твои просьбы сопряжены съ пользою службы, хотя всякій разъ сержусь на большіе твои конверты.

По новому росписанію состоишь въ корпусѣ Бюлова, а партизаны всѣ въ корпусѣ Вальмодена; а оба корпуса у принца Шведскаго. Я этого не апробую; но имѣй покуда терпѣніе: авось передѣлаемъ.

Я боленъ какъ собака... но объ леченьи заикнуться стыжусь.

25.

Рейхенбахъ, отъ 15 Іюня 1813.

Любезнѣйшему другу Воронцову отъ Сабанѣева

Рапортъ.

1-е. Сегодня представлена докладная записка Государю о соединеніи отряда Бюлова съ отрядомъ твоимъ, любезный другъ, а Прусаки отъ тебя отойдутъ. Между прочимъ докладывалъ я, что Бюловъ тебя моложе. Объ этомъ надобно обстоятельно узнать, отвѣчалъ главнокомандующій.

2-е. За милости для бѣдной вдовы Вяземской Богъ тебѣ заплатитъ.

3-е. Теперь ожидаемъ списковъ отъ всѣхъ о генералахъ и штабъ-офицерахъ, и тогда не замедлю назначить шефа въ 13-й полкъ.

4-е. Прикомандированныхъ кромѣ гвардіи піонеръ и принадлежащихъ отряду Бюлова оставить велѣно приказомъ при твоемъ отрядѣ и причислить.

5-е. Шпіоны твои врутъ: Бонапарте живъ и здоровъ, каждый день бываетъ въ разводѣ.

6-е. У насъ въ Среду смотръ гвардіи, а въ Четвергъ или Пятницу манёвръ.

26.

Орурку и Понсету, конечно, нужно доставить чины; но Михаилъ Богдановичъ взялъ за правило безъ формальной бумаги ничего подобнаго не дѣлать: слѣдовательно нуженъ твой о семъ, равно и объ офицерахъ, объ коихъ писалъ мнѣ Орурк, рапортъ.

Государь поѣхалъ въ Богемію. Боже насъ упаси миру! Довольно плохо, что и на время помирились; но......*) увидимъ, что будетъ.

О пріѣздѣ твоемъ я хлопоталъ столько, сколько желаю тебя обнять. Но Михаилъ Богдановичъ безъ докладу Государю не рѣшается позволить: слѣдовательно надо подождать его возвращенія, котораго ожидаютъ чрезъ недѣлю.

Представь кого нибудь по твоему выбору въ шефы 13-го полка, чтобъ я могъ съ нимъ раздѣлаться. Я взялъ на себя эту обязанность.

27.

Бога ты не боишься, любезный другъ. Ужель ты думаешь, что я хотѣлъ тебѣ сдѣлать непріятность! Ну возможное ли это дѣло? Росписаніе дѣлалъ самъ

---

*) Такъ въ подлинникѣ. П. Б.

главнокомандующій, и я тогда же еще до перваго твоего письма о томъ, не зная и того, что ты старѣе, предлагалъ ему соединить Гарне съ твоимъ отрядомъ. Онъ и согласился, но не выполнилъ сіе до сихъ поръ, потому что желаетъ знать, какія войска назначены будутъ для блокады Магдебурга: а между тѣмъ велѣлъ тебѣ написать, чтобы ты относился обо всемъ прямо. Вотъ какъ дѣло было. Ну чѣмъ я виноватъ? Право, досадно. А все эта гнусная писарская должность. Росписаніе было сдѣлано прежде, а повелѣніе было послѣ писано. Не только Гарне, но и Чернышовъ будетъ у тебя въ командѣ.

„Если важныя дѣла, коими вы теперь занимаетесь". Эта насмѣшка на Воронцова не похожа. Ну пусть я виноватъ, что не читалъ рапорта, какъ ты думаешь; но изъ рапортовъ старшинства все бы не видѣлъ.

Послѣ этого и я боленъ. Это уже не первая мнѣ встрѣча съ людьми, коихъ я не только люблю, но и душевно почитаю. Чортъ же возьми все!

Письма̀ главнокомандующему не отдавалъ, потому что не счелъ нужнымъ. Впрочемъ если хочешь, напиши.

Объ скорѣйшемъ отправленіи просить меня было не нужно, потому что я и самъ бы съ извиненіемъ готовъ ѣхать. Съ извиненіемъ. хотя право ничѣмъ не виноватъ; но предъ тобою готовъ сто разъ и правый извиняться, лишь бы не подать причины къ неудовольствію.

28.

Рейхенбахъ, отъ 4 Іюля 1813.

Письмо на двухъ листахъ по пунктамъ, отзывающимся неудовольствіемъ, я получилъ и въ доказательство того, что не считаю за тягость отвѣчать по службѣ, а тѣмъ болѣе людямъ, дружбою коихъ прежде пользовался, туже минуту на каждый вопросъ пишу отвѣтъ.

1-е. Отвѣтъ на пунктъ сего N посланъ съ Арсеньевымъ, который, надѣюсь, теперь уже пріѣхалъ.

2-е. Не знаю, за что заслуживаю благодарность по письмамъ, посланнымъ съ Луковкинымъ и Ягницкимъ. Содержанія ихъ не упоминаю. Душевно желаю всегда заслужить оную.

3-е. О Букинскомъ завтра же доложу главнокомандующему и думаю, что затрудненія никакого не встрѣчу. Въ сдачѣ полка Государемъ сумнѣваюсь по дурному къ покойнику *) расположенію, а притомъ и просить его объ томъ случаю не смѣю; слѣдовательно сдавать долженъ я, а княгинѣ нечѣмъ. Велисарьеву мѣсто за добрую его еще прежнюю извѣстную мнѣ службу принадлежитъ по всѣмъ правамъ.

---

*) Князю Вяземскому. П. Б.

Весьма буду доволенъ, если представленіе мое объ немъ будетъ уважено.

4-е. О представленіи къ награжденію Прусскаго коммиссіонера не упомню, какая была резолюція главнокомандующаго. но завтра выправлюсь и не замедлю увѣдомить.

5-е. Перемиріе продолжается; объ немъ сообщено и принцу Шведскому, подъ начальствомъ коего состоятъ всѣ наши войска, въ Пруссіи и на нижней Эльбѣ расположенныя.

По 6-му, что̀ отъ меня зависѣть будетъ выполню. Для полученія скорѣйшей резолюціи на всѣ представленія, какого бы рода ни были, я бы покорнѣйше просилъ всѣ бумаги, на имя главнокомандующаго присылаемыя, приказать отдавать въ моей канцеляріи.

Я просьбами не скучалъ и не скучаю, особенно отъ людей, душевно мною почитаемыхъ. Здѣсь я разумѣю партикулярныя просьбы, а по службѣ принимать долженъ по обязанности моей.

Не угодно ли еще меня же обвинить, что многіе мѣшаются не въ свое дѣло?

Вотъ бы забавно, если бы Волконскій удержалъ Понсета. За что же я могу быть виноватъ! Это одно изъ удовольствій почетной моей должности.

За присылку 2,500 рублей благодарить не за что̀, потому что выгода обоюдная, какъ для того, кто

занимаетъ, такъ и для того, кто ссужаетъ: первый удовлетворяетъ своей необходимости, а другой получаетъ доходъ [1]).

Дай Богъ, чтобъ всѣ столько желали Воронцову добра и столько его любили какъ Сабанѣевъ.

29.

Іюля 8 дня 1813 года, Рейхенбахъ.

Вотъ еще оказія на меня быть въ претензіи: всѣ Русскія войска подъ командою принца Шведскаго должны быть подъ . . . . . [2]) ск. Винценгероде, и Воронцовъ между всѣми. Ты скажешь, что онъ тебя старѣе: ну конечно старъ, да чортъ ли въ немъ! Ты сердись, сколько хочешь, а я не могу видѣть равнодушно Воронцова въ командѣ дряннаго Нѣмца, все равно Бюлова или Винценгероде. Ну теперь не я ли по твоему опять виноватъ? Что же прикажете дѣлать? Полно колобродить и сердиться по пустому на такого человѣка, который, не смотря на всѣ твои претензіи, никогда не перемѣнится. Къ такому почтенному человѣку, какъ Воронцовъ, вольно слѣпымъ не видѣть свѣта. Я бы зналъ, чѣмъ тебѣ для пользы Россіи быть должно.

---

[1]) Заемъ денегъ у небогатыхъ сослуживцевъ былъ однимъ изъ видовъ щедрости князя Воронцова. П. Б.

[2]) Точки въ подлинникѣ. П. Б.

30.

Рейхенбахъ, отъ 20 Іюля.

На отсылку людей, принадлежащихъ гренадерскимъ баталіонамъ, главнокомандующій не согласился по причинѣ отдаленности.

О Закревскомъ надобенъ рапортъ, и я надѣюсь, что за этимъ дѣло не станетъ.

Маевскій сказалъ, что ему стыдно бы было оставить Волконскаго, который столько ему сдѣлалъ добра; да и главнокомандующій не совсѣмъ на это соглашался, а потому тогда же представленъ въ шефы Букинской.

Чернышова, сдѣлай дружбу, попроси, чтобы онъ хватовъ гренадерскихъ не присылалъ: они имѣютъ привычку привезти бумаги и послѣ носу не покажутъ. Онъ писалъ ко мнѣ о пѣшихъ людяхъ кавалерійскихъ полковъ; на счетъ сей сдѣлано общее распоряженіе, и отданы въ армію приказы. Стоило бы только франту взять приказъ,—нѣтъ: онъ толковалъ о награжденіяхъ.

О Куровскомъ Эйхенѣ велю выправиться; но я не думаю, чтобы онъ былъ награжденъ: вѣрно объ немъ, какъ офицерѣ другой службы, дѣлано представленіе Государю, которое и теперь тамъ лежитъ.

Провіантъ въ Швинемюндѣ и Кольбергѣ велѣно отдать Прусскому правительству; слѣдовательно отъ него и довольствоваться вамъ должно.

Конечно гораздо бы лучше, еслибы Винцегероде командовалъ Русскими подъ принцемъ: но мало ли бы что̀ лучше! Кажется, судя по отвѣту, главнокомандующій не того мнѣнія. Я не знаю, что́ нашли въ Винценгероде. Я его не знаю. Всю славу его сдѣлало несчастье, изъ котораго онъ такъ счастливо вывернулся. Полковъ перемѣнять, я думаю, онъ не можетъ.

Въ заключеніе всего скажу тебѣ, мой любезный другъ, что главнокомандующій носитъ только имя главнокомандующаго, а командуютъ всѣ. А начальникъ главнаго штаба также имянной: труды и отвѣтственность наша, а управляютъ побочные. Дай ума, что̀ дѣлать? Я бы хотѣлъ тебя видѣть хоть на минуту и поговорить о многомъ, чего писать нельзя.

31.

Правда глаза колетъ! А пособить нечѣмъ. Не теперь, но давно бы укомплектовать было должно, еслибъ было кѣмъ. Давно уже слышу я отъ всѣхъ эту жалобу, что не даютъ рекрутъ. Да что же я ихъ краду что ли? Всѣ кричатъ: какъ объ этомъ не позаботиться? Да почему же другимъ даютъ, а намъ нѣтъ? Словомъ, всякій толкуетъ объ себѣ и говоритъ дѣло, а виноватъ всему я. Но подумай, мой любезный, гдѣ же взять рекрутъ, если изъ

всѣхъ резервныхъ баталіоновъ Дунайскихъ и нѣкоторыхъ дивизій большой арміи Государь велѣлъ составить резервную армію, и ужели ты думаешь, что принадлежащихъ къ твоему отряду на укомплектованіе людей здѣсь задерживаютъ? Ни одинъ полкъ Молдавской арміи не получилъ ни одного рекрута. Я тебѣ объ этомъ не разъ уже писалъ.

На счетъ снарядовъ артилерійскихъ скажу тебѣ, что Яшвилю давно велѣно устроить паркъ въ Шпандау на 4 дивизіи для войскъ нашихъ въ Сѣверной Германіи, и онъ давно отвѣчалъ, что все это сдѣлано. Вотъ и вѣдомость, которую онъ подалъ. Что же мнѣ дѣлать, если обманываютъ? Здѣсь, при большой арміи Койленскій посланъ былъ свидѣтельствовать парки и нашелъ ихъ весьма, весьма плохими. Что же за это? Ничего! Что же мнѣ-то дѣлать? Не только что несправедливо не дать тебѣ корпуса, тогда когда многіе младшіе имѣютъ (и многіе старшіе не имѣютъ), но даже и никакой пользы я изъ того не вижу, какъ равно и въ томъ, чтобъ не хотѣть сдѣлать въ удовольствіе кронъ-принца и поручить команду надъ всѣми Русскими Фанъ-Сухтелену; но чтобы за это Воронцовъ не служилъ, какъ и прежде, это на него не похоже.

Іюля 31 дня
1813.

32.

Въ Данцигѣ не было соли, но Датчане успѣли привезть: а наконецъ слухи носятся, что Датчане же заняли Гамбургъ, но прежде обыватели выгнали Французовъ. Но это слухи площадные.

О, время, время! Золотое время теряли, и сзади надобно работать. Модлинъ нуженъ.

Peu des munitions, point d'artillerie de siège.

Подношу тебѣ бредни мои. Въ Уставѣ Великаго Петра законъ ясенъ, строгъ, но, казалось, для нынѣшняго времени, слишкомъ жестокъ; а потому искалъ я способу смягчить, пріискивая, что̀ бы обѣщать солдату за добрую службу; въ сравненіи съ наказаніемъ награды нѣтъ, а потому надобно было чѣмъ нибудь наполнить. Ты скажешь, я не за свое взялся: теперь у насъ есть даже и журналистъ. Правда: но мнѣ пріятно утѣшить солдата. Коли худо, поправь; будетъ лучше. Говорятъ, что Закревскаго не отпущаютъ.—По извѣстіямъ твоимъ Французы потеряли всѣ свои Германскія силы кромѣ Рейнскаго Союза. Австрійцы, чортъ знаетъ, чего хотятъ; я думаю, боятся войны и умно дѣлаютъ. Они между тѣмъ исправляются и, наконецъ, могутъ быть значительнымъ царствомъ. Послѣ такого переполоху, особливо такіе обыкновенные люди, какъ Французы, не скоро въ себя приходятъ.

33.

От 8 (20) Августа.

Государь пріемлет на себя недостатки и неисправности, каковыя окажутся в 13-м полку: но увидишь, что комисаріатскій департамент, на коего возложено исполненіе сего, не примет на счет долгов полковых (коих весьма немало) и принять не может. Слѣдовательно всѣ долги покойнаго князя *) по полку должно показать в числѣ недостающих сумм: иначе его бѣдной вдовѣ достанется платить не деньгами, а горькими слезами, потому что первых нѣт: а от того и должники удовлетворены быть не могут, и она в вѣчных хлопотах. В чем же милость Государя! У нас обыкновенно привязываются к словам и никак не смотрят на существо дѣла

Я думаю, вручитель сего, господин пролаза, цѣлит в шефы в 13-й полк, ибо в присланной от Аракчеева запискѣ сказано: употребить его на службу в корпусѣ бар. Винценгероде, об опредѣленіи же его шефом в том корпусѣ послѣдует высочайшій приказ. О Букинском давно уже сдѣлано представленіе главнокомандующему; но это интригам и проискам не помѣха.

---

*) Князя Вяземскаго. Кажется, это отец того князя Вяземскаго, который в прошлом 1892 году скончался под Серпуховым, проведя жизнь в произвольном отчужденіи от своего сословія и в искусственном сближеніи с простонародьем. Он нам показывал военныя записки отца своего. П. Б.

34.

Альтенбергъ, по дорогѣ изъ Дрездена чрезъ Диппольдисвальдъ къ Теплицу, 17 Августа.

Чудо! Пришли къ Дрездену. Простояли день, ничего не дѣлая, наконецъ рѣшились, чудо! дѣлать демонстрацію во всѣхъ пунктахъ, т. е. подвели колонны подъ укрѣпленія и начали стрѣлять; стрѣляли до ночи. На другой день (разумѣется, что онъ всякій день усиливался) непріятель, въ силахъ довольно значительныхъ, но гораздо слабѣе насъ, вышелъ изъ Дрездена и, наконецъ, попробовалъ атаковать деревню на правомъ флангѣ нашей арміи, изъ коей выгнанъ именно безъ прикрасъ штыками и потомъ изрубленъ кавалеріею. Потомъ попытался было занять деревню на правомъ флангѣ; Прусская кавалерія опять изрубила цѣлую пѣхоту колонны. Наконецъ, оставя противъ, т. е. противъ лѣваго фланга, нашей арміи не болѣе 30 т., потянулся направо. Мы атаковать его не рѣшились, потому что хороша проклятая позиція. На другой день пошли обратно въ Богемію, говорятъ, для того, что непріятель можетъ быть на нашихъ комуникаціяхъ и что всѣ наши артилерійскіе парки могутъ попасться къ нему въ руки. О, Господи Боже! Съ этой прекрасной арміей, съ этими молодцами только и слышимъ что ретирады, обойдены, отрѣзаны, да дикія ученыя слова. Что̀ будетъ далѣе, не знаю. Больно сердцу каждаго человѣка. Какіе планы далѣе будутъ, не знаю.

35.

Мы здѣсь подрались: отняли 64 пушки, взяли трехъ генераловъ живыхъ и двухъ мертвыхъ (въ числѣ первыхъ славный злодѣйствами своими Вандамъ) и до 6000 плѣнныхъ, и остановились, Богъ вѣдаетъ для чего.

Въ Шлезіи взято до сихъ поръ 103 пушки, 3 генерала, 250 ящиковъ и 18 т. плѣнныхъ.

Мнѣ кажется, стоятъ здѣсь для того только, чтобы Французы не вошли въ Богемію, и ослабить дѣйствующія арміи такою силою есть дѣло не совсѣмъ благоразумное. Если же мы здѣсь для того, чтобы отрѣзывать непріятеля отъ Везера и дѣйствовать на его коммуникаціи, то и стоять не зачѣмъ. Жаль Понсета. Мелиссино убитъ подъ Дрезденомъ.

Я далъ довѣренность Лонгинову получить деньги за алмазные знаки, мнѣ пожалованые и, буде тебѣ надобно, то взять, а не надобны, то отдать въ Ломбардъ.

Августа 23 дня 1813.
Теплицъ.

36.

Тяжелая Нѣмецкая медлительность и грубыя ошибки, а можетъ быть и политическія интриги, открыли путь бѣшеному герою вѣка уйти за Рейнъ, и такимъ образомъ близкая къ концу война отклонилась къ ея началу. Разсмотримъ теперь положеніе Франціи и личное самаго Наполеона. Франція потеряла союзъ Рейнскій, а Наполеонъ -славу непобѣдимаго и отчасти довѣренность своихъ войскъ. Франція имѣетъ еще во власти своей Италію и Голландію, а Наполеонъ секретную полицію, и страхъ контръ-революціи главною опорою его трона. Франція въ настоящемъ ея положеніи дѣлаетъ всѣ возможныя усилія къ защитѣ своей, а Наполеонъ не упуститъ дать ей почувствовать необходимость крайнихъ мѣръ. Не смотря на двѣ неудачныя кампаніи, Франція будетъ искать въ немъ спасителя своего. Вотъ главная его опора. Угнетенная Франція не можетъ защищать завоеванныя и угнетенныя Наполеономъ земли (Италію и Голландію) съ тѣмъ упорствомъ, съ каковымъ разливала она побѣды свои при начатіи сей войны. Слѣдовательно отторженіе оныхъ должно быть главнѣйшимъ теперь для насъ предметомъ.

Соображая всѣ сіи обстоятельства съ положеніемъ нашей и союзныхъ армій (не входя въ полити-

ческія скрытыя для меня связи), считаю приличнымъ: 1-е. всѣ наши силы составятъ двѣ арміи и обсерваціонный корпусъ на нижнемъ Рейнѣ между Филипсбурга и Кёльна (Cologne). Одна изъ сихъ армій вступитъ въ Голландію, а другая въ Швейцарію. 2-е. Россійская армія въ числѣ 100 т. соединится съ войсками Рейнскаго союза и состоять будетъ подъ начальствомъ одного изъ Русскихъ генераловъ. Остальныя Россійскія войска расположатся въ герцогствѣ Варшавскомъ на границахъ Австрійскихъ, а 20 т. на Днѣстрѣ.

Туркамъ вѣрить нечего. Армія въ Грузіи для Россіи безполезна.

37.

Альткирхъ, отъ 27 Декабря 1813.

Насилу могъ я дождаться оказіи писать къ тебѣ, любезный другъ, и то не имѣю довольно времени сказать всего, чтò бы хотѣлось. Офицеръ пріѣхалъ вчера при выѣздѣ нашемъ изъ Базеля. Сейчасъ ѣдемъ рекогносцировать Béfort.

Дѣла ваши вообще здѣсь не хвалятъ. Я и самъ не думаю, чтобъ война съ Датчанами приносила для насъ какую нибудь пользу: впрочемъ мнѣ кажется, это вещь весьма натуральная: принцъ *) хочетъ воспользоваться обстоятельствами и получить желаемое. Конечно, самая благопріятная для него минута.

---

*) Бернадотъ. П. Б.

Да и какъ же хотѣть, чтобы онъ для насъ только исключительно былъ полезенъ? А притомъ мы ему и обѣщали. Австрійцы, коихъ интересы должны быть гораздо сходнѣе съ нашими, не лучше принца, котораго поступокъ я нахожу дѣломъ хотя и безполезнымъ, но весьма извинительнымъ по многимъ причинамъ.

Въ Италіи успѣху никакого: Австрійцы еще на лѣвомъ берегу Адижа, непріятель въ Веронѣ. Здѣсь начало до сихъ поръ изрядно: Витгенштейнъ занялъ фортъ Луи, Сакенъ взялъ штурмомъ тетъ-де-понъ. Жители спокойны; но для важныхъ предпріятій мы слишкомъ разсѣяны, и много обстоятельствъ, объ коихъ писать нельзя. Дай Богъ, чтобы я обманулся.

38.

Langres, отъ 10 Генваря 1814.

Здѣсь дѣла, благодаря Всевышнему, покуда идутъ хорошо: только то худо, что Австрійцы немилосердно грабятъ. До сихъ поръ жители здѣсь весьма покойны и живутъ смирно.

Наполеонъ, я думаю, насъ имитируетъ, и ничего дѣятельнаго до П.... быть не можетъ. Народъ тирана не терпитъ и не только не ожесточился, но даже доволенъ переходомъ нашимъ за Рейнъ. Что вы тамъ дѣлаете? Ужель Датчанъ о сю пору не задавили, и ужели мало Шведовъ и Вальмодена для Датчанъ и Давуста?

39.

Дрезденъ, 8 Іюня (1814).

Я твою рожу знаю, а сестры твоей не знаю, а потому прошу прислать ея портретъ. Я люблю все, что̀ любитъ Воронцовъ. Дай Богъ, чтобы она родила такого же урода какъ ты.

Тебя нелегкая занесла за море, откуда ты ни слова никому не пишешь: а я, напротивъ, писалъ къ тебѣ два раза, удѣляя на нихъ праздныхъ, какъ ты думаешь, минутъ, но истинно отъ тѣхъ, кои должно бы употребить на отдыхъ. Писалъ только для того, чтобъ писать, потому что ты любишь бумагомаранье, а я люблю дѣлать то, что̀ тебѣ пріятно. Теперь пишу о дѣлѣ. Что̀ со мною будетъ впередъ, не знаю; но теперь остаюсь въ томъ же мнимопочтенномъ званіи генеральнаго писаря, ибо и армія на нѣкоторое время остается на военномъ положеніи. Государь поѣхалъ въ Петербургъ, а въ концѣ Сентября, какъ говорятъ, поѣдетъ въ Вѣну. Квартира главнокомандующаго остановится до нѣкотораго времени въ Варшавѣ. Армія раздѣлена на восемь корпусовъ, кромѣ гренадеръ гвардіи, кирасиръ и уланъ, кои составляютъ родъ резерва. Корпусами командовать будутъ полные генералы, а впредь до назначенія нѣкоторыми командуютъ старые гене-

ралъ-лейтенанты, а именно: 1-мъ Витгенштейнъ, 2-мъ Виртембергскій, 3-мъ Горчаковъ 2-й, 4-мъ Капцевичъ, 5-мъ Раевскій, 6-мъ Ермоловъ (это не знаю, почему), 7-мъ Сакенъ, 8-мъ Французъ Ланжеронъ. Дивизіями командовать будутъ генералъ-маіоры; но какъ росписаніе сдѣлалъ самъ Государь, такъ и назначеніе дивизіоннымъ начальникамъ будетъ отъ него же, и до сихъ поръ ничего еще нѣтъ. Дивизія, въ которой и твой полкъ, остается въ Герцогствѣ Варшавскомъ. Я писалъ къ фельдмаршалу и просилъ его лично о назначеніи тебѣ дивизіи на Волыни или въ Подольской губерніи. Онъ говоритъ, что докладывалъ Государю, и онъ хотѣлъ самъ всѣхъ назначить; но я не думаю, чтобы досталось тебѣ быть въ Подольской губерніи, ибо тамъ расположены тѣ дивизіи, кои отъ насъ отходятъ, и изъ нихъ составлено два особыхъ корпуса, одинъ подъ командою князя Щербатова, а другой — Рудзевича, и онѣ будутъ состоять у Бенигсена, а впредь до прибытія его будутъ относиться прямо къ военному министру. Все это дѣлано у Государя.

40.

Бреславль, 20 Іюля 1814.

Не проникая въ тайны кабинетовъ настоящаго времени, но судя по извѣстнымъ всѣмъ и видимымъ политическимъ обстоятельствамъ, миръ, къ общему несчастію, кажется весьма непродолжителенъ. Я думаю тебѣ до равноденствія нужно бы быть въ Петербургѣ, а въ Октябрѣ въ Варшавѣ. О дивизіонныхъ командирахъ никакого утвержденія еще нѣтъ; но я надѣюсь, что ты будешь имѣть 12-ю дивизію. Впрочемъ, увѣрять, кажется, не нужно, что твоихъ порученій не забуду: хотя иногда и находитъ на тебя такая блажь, будто бы я тобою не интересуюсь, но эта идея моментальная скоро исчезаетъ.

О женихѣ Повсетѣ ничего не слыхалъ съ тѣхъ поръ, какъ съ нимъ разстался.

Мнѣ кажется послѣ войны страсть къ супружеству (страсть весьма благовидная) примѣтнымъ образомъ начала дѣйствовать на воиновъ. Не жениться бы и мнѣ! А тебѣ не худо бы, лишь бы женитьба не мѣшала тебѣ служить.

41.

Варшава, 5 (17) Ноября 1814.

Въ Вѣнѣ стряпаютъ миръ, помоги Богъ! Что̀ было, то видѣли: что̀ будетъ увидимъ. Посылаю росписаніе 5-го корпуса по дивизіямъ. Квартиры на предбудущее время для 12-й дивизіи назначены во Владимирѣ на Волыни.

Если не позже Декабря пріѣдешь въ Варшаву, то легко быть можетъ что еще застанешь здѣсь главную квартиру. Если же думаешь остаться въ Англіи до будущаго года, то присылай просьбу объ отсрочкѣ, чего однакожъ прежде окончанія Вѣнскаго конгресса я бы дѣлать не совѣтовалъ.

Марія Терезія тебѣ точно дана, но еще не прислана. О Шведскихъ орденахъ фельдмаршалъ дѣлаетъ представленіе Государю, а я между тѣмъ ихъ всѣхъ увѣдомилъ.

Здравствуй, миленькая незнакомка! Это относится къ твоей маленькой племянницѣ; прошу ее поцѣловать.

42.

Варшава, 14 Февраля 1815 г.

Кто ни встрѣтится, всѣ спрашиваютъ: не пріѣхалъ-ли Воронцовъ и скоро-ли будетъ? Отвѣтъ мой „ожидаю всякій день“ наконецъ до того надоѣлъ, что рѣшился послать нарочнаго.

Изъ Вѣны ничего рѣшительнаго и никакого даже слуху опредѣлительнаго о выѣздѣ Государя. По партикулярнымъ извѣстіямъ и по газетамъ видно, какая часть Польши и Саксоніи отойдетъ Пруссакамъ.

Теперь прошу тебя, дай мнѣ совѣтъ, какъ другъ. Дѣло въ томъ: я боленъ, воды очистятъ кровь, другіе подкрѣпятъ нервы, а свобода душу. Это необходимо послѣ тѣхъ нервическихъ припадковъ, которые я безъ тебя имѣлъ. Фельдмаршалъ согласенъ Теперь дѣло въ томъ, дожидаться-ли Царя или нѣтъ: нетерпѣніе говоритъ не нужно; разсудокъ соглашается. Люди толкуютъ, что я чрезъ то много потеряю; а я думаю, что мнѣ терять нечего. Какъ ты о томъ мыслишь? Пріѣзжай, дружище, поскорѣе.

43.

Варшава, 2 Марта 1815.

По рапортамъ твоимъ, любезный другъ, надѣюсь, все исполнено будетъ по желанію твоему. Завтра доложу и завтра же отправлю присланнаго отъ тебя офицера и съ нимъ обстоятельно увѣдомлю, какую фельдмаршалъ дастъ на нихъ резолюцію.

Высочайшаго приказа о производствѣ Богдановскаго и выключкѣ Палицына мы еще не имѣли; слѣдовательно ты знаешь объ этомъ изъ газетъ, которыхъ мнѣ еще не прислали, а болѣе здѣсь никто не получаетъ: пришли этотъ номеръ. Если имѣешь въ полученіи приказъ, и того лучше, ибо министръ, какъ видно, насъ забылъ.

Тебѣ съ Краковымъ разставаться тяжело, а здѣсь всѣ по тебѣ грустятъ, особенно одна изъ моихъ кумушекъ. Пріѣдешь, все узнаешь.

44.

Марта 3 дня.

Походъ, какъ снѣгъ на голову. Сейчасъ посылается повелѣніе командирамъ 3, 4, 5 и 6-го корпусовъ, а Ермолову формировать пѣхотные полки въ

два сильные батальона, а кавалерію въ шесть эскадроновъ и быть въ готовности къ выступленію по первому повелѣнію черезъ 24 часа. Бога ради, поспѣши формированіемъ дивизіи—это предписывается секретно. Но какъ же скрыть, если надобно объявить всѣмъ для того, чтобъ всѣ были готовы? Если бы не боялся, что письмо пропадетъ, то бы сказалъ причину. По рапортамъ твоимъ сегодня не докладываю, потому что фельдмаршалъ и я цѣлую ночь не спали; но все выполнено будетъ.

45

Марта 9 дня.

Я коменданта не оправдаю, и хотя рапортъ его объ отрѣшеніи отъ должности полученъ былъ прежде Глѣбова, но возвратиться къ должности не прежде приказано, какъ по полученіи рапорта Глѣбова, изъ коего никакихъ основательныхъ причинъ къ обвиненію не было, а потому и предписано тебѣ сдѣлать слѣдствіе, но все-таки если комендантъ упустилъ, то и смѣненъ будетъ. Но, воля твоя, и Глѣбовъ чуденъ: взгляни на его рапорты и увидишь безпорядокъ въ головѣ.

Исторія, по которой Эртель желалъ денегъ для Барца, не стоитъ того, чтобъ ты, мой другъ занималъ самъ деньги; я никакъ не ручаюсь за вѣрный

платежъ, потому что совершенно ничего не знаю на счетъ состоянія Барца. Впрочемъ воля твоя, онъ просилъ тебя о 500 червонныхъ; кажется, лучше подождать. Пріѣдешь, тогда обстоятельно узнаешь.

46.

Варшава, 16 Марта 1815.

Вотъ тебѣ и новости. Государь Богдановскаго перевелъ въ 17 дивизію; но какъ у тебя нѣтъ тамъ новобранцевъ, то онъ остается съ Букинскимъ. Поздравляю.

О ружьяхъ я самъ чувствовалъ и хлопоталъ, что 27 тыс. безъ ружей не есть бездѣлица; но фельдмаршалъ никакъ не согласенъ перемѣнить положеніе, особенно потому, что на нихъ не только ружей, но и другой ружейной амуниціи не полагается.

Резервныхъ батальоновъ отбирать не захотѣлъ, потому что изъ нихъ составляется резервная армія.

Машка Луизка Наполеонша Бонапартша..... увезла было сына къ нему, но поймали. Она имѣла съ нимъ переписку, и вся корреспонденція перехвачена.

— — —

47.

Варшава, 22 Марта 1815.

Злодѣй въ Парижѣ (это официіально). Король уѣхалъ въ Лиль: но не знаютъ еще, успѣлъ ли туда добраться. Теперь нѣтъ никакого сумнѣнія, что это все было изготовлено. Господи, чудны дѣла Твоя!

Сіи двѣ эпохи, пришествіе наше въ Парижъ и возвращеніе Наполеона, не есть ли чудесныя? Война ужасная неизбѣжна. Я, мой другъ, хочу съ тобою посовѣтоваться. Знаешь ли ты, что мнѣ моя должность несносна, особенно въ военное время. Нѣтъ генерала въ арміи, отъ самаго лучшаго и достойнѣйшаго до самаго неудалаго, о которомъ бы соотечественники не находили по реляціямъ его имени, хотя изрѣдка, въ прошедшую войну, *кромѣ меня*. Воля твоя, это непріятно и очень непріятно. Я какъ будто и не служилъ, какъ будто и выстрѣлу не слыхалъ. Я знаю обязанности мои въ отношеніи къ фельдмаршалу; но если я, не огорчая его, могу пособить моему горю? Словомъ, это крѣпко меня огорчаетъ.

48.

Дрезденъ, 9 Мая 1815.

Вѣрю, мой любезный дружище, что ты искренно жалѣешь о случившейся со мной перемѣнѣ; но мнѣ кажется, что ты еще не совсѣмъ знаешь причины, къ сему меня побудившія. Не знаю, почему говоришь, что я поторопился. Чего-жъ было ждать? Теперь или никогда. Насчетъ мошенничества Дибичъ не потерпитъ, за что я побожусь. Сверхъ того и тѣмъ болѣе пакости такія на совѣсти моей не останутся, что подрядчиковъ никакихъ нѣтъ; а если бы и были, такъ зависятъ непосредственно отъ генер.-интендаита и начальника артилеріи, изъ коихъ первый и по учрежденію начальника главнаго штаба ему не подчиняется.

На корпусъ претендовать не могу, потому что всѣ корпусные полные генералы: нельзя же у нихъ отнять, чтобы мнѣ отдать? Одинъ Ермоловъ изъ генералъ-лейтенантовъ имѣетъ корпусъ. Но мнѣ этихъ, хотя впрочемъ и славныхъ, гренадеръ даромъ не надо; во-первыхъ въ резервѣ, во-вторыхъ, сколько парадовъ надобно отбыть. Мое ли это дѣло?

Между прочимъ на дивизію твою въ Бреславлѣ жаловались. Смотри, дружище, воля и холя суть двѣ вещи различныя: солдата беречь должно, а баловать

непростительно: облегчить ему участь необходимо, но не да такой степени, чтобы отъ того только, что офицеръ бить солдата не можетъ, послѣдній его и въ грошъ не ставилъ. Можетъ, мнѣ соврали: но сказали, что и свои унять не могли. За что купилъ, за то и продаю.

49.

Мая 30 дня 1815.

У меня страшныя хлопоты съ Баварцами за провіантъ: не хотятъ давать, да и только; а притомъ я предвижу страшныя затрудненія тащить его за дивизіей, которой надобно 206 подводъ, т.-е. по 26 въ полкъ и 50 въ артиллерію. Объ заготовленіи ихъ на этапахъ, я думаю, никто еще и не мыслилъ, а на походѣ трудно такое количество доставать на каждомъ ночлегѣ, особливо дивизіямъ, сзади идущимъ.

Хотя и говорятъ, что пойдемъ дивизіями, но я не вижу никакой надобности, для чего бы дивизія должна была останавливаться вся въ одномъ этапномъ мѣстѣ, не распространяясь по сторонамъ большой дороги. Я точно такъ буду дѣлать, развѣ бы непремѣнно иначе приказано было, тогда и не радъ, да готовъ; впрочемъ я полагаю, что идутъ дивизіями, чтобы на Рейнѣ скорѣе могли собраться, слѣдовательно распространеніе дивизіи въ окружностяхъ этаповъ ничему не мѣшаетъ.

Посылаю тебѣ портретъ Суворова, въ которомъ я нахожу удивительное сходство, и въ нашемъ сѣ-

верномъ героѣ ни одной черты Корсиканской нѣтъ. При случаѣ вели списать а оригиналъ вели мнѣ отдать.

Я допрашивалъ дезертировъ, и вотъ между прочимъ что открылось. Двоихъ посадили въ швальню и били, для чего они, не будучи портными, не умѣютъ шить. Одинъ бѣжалъ отъ побоевъ фельдфебеля. Ну я этого не спущу.

50.

Esselbach, 12 Сентября 1815.

Я тащусь съ дивизіей: представить себѣ не можешь, любезный другъ, какая перемѣна въ обхожденіи Нѣмцевъ съ нами, особенно Баварскихъ подданныхъ. Безпрестанныя жалобы, грубость неслыханная, словомъ, они такъ несносны, что едвали не хуже моихъ краснописанныхъ пріятелей. Увидимъ, что̀ будетъ въ Саксоніи и Пруссіи. Къ несчастію, заурядъ корпусный мой командиръ, да и само главное дежурство взяли за правило не дѣлать ничего для выгодъ арміи и все для жителей. Лишняя подвода есть криминальное преступленіе: словомъ, нѣжимъ Нѣмцевъ и забываемъ своихъ Русскихъ. Со вступленіемъ въ Царство Польское за винную и мясную порцію обѣщаетъ дать деньгами и уже приказываетъ ее положить въ ихъ артель, какъ будто оттого солдатъ сытъ будетъ. Я по старой привычкѣ не перестаю браниться, да ей Богу и несносно.

Бѣглыхъ у меня покуда, слава Богу, только 21 человѣкъ. Делизеръ требовалъ отъ меня подписки вѣдомостей, отъ него ко мнѣ доставленныхъ. Во первыхъ, не имѣлъ никакой возможности повѣрить, дѣйствительно ли то число отпущено имъ въ полки, какое онъ показываетъ, потому что два полка выбыли отъ меня изъ дивизіи; во вторыхъ не вижу никакой въ томъ надобности, потому что имѣетъ онъ квитанціи отъ пріемщиковъ.

51.

Франкфуртъ, 29 Сентября 1815.

Басаргинъ твой какъ будто бы съ неба упалъ и весьма кстати. Сейчасъ фельдмаршалъ разрѣшилъ представленіе мое касательно пособія полковымъ начальникамъ, за передѣлку ранцевъ, перекраску мундировъ и пр. Въ каждый полкъ и артилерійскую бригаду по 100 червонныхъ, да въ піонерную роту по 30 черв., которые съ нимъ же и посылаю.

Я тебя не дождался въ Нанси, потому что Закревскій сказалъ, что не будешь скоро.

Я ѣду въ Варшаву, а оттоль въ Дубно. Но какъ я отпущенъ на годъ по приводѣ дивизіи на квартиры, то я надѣюсь съ тобою увидаться.

52.

Лейпцигъ, 30 Октября 1815.

Проходя мимо, заѣхалъ въ Лейпцигъ. Представить себѣ не можешь, какъ Нѣмцы подняли носъ; даже Саксонцы не тѣ уже что̀ были. Чего ожидать въ Пруссіи! Теперь вѣрно тріумфальныхъ воротъ намъ ставить не будутъ: дай Богъ, чтобъ только не задирали.

Побѣги у меня, слава Богу, менѣе нежели я думалъ. До сихъ поръ въ дивизіи не болѣе 46. Худое расположеніе Нѣмцовъ немало намъ въ томъ благопріятствуетъ.

Я занимаюсь на досугѣ нѣкоторыми предметами касательно устроенія арміи, а именно.

1. Улучшеніе офицерскаго состоянія.

2. Воспитаніе унтеръ-офицеровъ.

3. Обученіе солдатъ многому полезному вмѣсто мудреныхъ кукольныхъ маневровъ, какъ то понятіе правильнаго употребленія артилерійскихъ орудій, дерновая кладка, вязка фашинъ, плотовъ, туровъ и проч.

53.

Sagan, $^{9}/_{21}$ Ноября 1815.

Если бы не съ тобою, любезный мой другъ, то истинно бы поссорился. Взять у меня двухъ такихъ молодцовъ, какъ Лисаневичъ и Ахлестышевъ, можно дѣлать только тебѣ со мною. Положимъ, первый тебѣ давно знакомъ, а я тогда былъ калифъ на часъ: но послѣднiй? Съ тѣхъ поръ, какъ я опредѣлилъ себя вѣкъ на службу и ничѣмъ столько не занимаюсь, какъ своей дивизiею, взяли у меня двухъ славныхъ генераловъ и два лучшiе полка, вмѣсто которыхъ дали все, если не совсѣмъ худое, такъ конечно гораздо хуже. Больно, но кому жаловаться? Развѣ при случаѣ сказать Государю. Но когда это быть можетъ, и къ чему послужитъ?

Единственное желанiе мое состоитъ въ томъ, чтобъ тебя произвели: тогда я дезертирую къ тебѣ въ команду, гдѣ бы ты ни былъ.

54.

Дубно, 10 Января 1816.

Я весьма обманутъ въ моихъ разсчетахъ. любезнѣйшій, единственный другъ мой. Кто бы могъ воображать, чтобы Кованько, который былъ всегда такимъ хорошимъ должникомъ, разстроилъ до конца всѣ мои прожекты! Фельдмаршалъ увезъ меня сюда по пустому, а Кованько не прислалъ денегъ: и такъ я не только за границу, но едва ли наберу съ чѣмъ и на Кавказъ съѣздить. Дней черезъ 10 поѣду домой. Что̀ будетъ далѣе, теперь не могу сказать; однакожъ надѣюсь быть въ Петербургѣ.

Говорятъ, будто мнѣ назначенъ корпусъ, бывшій Ермолова, а на мѣсто мое Эссенъ; на мѣсто Ланжерона—Остерманъ, а на мѣсто Эссена—Тучковъ; вотъ моя перспектива службы, благодаря Бога и Государя. Обязанъ служить, покуда силы позволятъ; а какъ я не могу служить, какъ многіе и поставляю главнѣйшимъ подражать тебѣ, мой рѣдкій другъ, то и написалъ Мысли о солдатѣ, изъ коихъ, конечно, многое многимъ не понравится; но я желалъ бы знать твое обо всемъ томъ мнѣніе и для того тебѣ посылаю.

Вслѣдъ за симъ доставлю тебѣ адресъ вѣрный, когда узнаю вѣрно о назначеніи моемъ.

Рапортъ или лучше сказать жалоба Удома на меня и Годенна меня удивляетъ. Ужель я мало сдѣлалъ для корпуса, коимъ командовалъ? Ужель можно было подумать, что я денегъ, назначенныхъ полкамъ, отпустить не хотѣлъ? Но какое же право давать деньги, если вещи взяты въ натурѣ? Спроси у Делизера: онъ покажетъ тебѣ подробно, что̀ получила дивизія; тогда увидишь ясно, что это стоило, конечно, для каждаго полка болѣе нежели вдвое назначенная для нихъ сумма 4 т. черв.

Если я буду корпуснымъ, хочу завести унтеръ-офицерскую школу, въ которой будутъ учить первымъ основаніямъ математики, глазомѣрной съемки, первоначальныя познанія полевой фортификаціи и артилеріи, практическое употребленіе полевой артилеріи и построеніе полевыхъ укрѣпленій, словомъ все то, что̀ для всякаго легко и весьма полезно. Желательно бы, еслибъ унтеръ-офицеры сіи по экзамену выходили въ офицеры; они будутъ несравненно лучше многихъ, да и почти всѣхъ выпускаемыхъ нынѣ изъ корпуса и негодяевъ дворянскаго полка.

55.

Ярославль, отъ 17 Апрѣля (1816).

Въ короткихъ словахъ выражу тебѣ настоящее положеніе мое (schlechte Position), милый другъ. Отпустили на годъ, сдѣлали корпуснымъ, дали денегъ на дорогу; кажется, все хорошо — не тутъ-то бывало. Назначеніе въ корпусные считаютъ универсальнымъ цѣлительнымъ средствомъ отъ всѣхъ болѣзней и потому говорятъ: если я не хочу потерять корпуса, долженъ возвратиться къ оному. Глупо бы съ моей стороны было, если бы я забавамъ предпочелъ службу, еще бы глупѣе, когда бъ упрямился; но, чувствуя необходимость пользоваться водами и думая впередъ служить и быть полезнымъ хоть бы и не корпуснымъ, не смотря ни на что ѣду на Кавказъ. Вотъ эта бѣда кое-какъ съ рукъ долой покуда. Другая бѣда ближайшая къ сердцу, домашнія обстоятельства, коихъ отъ тебя, какъ друга, не скрою. 1-е, двѣ сестры мои родныя, преиесчастныя замужествомъ и по Богѣ никакой подпоры на шарѣ земномъ неимущія, требовали моей помощи. Одна, наиболѣе несчастная и бездѣтная, должна была оставить мужа; на это нужно было мое посредство и потомъ вспоможеніе для жизни по возможности. Я, слава Богу, имѣя чѣмъ помочь, удѣлилъ что̀ могъ. Другая сестра съ дѣтьми осталась съ пьяницею своимъ; но какъ онъ все расточилъ,

и той отдалъ свою деревушку. Вотъ и другая бѣда съ рукъ долой. 2-е. Имѣніе мое управлялось братомъ, который, къ несчастью и сожалѣнію общему родныхъ и знакомыхъ, умеръ скоропостижно. Денегъ моихъ должно бы быть у него тысячъ болѣе 30-ти. Не могу отыскать концовъ, а между тѣмъ понукаютъ изъ Петербурга, и надобно ѣхать на Кавказъ. Вотъ мой schlechte Position.

Фельдмаршальша вырвала таки изъ запасовъ нашихъ въ Петербургѣ 125 бутылокъ. Ну въ этомъ бѣда не велика. Я не зналъ, сколько на мою долю есть. За эти деньги возьми себѣ, а мнѣ уступи бутылочекъ 50 non-mousseux и, буде можно, красной мадеры дюжины двѣ или хоть одну и что̀ стоитъ, увѣдомь.

Пансіонъ поручилъ я получать Николаю Михайловичу Лонгинову; какъ говоритъ онъ, что тебѣ деньги нужны, то и писалъ къ нему, чтобы отъ каждой трети оставлялъ для тебя по тысячѣ, а мнѣ давалъ бы только записочки въ полученіи. Съ Ковальки также, когда получу 25 т., тебѣ же отдамъ; только назначь, гдѣ брать проценты, ибо безъ нихъ жить будетъ нечѣмъ.

Мысли о солдатѣ *тебѣ нравятся:* радуюсь, что мнѣнія мои на счетъ почтеннаго солдатскаго сословія съ твоими согласны. Тебѣ не нравятся бороды развѣ только отъ того, что Прусскіе партизаны ихъ имѣли; впрочемъ, право, хорошо. Знаешь ли ты, что раскольники здѣшніе (почти все мѣщанство) ни объ чемъ такъ не жалѣетъ или по крайней мѣрѣ повидимому ничего съ такимъ сокрушеніемъ не остав-

ляютъ, поступая въ солдаты, какъ бороды свои? Раскольниковъ у насъ много; но это бы еще не важная причина, если бы не было другихъ важнѣйшихъ, объ коихъ здѣсь говорить негдѣ.

У меня есть еще другой прожектъ не менѣе интересный: я думаю имъ заняться. Вотъ онъ. Унтеръ-офицеры изъ дворянъ убиваютъ свое время въ полкахъ по пустому. Я бы думалъ (и теперь дѣлаю планъ) составить небольшой курсъ познаній нужныхъ для субалтернъ-офицеровъ на подобіе instruction aux sous-officiers только съ нѣкоторыми добавленіями напр., дать ему первоначальныя правила математики, необходимыя для глазомѣрной съемки и составленія и копировки плановъ, дать идею объ осмотрѣ дорогъ, нѣкоторыя краткія свѣдѣнія практической артиллеріи, напр. portée des armes à feu, краткія познанія полевой фортификаціи. Такова рода свѣдѣнія не требуютъ большой учености, а приносятъ большую пользу. Когда офицеры имѣть оныя будутъ, тогда всякій бѣдный дворянинъ, да и богатый, не пожалѣютъ отдать своего сына въ службу скорѣе нежели въ корпусъ: словомъ, польза очевидная, если только будутъ производить по экзамену, а не присылать изъ дворянскаго полку неграмотныхъ.

Прости, безцѣнный дружище.

56.

Константиногорскъ, 18 Мая 1816.

Здравствуй, мой любезнѣйшій другъ! Четыре дни тому назадъ пріѣхалъ я къ водамъ. Больно видѣть, что такое благотвореніе природы остается совершенно необработаннымъ: во всемъ чрезвычайный недостатокъ и неудобство. Представь себѣ, что одинъ сидитъ въ ваннѣ, а десятеро ждутъ, и это при нынѣшнемъ маломъ еще съѣздѣ больныхъ. Никакого порядку; ничего не только для удовольстія, даже для необходимыхъ потребностей съ трудомъ и за большія деньги сыскать можно. Представь себѣ, что я за маленькій карточный домикъ и кибитку у ваннъ, гдѣ отдыхаю послѣ ваннъ, плачу въ мѣсяцъ 450 р. Состояніе бѣдныхъ офицеровъ, сюда пріѣзжающихъ, истинно жалко. Представь себѣ, что докторъ, который долженъ бы знать воды и употреблять ихъ по свойству и роду болѣзней, пріѣхалъ въ одно время со мною. Словомъ, нельзя не жалѣть и не сѣтовать.

Въ проѣздъ мой черезъ Воронежъ, наслышался я о крестьянахъ твоихъ въ Павловскомъ уѣздѣ и говорилъ съ однимъ мальчикомъ изъ Воронцовки, который меня везъ изъ Павловска. Мнѣ кажется, нѣтъ другаго бóльшаго удовольствія, какъ быть добрымъ

господиномъ. Ты, мой безцѣнный другъ, отецъ нѣсколькихъ тысячъ. Кто этому не порадуется? Признаюсь, въ семъ только случаѣ могъ я тебѣ позавидовать. Ты дѣлаешь блаженство нѣсколькихъ тысячъ, а я едва ли одной сотнѣ.

Открою тебѣ, какъ другу: я былъ дома и нашелъ дѣла мои крайне въ разстроенномъ положеніи: особенно огорчило меня положеніе сестры моей Аргамаковой. Она должна была его оставить, да и другія обстоятельства болѣе сдѣлали мнѣ огорченія, нежели удовольствія. Теперь изъ всего капитала моего около 110 т. осталось только съ твоими 55 т. и три тысячи пансіона. Но не думаю, чтобы я ихъ употреблялъ, какъ знаешь, напр. для m-me Roland. Право, нѣтъ. Здѣсь есть нѣсколько несчастныхъ въ плѣну у Чеченцевъ, ихъ можно выкупить. Я намѣренъ сдѣлать обстоятельство сіе извѣстнымъ чрезъ журналы. Ужель у насъ мало истинно-добрыхъ людей? Не тѣхъ хлѣбосоловъ, что́ кормятъ сытыхъ, а крестьяне ихъ съ голоду мрутъ. Нѣтъ, истинно-добродѣтельныхъ, благонравныхъ людей. А между тѣмъ писалъ въ Петербургъ, въ Москву и въ Ярославль, чтобы собрали для выкупу одного несчастнаго маіора Швецова, за котораго просятъ 8 т. рублей серебромъ. Возьмутъ вѣрно менѣе, и мнѣ хочется это дѣло при себѣ кончить. Не соберешь ли, дружище, ты у себя въ корпусѣ хоть сколько нибудь на такое благотворительное дѣло? Если соберешь, перешли ихъ ко мнѣ черезъ Николая Михайловича. Если меня здѣсь и не будетъ, то я поручу здѣшнему губернатору, человѣку истинно-благородному. На выкупъ Швецова прислать не поспѣешь, такъ есть другіе.

Здѣсь проявилась, да и давно уже существуетъ, секта отступниковъ отъ вѣры, называемыхъ Молоканами. Они точно Жиды. Правительство поручило здѣшнему безграмотному, пьяному и болѣе ихъ развратному духовенству обратить ихъ на путь спасенія. Средство сіе покажется благоразумнымъ для всякаго иностранца: а для тѣхъ, кто знаетъ Кавказскую губернію и вообще почти все Русское духовенство, тотъ знаетъ ему цѣну и чувствуетъ, что успѣху изъ того быть не можетъ.

Я составляю теперь курсъ военныхъ познаній для унтеръ-офицеровъ. Помоги мнѣ своими способностями. Да нѣтъ ли какихъ книгъ для сего предмета?

57.

Константиногорскъ, отъ 3 Іюня 1816.

Вотъ уже 18 дней, мой любезный другъ, какъ живу я здѣсь между полудикими народами Кавказской линіи. Скука смертельная, заниматься не позволяютъ; да я самъ чувствую, что въ припадкахъ моихъ, особливо употребляя горячія сѣрныя ванны (Малахова ванны и съ купоросною ихъ кислотою есть ничто противъ здѣшнихъ натуральныхъ), глубокомысленныя занятія здѣсь не кстати. А между тѣмъ нѣтъ человѣка, ни даже человѣчицы изъ всѣхъ, кто здѣсь есть, съ коими бы въ три часа знакомства все переговорить было невозможно, такъ что при третьей встрѣчѣ начинается *да*. Третьяго дни пріѣхалъ сюда Казачковскій; но онъ также тяжелъ на знакомство, какъ и я, слѣдовательно мы одинъ другому скучать не помѣшаемъ. Ермоловъ, говорятъ, поѣдетъ на Астрахань, ибо онъ назначенъ посломъ въ Персію. Предмѣстникъ его Ртищевъ получилъ повелѣніе сдать старшему по себѣ (какъ говорятъ), не ожидая Ермолова. Кто же этотъ старшій? Розенъ, старикъ лѣтъ 66 - 70 и болѣе, котораго можно назвать живымъ и не похоронить потому только, что хоть изрѣдка, да дышетъ и хоть плохо, да шевелится. Здѣсь на линіи командуетъ г.-м. Дельпоццо, старикъ, но еще годный, особенно здѣсь, потому

что уже 20 лѣтъ на линіи. Онъ всѣхъ и его всѣ знаютъ. Отъ тебя пріѣхалъ курьеръ для покупки лошадей, и я присоединилъ просьбу мою къ твоей. Еслибы зналъ толкъ, то и самъ бы выполнилъ твою коммиссію. Впрочемъ тебѣ, мой другъ, въ моемъ пособіи большой нужды нѣтъ, ибо нѣтъ человѣка въ Имперіи нашей, который бы тебѣ въ чемъ нибудь отказалъ.

Я, кажется, тебѣ писалъ о домашнихъ моихъ обстоятельствахъ. Плохо, весьма плохо.

Я наконецъ рѣшаюсь писать къ Аракчееву (который взялъ подъ защиту свою инвалидовъ) и представить ему подробно всѣ здѣшніе недостатки. Гора, самая гора или, лучше сказать, утесъ, на коемъ построена лачуга для четырехъ ваннъ, близка къ паденію. Нельзя нигдѣ умолчать о странности, которую нерѣдко встрѣчаешь въ газетахъ: „Отпускается по 1-е Апрѣля къ Кавказскимъ водамъ, а здѣсь только съ половины Маія, и то рано, можно начать пользоваться". Доказательство, что ничего никому неизвѣстно о здѣшнихъ истинно-чудотворныхъ водахъ, ибо и при всѣхъ недостаткахъ и неудобствахъ бываютъ чудесныя и неожиданныя исцѣленія.

Я тебѣ надоѣлъ своими водами; да объ чемъ же говорить въ такомъ мѣстѣ, каково здѣсь?

— — —

58.

Кр. Кисловодская, отъ 21 Іюля 1816.

Не имѣя случая быть въ Петербургѣ и не надѣясь имѣть счастія объясняться лично съ Государемъ, послалъ я извѣстную тебѣ Мысль о солдатѣ съ нѣкоторыми перемѣнами (бороды вымаралъ) и добавленіями при письмѣ къ Аракчееву. Теперь занимаюсь составленіемъ практическаго курса военныхъ познаній для унтеръ-офицеровъ: и если чего особеннаго не случится, намѣренъ чрезъ недѣлю отсель ѣхать въ Бендеры (корпусная моя квартира по милости Француза Ланжерона). Поѣду чрезъ Харьковъ и Полтаву, гдѣ живетъ нынѣ должникъ мой Ковалько. Постараюсь получить отъ него деньги и туже минуту перешлю къ Лонгинову въ Петербургъ.

Въ прошедшемъ письмѣ моемъ писалъ я къ тебѣ, кажется, о сборѣ денегъ въ пособіе на выкупъ Швецова. Чувствую, что постыдно намъ платить дань разбойникамъ и, казалось бы, правительство не должно этого позволить. Но между тѣмъ вижу въ Инвалидѣ, что отъ штаба Е. В. къ издателю сего журнала доставлено княземъ Волконскимъ 1000 р. на выкупъ Швецова. Еще хуже: за выкупъ его Чеченцы требовали прежде 8 т. серебромъ, а теперь говорятъ 20, оттого вѣроятно, что свои нечестивцы уча-

ствуютъ въ семъ адскомъ промыслѣ и даютъ знать Чеченцамъ о благонамѣренныхъ предпріятіяхъ въ пользу несчастнаго Швецова.

Ермоловъ еще въ Петербургѣ *). Вѣроятно остановилъ его Комитетъ, собранный разсуждать о нѣкоторыхъ перемѣнахъ, которыя Государю угодно ввести въ нашу артилерію.

Купи мнѣ, сдѣлай дружбу, если вышла въ печать, книгу подъ заглавіемъ Sur l'état de l'artillerie en Europe jusqu'à 1814, par Regnier, conservateur de dépôt d'artillerie à Paris. Да пришли счетъ, сколько я тебѣ долженъ за вино и подобныя сей порученности.

---

*) Передъ отъѣздомъ на Кавказъ и въ Персію. П. Б.

59.

От 4 Августа 1816.

Возвращаясь съ водъ, сижу въ дикомъ, безводномъ и вонючемъ углу Кавказской степи, называемомъ *Сухоегорлыцкой карантинѣ*, лежащій на самой границѣ земли Донскихъ казаковъ. Не смотря на знакомство атамана, на всѣ выгоды и снисхожденія мнѣ дѣланныя, сильно чувствую тяжесть карантина. Каково же другимъ бѣднымъ водопоклонникамъ? Несносно. Если эскулапъ Це. сущій невѣжа на водахъ, не уморитъ, такъ здѣсь въ 16 дней конечно достанется схватить горячку, лихорадку, цынгу и пр., что̀ кому по комплекціи. Вотъ польза единственныхъ въ своемъ родѣ Кавказскихъ водъ. Бѣдное наше отечество! Куда ни загляни, вездѣ встрѣтишь грубое невѣжество варварскихъ временъ и закоренѣлое корыстолюбіе. Нѣтъ ни одного богоугоднаго заведенія, которое бы не влекло за собою болѣе зла нежели приносило пользы. Представь себѣ, мой любезный другъ, что Государь, простя недоимки народныя манифестомъ своимъ 815 года и видя, что оныя впослѣдствіи опять накопляются, не долженъ ли былъ подумать, что ожидаютъ новаго милостиваго манифеста и для того не хотятъ платить? Мысль весьма натуральная. Вслѣдствіе сего дается строгое предписаніе о взысканіи недоимокъ. Могъ ли Государь помыслить, чтобы понужденіе столь

законное имѣло точныя послѣдствія Сыскнаго Приказа императрицы Анны? Конечно нѣтъ. Однакожъ между тѣмъ ужасъ что̀ дѣлается, и наконецъ бѣдный крестьянинъ Кавказской губ., заплатя недоимки прошедшаго времени, остается въ совершенной невозможности заплатить настоящія подати.

Чеченцы, эти сухопутные Варварійцы, дерутъ съ насъ дань, и мы платимъ за выкупъ тѣхъ, кого они украдутъ, и все серебромъ. Да что̀ и того хуже, такъ у насъ есть и свои Чеченцы, которые служатъ вмѣсто факторовъ при выкупахъ и какъ скоро увидятъ, что кѣмъ нибудь интересуются, набавляютъ цѣну. Я это испыталъ на самомъ дѣлѣ при выкупѣ двухъ несчастныхъ. Представь себѣ, что за Швецова, объ которомъ я прежде тебѣ писалъ, про̀сили 8 т. серебромъ, а теперь просятъ 20 т. Если бы я имѣлъ случай говорить съ Государемъ, я бы все ему разсказалъ. Здѣсь никто не виноватъ. Вся машина ни къ чорту не годится.

60.

Тирасполь, отъ 21 Сентября 1816 года.

Благодарю безцѣннаго друга моего за участіе въ горестномъ положеніи Швецова. Денегъ на выкупъ его собирается довольно; но сухопутные наши Варварійцы, узнавъ отъ нашихъ же мерзавцевъ объ участіи, каковое всѣ берутъ въ бѣдствіи Швецова, возвышаютъ цѣну и уже вмѣсто 8 тыс. серебромъ, по слухамъ оттолѣ полученнымъ, просятъ 20 тыс., чему я не совсѣмъ однакоже вѣрю и сверхъ того надѣюсь, что Ермоловъ положитъ преграду всѣмъ таковымъ явнымъ и скрытымъ злодѣяніямъ.

Я, мой любезнѣйшій другъ, 1-го сего мѣсяца пріѣхалъ въ корпусъ и тотчасъ пустился осматривать войска. Послѣ завтра ѣду въ Бессарабію, гдѣ расположена 16-я дивизія, казаки и піонеры. Оттоль поѣду въ Подольскую губернію видѣть Украинскихъ казаковъ и, наконецъ, обратно въ Тирасполь или Бендеры, какъ повелѣно будетъ. Послѣднее мѣсто я бы предпочелъ первому; но вторая линія карантиновъ по Днѣстру крайне для всѣхъ живущихъ на лѣвомъ берегу непріятна.

Здѣсь дороговизна во всемъ чрезвычайная: пшеница въ Одессѣ дошла, наконецъ, до 50 рублей за четверть, а потому всѣ руки здѣшняго края употреб-

лены на пшеницу. Солдатамъ позволено работать, и это прекрасно. Они помогаютъ жителямъ и выработываютъ отъ одного до двухъ рублей. Ѣдятъ славно и тѣмъ единственно поддерживаются. Состоянiе военныхъ чиновниковъ, начиная съ головы, не завидное. Говядина въ Тирасполѣ 12 и 15 коп. фунтъ, овесъ 13 и 14 рубл. четверть. Хлѣба фунтъ весьма весьма нехорошаго 20 к., за промѣнъ ассигнацiи на мѣдь 20 коп. съ рубля, и все прочее въ такой же препорцiи.

Скажи пожалуй, отчего ты здѣсь ничего не хочешь завести? Знаешь-ли, что здѣсь золотое дно? Есть люди, которые, не имѣя ни одного человѣка въ распоряженiи, нанимая землю и людей, сѣютъ пшеницу и получаютъ отъ 15 до 18 т. въ годъ доходу.

Каждую почту отправляется изъ Одессы серебра и золота въ Москву и Петербургъ не менѣе какъ на 15 тройкахъ. Однакоже это... партикулярныхъ людей, да къ несчастiю еще даже и не своихъ, а иноземцевъ. Здѣсь живетъ Балтазаръ Балтазаровичъ фонъ Каменгаузенъ и пр.; живетъ и думаетъ, какъ бы лучше. Увидимъ что̀ выдумаетъ.

61.

Октября отъ 16-го, изъ Бендеръ.

Говорятъ, какъ скажешь другу горе, такъ будто легче. Прочти же со вниманіемъ и пожалѣй о сѣдомъ повѣсѣ, другѣ твоемъ Сабанѣевѣ, который такъ мастерски умѣлъ себя разстроить. Но кто же бы и не ошибся на моемъ мѣстѣ!

Сейчасъ получилъ письмо отъ Коваиьки, который пишетъ, что единственный способъ заплатить мнѣ долгъ состоялъ въ продажѣ Петербургскаго его дому, на который положено запрещеніе по какимъ-то старымъ счетамъ. Вотъ 25 т. съ костей долой.

Сестра, угнетенная безпутствомъ своего мужа, должна была его оставить. Не было инаго способу и некому избавить сестру, какъ дать ей такую сумму денегъ, чтобы она по крайней мѣрѣ въ деревнѣ у другой сестры имѣла все необходимое. Не могъ дать болѣе, а нельзя менѣе какъ 25 т., которыми она страннымъ сплетеніемъ совсѣмъ неожиданныхъ обстоятельствъ не воспользовалась: живетъ опять съ мужемъ и терпитъ, какъ пишетъ, еще болѣе прежняго; а деньги пропали. Вотъ и еще 25 т.; и того 50 тысячъ.

При отъѣздѣ въ отпускъ поручилъ я Иванову получить 10 т. съ княгини Барклай. Онѣ получены имъ въ Іюнѣ. Онъ просилъ ихъ у меня въ займы, и я согласился и просилъ прислать ко мнѣ проценты и заемное письмо. Вотъ третій мѣсяцъ не имѣю никакого отъ него извѣстія и, зная честность Иванова, не могу иначе помыслить какъ то, что онъ умеръ. Вотъ и еще новыя хлопоты; а между тѣмъ еще 10 т. съ костей долой, и того 60 т. Наконецъ, ты одинъ мой любезнѣйшій должникъ, только и всего капиталу + пансіонъ = 3500 р.+ жалованье 2700 р.+ доходъ съ деревни 600. Вотъ и все состояніе. А между тѣмъ здѣсь промѣну 28 на 100, т.-е. пятирублевая стоитъ только 3 р. 60 к., а сторублевая не болѣе 70. Живи какъ хочешь. Полно объ этомъ; мнѣ же легче.

Мы живемъ подлинно въ чудесномъ вѣкѣ. Кто повѣритъ, чтобы край, снабжающій всю Европу хлѣбомъ, былъ самый голодный для войскъ? Здѣсь, при нынѣшнемъ изобильномъ урожаѣ, четверть ржаной муки 16 р. 50, а крупъ 18 рублей. Съ перваго взгляду кажется весьма дорого, а купить и за эту цѣну нѣтъ возможности; потому что всѣ сѣютъ пшеницу, которую теперь продаютъ въ Одессѣ 48 р. четверть. Кто же станетъ сѣять рожь, за которой работы не менѣе, какъ и за пшеницей? Подрядчики нашлись. Но кто же эти подрядчики? Мейеровичъ et compagnie, которые нимало не заботятся о снабженіи магазейновъ (въ коихъ нѣтъ ни зерна), ни о продовольствіи войскъ на настоящее время; ибо они расположены по несчастнымъ квартирамъ и ѣдятъ просяную мамалыгу и такой же малай, слѣдовательно съ голоду не умрутъ, а довольствуютъ полки деньгами за про-

шедшее время. стращая полки долговою книгою, слѣдовательно посредствомъ этого пугалища склоняютъ брать по 12 и 10 р. Вотъ neue Kunst, wie den Soldaten lustig zu machen. Каковъ Kunst?

Государь даетъ войскамъ, въ Бессарабіи расположеннымъ, мясную и винную порціи по 28 коп. ассигн. въ недѣлю для солдата. Для казны убытокъ, а солдатъ все-таки голоденъ. Ибо 28 к. = четыремъ пятакамъ, а четыре пятака берутъ только за 12 паръ: чего же хотятъ за 12 паръ въ недѣлю?

62.

Ноября 19-го 1816, изъ Бендеръ.

Ни въ какомъ монастырѣ, мнѣ кажется, не можетъ быть такой тишины, какъ въ Бендерахъ, особенно въ теперешнее полузимнее время. Ѣздилъ бы чаще въ Одессу, но проклятый карантинъ на лѣвомъ берегу Днѣстра заставляетъ поневолѣ сидѣть въ Бендерахъ. До сихъ поръ считалъ я карантины и кордонъ по Днѣстру совершенно излишними. Они дѣйствительно были таковыми; но теперь къ несчастію совсѣмъ новыя обстоятельства: чума въ Яссахъ и даже между Прута и Яссъ. На Прутѣ же кордонъ содержатъ Оренбургскіе казаки, а надзоръ за ними и Молдаванскими каларашами, вмѣстѣ съ казаками помѣщенными, порученъ штатскимъ чиновникамъ подъ главнымъ управленіемъ недвижимаго Бахметьева. Найдя такую безтолковщину по пріѣздѣ моемъ въ корпусѣ, представлялъ я нашему главнокомандующему графу Бенигсену (человѣку истинно почтенному, но уже полумертвому), который рѣшилъ, что казаки, состоящіе у меня въ корпусѣ, зависятъ отъ меня только по внутреннему какому-то управленію и по *порядку службы*, но кордоны въ непосредственномъ распоряженіи намѣстника Бессарабской области. Каковъ толкъ! Провидѣніе, спасши насъ въ 1812 году, спасетъ и въ 1816-мъ. Какая же

разница между нами и Турками? Они вѣрятъ предопредѣленію, а мы не вѣримъ, пишемъ очень много, а между тѣмъ дѣлаемъ тоже. Боже, упаси насъ этого несчастія! Представь себѣ, что ни одной казармы въ крѣпостяхъ, ежегодно починиваемыхъ, ни одного зерна въ магазейнахъ. Еслибы все это было, я бы тотчасъ собралъ людей и заперся въ крѣпостяхъ въ случаѣ несчастія. Теперь что̀ можно сдѣлать?

Меня зовутъ или, лучше сказать, многіе изъ пріятелей моихъ совѣтуютъ мнѣ ѣхать въ Петербургъ и просить куска хлѣба,--*служа, просить*. Нѣтъ! Вѣдь я съ голоду не умираю и въ прихотяхъ отказать себѣ умѣю, не могу только жить соотвѣтственно званію моему. Но въ Бендерахъ кто будетъ о томъ судить? Вотъ истинно Бендеры мое мѣсто.

Я около Миргорода купилъ хуторъ за 3300 р.; оный въ двухъ случаяхъ мнѣ можетъ быть полезенъ: 1) убѣжище въ случаѣ непогоды на служебномъ горизонтѣ; 2) депо, гдѣ все въ походѣ излишнее, а теперь необходимое, будетъ сложено.

Единственное желаніе мое есть то, чтобы тебя произвели, а меня послали къ тебѣ командовать 9-ю дивизіею вмѣсто Ўдома, который слишкомъ старъ бѣднякъ.

63.

Бендеры, отъ 27 Ноября 1816

Въ письмѣ твоемъ, мой любезнѣйшій другъ отъ 2 (16) Октября пишешь мнѣ еще о водахъ*), что доказываетъ, какъ корреспонденція наша идетъ медленно. Я конечно не упущу сказать объ нихъ Государю, если буду имѣть случай. Но какая надежда имѣть таковой случай? Государь обѣщался пріѣхать къ намъ въ Іюнѣ: разумѣется, будетъ смотрѣть войска; разумѣется, что мы будемъ стараться ему угодить. Но если не угодимъ, гдѣ же достанется толковать о водахъ?

Желаешь знать подробно о корпусѣ моемъ; вотъ тебѣ списокъ дивизіонныхъ и полковыхъ командировъ.

13-й дивизіи:

Дивизіонный г.-м. Мещериновъ.

Бригадные:

1-й бригады—Рылѣевъ
2-й „ Языковъ, исправл. должн. нач. корп. штаба.

---

*) Т.-е. о Кавказскихъ минеральныхъ водахъ и тогдашнемъ плохомъ управленіи ими; см. письмо 59-е. Читая эти письма, слѣдуетъ помнить, что они писаны во Францію, гдѣ князь Воронцовъ командовалъ Русскими войсками. П. Б.

3-й бригады—Говоровъ, не служитъ, а находится въ Крыму за болѣзнію.

Въ 16-й дивизіи:

Дивизіонный г.-м. Талызинъ 1-й.
1-й бригады—князь Сибирскій, коего нѣтъ, да думаю, что и не будетъ.
2-й „ Збіевскій.
3-й „ Парфеніусъ.

Украинской уланской:

Дивизіонныйй Виттъ - ѣздитъ по особымъ порученіямъ и о сю пору въ глаза не видалъ его: командуетъ Щербатовъ 2-й.
1-й бригады -г.-м. князь Щербатовъ.
2-й „ Рыковъ—не прибылъ.

Въ сей дивизіи не болѣе тысячи годныхъ лошадей, и пр....... Ахти мнѣ!

Корпусный штабъ:

Начальникъ главнаго штаба—Языковъ.
„ артилеріи г.-м. Бухольцъ — разъѣзжаетъ, и въ глаза не видалъ.
Оберъ-квартирмистръ—Тройеръ.

Дежурнаго нѣтъ: требую Ходаковскаго изъ 13-го полку.

Старшій адъютантъ Спиридовъ, выписанный изъ гвардіи, прекраснѣйшій молодой человѣкъ, наилучшаго поведенія и способностей.

Другаго нѣтъ—назначенъ порядочный.

Полковые командиры:

13-й дивизіи:

Великолуцкаго полка	—	подполковникъ Шуховъ.
Галицкаго	„	полковникъ Шелашниковъ. весьма хорошъ.
Саратовскаго	„	Брычевъ.
1-го морскаго	„	подполковникъ Бахманъ. весьма не удался.
12-го егерскаго	„	полковникъ Каржавинъ. тоже не удался.
22-го „	„	полковникъ Избанъ.

16-й дивизіи:

Пущинъ — изрядный молодой человѣкъ, имѣетъ охоту и честенъ, но еще не опытенъ

Соловьевъ - весьма хорошъ.

Ермолинъ „ „

Костомаровъ „ „

43-го - подполковникъ Софіановъ, недавно назначенъ.

27-го — полковникъ Роговскій; говорятъ, не удался

Артилеристовъ, подобныхъ Черемисинову, милому рѣдкому человѣку, Арнольду, Пилусу и имъ подобныхъ, совсѣмъ нѣтъ. Ушковъ, Антроповъ, Клингенбергъ, Кривцовъ, Людвигъ, Эраковъ и пр. Нельзя жаловаться кромѣ нѣкоторыхъ: но все не Черемисиновъ и пр.

Ротные командиры большею частію прапорщики и подпоручики. Вотъ самое сильное препятствіе во всѣхъ моихъ намѣреніяхъ.

Тиранство, оказалось, было въ Украинской дивизіи. Одна шельма засѣкъ улана до смерти за то, что онъ укралъ курицу. Злодѣй сидитъ на гауптвахтѣ въ ожиданіи повелѣнія судить. Другой изволилъ вздумать, что рота есть его крестьяне, а онъ помѣщикъ и самый немилосердый: мучилъ людей на работѣ и не платилъ ни копейки, и съ тѣмъ управлялся.

Поручаю послать тебѣ приказъ по корпусу, отданный Арсентію Андреевичу *).

Многое можно бы сдѣлать, но надобно время и помощники. Есть роты въ 200 верстахъ и больше отъ штабу. Чего ожидать при такихъ ротныхъ командирахъ? Продовольствіе плохое. Всѣ сыты на счетъ солдатскаго брюха. Увидимъ, что̀ будетъ далѣе.

Турки строятъ новыя укрѣпленія въ Сулинскомъ гирлѣ и назвали Новою Киліею, также и Новый Измаилъ немного выше Тульчи.

Благодарю любезнаго друга за вспоможеніе несчастному Швецову; 4 т. франковъ для него большое пособіе; я ихъ еще не получилъ, но надѣюсь получить.

Благодарю за два послѣдніе тома Жомини; только жаль, что атласу нѣтъ.

Корпусная моя квартира въ Бендерахъ, потому что въ Одессѣ Ланжерону полагалось имѣть кор-

---

*) Т.-е. Закревскому. См. ниже *Приложеніе*. П. Б

пусную квартиру утѣсненіемъ и тягостію для города. Мнѣ и здѣсь хорошо, особенно по тонкости кармана; но другимъ жить не въ чемъ. Бѣда съ нищетою. Самому просить ненадежно, а представить некому.

Приказы твои конечно мнѣ весьма интересны; Бога ради, пришли.

Кумушкѣ Гудовичевой, самому ему, Толстому-собакѣ, Алексѣеву, Каблукову, Понсету, милому Черемисову, Поморцеву, Казначееву, Иванову, Попову, гвардейцамъ Нарышкину, Левушкѣ Нарышкину, Ахлестышеву и всѣмъ, буде кого изъ добрыхъ моихъ знакомыхъ забылъ, кланяюсь.

Закревскій зоветъ меня въ Петербургъ, т.-е. говоритъ: не худо бы пріѣхать; а вѣдь надобно по крайней мѣрѣ 5 т. А гдѣ ихъ взять? Ей-ей, 500 нѣтъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ

Приказъ по корпусу И. В. Сабанѣева.

Октября 24 дня 1816 года.

№ 49-й.

Корпусная квартира городъ Бендеры.

Считаю нужнымъ довести до свѣдѣнія гг. дивизіонныхъ, бригадныхъ, полковыхъ и артилерійскихъ ротъ командировъ, что господинъ главнокомандующій надѣется имѣть счастіе въ будущемъ Іюнѣ мѣсяцѣ представить ввѣренную ему армію Его Императорскому Величеству, по чему рекомендую всѣмъ гг. частнымъ начальникамъ, не теряя времени, озаботиться приведеніемъ ввѣренныхъ имъ частей во всѣхъ отношеніяхъ до возможной исправности.

При настоящемъ квартирномъ расположеніи, особенно въ зимнее время, конечно нѣтъ возможности заняться ученьемъ: не мѣшаетъ однакожъ въ хорошее время учить тѣхъ, кои слабѣе прочихъ по фронту и въ особенности уравнять мѣру и скорость тихаго и скораго шага. За основаніе въ семъ случаѣ полагается 75 шаговъ перваго и 115-ть послѣдняго въ минуту; мѣра тихаго шага полагается въ аршинъ, считая отъ одного каблука до другаго. При захожденіи дѣлать оной шире; вообще при маршировкѣ не взбрасывать ноги, не скрадывать шагу, но подаваться впередъ, словомъ приближаться, сколько можно болѣе, къ натуральному шагу. Потомъ заняться передѣлкою патроновъ, починкою ружей, передѣлкою ранцовыхъ, манерочныхъ и шинельныхъ ремней, которые во многихъ полкахъ чрезвычайно узки, а послѣдніе пришиты не противу образца, для сего даннаго.

Амуниція, надѣюсь, кому слѣдуетъ вся уже въ полки доставлена или по крайней мѣрѣ скоро будетъ; а потому и мундиры въ тѣхъ полкахъ будутъ всѣ готовы. Чешую имѣть только въ гранодерскихъ и стрѣлковыхъ взводахъ; естьли же у кого есть и на цѣлой полкъ то оставить оную до разрѣшенія.

Гг. офицеры обязаны непремѣнно знать рекрутскую школу, почему гг. командиры пѣхотныхъ дивизій имѣютъ доставить оныя для каждаго полка, равно какъ и доставленныя перемѣны противу рекрутской школы въ ротномъ, баталіонномъ и полковомъ ученьяхъ, высочайше утвержденныя. также прилагаемые при семъ солдатскій катехизесъ, присягу и о должности часовыхъ.

Гг. полковые и баталіонные командиры должны собирать къ себѣ, какъ возможность позволитъ, гг. офицеровъ и экзаменовать ихъ въ рекрутской школѣ и прочемъ до фронта относящемся. Для егерскихъ полковъ и стрѣлковъ пѣхотныхъ изданы будутъ отъ меня особые маневры, почему прежніе многосложные маневры и множество боевъ, затрудняющихъ только безполезно, оставить до времени изданія новыхъ для сего правилъ.

Въ Воскресные и праздничные дни каждая рота должна собираться въ ближайшую приходскую церковь, естьли оная неболѣе пяти верстъ, гдѣ, по окончаніи службы Божіей, читать катехизисъ и присягу, при чемъ быть всѣмъ гг. офицерамъ той роты. Тамъ гдѣ церкви близко нѣтъ, собирать людей для сего каждое Воскресенье на ротный дворъ, буде рота въ одномъ селеніи; естьли же

въ нѣсколькихъ, то къ старшему квартирующему въ каждой деревнѣ.

Каждой разъ при отправленіи карауловъ читать въ ротахъ пункты о должности часовыхъ.

Озаботиться заготовленіемъ ложъ, исправленіемъ полковыхъ обозовъ, постройкою госпитальныхъ вещей и другихъ по хозяйственной части предметовъ, также приведеніемъ въ порядокъ полковыхъ и ротныхъ бумагъ, какъ-то: табелей, арматурныхъ, формулярныхъ и ранжирныхъ списковъ.

Запастись кремнями, коихъ у каждаго строеваго, какъ вооруженнаго, такъ и невооруженнаго, должно быть по двѣнадцати свинцомъ обитыхъ въ накремешникахъ, но отнюдь не въ мѣшкахъ.

Коль скоро провіантъ регулярно будетъ отпускаться, то положенное количество десятидневнаго провіанта имѣть всегда въ полномъ комплектѣ.

Строго наблюдать, чтобы деньщики были одѣты и все получали что̀ имъ слѣдуетъ.

Для лучшей удобности въ исправленіи обязанности службы и присмотра за нижними чинами предписываю каждое капральство раздѣлить на десятки не по ровну, но по числу надежнѣйшихъ и опытнѣйшихъ въ ротѣ унтеръ-офицеровъ, поручивъ капральства субалтернъ-офицерамъ, а десятки унтеръ-офицерамъ, въ обязанность коихъ вмѣнить:

а) Ротной командиръ обязанъ знать людей своей роты не только поименно, но даже быть извѣстнымъ и о поведеніи каждаго изъ нихъ, что̀ самое требуется отъ субалтернъ-и унтеръ-офицеровъ въ отношеніи каждаго къ своей части.

б) Ротной командиръ осматриваетъ всѣ квартиры своей роты одинъ разъ, а начальникъ отдѣленія или капральства два раза въ недѣлю, унтера же офицеры въ десяткахъ обходятъ оныя ежедневно. При таковыхъ осмотрахъ наблюдать:

1. За чистотою и опрятностію солдатъ, яко главнѣйшимъ предметомъ къ соблюденію ихъ здоровья.

2. За исправностію и содержаніемъ аммуниціи въ порядкѣ и чистотѣ.

3. За точнымъ и непремѣннымъ исполненіемъ отдаваемыхъ приказаній.

4. За поведеніемъ нижнихъ чиновъ и естьли бы кто замѣченъ

былъ въ буйствѣ, пьянствѣ или другихъ подобныхъ сему шалостяхъ, о таковыхъ начальникъ отдѣленія или капральства представляетъ ротному командиру, который, смотря по винѣ, наказываетъ самъ или представляетъ полковому командиру.

Ротный командиръ наказываетъ за неопрятность, пьянство, небережливое содержаніе аммуниціи, самоуправство и непозволительное обхожденіе съ хозяевами и прочіе сему подобные поступки, почему и наказаніе должно быть весьма умѣренное, клонящееся единственно къ исправленію виновнаго. О важнѣйшихъ же преступленіяхъ, какъ-то: воровствѣ, самовольной отлучкѣ, утратѣ аммуниціи, особенно же неповиновеніи старшему младшаго и самомалѣйшей умышленной грубости и прочихъ сему подобныхъ преступленіяхъ, представляетъ немедленно полковому командиру.

Несоразмѣрное за маловажныя шалости или ошибки наказаніе столь же несправедливо и вредно для службы, какъ и самое послабленіе важныхъ преступленій. Добрый солдатъ ропщетъ на жестокость, а злодѣй не наказывается: первый портится, а послѣдній не исправляется. Я увѣренъ, что каждый изъ сослуживцевъ моихъ чувствуетъ различіе между справедливою строгостію и безразсудною жестокостію. Кто же добровольно захочетъ быть тираномъ того почтеннаго сословія, на груди коего основаны безопасность престола и отечества, да и собственная каждаго изъ нихъ польза, честь и слава? *За вину наказаніе, за преступленіе казнь*; первое опредѣляется *властью начальства*, второе *закономъ*. Кто же, наконецъ, захочетъ преступить предѣлы власти, ему данной, и снискивать любовь подчиненныхъ своихъ похлѣбствуя злодѣянію? *Преступнику судья законъ*; слѣдовательно нѣтъ нужды ни въ жестокости, ни въ послабленіи.

Смотрѣть, чтобы солдатъ имѣлъ достаточную и хорошую на квартирахъ пищу, по возможности однакожъ хозяевъ, когда будетъ регулярное продовольствіе, и въ то время отдавать солдату его паекъ и наблюдать, чтобы не хозяинъ, но солдатъ оный съѣдалъ и имѣлъ хлѣбъ, къ коему уже онъ привыкъ. Естьли же бы хозяинъ по бѣдности не могъ прокормить постояльца, отъ таковаго постой сводить; равнымъ образомъ освобождать отъ постоя и тѣ квартиры, въ коихъ окажутся больные прилипчивыми болѣзнями. За симъ имѣть особенный надзоръ полковымъ медикамъ, которые должны ежемѣсячно объѣзжать квартиры своего полка

и смотрѣть за всѣмъ тѣмъ, что относится къ соблюденію солдатскаго здоровья.

Больныхъ на квартирахъ отнюдь не задерживать, но отправлять немедленно въ полковые госпитали.

Попеченіе начальника о хорошемъ содержаніи нижнихъ чиновъ на квартирахъ не должно быть поводомъ какихъ либо излишнихъ и прихотливыхъ требованій; но каждый солдатъ довольствуется тою пищею, какую употребляетъ самъ хозяинъ, а хлѣбъ имѣетъ свой.

При недостаткѣ офицеровъ въ ротѣ два отдѣленія поручаются одному офицеру, не смѣшивая однакожъ оныхъ, изъ коихъ одинъ принадлежитъ собственному его вѣдѣнію, а другой командуется унтеръ-офицеромъ по назначенію ротнаго командира подъ надзоромъ субалтернъ-офицера; въ случаѣ же естьли бы въ ротѣ былъ одинъ только офицеръ, тогда ротной командиръ, занимаясь непосредственно ротою, исполняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность начальника отдѣленія.

Въ обязанность поставляю, для соблюденія всего вышесказаннаго, гг. полковымъ командирамъ объѣзжать квартиры своихъ полковъ каждый мѣсяцъ, а баталіоннымъ каждыя двѣ недѣли.

64.

Бендеры, отъ 26 Декабря 1816.

Сдѣлай одолженіе, любезнѣйшій другъ, если возможно, купи въ Парижѣ ручную мельницу, каковыя армія Французская имѣла у себя въ походѣ 12-го года. *Elle ne pèse que 20 livres.* Я сдѣлалъ глупость, вывезъ модель, по коей здѣсь ничего не умѣли сдѣлать; бѣда, что не помню, гдѣ покупалъ, но я думаю, что открыть сіе не трудно. Не помнитъ ли Казначеевъ? Я купилъ вмѣстѣ модель мельницы и постель или кровать для больныхъ, на которой самый трудный можетъ отлежаться, и перемѣнять подъ нимъ бѣлье и пр. Словомъ, преудобнѣйшая и преполезная выдумка. И то проклятые люди пьяные потеряли.

Прожектъ о составленіи курса военныхъ свѣдѣній для унтеръ-офицеровъ сочиняется и, естьли бы не мѣшали заботы о продовольствіи, былъ бы уже готовъ. Сіи необходимыя заботы отнимаютъ много времени. Что у тебя по сему предмету? Я увѣренъ, что все ужъ сдѣлано.

65.

Бендеры, 14 Генваря 1817.

Въ одномъ изъ предъидущихъ писемъ просилъ я, кажется, о присылкѣ Суворова портрета оригинальнаго или копіи, какъ тебѣ угодно; также атласа къ сочиненію *Jomini.*

On annonce dans le Conservateur Impartial (gazette de St.-Pétersbourg) que Mathieu Dumas. auteur des Événemens militaires de la campagne de 1799, se propose de nous donner l'Histoire de toutes les campagnes qui ont eu lieu depuis la révolution. Я охотно подписываюсь на два экземпляра, даже на три. Сдѣлай дружбу, когда выдетъ въ печать, перешли

Мысль о солдатѣ *) совершила путь свой съ Кавказа въ Петербургъ и возвратилась благополучно въ Бендеры съ отзывомъ Аракчеева, что представленія сего рода дѣлъ Государю до него не относятся, но единственно до князя Волконскаго, коему и совѣтуетъ мнѣ адресоваться. Но я думаю лучше оставить это до времени и при случаѣ, буде удастся, представить лично Государю, съ исключеніемъ по совѣту твоему статьи о мундирахъ, которая, пожалуй, не понравится и можетъ все испортить.

Теперь занимаюсь я егерскими эволюціями, кои намѣренъ употребить при будущемъ кампаментѣ, также сочиненіемъ курса военныхъ познаній для унтеръ-офицеровъ. Но заботы по продовольствію отнимаютъ у меня много времени.

Для краю здѣшняго сочиняется конституція, и снимается карта Бессарабской области. Говорятъ, что когда все приведется въ извѣстность, то земли, казнѣ принадлежащія, будутъ розданы; тогда Понсетъ можетъ сдѣлаться чебаномъ, если хочетъ. Я въ пользу кума не упущу сдѣлать, что̀ будетъ можно.

---

*) Сочиненіе И. В. Сабанѣева. П. Б.

Въ Одессѣ торговля въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Золото и серебро льются во внутрь Россіи; но удивительно, что курсъ ассигнацій никакъ не поднимается. Если казна скупаетъ монеты, то разсчетъ хорошъ поддержать ихъ въ теперешнемъ курсѣ.

Въ нынѣшнемъ году пшеница доходила до 50 р. четверть, такъ что купцы стали требовать позволенія вывозить рожь, что не было позволено; но многіе изъ начальниковъ, въ томъ числѣ и Ланжероиъ, вошли съ представленіемъ, что цѣна на хлѣбъ отъ того чрезвычайно возвысится. Какая же нужда? Лишь бы передача за продовольствіе не превысила доходовъ отъ вывоза. Впрочемъ будто непремѣнно здѣсь провіантъ закупать должно? Словомъ, я думаю, что въ Петербургѣ будутъ смѣяться такимъ представленіямъ.

66.

Я живу, слава Богу, хорошо, и по моему карману Бендеры для меня сноснѣе Одессы. Здѣсь въ Бендерахъ каждое Воскресенье клубъ, на которомъ бываетъ дамъ до 15 и болѣе. Вотъ каковы Бендеры!

Хвала царю земному! Онъ прибавилъ намъ деньженокъ, и въ особенности хорошо, что улучшилъ состояніе бѣдныхъ офицеровъ.

Не пріѣдутъ ли m-me Roland или m-elle Le Roy на кораблѣ изъ Marseille съ виномъ? Адресуй ихъ на мое имя.

67.

Бендеры, отъ 19 Февраля 1817.

Земли Бессарабскія никому еще не раздаютъ, потому что количество оныхъ правительству еще неизвѣстно. Теперь комитетъ дѣлаетъ оцѣнку земель. Въ Херсонской лучшія разобраны; однакоже есть еще много, но даются не иначе какъ въ награду за услуги, хотя бы иногда и мнимыя, и во всякомъ случаѣ получающіе обязываются засѣвать извѣстное число земли въ положенное по законамъ время: въ противномъ случаѣ отбираются назадъ, и платится штрафъ, кажется по 25 к. за десятину.

Попроси кума моего Понсета: нельзя ли во Франціи заказать такую мензулу (planchette), какая у него была въ Финляндіи. Наши квартирмистрскіе офицеры никакихъ инструментовъ не имѣютъ, да и офицеровъ совсѣмъ нѣтъ. Двое изъ моихъ у тебя въ корпусѣ: Голицынъ и Кекъ. У меня остался малоспособный Тройеръ и дряхлый Муссо. Оба добрые люди, но недвижимые, и первый малознающъ.

Les mémoires sur la campagne de 1812 seront certainement défendus, parce qu'il y a beaucoup au désavantage du défunt maréchal. Cependant il y a aussi des grandes vérités. Mais d'après moi, c'est le libelle diffamatoire de Tshouïkewitch qu'il faut défendre.

68.

Бендеры, отъ 18 Марта 1817 года.

Сдѣлай дружбу, купи мнѣ въ Парижѣ очки, называемые lunette périscopique, къ коимъ бы съ боковъ придѣланы были зеленыя стекла, № 6-й и 8-й, словомъ самый сильный для самыхъ близорукихъ. Я имѣю такіе очки изъ Парижа; но не упомню, гдѣ ихъ купилъ. А послать не могу потому, что они мнѣ необходимы.

Maréchal Davoust былъ слѣпъ, какъ и я, и имѣлъ очки съ нѣсколькими стеклами, и видѣлъ въ нихъ хорошо. Какъ бы мнѣ достать по его фасону сдѣланные: посовѣтуйся съ оптиками; оптикамъ сказать можешь, que mon défaut de la vue consiste — dans la grande convexité de l'oeil et puis dans l'éloignement du cristalline de la rétine. Я готовъ заплатить все что они прикажутъ, лишь бы помогли. L'usage continuel des verres me fait mal aux yeux; какъ бы этому думаютъ они помочь? Сдѣлай милость, мой другъ, потолкуй съ ними, какъ они объ этомъ думаютъ. Напримѣръ, вижу все какъ бы въ туманѣ, въ сравненіи того, какъ вижу въ очкахъ; но употребленіе стеколъ производитъ въ глазахъ боль. Enfin, pour vous donner l'idée de la faiblesse de mon organe, je vous envoie un verre que me convient le mieux de toute une boutique que je possède. Si on pouvait ajouter encore quelque chose et surtout des verres verts ou quelques autres verres lateraux que l'art peut commander, j'en serrais bien content. Пусть ихъ сдѣлаютъ, что они знаютъ. Вотъ стекло, которое послужитъ имъ масштабомъ моей слѣпоты.

Вчера пріѣхалъ я изъ за Днѣстра, гдѣ выправлялся о земляхъ. Въ Херсонской губерніи даютъ земли, съ тѣмъ однакоже, чтобы онѣ, въ теченіи пяти лѣтъ, были заселены, полагая тридцать десятинъ на душу. Скотоводство замѣняетъ также народонаселеніе, полагая на каждую большую скотину одну десятину, а на овцу полдесятины. Если же земля не будетъ населена, то правительство отбираетъ назадъ, и тотъ, кому была дана, платитъ штрафу по 25 коп. за десятину въ годъ; но мнѣ кажется, что правило сіе не соблюдается. Наконецъ, говорятъ, что въ Херсонской губерніи не болѣе пяти номеровъ нерозданныхъ земель и самыхъ невыгодныхъ; въ Бессарабіи же хотя еще не даютъ, но сказываютъ, что раздаваться будутъ, когда приведутъ въ извѣстность казенныя здѣсь имѣнія. Между тѣмъ нехудо просить землю; покуда выйдетъ утвержденіе, то можетъ быть и здѣсь уже земли давать будутъ. Естьли бы я имѣлъ случай просить Государя лично, я бы попросилъ и для себя и для Понсета; но гдѣ и когда дождусь такого случая?

Здѣсь въ Севастополѣ вооружается эскадра, которая пойдетъ во Францію за твоими убавляемыми войсками.

Канкринъ получилъ аренду въ 7 тысячъ рублей серебромъ, Сухозанетъ, Гартингъ, Ольдеконъ, Эртель, словомъ всѣ награждены арендами; вся главная квартира первой арміи разбогатѣла, Дибичу дано 250 тысячъ на 20 лѣтъ безъ процентовъ, съ чѣмъ ихъ и поздравляю.

69.

Маія 18, Тирасполь 1817.

Радъ бы доставить тебѣ приказы мои, но вопервыхъ ничего въ нихъ особеннаго нѣтъ. Одинъ приказъ поважнѣе я тебѣ отправилъ прежде. А при томъ и типографіи нѣтъ. Мы здѣсь, мой любезный, не то, что́ ты у себя: иногда и рада бы душа въ рай, да грѣхи не пускаютъ.

Артикулы у меня тѣ, которые ты уже знаешь; къ нимъ прибавлю твои. Инструкціею для офицеровъ и унтеръ-офицеровъ займусь теперь. Она состоять будетъ въ первыхъ правилахъ математики, нужныхъ практическихъ занятіяхъ артилеріи изъ новой моей артилеріи, въ коей для сего нужное почерпнуть можно, полной фортификаціи, самонужнѣйшія свѣдѣнія и практическое производство работъ, наконецъ глазомѣръ съемки и рекогносцировка. Все вмѣстѣ составитъ небольшую книгу подъ названіемъ „Курсъ военныхъ познаній для молодыхъ офицеровъ". Практика была бы весьма полезна; но у меня оберъквартирмистръ Тройеръ никуда и ни на что́ не способенъ. Піонеры хотя и есть при корпусѣ, но употребляются въ крѣпостныя работы и болѣе всего занимаются фрунтовою службою. Какъ объ этомъ обо всемъ подумаешь, такъ и увидишь разницу между отдѣльнымъ корпуснымъ командиромъ и нашею братіею.

Въ Бессарабіи пишутъ конституцію подъ руководствомъ Бахметева. Бояре, какъ злодѣи всякаго порядка и бездушныя твари, конечно, ничѣмъ добрымъ быть не могутъ, особенно естьли конституція станетъ способомъ ужаснаго деспотизма и грабежа, какъ бывало доселѣ.

Господарь Молдавскій *Калимаки*.– мой плѣнникъ Разградскій. Въ Букарестѣ *Караджа*. Кумъ мой любезный Понсетъ можетъ просить земли теперь. Говорятъ, что назначать могутъ; но покуда не приведутъ въ извѣстность всѣхъ казенныхъ въ Бессарабіи земель, раздавать не будутъ. Лучшія *Буджаты*, т.-е. часть между Троянскимъ валомъ и Дунаемъ.

Турки строятъ крѣпости свои по прежнему; но все Новый Измаилъ на подобіе стараго. Инженеры, кажется, не слишкомъ радѣютъ о хорошемъ расположеніи (судя по плану, который я видѣлъ у Ферстера, коему однакоже худо вѣрю).

Въ Одессѣ откроется порто-франко, какъ скоро учредятся на границѣ города таможни. Я также Одесскій житель: имѣю хуторъ съ садомъ и колодцемъ. Какъ бы кстати подъ тѣнь виноградныхъ кустовъ были m-me Roland и m-elle Le Roy; только не знаю, что́ онѣ здѣсь будутъ дѣлать.

Сюда привезли Итальянскую труппу изъ Неаполя.

70.

Тирасполь, отъ 12 Іюля 1817.

Вотъ и наставленіе мое для легкой пѣхоты и два сокращенія къ онымъ.

Замѣтить должно слѣдующія главнѣйшія правила:

1-е. Цѣпь есть ничто иное какъ фронтъ растянутый на извѣстное разстояніе въ данномъ направленіи.

2-е. Разсыпныя колонны суть кучки стрѣлковъ, расположенныхъ въ извѣстномъ между собою порядкѣ.

Я дѣлалъ опыты. Понимаютъ скоро, и всѣмъ нравятся простота и малое число боевъ. Образованію легкой пѣхоты мѣшаютъ много линейные маневры, машинальность, механика, равненіе и пр. Стрѣлки начали только учиться. Успѣхъ впереди. Корпусъ мой расположенъ въ треугольникѣ, коего углы упираются въ Хотинъ, Измаилъ и Херсонъ.

Образованіе интендантскаго управленія есть самая важнѣйшая часть образованія войскъ, принимая сіе послѣднее въ точномъ его смыслѣ. Напримѣръ, для Тирасполя заготовляется провіанта только на два батальона и доставляется помѣсячно; а потому, ежели бы вздумали ввести хоть одну бригаду, то уже ѣсть нечего. Карантины по Днѣстру

другое препятствіе, и обширность расположенія — третіе. Все вмѣстѣ отнимаетъ всѣ способы. Не смотря на то, изрядно; но далеко отъ того, чего бы желать и даже требовать можно было.—Въ Одессѣ *porto franco.* Одни радуются, другіе плачутъ.

Къ намъ въ армію присланъ флигель-адъютантъ Киселевъ: я его не знаю, но говорятъ, малый добрый. Онъ пріѣхалъ подъ видомъ уравненія фрунтовой службы; но это мы понимаемъ. Хорошо! Адъютанты Государевы не страшны, и даже такія посылки могутъ быть полезны, лишь бы они вещи видѣли въ прямомъ ихъ видѣ и были безпристрастны.

Я бы думалъ въ егерскихъ полкахъ офицеровъ и часть унтеръ-офицеровъ вооружить штуцерами, qui se chargent par la culasse et s'allument avec de la composition de la poudre suroxigénée de potasse. Я имѣю пистолеты такого рода, купленные въ Парижѣ; они пробиваютъ доску въ полвершка толщины на 130 шаговъ. Какая же бы польза имѣть хотя нѣсколько такого оружія въ полкахъ на лучшихъ унтеръ-офицерахъ! Въ арміи нашей назначено въ каждый пѣхотный полкъ по пяти и въ кавалерійскій по десяти Конгревовыхъ ракетъ. На чемъ возить такія ужасныя и неукладистыя махины?

Посылаю тебѣ церемоніалъ бракосочетанія Николая Павловича.

71.

Октября 1, изъ Тирасполя.

Вотъ прожектъ, представленный мною о учрежденіи при корпусахъ военныхъ училищъ и кадетскихъ ротъ, ничего для казны не стоющій. Я представилъ его Государю. Въ составленіи курса военныхъ познаній крайняя медленность по неимѣнію способныхъ къ тому людей и типографіи: однакожъ, сколько возможно, оный составляется, и нынѣшней же зимою собираю нѣсколько юнкеровъ. У тебя вѣрно курсъ сей уже составленъ. Доставь мнѣ, сдѣлай дружбу. Касательно артилеріи я взялъ все изъ вышедшей вновь на отечественномъ языкѣ Артилеріи: если хочешь, можешь выписать: въ ней есть все, что для предмета моего нужно. Словомъ, въ матеріалахъ для составленія курса недостатку нѣтъ. Но гдѣ взять людей? Ни офицеровъ квартирмистрской части, ни артилерійскихъ, словомъ никого.

Весною ожидаемъ Государя; говорятъ, что онъ будетъ въ Мартѣ. Ну, если такъ, то представимся въ самомъ худомъ видѣ: ничто не поспѣетъ, и погода премерзкая всегда бываетъ. Желательно по крайней мѣрѣ, чтобы смотръ былъ цѣлому корпусу въ одно время, а не по бригадамъ или полкамъ.

Sicard сказывалъ мнѣ, что онъ получилъ отъ тебя письмо, коимъ извѣщаешь объ отправленіи на имя его для меня вина и другихъ какихъ-то посылокъ. Скажи, Бога ради, сколько я тебѣ долженъ. Я думаю пропасть. Впрочемъ сколько будетъ, вели вычитать изъ моихъ процентовъ.

Не знаешь ли, гдѣ m-me Roland? Вопросъ совсѣмъ не отъ любви. Давно уже все забыто; но право, она женщина преинтересная и пренесчастная, достойная лучшей участи.

Сюда присыланъ былъ Киселевъ для изслѣдованія по доносамъ ген.-интенданта Жуковскаго на главнокомандующаго, начальника главнаго штаба и обоихъ насъ, корпусныхъ командировъ. Вотъ каково, что и я попалъ въ подозрѣніе относительно снисхожденія подрядчикамъ! Святое соблюденіе контракта и платежъ денегъ не чрезъ коммисіоперовъ, но у меня въ комнатѣ, при всѣхъ ихъ, названо снисхожденіемъ. Словомъ, распоряженія мои ворамъ не понравились. А какъ главный воръ, присланъ будучи на мѣсто прежняго (порӧченаго), былъ уполномоченъ доносить обо всемъ Волконскому, то и счелъ необходимымъ и для счетовъ своихъ полезнымъ начать доносомъ. Къ несчастію, попалъ на человѣка, который доносовъ не боится и вѣроятно сломитъ себѣ шею. Не знаю, въ чемъ состоитъ доносъ его на другихъ. Киселеву же поручено было и фрунтовое обозрѣніе.

Не надѣюсь, чтобы Понсетъ получилъ землю въ Бессарабіи; говорятъ, никому тамъ не дадутъ. Из-

вѣстный богачъ *Манукъ-бей* умеръ скоропостижно въ присутствіи нашего главнокомандующаго. Булгары, бывшіе на поклоненіи въ Іерусалимѣ, принесли картину, на коей изображенъ Манукъ, испускающій душу свою въ объятія распростертаго предъ нимъ Сатаны. Увѣряютъ, что картина написана еще при жизни за какую-то проказу, которую онъ сдѣлалъ Греческимъ монахамъ въ Іерусалимѣ въ бытность его при Мустафѣ-байрактарѣ.

Сосѣди наши покойны. Чума прекратилась въ Молдавіи; но въ Валахіи, особенно въ Галацахъ и Браиловѣ, все еще показывается отъ времени до времени. Недавно открылась въ Старой Киліи (деревнѣ на островѣ противу нашей Киліи); но вымерло только два дома, и тѣмъ кончилось.

Къ намъ прибыли въ Измаилъ Виртембергцы, коихъ высылается оттуда до 8 т. Они приплыли на плотахъ. Правительство, не взявъ никакихъ мѣръ къ поселенію ихъ, лишится многихъ изъ нихъ. Намѣстникъ нашъ недовольно, кажется, рѣшителенъ, и они бѣдные въ ужаснѣйшемъ положеніи. Люди, не привыкшіе къ климату, должны нѣсколько времени жить на судахъ между камышами и миліонами комаровъ, пить мутную Дунайскую воду и потомъ выдерживать карантинъ на открытомъ воздухѣ, на дождѣ и солнцѣ, и наконецъ изъ карантина ходить по міру или проѣдать послѣднее въ ожиданіи обѣщаннаго благоденствія. Между ими открылись здѣшнія лихорадки, и они мрутъ, какъ мухи. Вотъ плоды нерѣшимости управляющихъ, а можетъ быть и недостатка способовъ и неполной довѣренности.

Но я бы, мнѣ кажется, рѣшился на все, не спрашивая никого и, не дожидаясь резолюціи министерства, сдѣлалъ все къ успокоенію ихъ, что́ бы отъ меня зависѣло.

Изъ журнала вижу о выдуманномъ вѣчномъ движеніи (perpetuum mobile) механикомъ Петерсомъ въ Mayence. Нельзя ли достать описанія его машины, которую представлялъ онъ королю Нидерландскому?

Благодарю за доставленіе книгъ и очковъ. Мельница совершенно разбита.

72.

Тирасполь, отъ 24 Ноября 1817.

У насъ третій корпусъ 1-й арміи представлялъ на поляхъ Полтавскихъ баталію, выигранную Петромъ надъ Карломъ. Я не былъ тамъ, но слышалъ, что Государь командовалъ кавалеріею и игралъ ролю Менщикова. Карлъ на сей разъ въ Бендеры не являлся, и Ворскла не обагрена кровію. На весну жду Государя къ себѣ; еслибы и у меня хотѣлъ только подобнаго, можетъ быть, я бы и отличился. Мѣстоположеніе Тирасполя на Днѣстрѣ и расположеніе 16-й дивизіи на той сторонѣ представляютъ нѣкоторыя удобности для военнаго маневра, какихъ здѣсь въ степи голой и ровной не всегда отыскать можно. Но боюсь баталіонныхъ маневровъ и въ особенности солдатскаго туалета. Все сіе зависитъ не отъ меня непосредственно, но отъ всѣхъ полковыхъ и баталіонныхъ и пр. Думаю, что меня вытурятъ изъ службы; тогда, братъ, пусти меня жить покуда въ свой Петербургскій или Московскій домъ.

Не знаю, объ какихъ ружьяхъ говорилъ тебѣ Oudinot. Мнѣ извѣстны два рода новыхъ ружей: одни, qui se chargent de la manière ordinaire, mais sans baguette, ils ont les chambres paraboliques, et les autres sont ceux dont je t'ai écrit et dont la charge s'enflamme avec de la poudre suroxigénée de

potasse. Послѣднія удобны и лучше первыхъ. И вотъ какіе бы штуцера я хотѣлъ имѣть по нѣскольку въ ротѣ; съ тѣмъ согласенъ и Roche-Aymont. Но впрочемъ видно, что онъ болѣе профессоръ, нежели военный человѣкъ.

Сдѣлай дружбу, купи мнѣ на счетъ процентовъ будущаго года и доставь моремъ въ Одессу:

1-е. Дюжину хорошихъ чашекъ разныхъ. 2-е Часы съ музыкою столовые, не изъ дорогихъ, попростѣе и не дороже 700 франковъ. 3-е Штуки двѣ батисту хорошаго и, наконецъ, естьли не слишкомъ дорого, фальшивую Александровскую звѣзду, т. е. когда не дороже 300 франковъ или 400.

P. S. Звѣзда фальшивая отмѣняется, а вмѣсто того купи, братъ, шкатулку съ бритвами и небольшимъ сервизомъ чайнымъ.

У меня завелась военная школа. Курсъ военныхъ познаній составляется самимъ мною, и все по сей части преподаваемое показывается на самымъ опытѣ; напр. говоря объ артилеріи, воспитанники видятъ все передъ глазами, также и относительно фортификаціи. Я прожектъ мой объ устроеніи сихъ школъ послалъ Государю. Увѣдомь, что у тебя сдѣлано по сей части. Охотно учатся молодые люди, и охотно отдаютъ служащіе у меня въ корпусѣ бѣдные люди. Буду принимать и постороннихъ, но разумѣется съ заплатою въ пользу неимущихъ воспитанниковъ.

73.

Изъ Тирасполя, 21 Февраля 1818.

Болѣе двухъ мѣсяцевъ не имѣю отъ тебя ни строчки. Признаюсь, что и самъ давно не писалъ. Причиною тому ожидаемый смотръ Государя въ будущемъ Апрѣлѣ мѣяцѣ.

У насъ слухи разные о возмущеніяхъ во Франціи: но слухи эти площадные, на которые положиться нельзя.

Сдѣлай одолженіе купи мнѣ метръ складной или хоть и полдюжины, есть ли не такъ дорого. Мнѣ онъ нуженъ для военной моей школы.

Я скоро, т. е. послѣ проѣзду Государя, думаю жениться, и потому вотъ еще причина моего молчанія. Только это еще не вѣрно, потому что женитьба моя необыкновенная. Избаша и Антроповъ имѣютъ деньги. Естьли тебѣ надобны, они дадутъ; стоитъ только мнѣ написать. У обоихъ тысячъ 40 или 50.

74.

Москва, отъ 8 Маія (1818).

Поздравь меня, мой любезнѣйшій другъ: я женился на разводкѣ, женѣ колл. асс. Шиповскаго. Казначеевъ, можетъ быть, ничего о томъ не знаетъ, потому что я не получалъ еще позволенія на то, и потому здѣсь въ Москвѣ никому кромѣ Булгакова [1]) о томъ не говорилъ. Впослѣдствіи буду писать об-

---

[1]) Извѣстнаго почтдиректора. Б. П.

стоятельнѣе обо всемъ *). Теперь Казначеевъ можетъ пересказать обо всемъ, что́ я съ нимъ говорилъ.

Богъ знаетъ сколько времени не имѣю отъ тебя ни строчки. Сегодня ѣду въ Петербургъ, по волѣ Государя, учиться, какъ выправлять людей.

75.

С.-Петербургъ, отъ 24 Іюня 1818.

Я съ самаго пріѣзда моего въ Петербургъ не выхожу изъ комнаты. Болѣзни, какъ нарочно, одна послѣ другой.

Посылаю тебѣ, мой любезнѣйшій другъ, проэктъ мой о способѣ снабженія арміи офицерами. Я представилъ его Государю. Не знаю что̀ изъ того будетъ. Цѣль моя есть во-первыхъ та, чтобы доставить способъ бѣднымъ людямъ воспитывать дѣтей своихъ, во-вторыхъ имѣть хотя одну истинно-военную школу. Прости, мой единственный другъ.

76.

Тирасполь, 15 Августа 1818.

Благодарю любезнаго друга за присылку калейдоскопа. Сія модная игрушка вѣроятно замѣнится скоро новою, называемою *афанейдоскопъ*, о коей возглашаютъ военныя наши вѣдомости. Жена моя благодаритъ тебя за дружеское къ мужу ея расположеніе и хотя не соглашается отъ себя на первый

---

*) Болѣе подробнаго письма о томъ не сохранилось. На этомъ извѣстительномъ о женитьбѣ письмѣ не означено года; но это несомнѣнно 1818-й. П. Б.

разъ безпокоить тебя пустяками, но я знаю, что ей весьма желательно имѣть аршинъ 20 Французскихъ кружевовъ и шитое платье. Сдѣлай дружбу, купи и перешли или хоть самъ вывези, если надѣешься скоро выдти изъ Франціи.

Школа моя не въ томъ еще видѣ, какъ бы имѣть ее желалось, по недостатку нужныхъ къ тому способовъ, но однакожъ изрядна. Нѣкоторые изъ воспитанниковъ, получившіе достаточныя теоритическія понятія въ фортификаціи, отправлены на время къ піонерному находящемуся у меня при корпусѣ батальону, занимающемуся теперь практическими работами. Съ перваго Сентября артиллерія моя займется правильнымъ ученіемъ, гдѣ и они также будутъ. Изъ прилагаемаго у сего объявленія увидишь намѣреніе, съ какимъ и для кого преимущественно школа сія устроена.

Предположеніе маневра есть слѣдующее: 13-я дивизія, пришедшая отъ стороны Одессы, обложила Тираспольскую крѣпость и намѣревается предпринять осаду оной. 16-я, предполагаемая въ превосходномъ числѣ, переправилась черезъ Днѣстръ при Дубосарахъ, спѣшитъ къ Тирасполю для освобожденія онаго двумя дорогами. 13-я, освѣдомясь о приближеніи превосходнаго непріятеля, снимаетъ осаду, отправляетъ осадный паркъ свой на Одессу; сама же, дабы удержать нѣсколько непріятеля и тѣмъ дать своимъ время выиграть нѣсколько маршей по дорогѣ къ Одессѣ, беретъ позицію за Тирасполемъ, въ коей и намѣревается ожидать непріятеля. Намѣреніе мое было укрѣпить позицію, въ трехъ вер-

стахъ отъ города находящуюся, и самый городъ (часть онаго, лежащую за мостомъ черезъ лощину, раздѣляющую городъ); но у насъ руки связаны, и мнѣ сказано, что этого не нужно.

Наконецъ, 13-я дивизія, занявъ однимъ батальономъ егерей городъ и кладбище, передъ фронтомъ ея находящіеся, не укрѣпляется въ оныхъ и такимъ образомъ ожидаетъ непріятеля. Тактическое исполненіе сего предположенія было Богъ знаетъ на что похоже: словомъ, надо было дѣлать все, что̀ дѣлается въ линейномъ ученіи, не смотря на то, прилично ли это обстоятельствамъ или нѣтъ. Во первыхъ, стрѣлковъ нигдѣ имѣть не приказано; во вторыхъ, атакующихъ часть, сближась на ружейный выстрѣлъ, должна была деплоировать, и пр. и пр. Теперь я не знаю, за что хвалили. Мнѣ кажется за то, что изрядно деплоировали, колонны равнялись порядочно и отступали также изрядно. А мнѣ было крайне досадно, что не дали сдѣлать того, чего я хотѣлъ.

Объявленіе.

Предположивъ учредить военное училище при ввѣренномъ мнѣ 6 мъ корпусѣ, предложилъ я мнѣніе мое господамъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ 13-й и 16-й пѣхотныхъ дивизій, которые не только единодушно оное приняли, но еще собственнымъ побужденіемъ составили тотъ часъ значительную сумму въ пользу помянутаго учрежденія, которое уже воспріяло свое начало подъ названіемъ *Кадетской роты*. Собранная сумма служитъ только на необходимыя издержки; относительно же наставниковъ, таковые нашлись между чиновниками корпуснаго штаба и охотно приняли на себя обязанность сію, желая единственно участвовать въ толь полезномъ по мнѣнію моему и товарищей моихъ заведеніи.

Таковое соревнованіе ихъ поставляетъ меня въ непремѣнную пріятнѣйшую обязанность сдѣлать оное извѣстнымъ.

Главнѣйшіе предметы преподаваемые въ корпусномъ военномъ училищѣ суть слѣдущіе.

Курсъ военнаго познанія, состоящій изъ первоначальныхъ правилъ математики, артиллеріи и полевой фортификаціи, глазомѣрныя съемки, правило военнаго обозрѣнія мѣстъ, рисованіе и бонировка плановъ и картъ; практическое инженерное, артилерійское и фрунтовое пѣхотное ученіе. Потомъ: языки Нѣмецкой, Французской, всеобщая исторія и географія, преподаваемыя въ народныхъ училищахъ. Къ сему со временемъ присовокупится все то, что потомъ признается нужнымъ и полезнымъ къ усовершенствованію молодыхъ воспитанниковъ, какъ то: верховая ѣзда, стрѣльба въ мишень и другія тѣлесныя упражненія. Учрежденіе сіе составлено собственнымъ иждивеніемъ сослуживцевъ моихъ и имѣетъ цѣлію:

1) Доставить возможность молодымъ людямъ, поступающимъ на службу, пріобрѣтать необходимыя для военныхъ людей свѣдѣнія.
2) Дѣти служащихъ при корпусѣ чиновниковъ, лишенныя, по бѣдности родителей своихъ, возможности получить воспитаніе, будутъ имѣть право (преимущественно предъ всѣми прочими) пользоваться симъ способомъ военнаго воспитанія, безъ всякой за то платы; таковымъ же правомъ пользуются вообще всѣ сироты, живущія въ расположеніи корпуса.

Дворяне, имѣющіе состояніе, приниматься будутъ въ корпусное военное училище съ платежемъ 250 рубл. въ пользу неимущихъ воспитанниковъ.

77.

Тирасполь, отъ 15 Октября 1818.

Письмо твое, любезнѣйшій, почтенный другъ, въ коемъ пишешь о полученіи мнѣнія моего на счетъ учрежденія военныхъ школъ и переводѣ корпусовъ, я получилъ по счету моему довольно поздно. На счетъ аудиторовъ я не понимаю, отчего не хочешь ты со мною согласиться. Я вѣдь назначаю для сего званія не совершенно неспособныхъ, но только такихъ, кои бы не имѣли склонности и природныхъ дарованій къ военному служенію.

Теперь занимаюсь я сочиненіемъ курса военныхъ познаній, коего раздѣленіе есть слѣдующее:

Математика: Ариѳметика, Геометрія, Тригонометрія и Геодезія, Алгебра до уравненій второй степени. (Изъ cours de Math. abrégé pour l'école milit. de S-t Cyr).

Полевая и долговременная фортификація; къ послѣдней присовокупится second mémorial additionnel de Carnot. (По методѣ *Vernon*. Атака и оборона полевыхъ и долговременныхъ укрѣпленій съ присовокупленіемъ примѣровъ славнѣйшихъ осадъ и штурмовъ). Le tout sera traité de la manière à pouvoir être utile aux officiers de l'armée, sauf les détails mu-

nitieux qui ne nous sont bonnes à rien et qui surchargent la mémoire de choses inutiles.

Напримѣръ, я полагаю для армейскаго офицера достаточнымъ, естьли при воззрѣніи на какое либо укрѣплѣніе или позицію видитъ онъ слабыя ихъ части и видитъ выгоды представляемыя ему мѣстоположеніемъ, знаетъ число людей потребныхъ для обороны какого либо мѣста, знаетъ причины, для коихъ какая либо часть дѣлается такого или такого измѣренія. Исполненіе прожектированныхъ работъ оставляю я инженерамъ.

Военная топографія или военное обозрѣніе различныхъ мѣстоположеній — частію мои собственныя идеи, частію взятыя изъ разныхъ авторовъ.

Астрономія и тактика—почерпнутыя большею частію изъ Rogniat и Prince Charles.

Военныя событія древней и новой Исторіи, напр. Prise de la rédoute de Toulon, bataille d'Arcole, de Borodino etc. etc.

Артилерія — изъ Vernon и вновь сочиненной у насъ довольно порядочной артилеріи, также Артилерійскаго Журнала.

Книги, тобою ко мнѣ присылаемыя, послужатъ мнѣ большимъ пособіемъ. Вотъ, мой любезнѣйшій другъ, главнѣйшее занятіе мое. Ожидаю отъ тебя продолженія Vict. Conq., также cartes pour l'ouvrage de Dumas, dont je n'ai que celles appartenantes à l'année 1801, ainsi que les Annales Militaires, si cela vaut la peine d'être connu.

Не погрѣша во всю службу мою ни на грошъ, не могъ я ожидать, чтобы помыслили сдѣлать мнѣ предложеніе принять начальство надъ Сибирскимъ корпусомъ, т. е. команду надъ ссылочными гарнизонами, разбросанными на нѣсколько тысячъ верстъ. Если это только интрига, чтобы корпусъ мой отдать кому другому, думая меня плѣнить титломъ отдѣльнаго корпуснаго командира, такъ выдумка довольно глупа и неудачна. Если же самъ Государь такъ обо мнѣ думаетъ, что я никуда болѣе не гожусь, то чрезвычайно прискорбно, и въ такомъ случаѣ ни минуты не остаюсь на службѣ. А чтобы имѣть убѣжище, купилъ себѣ въ Одессѣ домишко, гдѣ и поселюсь. Государь обѣщалъ мнѣ аренду, но до сихъ поръ не даютъ, между тѣмъ какъ всѣ получили, кому даны въ одно время. Правда, что у меня другаго состоянія нѣтъ кромѣ извѣстныхъ у тебя 50 т., изъ коихъ половину надобно заплатить за домъ, и 4 т. пансіону; но если принужденъ буду идти въ отставку, то и аренды не возьму: не хочу вредить другимъ и оправдывать во мнѣніи Государя поселившуюся давно идею, что коль скоро дастъ онъ кому состояніе, тотъ и оставляетъ службу. Признаюсь, что это меня чрезвычайно огорчило. Формальнаго предложенія не было, но намекали о томъ Закревскому, а онъ писалъ ко мнѣ, чтобы я отвѣчалъ ему рѣшительно. Отвѣтъ мой былъ точно таковъ, какъ я тебѣ пишу.

78.

Тирасполь, отъ 3 Декабря 1818.

Оба письма твои, любезнѣйшій, единственный въ мірѣ другъ, чрезъ Ягницкаго получилъ, равно и инструменты, коимъ я употребленія не знаю, но буду отыскивать, и тѣмъ лучше: это будетъ для меня новое занятіе.

Инструментовъ никакихъ кромѣ двухъ мензулъ и нѣсколько компасовъ для школы не нужно. Сіи послѣднія, какъ весьма дешевыя, думаю дарить тѣмъ воспитанникамъ, кои при выпускѣ изъ школы при послѣднемъ экзаменѣ болѣе окажутъ успѣховъ. Сіе послужитъ имъ поощреніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ упражненіемъ въ свободное отъ службы время. Бѣда та, что негдѣ помѣстить, и всѣ они живутъ по квартирамъ. Теперь ихъ у меня 62 человѣка. Не повѣришь, сколько открывается желающихъ отдавать ко мнѣ дѣтей; но бѣда, что ни способовъ въ помѣщеніи, ни присмотра за малолѣтными быть не можетъ. Какая бы польза, естьлибы правительство вникнуло въ пользу извѣстнаго тебѣ прожекта моего! Волконскій привезъ сыновей своихъ въ Одесскую Лицею, и вся знать сюда же пустилась. Россія ввѣряетъ воспитаніе знатнѣйшаго юношества Французскому попу (abbé Nicole). Положимъ, что онъ самой лучшей нравственности и обширнѣйшихъ познаній человѣкъ; но знаетъ ли онъ пользы нашего

отечества въ различныхъ его отношеніяхъ? Вселитъ ли въ нихъ любовь къ нему? Да и какая ему въ томъ надобность! Вотъ общій и главнѣйшій недостатокъ всѣхъ нашихъ учрежденій для воспитанія юношества. Положимъ, что всѣ воспитывающіеся въ Одесской Лицеѣ будутъ люди преученые; но какая Россіи польза, что будутъ они чувствовать красоты Гомера, Виргилія, Лафонтена и пр.? Они будутъ ученые иностранцы.

Наконецъ, дѣти Волконскаго, Ламберта, Рудзевича, Разумовскаго и пр. назначаются конечно для военнаго сословія. Какую идею дастъ имъ о военномъ искусствѣ abbé Nicole? Въ его методѣ воспитанія берется за основаніе Латинскій языкъ. Теперь какъ же иностранцамъ не сомнѣваться, что и мы также, какъ они, одарены способностію *разсуждать?*

Другой годъ завелся въ Петербургѣ Комитетъ Военныхъ Училищъ: гдѣ же сіи училища? Кадетскіе корпуса нельзя назвать таковыми, а военносиротскія отдѣленія еще менѣе. Въ первыхъ учатъ вертѣть ружьемъ, поворачиваться и маршировать, а въ послѣднихъ (къ удивленію) и ружей нѣтъ.

Выборы въ гвардію и гранодеры до того довели полки, что самъ начальникъ штаба ѣздитъ у насъ по арміи и боится, что выборомъ его довольны не будутъ. Что̀ будетъ далѣе!

Государь и мнѣ пожаловалъ аренду, но по немилости министра самую невыгодную, въ Курляндіи. Я намѣренъ ее продать.

79.

Тирасполь, отъ 1 Марта 1819.

У насъ пронесся слухъ, что ты назначенъ камандиромъ 7-го корпуса на мѣсто князя Горчакова. Тогда будешь мой ближайшій сосѣдъ: квартира въ Херсонѣ.

Жена моя чувствительно благодарна тебѣ за присылку зеркала, блондъ и платья. Новостей министерскихъ не знаю. Относительно перемѣнъ по арміи одна изъ виднѣйшихъ есть та, что всѣ линейные полки будутъ имѣть ранцы телячьи, а егерскіе собачьи.

80.

Одесса, 29 Іюня 1819.

Женился и забылъ меня, любезнѣйшій другъ мой! Это натурально. На нѣкоторое время весь міръ, всѣ мысли, всѣ чувства—все въ одномъ предметѣ.

Я въ Одессѣ на водопоклоненіи. Если морскія ванны не исцѣлятъ моего недуга, надобно будетъ отправиться въ Италію. Непріятнѣйшая перспектива проѣздить послѣднее, или умирать видимымъ образомъ. Желтухинъ (старшій) вояжировалъ въ такомъ

случаѣ на счетъ казны. Я не въ правѣ на такую милость. Другой Желтухинъ командуетъ у меня въ корпусѣ дивизіею. Важнѣйшія новости по службѣ состоятъ въ перемѣнѣ полковъ. Марши для другихъ ужасные. Цѣль неизвѣстная. У меня въ 816 году взяли уже 6 полковъ и на мѣсто ихъ дали столько же. Такъ и въ другихъ корпусахъ. У насъ новый начальникъ штаба г.-м. Киселевъ. Принялся хорошо. Изъ бывшаго твоего корпуса поступилъ ко мнѣ Якутскій полкъ; люди сбережены, амуниція чудесная, ружей такихъ я еще не видывалъ въ нашей арміи. Доброй воли много, все прекрасно; надобно только потвердить уставъ. Словомъ, надобно его выработать на показъ. Для дѣла онъ готовъ болѣе нежели всѣ другіе.

Я хочу завести въ корпусѣ *enseignement mutuel*. Но нѣтъ здѣсь типографіи. Понсетъ говоритъ, что у тебя, любезный другъ, есть нѣсколько экземпляровъ между вещами, привезенными въ Одессу. Сдѣлай одолженіе, буде есть лишніе, уступи мнѣ сколько можешь; да купи мнѣ въ Лондонѣ маленькую мензулу для глазомѣрной съемки.

Увидимъ, скоро ли обрадуешь многихъ Русскихъ своимъ пріѣздомъ.

81.

Генваря 4-го 1820.

У сего прилагаю исторію болѣзни моей. Сдѣлай дружбу, напиши въ Лондонъ, чтобы тамъ показали сіе опытному медику и чтобы онъ далъ свое мнѣніе.

Конгревъ выдумалъ новую паровую машину весьма простой конструкціи. Весьма бы желалъ имѣть модель ея съ краткимъ описаніемъ, если это не такъ дорого стоитъ. Объ этомъ напечатано въ „Инвалидѣ“ № 291, 1819 года.

Здѣсь въ Рождество Христово выпалъ снѣгъ, и теперь зима подобная бывшей въ 812 году. Вчера былъ морозъ въ 20°.

Чума совершенно прекратилась, и цѣпь, отдѣляющая зараженные цынуты Бессарабіи отъ благополучныхъ, снята.

Государь позволилъ мнѣ отлучиться весною на два мѣсяца для излѣченія болѣзни моей. Но куда и съ чѣмъ ѣхать? Правда, что велѣно отпустить меня съ жалованьемъ и столовыми: но всѣмъ этимъ не далеко уѣдешь, и потому, получа изъ Лондона отвѣтъ, буду пользоваться здѣсь по предписанію того медика, котораго ты, другъ мой, изберешь.

Любопытен видѣть полученный тобою рескриптъ на счетъ увольненія до открывшейся войны

На дняхъ получилъ рапортъ своего оберъ-квартирмистра съ картою Буджака (онъ по повелѣнію правительства откомандированъ для съёмки Бессарабіи). Онъ пишетъ мнѣ, что теченія Прута и Дуная впредъ до окончательныхъ постановленій съ Портою снимать не велѣно. Вотъ какія чудеса! Какъ будто фигура снятаго берега не опредѣляетъ теченія рѣки? Однакоже въ присланной отъ него картѣ точно не назначено Прута и даже нѣкоторыхъ деревень по оному лежащихъ: слѣдовательно полагать должно, что ему не велѣно приближаться къ Пруту на извѣстное разстояніе. Объ этомъ я его спрашиваю.

Аренда моя съ рукъ не идетъ. Покупщики видя мою нужду и отдаленіе, пользуются ими. Даютъ мало, да и то еще Голландскими талерами, полагая каждой 65 коп. Дѣлать нечего. Естьли ходатайство твое въ Петербургѣ у новаго графа Гурьева не поможетъ, и аренды въ казну не возьмутъ съ тѣмъ, чтобы вмѣсто оной выдать мнѣ деньги за всѣ 12 лѣтъ впередъ съ вычетомъ указныхъ процентовъ: долженъ буду продать.

82.

Тирасполь, отъ 6 Февраля 1820.

Ланжеронъ женился великолѣпно и дѣлаетъ большія пріуготовленія къ отъѣзду: сбирается представить жену ко двору; хочетъ, чтобы ее сдѣлали штатсъ-дамой; словомъ, онъ весь въ ней и сдѣлался еще разсѣяннѣе, нежели когда нибудь былъ. Между прочимъ надѣется получить за аренду свою изъ казны деньги 300 т. рублей: одно изъ всѣхъ желаній его основательное; дай Богъ удачу.

83.

Тирасполь, отъ 22 Августа 1820.

Разставшись съ тобою, мой любезнѣйшій другъ, имѣлъ я много хлопотъ по 17-й дивизіи. Не знаю, что̀ найду въ 16-й дивизіи. Полки новые. Le chef de la 17-me est incapable de soutenir le bon esprit de ses troupes. Сколько ему подобныхъ! Что̀ же будетъ? Мы всѣ только видимъ и сожалѣемъ.

Проѣздомъ чрезъ Бессарабію случилось мнѣ ночевать у одного помѣщика. Я говорилъ съ нимъ о выгодѣ здѣшнихъ имѣній. Вотъ его мнѣніе. Въ цынутѣ Ясскомъ (между Кишинева и Хотина) имѣнія

выгоднѣйшія въ цѣлой Бессарабіи. Во-первыхъ, потому, что имѣютъ довольно лѣсовъ; во-вторыхъ, потому, что съ присовокупленіемъ Молдавіи къ Россіи будутъ близко Яссъ и тогда сдѣлаются вдвое дороже. Селеніе Коленешти съ принадлежащими, принадлежащее какому-то г-ну Муту, живущему въ Яссахъ, есть выгоднѣйшее. Оно теперь отдается въ аренду за 1,200 червонныхъ въ годъ, и онъ думаетъ, что можно его купить за 8 и конечно не болѣе какъ за 10 т. червонныхъ. Если правда, то чего же бы лучше? Теперь надобно только знать, не состоитъ ли оно въ залогѣ или какихъ спорахъ, и когда тебѣ угодно, напиши мнѣ. Я радъ хлопотать въ твою пользу.

84.

Маія 15-го 1822 года.

Я слышу, что ты возвращаешься въ отчизну. Увѣдомь, единственный другъ мой, гдѣ ты? Корпусъ твой съ нетерпѣніемъ тебя ожидаетъ. Когда и гдѣ увижусь я съ тобою? Убѣдительнѣйше прошу меня увѣдомить. Если не будешь въ Одессѣ, то я пріѣду къ тебѣ, куда прикажешь.

Бѣдный Избаша скончался. Не знаю, чѣмъ рѣшится бумажная война съ Портою; но знаю, что у насъ ни малѣйшихъ пріуготовленій къ войнѣ не дѣлается и если думаютъ, что все готово потому только, что есть армія, то весьма ошибаются. Молдавія истощена до послѣдней крайности; а у насъ и для лагерей хлѣба нѣтъ. Дунайская флотилія су-

ществуетъ только идеально, да и та заперта въ Измаилѣ. Турки усилили свою въ Дулаѣ и сильно укрѣпились въ Сулинскомъ протокѣ. Они построили новую крѣпость (какъ говорятъ) противъ Силистріи на лѣвомъ берегу Дуная. Никакихъ средствъ къ переправѣ черезъ Дунай мы не имѣемъ и ничего не предпринимаемъ: видно, все кончится на бумагѣ.

Въ Саратовскомъ полку есть маіоръ Спиридовъ, котораго тебѣ рекомендую, какъ человѣка способнаго. Онъ былъ у меня дежурнымъ штабъ-офицеромъ, когда полкъ былъ въ моемъ корпусѣ.

Съ 15 сего мѣсяца начинаются у насъ смотры, смотры и пр. и оканчиваются у меня 17 Іюля. Я могу къ тебѣ пріѣхать въ Августѣ, куда прикажешь. Мнѣ крайне нужно съ тобою видѣться. Мы съ тобою сосѣди и, не видавшись болѣе двухъ лѣтъ, не могу отказать себѣ въ единственномъ удовольствіи обнять друга моего.

Я часто проѣзжаю мимо монумента князя Потемкина и съ сердечнымъ сокрушеніемъ вижу его уничтоженіе. Скажи о томъ графинѣ Александрѣ Васильевнѣ *).

---

*) Браницкой, племянницѣ князя Потемкина и тещѣ князя Воронцова. П. Б.

85.

Тирасполь, отъ 4 Декабря 1823.

Будучи въ Рени, вызывалъ къ себѣ Кипариса изъ Галацъ. Онъ утверждаетъ, что въ Галацахъ чума появилась, что одна улица оцѣплена и что заболѣвающіе выводятся за городъ и располагаются въ особыхъ, нарочно выстроенныхъ для сего землянкахъ: но по причинѣ неблагопріятнаго къ распространенію сей болѣзни времени и принятымъ мѣрамъ надѣется, что болѣзнь сія не распространится. Всѣ прочіе увѣряютъ, что чумы нѣтъ и что Кипарисъ, совравшій вначалѣ, долженъ по необходимости продолжать вранье. Я бы, можетъ быть, тому и повѣрилъ: но, будучи въ Новоселицѣ, слышалъ отъ пріѣхавшаго изъ Буковины, что Австрійское правительство, получа извѣстіе о появленіи заразы въ Галацахъ, отправило туда своего крейсъ-медика, по донесенію коего на Австрійской границѣ учрежденъ 10-ти дневный карантинъ. Вотъ тѣ свѣдѣнія, которыя получилъ я при объѣздѣ моемъ о чумѣ. Я сдѣлалъ все, что̀ умѣлъ, къ лучшему надзору кордонной стражи за границею. Распоряженія мои состоятъ въ слѣдующемъ: 1) усилилъ кордоны; 2) отнялъ по возможности поводъ къ отговоркамъ безпрестанныхъ и по истинѣ необходимыхъ отлучекъ казаковъ съ постовъ своихъ; 3) составилъ инструкцію для едино-

образнаго отправленія кордонной службы, съ коей копію у сего тебѣ посылаю и прошу, какъ друга, исправить или дополнить, что найдешь неудобнымъ или недостаточнымъ Если инструкція соблюдаться будетъ въ точности, тогда всякая дистанція между кордонами наблюдаема будетъ въ теченіе сутокъ 24-мя разъѣздами; но чтобы сіе исполнялось, посылаемы будутъ особые инспекторы, ибо на казаковъ и начальство ихъ положиться нельзя.

Между многими причинами къ отлучкѣ казаковъ отъ полковъ своихъ главнѣйшія были за хлѣбомъ, сѣномъ и дровами. Сѣно приказано полковымъ командирамъ доставлять на кордоны. О дровахъ и мошенничествѣ по сему случаю подрядчиковъ посылается при семъ оффиціальная бумага. Сдѣлай милость, прикажи за прошедшее время удовлетворить казаковъ деньгами на счетъ подрядчика, а за настоящее прикажи доставлять дрова къ 1-му числу каждаго мѣсяца на кордоны. До сихъ поръ никогда сего не исполнялось, и подрядчики, нигдѣ заготовленія дровъ не имѣя, отдѣлывались всегда деньгами по цѣнамъ весьма низкимъ, напримѣръ по $2^1/_2$ лева, когда подрядчикъ беретъ отъ правительства по 20 левовъ. Въ началѣ сдѣлки сіи происходили между подрядчикомъ и полковыми командирами; но когда впослѣдствіи было сіе запрещено, то мошенники-Жиды съ помощію негодяевъ сотенныхъ командировъ стали раздѣлываться съ самими казаками и платить, напримѣръ въ полку Карпова, по 30 паръ за всю зиму: если же которая сотня не соглашалась, то въ Іюлѣ мѣсяцѣ предлагали за все прошедшее время получить въ натурѣ... Отъ таковыхъ плутней сверхъ

многихъ неустройствъ происходило во первыхъ то, что казаки должны были по необходимости красть, чтобы не замерзнуть; во вторыхъ, получая хорошій провіантъ, отдаютъ его жителямъ, а отъ нихъ получаютъ малый.

Подрядчикъ на всю Бессарабію для топлива Еврей Мендель Левенсонъ, котораго не велѣно допускать ни въ какіе подряды; но указъ гласитъ о купцѣ Могилевскомъ Менделѣ Левенсонѣ, а онъ нынѣ сдѣлался купцомъ Одесскимъ. Не спорю, что Левенсонъ надежнѣе многихъ подрядчиковъ, потому что капиталистъ и человѣкъ неглупый, но допущенъ къ торгу вѣрно не даромъ; а потому и цѣны на топливо прибавить былъ долженъ. Это маленькая *ошибка* Крупенскаго.

Казачьи полки, содержащіе кордонную стражу, растянуты будучи на большомъ пространствѣ, не имѣютъ возможности доставлять провіантъ на каждый кордонъ. До нѣкотораго времени никто о томъ не заботился, потому что выгода полковыхъ и сотенныхъ командировъ состоитъ въ томъ, чтобы за провіантъ имѣть счетъ съ обывателями, т.-е. дать имъ по чаркѣ водки, провіантъ продать въ свою пользу, а казаковъ подчивать мамалыгою. Но когда начались за сіе взысканія, тогда представлено мнѣ было, что казаки не имѣютъ возможности доставлять провіантъ на кордоны. Тогда входилъ я съ донесеніемъ къ своему начальству, чтобы позволено было доставлять провіантъ на самые кордоны на счетъ казны. Но по принятой системѣ къ отсѣченіямъ, я получилъ въ резолюцію, чтобы казаки возили на вьючныхъ ло-

шадяхъ, которыхъ нѣтъ и никогда въ мирное время не бывало; а при томъ, по отдаленности магазиновъ, не рѣдко за 100 верстъ и болѣе надобно казаковъ отлучать отъ службы на весьма долгое время и весьма часто, потому что отпуски провіанта позволено подрядчикамъ дѣлать даже и пятидесятидневными препорціями, да сверхъ того и возить на вьюкахъ. Теперь берутся обывательскія подводы, а провіантъ доставляется только до штаба, или просто полковой командиръ сдѣлается съ магазейномъ и съ обывателями деньгами, а казаки ѣшь, что̀ дадутъ. Безпорядокъ и несправедливость жестокая, а пособить нечѣмъ. По мнѣнію моему жители могли бы доставлять провіантъ одни въ штабъ, другіе въ сотенные дворы, а третьи по кордонамъ. Но на то надобно, мой любезный другъ, твое согласіе.

Многіе кордоны расположены отъ Прута въ 5 и 6 верстахъ, и потому на самомъ Прутѣ выставлены пикеты: но пикеты сіи безъ всякой защиты отъ стужи и вьюги зимою остаться не могутъ; постоянныхъ же зданій на тѣхъ мѣстахъ построить нельзя, потому что все пространство между теперешними кордонами и Прутомъ въ нѣкоторые годы бываетъ потопляемо, въ иныхъ же берегъ Прута отдѣляется болотами и рѣчкою Биличемъ, также Тигичемъ и Руженотомъ, изъ коихъ въ нынѣшнемъ году обѣ послѣднія совершенно пересохли, да и Биличъ въ вершинѣ его также высохъ. Объ удобнѣйшемъ устроеніи кордонныхъ жилищъ надобно намъ съ тобою потолковать

Граница по Дунаю опаснѣе нежели по Пруту, потому что бѣглецы наши, обитающіе на островахъ

Дунайскихъ и независимые ни отъ которой изъ сосѣдственныхъ державъ, имѣютъ безпрестанныя съ жителями нашего берега сношенія. Я самъ при объѣздѣ отъ Рени къ Ялпуху засталъ двѣ лодки съ людьми у нашего берега приставшими, кои на вопросъ: зачѣмъ пріѣхали? отвѣчали мнѣ: половить рыбы. По многимъ случаямъ нѣтъ никакого сумнѣнія, что разбойники мошенничаютъ за одно съ казаками, и потому я буду казаковъ перемѣнять. Поздѣева полкъ подчинилъ отличному штабъ-офицеру и надѣюсь, что шалости уменьшатся. По мнѣнію моему тотъ, кто перейдетъ за границу мимо карантина, какъ равно и тотъ, кто перепуститъ, должны быть тутъ же повѣшены. Тогда только можемъ мы положиться на пограничную стражу. Но теперь, кромѣ того, что выходцы не наказываются, и самые уличенные казаки судятся по году и болѣе; да притомъ чего ожидать отъ такой организаціи казачьихъ полковъ, каковыми они сюда присылаются? Всѣхъ лучшихъ офицеровъ атаманы отправляютъ въ *Царство Польское*. Казаки терпятъ во всемъ нужду и на такой тяжелой службѣ остаются четыре года. Какой можно ожидать исправности?

Офицеры по бѣднѣйшему ихъ жалованью дерутъ съ казаковъ кожу сколько можно; а потому не только допускаютъ всякія шалости, но не рѣдко и сами участвуютъ.

Вотъ все, что̀ имѣлъ тебѣ сказать о чумѣ и кордонной стражѣ.

Сдѣлай дружбу, разбуди исправниковъ и подручныхъ и разрѣши бумагу о дровахъ.

Жители вездѣ приходили ко мнѣ съ просьбами о деньгахъ, слѣдуемыхъ имъ за прокормленіе войскъ; но, разсматривая квитанціи, не нашелъ я ни одной ранѣе Іюля, почему и полагать должно, что по Іюль всѣ удовлетворены. Войска получили недавно еще за три мѣсяца, т.-е. по 1-е Октября сего года. Многіе изъ жителей Бессарабскихъ просили также, нельзя ли принять отъ нихъ квитанціи вмѣсто податей. Я отвѣчалъ имъ: *просите;* но они говорятъ, что просьбы составятъ для нихъ другую подать.

При починкѣ кордонныхъ землянокъ дѣлаются разныя ужасныя злоупотребленія, о коихъ, какъ равно и о многомъ, переговоримъ при свиданіи.

Увѣдомь, когда надѣешься быть въ Тираспольѣ. На самой переправѣ чрезъ Днѣстръ ночью окружило меня нѣсколько мужиковъ съ жалобою на Жида, содержателя парома, и офицера при переправѣ, изъ коихъ послѣдній взялъ съ нихъ по гривнѣ, а Жидъ беретъ по леву съ повозки у перевозовъ. Жаловались также и на таможню; взятыя офицеромъ деньги тутъ же имъ возвращены при мнѣ, и офицеръ въ оправданіе говоритъ, что даны мужиками добровольно. Съ Жидомъ управиться не могъ, потому что онъ живетъ за рѣкою и было ночью. Впрочемъ какъ таможня, такъ Жидъ и офицеръ Оренбургскаго войска въ твоей командѣ. Не смотря на то, если позволишь, при первомъ случаѣ улича Жида-грабителя въ состязаніи беззаконномъ свыше таксы, отдую порядочно.

Я забылъ тебѣ оставить записку о тѣхъ номерахъ земли, кои желалъ бы имѣть, а ты между тѣмъ от-

далъ ихъ Варламу и Катаказп. Сдѣлай дружбу, оставь мнѣ землю № 2, составляющую, по словамъ Лекса, до 9 тысячъ, а остальную изъ сосѣдственнаго участка № 1. Не забудь же, сдѣлай дружбу. Иначе безъ твоего пособія разберутъ всѣ лучшіе участки. Я знаю, что тебя просятъ многіе; но если другимъ выбирать можно, то мнѣ и по дружбѣ, и по праву, какъ участвовавшему въ пріобрѣтеніи сего края, вѣрно не откажешь.

86.

Тульчинъ, отъ 14 Апрѣля 1824.

Вотъ уже 4 дня, какъ я пріѣхалъ сюда. Сколько могъ замѣтить въ сіе короткое время послѣ смотра Государева и по отъѣздѣ Киселева, все заснуло.

Главнокомандующій сбирается ѣхать 18-го.

Если можешь, пріѣзжай ко мнѣ на недѣльку отдохнуть. Здѣсь совершенный рай. Посѣщеніе твое будетъ для меня эпохою въ моей жизни.

Histoire de l'expédition de Russie, которую ты мнѣ далъ, весьма интересна: но жаль, что ты не далъ мнѣ àтласа, къ сочиненію сему принадлежащаго: пришли его, сдѣлай дружбу.

Здѣшнее правительство выдумало истреблять саранчу свиньями; но выдумка весьма неудачна: свиньи вмѣсто саранчи ѣдятъ траву и корни, между тѣмъ

сами дохнуть съ голоду. Здѣсь не по твоему, не нашутку объявили войну саранчѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и несчастнымъ жителямъ. Въ сію экспедицію отряжено 20 т. свиней, 10 т. поселянъ и цѣлая дивизія пѣхоты. Какова глупость! Я видѣлъ Ярослава Потоцкаго, который есть одинъ изъ членовъ комитета, учрежденнаго для истребленія саранчи, объяснялъ ему, сколько умѣлъ, что труды ихъ безполезны; но онъ оправдывается повелѣніемъ В. Кн., который, не имѣя о саранчѣ понятія, поставилъ имъ въ обязанность непремѣнно истребить саранчу.

87.

Марта 5-го 1825, Тирасполь.

Состояніе здоровья моего, любезнѣйшій другъ, весьма плохое: припадки начались ежедневно; боюсь ослабѣть до такой степени, что и въ Карлсбадъ ѣхать буду не въ силахъ. Воля Всевышняго: что̀ по неисповѣдимымъ судьбамъ Его предопредѣлено, тому неминуемо случиться должно. Умру спокойно, надѣясь, что сироты мои найдутъ въ тебѣ, любезнѣйшій другъ, защиту и покровительство.

Сейчасъ получилъ письмо отъ Киселева. Онъ прибылъ въ Тульчинъ 2-го сего мѣсяца. Пишетъ, что главнокомандующій спѣшитъ ѣхать, но куда — не означаетъ, и потому онъ изъ Тульчина выѣхать не можетъ. Говоритъ также между прочимъ, что ему по волѣ Государя дано было на разсмотрѣніе

дѣло о тайномъ обществѣ въ Бессарабіи и какъ тутъ, говоритъ онъ, замѣшанъ 32-й егерскій полкъ, то и полагалъ онъ составить коммиссію изъ гражданскихъ и 6-го корпуса чиновниковъ, на что̀ и Государь изволилъ изъявить свое согласіе.

Теперь по сему дѣлу ожидаютъ офиціальной бумаги.

Отпустятъ ли меня за границу или не отпустятъ, во всякомъ случаѣ я служить не въ силахъ, и въ случаѣ неизъявленія высочайшей воли на отъѣздъ за границу, поѣду на Кавказъ или переѣду въ Одессу, гдѣ и займусь серьезнымъ лѣченіемъ, отъ коего никакого успѣха ожидать не могу.

88.

Кисловодскъ, отъ 17 Іюля 1825 г.

Съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаю тебя, любезнѣйшій другъ, о кончинѣ почтеннѣйшаго генерала Лисаневича и другова незнакомова, но по репутаціи, видно, достойнаго г.-м. Грекова.

Оба они сдѣлались жертвою фанатизма.

Вотъ подробности сей плачевной драмы, какъ здѣсь о ней разсказываютъ.

Малое число войска въ Чечнѣ и вообще на линіи, къ тому же внушеніе какого-то пророка возмутили Чеченцовъ, Лезгинъ и другихъ сосѣдственныхъ горскихъ народовъ, кои, собравшись въ числѣ 10 т. человѣкъ, открыли дѣйствія свои нападеніемъ на одно прибрежное укрѣпленіе на Терекѣ, гдѣ, по оплошности командира того поста, вырѣзали цѣлую роту и взяли двѣ пушки. Оттоль обратились они къ другой подобной крѣпостцѣ, которую окружили и отняли.

Въ самое то время генералъ Лисаневичь ѣхалъ для осмотра границы и находился около Кизляра. Получа извѣстіе, онъ направилъ тотчасъ случившіеся близко два баталіона Ширванскаго полка, и приведенъ къ нимъ еще одинъ баталіонъ, находившійся съ г.-м. Грековымъ въ кр. Грозной, составивъ такимъ образомъ отрядъ изъ 3-хъ бат. пѣхоты, 1500 казаковъ и 16 орудій полетѣлъ на выручку окруженной крѣпости. Дѣло продолжалось цѣлый день,

къ вечеру непріятель былъ совершенно разсѣянъ съ значительнымъ урономъ. Послѣ сего ген. Лисаневичь приказалъ созвать къ себѣ ближайшихъ владѣльцевъ Чеченскихъ для внушенія имъ на словахъ того, чего не доставало къ заданному уроку. Повелѣніе исполнено. Владѣльцы и нѣкоторые мурзы собрались: одинъ изъ послѣднихъ позванъ былъ къ Лисаневичу, который началъ ему говорить о неоднократныхъ опытахъ и послѣдствіяхъ неудачныхъ ихъ покушеній и наконецъ о заслуживаемомъ ими за то наказаніи. Мурза поклонился Лисаневичу, выхватилъ изъ рукава кинжалъ и распоролъ ему брюхо. Грековъ, желая удержать руку убійцы, самъ пораженъ былъ тѣмъ же злодѣемъ. Бывшій при нихъ переводчикъ разсѣкъ злодѣя на двое: но потеря двухъ генераловъ не возвратима—не скоро найдутъ другаго Лисаневича. Послѣ сего всѣ собранные владѣльцы и мурзы были переколоты.

Говорятъ, что Ермоловъ самъ теперь на мѣстѣ происшествія: но говорятъ также, что и въ Грузіи (въ области Кахетинской) не совсѣмъ гладко.

Линія теперь безъ начальства. Объ успѣхахъ Вельяминова въ Абазѣ ничего не слышно.

По незнанію здѣшняго края и обстоятельствъ, легко могу и ошибиться: но думаю, что кордонная система безъ особыхъ подвижныхъ резервовъ болѣе вредна для линіи, нежели полезна.

P. S. Термаламу доставитъ графинѣ жена моя. Желаю, чтобъ она ей понравилась.

89.

Кисловодскъ, 3 Августа 1825.

Любезнѣйшій другъ, сейчасъ пріѣхалъ адъютантъ и родственникъ покойнаго Лисаневича, бывшіе очевидцами извѣстной уже тебѣ кровопролитной сцены. Вотъ какъ они разсказываютъ.

Толпы хищниковъ, овладѣвъ укрѣпленіемъ, вырѣзали тамъ до 70 человѣкъ гарнизона и, захватя двѣ пушки, обратились къ укрѣпленію Амиръ-Гаджи-Юртъ, лежащему на безводномъ возвышеніи. Гарнизонъ онаго довольствовался водою изъ рѣки, протекающей подъ горою; но съ приближеніемъ непріятеля лишенъ былъ воды. Въ семъ крайнемъ положеніи командиръ сего поста маіоръ Пантелѣевъ въ теченіе 6-ти дней замѣнялъ воду льдомъ, коего хотя былъ и достаточный запасъ, но въ послѣдніе два дни едва доставало для утоленія жажды. Генералъ Лисаневичъ, освѣдомясь о таковомъ положеніи Пантелѣева, полетѣлъ на выручку его не съ 6-ю, какъ я прежде писалъ, а съ двумя ротами и 500-ми казаковъ и 6-ю орудіями. Разсѣявъ сборище разбойниковъ, онъ прибылъ въ укрѣпленіе Герзель-аулъ, потребовалъ къ себѣ изъ ближайшаго аула старшинъ и прочихъ жителей, кои по приглашенію сему немедленно явились въ числѣ 300 человѣкъ, безъ всякаго другаго оружія кромѣ кинжаловъ, и впущены

были въ крѣпость. Генералъ Лисаневичъ и Грековъ вышли на площадь, начали выкликать по списку тѣхъ, кого имъ было нужно. Двое первыхъ вышли, сняли свои кинжалы по приказанію Лисаневича и, выслушавъ все то, что̀ имъ говорено было, возвратились покойно въ толпу товарищей своихъ: но третій, принадлежащій духовному званію, не отзывался, спрятался между людьми и говорилъ между своими: „лучше бы меня не кликали“. Наконецъ, выведенъ будучи изъ толпы переводчикомъ, остановился шагахъ въ пяти отъ Лисаневича, и когда сей послѣдній приказалъ снять съ него кинжалъ, тогда онъ, выхватя его изъ ноженъ, бросился съ яростію на Лисаневича и въ тоже мгновеніе на Грекова, коего положа на мѣстѣ, кинулся было на одного изъ своихъ князей; но какъ сей послѣдній второпяхъ упалъ, то и убійца, запнувшись за него, также повалился, гдѣ и былъ убитъ изъ пистолета переводчикомъ. Все сіе произошло въ теченіе нѣсколькихъ секундъ. Лисаневичъ, собравшись съ силами, закричалъ: *къ ружью*! (гауптвахтный караулъ во время сего происшествія въ ружьѣ не былъ). Чеченцы, оробѣвъ, бросились въ ворота; тогда Лисаневичъ закричалъ: *колите ихъ всѣхъ!* Съ симъ словомъ началась рѣзанина съ тылу карауломъ, а спереди возвращающимися съ фуражировки казаками.

На сихъ дняхъ пронесся слухъ о сборѣ 4 т. Закубанцевъ, намѣревающихся ворваться въ наши границы. Слухъ сей проникъ до ушей посѣтительницъ: суматоха была порядочная. Но сегодня читано какоего извѣстіе, что собиралось только 400 и что они за дурною дорогою разошлись. Сей выдумки доста-

точно было къ успокоенію робкихъ женщинъ. Не менѣе того нельзя не замѣтить, что войскъ здѣсь на линіи весьма недостаточно. Не могу надивиться, почему не исполняется требованіе Ермолова о прибавкѣ войскъ. Алексѣй Петровичъ теперь во Владикавказѣ по словамъ однихъ здоровъ, но по увѣренію другихъ боленъ горячкою.

90.

Кавказскія Минеральныя Воды, 14 Августа 1825.

Неожиданная, но жестокая болѣзнь, приключившаяся мнѣ въ самый день моего отъѣзда (5 Августа), остановила меня здѣсь на неопредѣленное время. Все время былъ совершенно здоровъ, какъ вдругъ дорогою, при переѣздѣ съ кислыхъ водъ до сѣрныхъ для дальнѣйшаго пути почувствовалъ ужаснѣйшія спазмы въ желудкѣ, и желчь разлилась по всему тѣлу. Словомъ, я здѣсь нашелъ ту самую болѣзнь, отъ коей назадъ тому пять лѣтъ послѣ трехлѣтняго страданія здѣсь же исцѣлился. Теперь, благодаря Бога, нѣсколько лучше; но слабость чрезвычайная. Къ прежнимъ припадкамъ присоединилось еще и воспаленіе печени. По совѣту медиковъ я долженъ взять нѣсколько сѣрныхъ ваннъ; но время здѣсь, какъ нарочно, перемѣнилось: сырое, дождливое и довольно холодное.

Дубликатъ твой отъ 27-го сейчасъ получилъ.

Жалѣю душевно, что не могу услужить хозяюшкѣ твоей по ея желанію. Я до полученія еще письма твоего купилъ термаламу; но для дивана едва ли будетъ достаточно. Теперь же всѣ Армяне разъѣхались: но постараюсь, не отыщу ли у кого изъ посѣтителей такой же штучки. Старуха моя доставитъ все и дастъ отчетъ.

Въ Чечнѣ безпокойства, самъ Ермоловъ пошелъ усмирять ихъ; но говорятъ, что они послѣ случившагося происшествія въ Гергель-аулѣ (тамъ гдѣ убитъ Лисаневичъ) ушли всѣ въ горы и никакимъ предложеніямъ не внемлятъ. По слухамъ, здѣшнія Закубанцы собираются сдѣлать вторженіе въ наши границы, не смотря на отрядъ Вельяминова за Кубанью; но это лишь слухи. Въ Кахетіи тоже неспокойно. У Закубанцевъ появились пушки: вѣрно Турки снабдили. Начало возмущенія въ Чечнѣ, какъ говорятъ, произошло отъ какого-то пророка и отъ интригъ Персидскаго наслѣдника Абазъ-мурзы, который Ермолову личный врагъ, будто бы за то, что Ермоловъ не хотѣлъ, чтобы дворъ нашъ призналъ его наслѣдникомъ; но сіе сдѣлалось вопреки представленія Ермолова. Это для меня темно: не понимаю, какое дѣло Персидскому шаху требовать согласія нашего двора, кого изъ сыновей его хотимъ мы утвердить наслѣдниками.

Естьли я буду въ Петербургѣ, сдѣлай одолженіе, позволь мнѣ остановиться въ твоемъ домѣ и о томъ, кого слѣдуетъ предвари.

Когда за границею будешь покупать Французское вино. Бордо красное и бѣлое, я у тебя въ долѣ до 700 рублей.

Готовъ исполнить всѣ порученія твои по отъѣздѣ твоемъ за границу.

91.

М. Пет. Декабрь 1825.

Къ общему несчастію насъ постигшему, надобно. чтобы и чума опять появилась. Ничего не изготовлено но общими усиліями все превозмочь возможно Казалось бы теперь неизлишнимъ объявить народу. по примѣру прошедшаго времени, что чума близъ насъ. Я не могу отдѣлаться отъ моей болѣзни. Я теперь въ Тульчинѣ, а мнѣ бы надо быть на Прутѣ Надѣюсь на милость Божію. Здѣсь еще ничего новаго изъ Петербурга нѣтъ. кромѣ дополненія къ какой-то Петербургской же Французской газетѣ подъ заглавіемъ Supplément extraordinaire, въ коей манифестъ Е. В. Николая Павловича о восшествіи его на престолъ и отреченіе Е. В. Константина Павловича. Манифестъ сей отъ 12 декабря, между тѣмъ какъ Русскій Инвалидъ отъ 15 ничего не говоритъ. Странное дѣло!

92.

Тарасполь, 24 Генваря 1826.

Вчерась арестанты Тираспольскаго острога зашумѣли и не хотѣли позволить брить себѣ головы, говоря, что на то была воля покойнаго Государя, но теперь есть другой Государь, отъ коего они ждутъ милости. Но когда я къ нимъ пришелъ и объяснилъ, что таковое неповиновеніе лишаетъ ихъ той милости, которой они справедливо ожидаютъ, тогда обѣщали они мнѣ повиноваться, но приносили разныя жалобы на полицмейстера. Я объявилъ имъ, что жалобы ихъ приму тогда, когда увижу повиновеніе. По выходѣ моемъ оттуда, пяти человѣкамъ выбрили головы; но остальные не хотѣли попозволить себя брить; я не велѣлъ имъ давать ѣсть, покуда не будутъ повиноваться. Сегодня послалъ къ нимъ Липранди, коему они между прочимъ жаловались, что имъ безъ различія хотятъ брить и головы, и половину бороды, что они не имѣютъ ни обуви, ни рубахъ, между тѣмъ какъ деньги многихъ находятся у полицмейстера и пр., что̀ Липранди тебѣ лично разскажетъ и подробнѣе нежели я написать могу по слабости моей. Не могу рѣшительно обвинять полицмейстера; но кажется, что онъ ихъ раздражаетъ, а потомъ и боится. Вотъ главнѣйшія причины неповиновенія, которое стряпчіе

и прочія приказныя души готовы назвать бунтомъ и лишить несчастныхъ того облегченія, каковымъ должны бы они воспользоваться по милостивому манифесту.

Не вижу при томъ причины, почему бы не выпускать не такъ важныхъ преступниковъ въ міръ и по возвращеніи строго осматривать. Сіе много бы облегчило ихъ участь. Нельзя не замѣтить какого-то мщенія къ нимъ полицмейстера и озлобленія ихъ противъ него.

Здоровье и недостатокъ экипажа не позволяютъ мнѣ теперь отправиться къ тебѣ. Къ прежнимъ желчнымъ припадкамъ присоединилась сильная боль въ груди отъ разбитія оной еще въ Швейцаріи. На вечерѣ жизни все отзывается. Но если ты уѣдешь въ Петербургъ, то я пріѣду къ тебѣ хоть въ коляскѣ.

P. S. Производившаго здѣсь слѣдствіе Калантаева въ Тирасполѣ не видно. Онъ просилъ меня вывести его изъ Кишинева въ моей свитѣ: но ты знаешь мое мнѣніе, почему я и рѣшился. Теперь не знаю, гдѣ онъ: въ Кишиневѣ или въ карантинѣ.

93.

Содержаніе письма твоего отъ 1-го Февраля (1826) и мои возраженія.

„Я всегда тоже слово въ слово пишу Государю что̀ и главнокомандующему и ежели бы было что̀ несправедливо“.

Я никогда не мыслилъ, чтобы Воронцовъ могъ доносить что либо несправедливо; но зная, что онъ

посылаетъ донесенія Катакази оригиналомъ, могъ подозрѣвать, что секретарь по невѣдѣнію перепуталъ, а губернаторъ по довѣренности къ подъячему подписалъ. Теперь однакоже и того не думаю и вижу ясно ошибку въ Петербургѣ.

„Впрочемъ я писалъ обо всемъ что̀ дѣлалось, не скрывая ничего кромѣ того, что скрылъ споръ Амона, позволеніе лѣкарямъ идти на квартиры на честное слово и пр.“.

Въ чемъ состоитъ споръ Амона, до сихъ поръ не знаю. Позволеніе лѣкарямъ жить на квартирахъ было не только мнѣ неизвѣстно, но даже вопреки повелѣній моихъ. Зачѣмъ же г. Катакази мнѣ ни слова о томъ не писалъ и не говорилъ.... и пр.... Я думаю тоже дѣла̀ мнѣ неизвѣстныя... И наконецъ, еслибы другъ мой Воронцовъ скрылъ то для меня или для военнаго вѣдомства, то конечно бы не скрылъ того отъ меня: но я полагаю, что и самъ ты узналъ о томъ только тогда, когда прибылъ въ послѣдній разъ къ Измаилу — эпоха интриги между военными и гражданскими.

„Ежели бы я хотѣлъ сворачивать на вашу часть, г. Амонъ дастъ мнѣ и теперь хорошій случай...“

Кто же можетъ сумнѣваться въ безпристрастіи твоемъ! Кто же могъ подумать, чтобы Воронцовъ сворачивалъ свою вину на другаго! Конечно не я. Иначе не могъ бы я имѣть къ тебѣ того уваженія, которое имѣю. Не могу выразить, сколько бы для меня было прискорбно такое мнѣніе о тебѣ.

„Амонъ говорилъ, что онъ не имѣлъ моего приказанія показывать Грипроту лазаретъ....“

Не имѣлъ письменнаго, но имѣлъ словесное... Впрочемъ могу тебя увѣрить, что Амонъ есть самый

слабый начальникъ, но не интриганъ и честнѣйшій человѣкъ. По опыту должны заключить, что онъ и свѣдущій медикъ, но могу въ томъ и ошибаться: на счетъ же характера его говорю рѣшительно.

„Ежели бы я хотѣлъ, какъ ты думаешь, съ себя сворачивать и на васъ накладывать.... ."

Кто же могъ подозрѣвать въ тебѣ такое качество! Не я ли? Богъ съ тобою!

„Сколько медики ни спорили, но домъ сумнительный у мельницы оцѣпленъ былъ еще съ 27 Декабря: а что оцѣплены жителями, то на военныхъ было менѣе надежды....."

Сумнѣніе на домъ и оцѣпленіе онаго я видѣлъ еще тогда, когда остался послѣ отъѣзда твоего 16 Декабря; но оно, какъ полагать должно, было отъ тебя скрыто. Оцѣпленъ домъ жителями потому же, что губернаторъ хотѣлъ скрыть случай еще не довольно ясный и особенно утверждаясь на мнѣніи Баумана.

„Катакази виноватъ тѣмъ, что мнѣ не донесъ; но всѣ предосторожности взяты были..."

Зачѣмъ же не донести о сумнѣніи и предосторожностяхъ? Затѣмъ, что народное благоденствіе и твою довѣренность предпочиталъ своей личной выгодѣ.

94.

4 Февраля (1826), Тирасполь *).

Посылаю тебѣ, любезнѣйшій другъ, мнѣніе мое о двухъ-шереножномъ построеніи.

Морозовъ напакостилъ: чортъ знаетъ отчего взялъ, запретилъ Киліанскимъ жителямъ ѣздить на острова. За камышомъ они туда не ѣздятъ, но за хворостомъ и другимъ лѣсомъ. Острова, на которыхъ рубятъ лѣсъ, хотя и не имѣютъ постояннаго заселенія, но тѣмъ болѣе надобно имѣть осторожность: ибо они заселены бродягами, не принадлежащими ни одной изъ сосѣдственныхъ державъ. Они живутъ тамъ для рыбнаго промысла, ѣздятъ въ Тульчу, Исакчу и прочія прибережныя по Дунаю мѣста, слѣдовательно надзоръ необходимъ; но Морозовъ, почитая сіе затруднительнымъ, рѣшился лучше совсѣмъ запретить. Нѣтъ, братъ, право, способу нѣтъ служить съ такими товарищами. Весьма бы не худо очистить армію отъ подобнаго дрязгу: неимущимъ дать пансіонъ, а Желтухиныхъ послать домой; впредъ же производить съ большею разборчивостію. Нынѣ хотя испрашиваютъ о достоинствѣ полковниковъ; но вопервыхъ надо знать, въ чемъ заключаютъ достоинство, вовторыхъ трудно найти такого полковника, который бы въ сравненіи со многими генералами былъ ихъ хуже, и потому отвѣтъ мой всегда былъ по сравненію.

---

*) Писано, какъ и слѣдующее письмо отъ 3-го Марта, на бумагѣ, окаймленной черною полосою. П. Б.

95.

Тирасполь, 1 Марта 1826.

Я по пріѣздѣ моемъ домой, имѣлъ опять желчный припадокъ. Какой же я слуга? Хотя съ сожалѣніемъ, но оставить службу долженъ. Кажется, что я отслужилъ и скоро, скоро сойду съ театра сего свѣта. Сдѣлай одолженіе, любезнѣйшій другъ, на случай оправданія моихъ предчувствій, не оставь пособить оставшимся послѣ меня сиротамъ. Все пріобрѣтенное службою принадлежитъ женѣ моей, кромѣ аренды, которая, какъ равно и все наслѣдственное, братьямъ моимъ, кромѣ прислуги, теперь при мнѣ находящейся. Я надѣюсь, что при раздѣлѣ спору не будетъ. Но чтобъ не поставить тебя въ затрудненіе кому платить по заемнымъ письмамъ, считаю не излишнимъ о томъ тебя предварить.

Сдѣлай одолженіе, любезнѣйшій другъ, не оставь сдѣлать представленіе о назначеніи вручителя сего *Пантелѣева* въ Акерманъ плацъ-маіоромъ. Я увѣренъ въ его усердіи и честности.

P. S. Нарышкину и Башмакову, особенно отрасли Суворова, мой усерднѣйшій поклонъ *). Я ихъ отъ всей души люблю.

---

*) Башмаковъ былъ женатъ на внучкѣ Суворова княжнѣ Варварѣ Аркадіевнѣ; позднѣе она вышла вторымъ бракомъ за князя А. И. Горчакова. П. Б.

96.

Марта 3-го (1826), Тирасполь.

Тираспольскіе рыбаки пришли ко мнѣ съ просьбою у сего прилагаемою и просили ходатайства моего у тебя. Жалоба ихъ на Губернское Правленіе заключается въ томъ, что воспрещено имъ ловить рыбу крючками, чрезъ что, какъ говорятъ, лишаются они пропитанія и понесли значительный убытокъ заготовленіемъ снастей. Другимъ же способомъ ловить въ Днѣстрѣ невозможно, потому что въ Днѣстрѣ есть много корягъ (деревъ на днѣ), препятствующихъ ходу неводовъ и сѣтей. Къ сему присовокупляютъ, что они, производя ловлю крючками не въ устьѣ рѣки и на большой глубинѣ, ходу рыбы вверхъ воспретить не могутъ, а потому и просятъ о дозволеніи продолжать ловить самоловами или крючками.

Хотя и говорилъ я имъ, что едва ли ты согласишься сдѣлать исключеніе для однихъ Тираспольцевъ, особенно какъ таковая ловля воспрещена указомъ; но могутъ ли понимать это мѣщане, когда и дворяне думаютъ, что ходатайство сильнѣе всякаго закона или, какъ говорятъ они, „захотятъ, все можно, а вамъ стòитъ только слово сказать.“ Впрочемъ подробности дѣла сего мнѣ неизвѣстны, а потому, передавъ оное тебѣ, любезнѣйшій другъ, прошу ихъ

бѣдняковъ не задержать. Завтра къ назначенному для принятія просьбъ дню они не поспѣютъ, жить въ Одессѣ до Понедѣльника имъ не по карману; а ожидать не хотѣли, потому что время ловли уже наступило.

Если же найдешь возможнымъ сдѣлать въ пользу Тираспольцевъ представленіе, мнѣ пріятно будетъ имѣть долю въ человѣколюбивыхъ подвигахъ твоихъ.

Буде нѣтъ у тебя на примѣтѣ готоваго плацъ-маіора для Киліи, я могу тебѣ рекомендовать недавно вышедшаго въ отставку подполковника, честнѣйшаго человѣка, Микулина, живущаго нынѣ въ Елисаветградѣ.

97.

Тирасполь, 27 Сентября 1826.

Пріятное извѣстіе о мирѣ [1]) сейчасъ получилъ. Поздравляю тебя, любезнѣйшій другъ, совершая новый подвигъ.

Я бы сейчасъ ѣхалъ обнять тебя; но какъ нарочно флюсъ навязался въ добавокъ прочихъ моихъ недуговъ: не смотря на то, я хочу непремѣнно тебя видѣть прежде отъѣзда твоего [2]).

Главнокомандующій хочетъ непремѣнно маневрировать 6 корпусомъ, не ослабляя кордонной стражи и не прекращая крѣпостныхъ работъ, т. е. 6 баталіонами и тремя сотнями казаковъ. Я ему писалъ о числѣ, какое для маневровъ собрать можно: не знаю, отмѣнитъ или нѣтъ. Но какъ бы то ни было, мнѣ все-таки надо съ тобою видѣться.

P. S. Если Богъ грѣхамъ потерпитъ, мнѣ необходимо должно побывать въ Петербургѣ. Могу ли я остановиться въ твоемъ домѣ и кому въ такомъ случаѣ адресоваться?

---

[1]) Т. е. вѣроятно о мирномъ исходѣ переговоровъ съ Турками, которые происходили тогда въ Акерманѣ и въ которыхъ участвовали князь Воронцовъ и графъ А. И. Рибопьеръ, назначенный посломъ нашимъ въ Турціи. П. Б.

[2]) Въ Англію, къ престарѣлому отцу и единственной сестрѣ. П. Б.

98.

30 Сентября (1826), Тирасполь.

Въ „Инвалидѣ“ № 227 объявляется признательность главнокомандующему 1-ю арміею и прочимъ начальникамъ войскъ, по случаю коронаціи въ Москву собранныхъ, какъ за порядокъ, который сохранили они во время пребыванія ихъ въ Москвѣ, такъ и за попечительность о сбереженіи здоровья нижнихъ чиновъ. Попечительность сію Е. В. выводитъ изъ того, что 30 Іюля выходило въ парадъ 52,000, а 3 Сентября послѣ лагерей и маневровъ 53 т. человѣкъ. Не въ правѣ ли Государь приписать нерадѣнію, когда въ лагерь при Измаилѣ вошло 11,236, а изъ лагеря выступило 9,830? Не въ правѣ ли заключить, что лагери полезны не только для образованія солдатъ, но даже и для здоровья? Утвердительно сказать не могу, но имѣю причину сомнѣваться, что въ прибыли людей послѣ лагеря заключается обыкновенная гвардейская изворотливость или, просто сказать, обманъ. Поступокъ таковой сравниваю съ измѣною: кто обманываетъ Государя, тотъ ни его, ни отечества своего не любитъ.

На дняхъ получилъ книгу, присланную по командѣ, подъ заглавіемъ „О полевой службѣ къ военному времени относящейся“. Положи, Господи, храненіе устамъ моимъ! Въ слѣдъ за тѣмъ изъ главнаго

нашего штаба, кажется, творенiе начальника штаба (человѣка честнаго, но чрезъ чуръ самолюбиваго и неопытнаго): „Правила какъ ходить въ походѣ, въ войнѣ противу Турокъ, какъ строиться“ и пр. Все это можно бы отправить къ султану, который не на шутку горячится заведенiемъ регулярныхъ войскъ. Пусть бы колобродилъ по нашему. Съ такими постановленiями, съ такими полковниками, каковыхъ у насъ $^{99}/_{100}$, мы скоро приближимся къ упадку. Я бы согласился понести на себѣ всю немилость царскую и даже ссылку, лишь бы имѣть случай и умѣнiе выразить все что̀ я и ты по сему предмету чувствуемъ.

Я надѣюсь скоро поздравить тебя въ Андреевскомъ.

Новый подвигъ Желтухина долженъ, кажется, освободить 17 дивизiю отъ тирана, а меня и его сотоварищества, есть ли только главнокомандующiй по добротѣ своей не будетъ свыше мѣры снисходителенъ.

Мнѣ нужно получить отъ тебя наставленiе, какъ вести себя въ Петербургѣ: придворный парадъ степному солдату —трудный путь.

99.

Одесса, 14 Октября 1826.

Дай Богъ тебѣ здоровья, любезнѣйшiй другъ: я, прiѣхавши сюда, пользуюсь твоимъ экипажемъ, безъ котораго здѣсь изъ дому шагу сдѣлать нельзя. Такая грязь, какой здѣсь давно не было.

На дняхъ получилъ бумагу отъ Дибича войтить въ ближайшее разсмотрѣніе предположеннаго къ сформированію Татарскаго эскадрона. Разсмотрѣвъ всю бывшую по сему дѣлу переписку, ясно вижу, что Балатуковъ обѣщалъ то, чего сдѣлать не можетъ: но чтобы вывернуться, жалуется на мѣстное начальство. Дворянство не въ состояніи дать ни лошадей, ни сбруи, а людей крѣпостныхъ не имѣетъ. Въ чемъ же состояло ихъ обѣщаніе? Государь желаетъ, чтобы при сформированіи насилія употреблено не было, чтобы народъ никакими новыми для сего налогами обременяемъ не былъ. Какъ же сдѣлать? Я предложилъ графу Палену призвать Балатукова и нѣсколькихъ депутатовъ дворянства, спросить ихъ: какіе имѣютъ они способы къ выполненію сдѣланнаго ими покойному Государю предложенія? Въ чемъ состоятъ требуемыя отъ мѣстнаго начальства предложенія? и, наконецъ, взявъ отъ Балатукова и депутатовъ письменное по предметамъ симъ объясненіе, представить въ Петербургъ.

Навербовать эскадронъ можно; но людей такихъ качествъ, каковыхъ требуется для лейбъ-эскадрона, едва ли въ цѣлой Имперіи навербовать можно, не только въ Крыму, гдѣ Татары всѣ мои ранжирщики. Видѣли мы вербованные полки: Волынскій уланскій, Лубенскій гусарскій—записные мошенники!

Рибопьеръ былъ вчерась у меня; онъ получилъ, по словамъ его, ожиданнаго имъ курьера и на дняхъ оставляетъ Одессу.

100.

Тирасполь, 15 Ноября 1826.

Рибопьеръ еще въ Одессѣ. Киселевъ возвратился Въ Петербургъ ѣхать не могу, какъ по слабости моего здоровья, такъ и потому, что Рудзевичъ отпущенъ, а двухъ корпусныхъ изъ армiи отпустить нельзя

Въ началѣ сего мѣсяца былъ въ Кишиневѣ, видѣлъ Тимковскаго больнаго: по словамъ его, онъ уже три дня не ѣстъ и три ночи не спитъ, не смотря на то, выкуриваетъ по 60-ти трубокъ въ сутки. Такой образъ жизни влечетъ неизбѣжныя болѣзни и самую преждевременную смерть. Словомъ, Тимковскiй, мнѣ кажется, по болѣзни его ненадеженъ. Левшинъ на прошедшей недѣлѣ поѣхалъ его навѣстить.

Проклятая чума опять стращаетъ насъ изъ-за Прута своимъ посѣщенiемъ; она появилась въ с. Пенсу, лежащемъ на Серетѣ, неподалеку отъ Бралова.

Въ переименованiи Тирасполъскаго плацъ-маiора въ плацъ-адъютанты, а сего послѣдняго въ плацъ-маiоры, какъ старшаго чиномъ, отказано. Я намѣренъ перевести въ Тирасполь извѣстнаго тебѣ Пан-

гелѣева изъ Акермана; надѣюсь, что ты будешь на сіе согласенъ.

Я весною непремѣнно долженъ ѣхать опять въ Карлсбадъ. Увѣдомь меня, кому желаешь ты передать военную часть, дабы я сдѣлалъ о томъ представленіе согласно твоему желанію.

Сдѣлай дружбу, купи мнѣ вышедшую вновь въ Парижѣ Энциклопедію подъ заглавіемъ „*Encyclopédie nouvelle*". Но какъ вѣроятно она еще не вся вышла изъ печати, а можетъ быть, не совсѣмъ еще готова, то подпишись.

101.

Тирасполь, 29 Ноября 1826.

Въ Петербургъ ѣхать былъ не силахъ; но главнокомандующій, по благорасположенію своему, взялся быть моимъ ходатаемъ.

Рибопьеръ еще не выѣхалъ, да кажется не скоро и выѣдетъ. Румелія, говорятъ, наполнена шайками разбойниковъ, удалившихся изъ Константинополя или по случаю бывшихъ тамъ кровопролитій.

Вчера получилъ я весьма непріятное порученіе сдѣлать изслѣдованіе по Черноморскому департаменту. Доносчикъ — бывшій нѣкоторое время правителемъ канцеляріи Грейга, между прочимъ пишетъ, что Грейгъ нанимаетъ Англичанъ-машинистовъ, конопатчиковъ и пр. и даетъ имъ большое жалованье, проводитъ воду изъ Спасскаго, строитъ обсервато-

рію, обноситъ городъ стѣною: не вижу въ томъ ничего худаго. Другіе предметы есть важнѣйшіе: но я думаю, что Грейгъ обманутъ людьми подобными доносчику, естьли доносъ справедливъ.

Чувствую важность сдѣланнаго мнѣ Государемъ довѣрія. Исполню съ возможною точностью, но боюсь, чтобы дѣло столь обширное меня не задержало.

P. S. Желтухинъ переведенъ въ 18-ю дивизію; но не понимаю, какую находятъ въ томъ разность. Не все ли равно, гдѣ. . . [1]) ни будетъ? Рудзевичъ переведенъ въ 3-й корпусъ, а Воиновъ въ 7-й на мѣсто Рудзевича.

102.

Дрезденъ, отъ 27-го Апрѣля 1828.

Не надѣюсь, чтобы письмо сіе тебя застало. Какъ ты ни секретничалъ, но я и былъ и есмь увѣренъ, что въ настоящей войнѣ не оставятъ тебя въ Одессѣ и вѣроятно проектъ *ma foi Lang.* [2]) будетъ твоимъ удѣломъ. Отъ искренняго сердца желаю тебѣ счастливаго успѣха. Тебѣ должно быть нашимъ фельдмаршаломъ, и я пророчу, что ты имъ будешь. Жаль, если управленіе твоихъ губерній поручено будетъ проворному В. . . у [3]).

Время здѣсь чудесное. Все зелено, все цвѣтетъ; а въ нашемъ Египтѣ, я думаю, уже все засохло.

---

[1]) Такъ въ подлинникѣ. П. Б.

[2]) Поговорка генерала Ланжерона: ma foi. Langéron. П. Б.

[3]) Витту. П. Б.

103.

Дрезденъ, отъ 15-го Маія 1828.

Сдѣлай дружбу, не оставь принять иногда капитана Левицкаго, который управляетъ теперь моимъ домомъ; да попроси, сдѣлай дружбу, Боффу, чтобы онъ поспѣшилъ отдѣлкою моего дома. Взялся за все, условился еще при мнѣ и до 30-го ни за что не принимался.

Жалѣю, что догадки мои на счетъ Рота не оправдываются.

Надѣяться должно, что пребываніе Государя въ военное время при арміи принесетъ въ послѣдствіи великую пользу.

Закревскій нашъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Дай Богъ ему управиться съ такою огромностію, а Менщикову съ 5-ю баталіонами взять Анапу.

Сюда пріѣхала великая княгиня Елена Павловна для консультаціи съ Крейсигомъ; отсюда, говорятъ, поѣдетъ въ Эмсъ.

P. S. Куда спрячешь ты Государыню отъ Одесской пыли? Я думаю, на одинъ изъ хуторовъ. Признаюсь, небезпечно оставить бѣдную женщину одну въ любезномъ нашемъ отечествѣ.

Ко всему умѣютъ придраться. Почтмейстеръ не отдавалъ женѣ присланнаго чрезъ почту на имя мое жалованья, потому что въ довѣренности ей данной не сказано о казенныхъ деньгахъ. Кому войдетъ въ

голову, что жалованье собственно мнѣ отпущенное есть сумма казенная!

Казначей Тираспольскій не отпускаетъ пансіона, потому что довѣренность дана въ прошломъ году. Къ доказательству, что все это крючки подъяческіе—жалованье въ Тирасполѣ почтмейстеръ отдавалъ по одному моему къ нему отношенію, и казначей тоже.

104.

Карлсбадъ, 1 Іюня 1828.

Я думаю, тебѣ теперь не безъ хлопотъ.

Здѣсь мы знаемъ только о взятіи Браилова, гдѣ, какъ говорятъ, командовалъ войсками Его Высочество Михаилъ Павловичъ: но какими войсками—неизвѣстно. Вѣроятно на сіе употребленъ былъ корпусъ Воинова.

Увѣдомь, сдѣлай дружбу, поднялась ли наша Дунайская флотилія? Что̀ сдѣлано съ Исакчею? Гдѣ гуляетъ нашъ Грейгъ? Что̀ послѣдовало съ Анапою? Дѣйствіе на Бургасъ кажется мнѣ необходимымъ. Кому же лучше поручить сію экспедицію, какъ не тебѣ? Я все остаюсь при прежнемъ мнѣніи, что ты будешь командовать десантомъ, не смотря на то, что у Ланжерона все на мази къ походу.

P. S. Командиръ 6-го корпуса весьма бы хорошо сдѣлалъ, еслибы, вмѣсто Тульчинской глины, положилъ по фунту соли и прибавилъ сухарей.

105.

Карлсбадъ, отъ 21 Іюня 1828.

Истинно-Русскому, любящему свое отечество, нельзя не радоваться успѣхамъ нашего оружія. Вѣроятно съ уничтоженіемъ Дунайской флотиліи Турецкой Браиловъ держаться долго не будетъ, да кажется и самая война продолжительна быть не можетъ. Въ присутствіи самого Государя, кажется, и Желтухинъ превратился бы въ героя. О военныхъ подвигахъ мы здѣсь знаемъ кое-что изъ газетъ: но всѣ онѣ много врутъ и противурѣчатъ по обыкновенію. *Gazette Universelle* наклоняетъ къ новому конгрессу. На что лучшихъ полномочныхъ, какъ 6, 12 и 24 фунтовыя? Онѣ гораздо убѣдительнѣе всѣхъ дипломатическихъ доводовъ.

Хотѣлось бы знать, кто у насъ тамъ отличается! Государь справедливъ и щедръ: награды сыплются дождемъ. Но самая лучшая есть признательность его къ заслугамъ. Не завидую никому; но прискорбно командовать 10 лѣтъ корпусомъ и въ самое то время, какъ началась война, лежать на боку безъ службы. Для чего же я уѣхалъ въ 826 году отсель, какъ не для того, что ожидалъ войны?

106.

Карлсбадъ, отъ 2 Іюля 1828.

Здѣшніе эскулапы порютъ дичь всякій свое. Но собственныя чувства мои вѣрнѣе всѣхъ медицинскихъ бредней. Ежедневное уменьшеніе силъ не предвѣщаетъ ничего добраго. Я давно на все готовъ. Что̀ будетъ, то будетъ. Но бѣдныя сироты мои! Что̀ будетъ съ ними? Знаю, что добрая жена моя, по простотѣ своей, ни въ комъ найти не можетъ, и несчастная дочь рано познакомится съ горестію. Я, я причиною ихъ несчастія: я извлекъ ихъ изъ того состоянія, въ которомъ были они счастливы. Мысль сія раздираетъ мое сердце. При жизни моей, но только въ отсутствіи, имъ уже худо: все въ безпорядкѣ. Чего же ожидать послѣ меня?

Не хочу обременять тебя, любезнѣйшій другъ, повтореніемъ всегдашней моей просьбы въ подобномъ случаѣ. Увѣренъ, что ты сдѣлаешь все то, что̀ собственныя твои чувства и память о человѣкѣ до послѣдней минуты жизни неизмѣнно тебѣ преданномъ укажутъ.

107.

Карлсбадъ, отъ 6-го Іюля 1828.

Благодаренъ любезнѣйшему другу за пріятное извѣщеніе о покореніи Анапы. Честь и слава побѣдителямъ! Чего нельзя ожидать отъ совокупнаго дѣйствія Грейга и Менщикова?

Если это не тайна, увѣдомь, сдѣлай дружбу, долго ли Государыня изволитъ пробыть въ Одессѣ?

Капитуляція Анапскаго гарнизона доказываетъ, что они или терпѣли недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ (благодаря глупости Турецкаго правительства), или огонь съ судовъ нашихъ понудилъ ихъ къ сдачѣ. Что-то будетъ съ Варною и Бургасомъ?

Гдѣ нынѣ Поисетъ: на войнѣ или по моему на боку? Всѣ товарищи мои на службѣ, а я не только не служу, но и надежды не вижу заслужить милости царскія, коими я удостоенъ. Мысль убійственная; стараюсь ее забыть, но иногда невольнымъ образомъ приходитъ на память.

108.

Дрезденъ, 22 Іюля 1828.

Здѣсь разные невѣроятные слухи о чумѣ. Прежде говорили, что она только въ Бухарестѣ; теперь отрядили ее на флотъ и армію. Говорятъ также, что по причинѣ увеличившагося числа больныхъ, изъ арміи высылаемыхъ, Государыня оставила Одессу. Вѣроятно все сіе основано на томъ, что Ея Величество изволила переѣхать на хуторъ Рено̀. Что̀ я слышу! Старый ветеранъ графъ Ланжеронъ въ главной квартирѣ Государевой! Ура, фельдмаршалъ!

P. S. Сей часъ былъ у меня графъ Паленъ, онъ ѣдетъ въ свой корпусъ. Ему лучше, но все еще не совсѣмъ здоровъ.

109.

Дрезденъ, 24 Октября ст. ст. (1828).

Новый подвигъ, любезнѣйшій другъ, сблизилъ тебя болѣе съ Государемъ: тѣмъ лучше. Продли Богъ дни жизни твоей для блага нашего отечества!

Я истлѣваю понемногу. Несчастіе меня преслѣдуетъ. Вотъ уже третій мѣсяцъ, какъ въ Дрезденѣ, и до сихъ поръ не начиналъ еще пользоваться отъ главной моей болѣзни за случайными припадками. Сперва распухъ языкъ и дёсны, такъ что я не только ни пить, ни ѣсть, но даже и говорить не могъ: сіе произошло отъ Меркуріальной мази, которою натиралъ бокъ, и продолжалось недѣли четыре. Потомъ насморкъ и кашель, которые и теперь продолжаются, хотя я уже болѣе мѣсяца не выхожу изъ комнаты. Другой мѣсяцъ сижу одинъ въ четырехъ стѣнахъ и никого кромѣ своего доктора и временемъ Кайсарова не вижу. Ночи ужасныя. Читать много не могу, да и не велятъ.

Въ Милановичѣ я чрезвычайно ошибся. Онъ точно человѣкъ честный, но съ нимъ еще скучнѣе, какъ безъ него, претяжелый и весьма ограниченный: словомъ, онъ былъ товарищъ моей скукѣ.

110.

Дрезденъ, 7/19 Ноября 1828.

Много благодаренъ любезнѣйшему другу за письмо отъ 22 Октября. Забытому всѣми, больному,

осужденному сидѣть въ четырехъ стѣнахъ, одному безъ товарища, всякій отзывъ весьма пріятенъ. Одинъ Кайсаровъ, бывшій адъютантъ Кутузова, приходитъ иногда раздѣлить время....

Не слыхалъ ли чего нибудь объ адъютантахъ моихъ Липранди и Данненбергѣ? Безсовѣстные, ни одинъ не отзовется!

Государь, хорошо узнавъ Грейга, можетъ судить, правду ли я ему писалъ. Милостивое расположеніе Его Величества къ почтеннѣйшему нашему адмиралу весьма меня интересуетъ.

111.

Дрезденъ, 12 Ноября 1828.

Вчерась въ одномъ журналѣ напечатанъ былъ рескриптъ, данный почтеннѣйшему Грейгу, съ приложеніемъ 2-го Георгія. Не повѣришь, любезнѣйшій другъ, сколько сіе меня обрадовало! Теперь Государь ясно видитъ, какого человѣка могъ онъ лишиться чрезъ интригу г-на Моллера; ясно видитъ, что я говорилъ ему истину, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ былъ въ Николаевѣ.

Я уже не слуга Государю; а кто не служитъ, тотъ и права на исключительныя милости не имѣетъ; слѣдовательно надо сберечь то, что̀ имѣю.

Вотъ теперь случай пріобрѣсть еще нѣсколько сотъ семействъ трудолюбивыхъ Булгаръ для населенія степей нашихъ людьми полезными.

112.

Дрезденъ, 24 Декабря (1828).

Мнѣ конечно непріятно жить въ чужой сторонѣ по многимъ отношеніямъ; нельзя однакожъ сказать, чтобы я былъ совершенно одинъ: Кайсаровъ съ семействомъ здѣсь же проводитъ зиму, и мы нерѣдко бываемъ вмѣстѣ. Я проѣзжаюсь почти каждый день, когда здоровье и время (которое здѣсь продолжается постоянно большею частію сухое) позволяютъ.

Скорблю душою, что не могу служить отечеству моему и Государю въ сію важную эпоху.

Здѣсь продаютъ портретъ Гуссейнъ-паши и называютъ его воскресшимъ Наполеономъ. Что же сдѣлалъ Гуссейнъ, чтобы заслужить имя великаго полководца? Хотѣлось бы мнѣ поближе посмотрѣть на нынѣшнихъ бусурмановъ и ихъ полководцевъ. Но что̀ я говорю? Мнѣ ли о томъ думать? Судьба опредѣлила мнѣ страдать душою и тѣломъ. Съ сею мыслію не могу удержаться отъ слёзъ — единственнаго облегченія горькой участи моей.

Ожидалъ всего что̀ пишешь ты ко мнѣ о происшествіяхъ, въ арміи нашей случившихся: зналъ, что газеты дѣлаютъ изъ мухи слона; но зачѣмъ быть и мухѣ? Какъ не начать осады Силистріи 24 дня?

время, въ которое можно бы ее кончить съ толковыми инженерами и способами. Тамъ, говорятъ, послѣ Щербатова командовалъ г. Л.*). Тогда и удивляться нечему. Зачѣмъ было присутствіе всѣхъ почти иностранныхъ министровъ? Я, какъ дурной дипломатъ, думаю, что отъ нихъ, еслибъ хотѣли, могли бы отдѣлаться.

Экзерцирмейстеры, угодники, выслужники не имѣютъ понятія о моральности: они всю военную науку и достоинство войскъ заключаютъ въ учебномъ шагѣ, пригонкѣ амуниции, выправкѣ, стойкѣ и пр. Я бы не осмѣлился писать такъ рѣшительно Государю на счетъ знаменитаго нашего адмирала *Грейга*, еслибъ не оправдывало все достоинствъ и способностей его. Вотъ до чего могли довести интриги царедворцевъ! И тогда кто же бы достойнѣе заступилъ его мѣсто? Какого сокровища лишили-бъ они Россію? Кто мыслитъ иначе, тотъ или злодѣй своего отечества или дуракъ.

Всевышній да сохранитъ тебя, для блага общаго и частнаго!

*) Ланжеронъ. П. Б.

113.

Дрезденъ, отъ 3 Марта 1829.

Что̀ можетъ быть вѣрнѣе, какъ сдѣлать завѣщаніе на имя твое? Никакого формальнаго акта, ни явки вовсе не нужно: да и самая росписка твоя есть ничто иное, какъ мѣра предосторожности отъ неизбѣжнаго въ жизни нашей случая, коего ни миновать, ни предвидѣть никто не можетъ. Ни въ тебѣ, истинный другъ мой, ни въ наслѣдникахъ твоихъ сумнѣваться не могу; но не должны ли они знать, что̀ именно слѣдуетъ передать женѣ моей послѣ меня? Вотъ для чего въ роспискѣ нужно, я думаю, упомянуть о томъ подробно.

При семъ посылаю тебѣ копію письма, полученнаго мною отъ Бенкендорфа въ отвѣтъ на первое мое къ нему письмо. Изъ отвѣта сего увидишь, что хотя Государь и отказалъ исполнить мое желаніе, но не менѣе того пріемлетъ участіе въ положеніи моемъ и хочетъ самъ утвердить духовное мое завѣщаніе. Но какое? Въ коемъ бы я жену мою назвалъ по фамиліи прежняго мужа, т. е., чтобы я самъ формальнымъ актомъ ее обезчестилъ. Не довольно ли для меня и того, что я сдѣлалъ ее и дѣтей несчастными! Могу ли я при концѣ жизни рѣшиться на новый обдуманный ко вреду ея поступокъ? Нѣтъ! Пусть теперь возьмутъ все отъ меня: но обезчестить жену мою, отъ которой въ теченіе 11-ти лѣтъ не имѣлъ я даже минутнаго огорченія, никакъ не рѣшусь: и потому писалъ другое письмо, въ коемъ объяснилъ

горестное мое положеніе и что тому уже 11 лѣтъ, какъ я обвѣнчанъ, и въ продолженіе сего времени прежній ея мужъ не только нигдѣ не просилъ, но объявилъ Вилье (который спрашивалъ у него по волѣ покойнаго Государя, не былъ онъ къ тому вынужденъ), что онъ сдѣлалъ сіе по собственному своему произволу, и я имѣю отъ него формальную бумагу. Теперь ожидаю, что̀ послѣдуетъ по второму письму, и если такая же неудача, то на что мнѣ искать вѣрнѣйшаго способа, какъ имѣть дѣло съ тобою?

Не повѣришь, мой другъ, какъ меня это грызетъ. Тяжко умирать съ угрызеніемъ совѣсти. Представить себѣ можешь, въ какомъ я мучительномъ состояніи, тѣмъ болѣе, что долженъ открыть сію ужасную тайну сердца моего и открыть ее многимъ.

Бенкендорфъ меня худо понялъ. Сдѣлай милость, попроси его, чтобы онъ увѣдомилъ меня по второму письму моему. Я въ такомъ положеніи, что каждая минута сближаетъ меня ко гробу.

Признаюсь тебѣ, не сплю ночи и мучусь душевно. Послѣ сего, чего могу я ожидать отъ водъ, лѣкарствъ, докторовъ и пр.? Надежда на Бога, Государя и на тебя, друга моего, суть единственный источникъ жизни моей.

P. S. Относительно векселей твоихъ, я могу ихъ отдать тебѣ съ надписью и надодранные, или еще лучше: просить тебя о заплатѣ по онымъ Пульхерьѣ Яковлевнѣ, по первому браку Шиповской, урожденной Борецкой; но какъ въ завѣщаніи упомянуто

будетъ обо всемъ, что̀ послѣ меня останется, то и не вижу нужды дѣлать особой по сему сдѣлки.

Наконецъ, нельзя ли мнѣ представить на твое распоряженіе все, что̀ послѣ меня останется, сказавъ сими словами: отдаю все нажитое мною имущество, какъ то:.... и пр. Новороссійскому генералъ-губернатору и пр. такому-то, предоставляя ему полное право послѣ смерти моей распорядиться онымъ по собственному его усмотрѣнію? Прости, мой другъ, если я теперь пишу недѣльно. Тяжело, истинно тяжело!

Копія письма Бенкендорфа.

„Искреннѣйше желая содѣйствовать къ утѣшенію в. в. п. по семейственнымъ вашимъ обстоятельствамъ, которыя вы изволили ввѣрить мнѣ для доклада Государю Императору, изложилъ я оныя въ докладной моей запискѣ и представилъ на высочайшее разрѣшеніе слѣдующее средство къ успокоенію остальныхъ дней вашихъ и ознаменованной заслугами жизни вашей.

Поелику существующими законами дозволяется каждому располагать пріобрѣтеннымъ имѣніемъ, то и предоставить в. в. п. завѣщать оное и. совѣтницѣ г-жѣ Шиповской, не называя ея впрочемъ вашею супругою (куда какъ утѣшительно! Что же она у меня на содержаніи? Если такъ, то и сего позволить не должно. Благодарю за милость. Я въ публичномъ актѣ долженъ ее обезчестить и только что не назвать наложницею!) и явить духовную въ Дрезденской миссіи. А для лишенія законныхъ вашихъ наслѣдниковъ права къ оспариванію сей духовной удостоится она высочайшаго утвержденія. На сіе Е. И. В. изволилъ изъявить согласіе свое“.

Вотъ какая резолюція! Я, стоя на краю гроба, безчещу жену мою, которую самъ же я вовлекъ въ погибель, увѣря ее и мужа ея въ полученіи разводнаго акта. Я же повлеку ее за собою во гробъ: а бѣдныхъ сиротъ наслѣдники мои, опираясь на законы, оберутъ до рубашки. Ожидаю отвѣта на второе письмо къ Бенкендорфу, коимъ прошу утвержденія брака, основываясь на томъ, что уже минуло десять лѣтъ, а просьбъ не было и быть не можетъ, о чемъ можно и выправиться. Если же и второй отвѣтъ будетъ подобенъ первому, тогда прибѣгну къ тебѣ. Дѣлай, какъ тебѣ угодно: я тебѣ и наслѣдникамъ твоимъ вѣрю.

114.

Дрезденъ, 5 Марта 1829.

Какъ досадно, любезнѣйшій другъ, что болѣзнь моя не позволяетъ мнѣ пристально заняться однимъ для Южнаго края нашего полезнѣйшимъ дѣломъ, а именно способомъ сушить хлѣбъ въ зернѣ и въ мукѣ. Въ Сѣверной Россіи, какъ тебѣ извѣстно самому, сушатъ хлѣбъ на овинахъ немолоченный, т.-е. болѣе коптятъ нежели сушатъ, и оттого, какъ утверждаютъ здѣшніе химики, одни зерна высыхаютъ болѣе нежели другія, улетаютъ масляныя и соляныя частицы, составляющія главнѣйшія питательныя вещества. Сіе послѣднее сказывалъ мнѣ не химикъ, но присланный отъ Чернышова коммиссіонеръ Нѣмецъ Линденеръ, отрасль знаменитаго Линденера, временщика императора Павла I-го. Линденеръ говоритъ, что здѣшній Нѣмецкій хлѣбъ гораздо вкуснѣе и питательнѣе Русскаго, чего однакоже мой Русскій вкусъ совсѣмъ не находитъ: да и быть сего не можетъ, потому что я здѣшняго солдатскаго хлѣба пробовалъ, а мука, употребляемая хлѣбниками, сему химическому процессу не подвергается. Мука, какъ и вездѣ кромѣ Россіи, хранится въ бочкахъ, герметически закупоренныхъ, слѣдовательно ни воздуху, ни перемѣнѣ температуры, производящей сырость и потомъ гніеніе, равнымъ образомъ ни мышеядѣнію, не подвергается.

Здѣсь множество Русскихъ, не только пріѣхавшихъ на время, но поселившихся на постоянныя жилища. Нельзя ли прислать сюда братьевъ Желтухиныхъ? Они бы здѣсь научились, какъ съ людьми обходиться. Здѣсь также немало людей, которые оставили своихъ господъ, испытали свободную жизнь и просятся опять въ неволю. Таковыхъ было у меня трое.

Новый главнокомандующій *) вѣроятно уже прибылъ въ главную квартиру, и кампанія скоро начнется. Отсюда вызванъ Кайсаровъ въ Петербургъ, для назначенія службы, соотвѣтствующей его званію: такъ сказано въ бумагѣ г. Дибича.

Дибичъ и Толь; между ими, кажется, никогда гармоніи не было; впрочемъ, въ дѣлѣ общественномъ, государственномъ, патріотовъ все сравниваетъ. Я самъ испыталъ подобную участь: было тяжело, но оттерпѣлся.

P. S. Я никакъ не ожидалъ, чтобы съ займомъ было столько хлопотъ. Государь пожаловалъ мнѣ 1,200 р. на пять лѣтъ безъ процентовъ. Начинается тѣмъ, что при выдачѣ сей суммы вычитаютъ по 5-ти процентовъ, потомъ требуютъ ежегодной уплаты капитала въ Херсонскую Казенную Палату, потомъ вѣроятно начнется браковка червонныхъ и т. д.

---

*) Т. е. Дибичъ, заступившій Витгенштейна. П. Б.

115.

Дрезденъ, отъ 21 Марта ст. ст. 1829.

Послѣднее письмо твое, любезный другъ, крайне меня успокоило. Нельзя лучше выдумать средства къ составленію духовной, могущей отвратить недоумѣнія и споры въ наслѣдствѣ послѣ меня.

Тебѣ, любезнѣйшій другъ, извѣстно, что все, послѣ меня оставшееся, желаю я отдать женѣ моей. Но какъ же быть съ домомъ и людьми, коихъ купила она на свое имя, какъ генеральша Сабанѣева?

Самый законъ утверждаетъ бракъ мой съ нею: 11 лѣтъ отъ прежняго мужа никакой жалобы, ни иску объявлено не было, и сверхъ того есть отъ него актъ, коимъ отказывается онъ отъ сожитія съ нею и ей предлагаетъ просить развода и вступить во второй бракъ. Я полагаю, что на основаніи закона и Синодъ въ разводѣ отказать не долженъ. Наконецъ, еслибы сего было недостаточно, то за всѣмъ тѣмъ не лишаюсь я однакожъ права отдать благопріобрѣтенное мое имущество кому хочу, хотя бы и такой женщинѣ, которая была бы со мною даже не обвѣнчана. Можно, неоспоримо, запретить ей называться генеральшей Сабанѣевой; но не думаю, чтобы безпристрастный судъ могъ уничтожить духовную.

116.

Прикажи написать какую тебѣ угодно сдѣлку, лишь бы жена моя наслѣдовала послѣ меня все, что вручаю я истинному другу моему.

Духовное завѣщаніе при семъ посылаю. Министръ криво толкуетъ и мыслитъ, что никакого болѣе свидѣтельства послѣ его подписи не нужно; впрочемъ совѣтникъ мнѣ сказалъ, что какъ духовная, такъ и росписка у посольскихъ дѣлъ записаны.

117.

Дрезденъ, Апрѣля 1829.

Жена моя не можетъ довольно нахвалиться попеченіями твоими о семейственныхъ дѣлахъ нашихъ, любезнѣйшій другъ. Не могу быть нечувствителенъ за всѣ дружескія одолженія твои, хотя всегда былъ въ томъ совершенно увѣренъ; но, повѣрь чести стараго солдата, не могъ читать безъ слёзъ письма ея.

По газетамъ, особенно Messager des Chambres, который стоитъ за насъ горою, мы уже за Дунаемъ. Впрочемъ, c'est un exrait des journaux allemands.

Здѣсь всѣ обасурманились, начиная съ нашего министра, который не имѣетъ при миссіи ни церкви,

ни священника. Люблю послѣдовать обычаю моихъ предковъ (христіанъ, но не Татаръ) и крайне о томъ сожалѣю.

Кумани молодецъ. Я думаю, что сей Кумани есть сынъ того контръ-адмирала Кумани, котораго я зналъ во времена Екатерины и который, будучи адмираломъ, былъ безграмотной, но, говорятъ, также былъ молодецъ, наперсникъ Ламбро-Качіони. Что̀ для меня темно, можетъ быть для другихъ весьма ясно. Не понимаю, отчего Грецію ограничиваютъ такими тѣсными предѣлами. Вѣрно мой Зотовъ, живущій, какъ я слышалъ, у тебя на Южномъ берегу въ Юрзуфѣ, интригуетъ.

118.

Дрезденъ, 21 Апрѣля (3 Мая) 1829.

Вчерась было великолѣпное погребеніе министра нашего при здѣшнемъ дворѣ Ханыкова. Не болѣе двухъ мѣсяцевъ былъ я съ нимъ на похоронахъ княгини Трубецкой. Онъ умеръ безъ болѣзни, но единственно отъ истощенія жизненныхъ силъ; по смерти тѣло его было вскрыто, но всѣ части найдены совершенно здоровыми. Говорятъ, жилъ, не щадя жизни и потому далѣе 75 лѣтъ не дотянулъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы нашъ добрѣйшій Булгаковъ заступилъ мѣсто Ханыкова.

На дняхъ ожидаю хозяйки моей.

119.

Дрезденъ, 26 Іюня 1829.

Кому несчастіе, тому и самые искуснѣйшіе доктора не помогутъ.

Крейсигъ до того меня изготовилъ къ водамъ, что я послѣ четырехдневнаго ихъ употребленія началъ пухнуть. У меня распухли ноги и брюхо, и я едва движусь.

Живу въ Дрезденѣ въ ожиданіи конца плачевной моей жизни.

Бенкендорфъ пишетъ, что духовная моя поднесена на утвержденіе Государя: но, безъ особаго старанія, когда онъ ее подпишетъ? Сдѣлай дружбу, напиши Бенкендорфу.

Успокой меня при дверяхъ гроба, яви духовную. Библіотеку мою, послѣ меня остающуюся, возьми себѣ, исключая нѣсколькихъ учебныхъ книгъ для дочери.

Письмо вдовы Сабанѣева Пульхеріи Яковлевны.

Дрезденъ, 27 Августа 1829.

Уже другъ мой болѣе не страдаетъ, а покоится на лонѣ небесномъ 25 Августа въ 8 часовъ утра я осиротѣла на вѣки, осталась съ растерзаннымъ сердцемъ томиться и оплакивать вѣчно потерю невозвратную. Не въ силахъ описывать подробно вамъ, графъ благодѣтель мой, мученія, въ коихъ находился покойный мужъ мой послѣдніе два мѣсяца; а скажу только, что водяная и спазмы ежедневныя, коими и жизнь прекратилась, и при вскрытіи тѣла нашли въ желчномъ пузырѣ 50 камней величины необыкновенной; одинъ изъ нихъ въ голубиное яйцо, который заперъ каналъ желчи, а за нимъ были всѣ прочіе камни въ пузырѣ. Вотъ причина его четырехлѣтняго страданія и смерти, а не нарывъ и не завалы въ печени, какъ Крейсигъ предполагалъ.

Я здѣсь дѣлаю послѣдній долгъ мой по силамъ моимъ и по возможности. Сегодня тѣло покойнаго друга моего будетъ положено въ свинцовый гробъ, отнесено будетъ съ приличнымъ церемоніаломъ отпѣтой панихидой и поставлено будетъ въ католической церкви съ разрѣшенія Государя везти тѣло въ Одессу, гдѣ уже прошу васъ, графъ благодѣтель мой, сдѣлать окончательное погребеніе на счетъ мой.

Я же чувствую себя очень разстроенною въ моемъ здоровьи и боюсь остаться здѣсь долго, чтобы не осиротить бѣдной дочери моей. Ежели поправлюсь въ силахъ, то намѣрена выѣхать недѣли черезъ двѣ въ Одессу. А отправленное тѣло изъ Дрездена въ Одессу, когда получится разрѣшеніе, поручаю Барклаю-де-Толли, который занимаетъ мѣсто нашего посланника въ здѣшнемъ посольствѣ, и человѣка своего оставляю, который будетъ ѣхать съ тѣломъ. Мнѣ же прошу покорнѣйше, графъ, прикажите выслать подорожную въ Радзивиловскую таможню, ибо я не имѣю на возвратный путь подорожной; а безъ оной мнѣ лошадей въ Россіи не дадутъ.

Остаюсь, подкрѣпляя себя надеждою въ сиротствѣ моемъ на Бога и васъ, графъ благодѣтель мой.

предаииая душой и благодарная вѣчно

П. Сабанѣева.

УКАЗАТЕЛЬ
ЛИЧНЫХЪ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ
ВЪ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОЙ КНИГѢ
„АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА".

XVIII. Письма князя Кочубея, Татищева и Новосильцова.

XIX. Переписка съ Чичаговымъ и Грейгами.

XX. Переписка съ графомъ Морковымъ, Тамарою, Италинскимъ, барономъ Гриммомъ, Лизакевичемъ и Смирновымъ.

XXI. Подлинныя автобіографическія записки княгини Е. Р. Дашковой. *Со снимками.*

XXII. Переписка графовъ Воронцовыхъ съ баронами Николаи.

XXIII. Письма Н. М. Лонгинова къ гр. С. Р. Воронцову.

XXIV. Бумаги разнаго содержанія.

XXV. Тоже. (Историческіе документы, сохраненные гр. Воронцовыми).

XXVI. Тоже. (Графы Завадовскій и Н. И. Панинъ.—Переписка Лосса).

XXVII. Тоже. (Графы Орловы, Румянцовы, князь Кастельчикала).

XXVIII. Тоже. (Письма царскія).

XXIX. Тоже. (Письма иностранцевъ)

XXX. Тоже. (Письма доктора Рожерсона).

XXXI. Тоже. (Переписка графа Александра Романовича съ отцомъ, дядеюканцлеромъ и братомъ).

XXXII. Письма графа Д. П. Бутурлина, Н. А Львова и др.

XXXIII. Бумаги временъ Елисаветы Петровны.

XXXIV. Бумаги и письма XVIII вѣка.

XXXV. Переписка князя Воронцова съ графомъ А. X. Бенкендорфомъ.

XXXVI. Письма А. П. Ермолова.

XXXVII. Автобіографія князя М. С. Воронцова. — Письма къ нему барона Николаи, графа Закревскаго, графа Каподистріи и др.

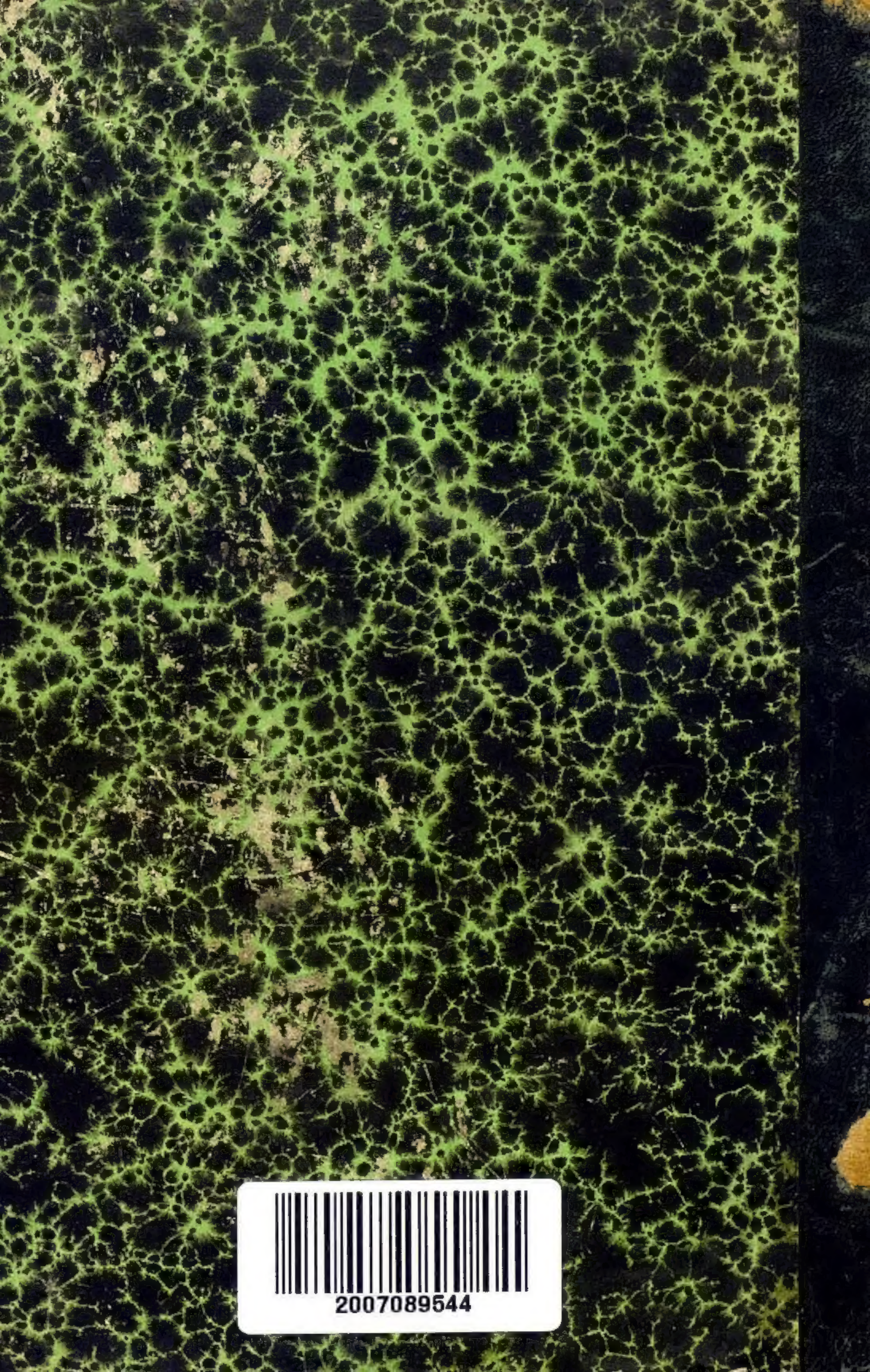
XXXVIII. Переписка съ графами Киселевымъ и Уваровымъ, съ С. В. Сафоновымъ и другими лицами.

Складъ первыхъ 26 книгъ въ С.-Петербургѣ на Мойкѣ въ домѣ свѣтлѣйшей княгини Воронцовой; послѣднихъ 13 книгъ въ С.-Петербургѣ на Моховой, въ домѣ свѣтлѣйшаго князя Воронцова-графа Шувалова. Цѣна первымъ семи книгамъ и книгѣ 24-й — по **два** рубля, остальнымъ по **три** рубля съ пересылкою.

ЦѢНА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОЙ КНИГѢ

ТРИ РУБЛЯ.

(С.-Петербургъ, Моховая, домъ князя Воронцова-графа Шувалова).

2007089544